РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№№ 7 и 8. -12

ІЮЛЬ и АВГУСТЪ 1892 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1892.

Книги 7-я и 8-я, Іюль и Августъ 1892 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№№ 7 и 8.

ІЮЛЬ и АВГУСТЪ 1892 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1892.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 іюня 1892 года.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

По вопросу о томъ: распространяется-ли предоставляемая п. 3 ст. 63 устава о воинской повинности льгота и на учителей пѣнія въ низшихъ училищахъ.

Представленіемъ отъ 14-го февраля сего года, управленіе округа просило разъясненія Министерства по вопросу о томъ, распространяется-ли предоставляемая п. 3 ст. 63 устава о воинской повинности льгота и на учителей пѣнія въ городскихъ, приходскихъ и другихъ низшихъ училищахъ.

Вслѣдствіе сего г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 22-го марта сего года за № 5.317, изъяснилъ, что какъ въ городскихъ училищахъ, такъ и въ другихъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ особыхъ учителей пѣнія не полагается, а преподаваніе сего предмета, по общему порядку, возлагается на лицъ, преподающихъ и другіе предметы.

Въ виду сего и принимая притомъ во вниманіе, что въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ учебныхъ заведеній пѣніе не входитъ вовсе въ число обязательныхъ предметовъ преподаванія, его сіятельство полагаетъ, что лица, которымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ видѣ исключенія, поручается преподаваніе одного лишь пѣнія, не могутъ быть подведены подъ п. 3 ст. 63 устава о воинской повинности, а потому и не могутъ пользоваться льготой, этимъ пунктомъ установленной.

О семъ для руководства объявляется по округу (Цирк. по С.-Петерб. Учебн. Округу, 1892 г. № 5, Май).

Циркуляръ Министра Народнаго Просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ (6-го іюня 1892 г., № 10387).

Въ видахъ упрощенія существующаго порядка допущенія къ употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ новыхъ изданій книгъ, уже одобренныхъ для сего учебнымъ вѣдомствомъ въ прежнихъ изданіяхъ, я, по соглашенію съ г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, призналъ цѣлесообразнымъ установить слѣдующія правила:

1) Новыя изданія книгъ, дозволенныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣ-

щенія къ употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ сего Министерства, могутъ быть употребляемы въ этихъ заведеніяхъ безъ особаго на то разрѣшенія Министерства, если означенныя изданія составляютъ дословную перепечатку съ изданій дозволенныхъ.

2) Авторы и издатели упомянутаго рода книгъ обязываются: а) при выпускѣ въ свѣтъ новаго изданія данной книги дѣлать на оберточномъ и заглавномъ листѣ ея такое заглавіе: «изданіе такое-то, перепечатанное безъ перемѣны съ такого-то изданія, допущеннаго (одобреннаго или рекомендованнаго) Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія», и б) одинъ экземпляръ новаго изданія съ такимъ заявленіемъ представлять въ Ученый Комитетъ названнаго Министерства, и

3) Въ «Сельскомъ Вѣстникѣ» печатаются объявленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія объ одобренныхъ имъ книгахъ.

Объ изложенномъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, для надлежащаго руководства по учебному округу, присовокупляя, что, за симъ, при печатаніи новаго изданія книги съ измѣненіями противъ одобреннаго изданія, авторамъ и издателямъ воспрещается ссылаться на одобреніе этой книги въ прежнихъ изданіяхъ. («Прав. В.»).

Правила для приготовляющихся въ учителя спеціальныхъ предметовъ и руководителей практическихъ занятій въ среднихъ и низшихъ техническихъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (24-го апрѣля 1892 года).

(Утверждены г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія).

1) На должности учителей спеціальныхъ предметовъ въ среднія и низшія техническія училища опредѣляются лица изъ окончившихъ курсъ по соотвѣтственной спеціальности въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеніи Имперіи. На должности руководителей практическихъ занятій въ тѣ-же училища, кромѣ вышеозначенныхъ лицъ, могутъ быть опредѣляемы также лица изъ окончившихъ курсъ не ниже средняго техническаго училища. И тѣ и другія лица должны быть изъ русскихъ подданныхъ и должны, предварительно опредѣленія на указанныя выше должности, получить необходимую практическую подготовку въ теченіе времени отъ одного до двухъ лѣтъ.

2) Лица для приготовленія къ преподавательской и учительской должностямъ избираются Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія или по собственному усмотрѣнію, или по рекомендаціи педагогическихъ совѣтовъ и учебныхъ комитетовъ соотвѣтственныхъ учебныхъ заведеній.

3) Педагогическіе совѣты и учебные комитеты, при рекомендаціи ими лицъ для приготовленія къ преподавательской должности, представляютъ обстоятельную характеристику каждаго изъ нихъ, каковыя характеристики представляются директорами подлежащихъ учебныхъ заведеній въ Министерство Народнаго Просвѣщенія не позже 1-го іюля каждаго года. Сверхъ того, представляются нижеслѣдующіе документы и удостовѣренія:

а) аттестаты отъ среднихъ учебныхъ заведеній или засвидѣтельствованныя съ нихъ копіи; б) экзаменныя отмѣтки, полученныя ими въ высшемъ учебномъ заведеніи; в) удостовѣреніе о вполнѣ достаточномъ знаніи ими нѣмецкаго или французскаго языковъ, а по возможности и того и другаго вмѣстѣ; г) удостовѣренія о безупречной и надежной ихъ нравственности отъ инспекціи и ближайше знающихъ ихъ профессоровъ; д) самостоятельные труды, буде таковые имѣются.

4) Если кандидатами являются лица, окончившія курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и по окончаніи курса служившія на фабрикахъ и заводахъ или преподавателями въ учебныхъ заведеніяхъ, то означенныя лица могутъ непосредственно обращаться въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ просьбами о зачисленіи ихъ кандидатами на должности преподавателей и руководителей въ среднихъ и низшихъ техническихъ училищахъ. При этомъ они должны представить слѣдующіе документы: а) аттестаты объ окончаніи ими курса въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; б) экзаменныя отмѣтки, полученныя въ высшемъ учебномъ заведеніи; в) свидѣтельства съ фабрикъ, заводовъ или отъ начальства учебныхъ заведеній, въ коихъ они служили, какъ о ихъ службѣ, такъ и о ихъ поведеніи.

5) По поступленіи означенныхъ въ §§ 3 и 4 сихъ правилъ документовъ и разсмотрѣніи ихъ въ отдѣленіи ученаго комитета по техническому и профессіональному образованію, назначается Министромъ Народнаго Просвѣщенія извѣстное число лицъ для практическаго подготовленія ихъ въ преподаватели спеціальныхъ предметовъ и въ руководители практическими занятіями для среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ.

6) Избранныя для приготовленія въ преподаватели спеціальныхъ предметовъ и въ руководители практическихъ занятій въ среднихъ и низшихъ техническихъ училищахъ лица причисляются къ Министерству Народнаго Просвѣщенія и получаютъ изъ суммъ для сего назначенныхъ по финансовой смѣтѣ Министерства: командированныя въ предѣлахъ Имперіи по 1.000 р. кредитныхъ въ годъ, а при командировкѣ за границу по 1.000 р. металлическихъ въ годъ. Кромѣ того, командированныя для практическихъ занятій лица получаютъ еще средства, необходимыя для разъѣздовъ на указанные имъ заводы и фабрики.

7) Лица, избранныя для приготовленія въ преподаватели и руководители, буде не имѣли еще случая надлежащимъ образомъ упражняться въ работахъ на фабрикахъ и заводахъ по производствамъ, соотвѣтственнымъ ихъ спеціальности и въ особенности предстоящей имъ дѣятельности, командируются предварительно для таковыхъ работъ на фабрики и заводы и вообще въ соотвѣтственныя промышленныя заведенія въ предѣлахъ Имперіи, на время отъ одного до двухъ лѣтъ. Для ознакомленія-же лицъ, опредѣленныхъ на преподавательскія или руководительскія должности въ среднія или низшія техническія училища, съ пріемами преподаванія соотвѣтственныхъ предметовъ въ лучшихъ изъ заграничныхъ среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ, съ результатами, достигаемыми симъ преподаваніемъ, и вообще со всѣмъ строемъ сихъ училищъ и ходомъ въ нихъ учебнаго дѣла, а также и для изученія указанныхъ имъ въ инструкціи отраслей промышленности, Министерство Народнаго Просвѣщенія

командируетъ такихъ лицъ за границу въ учебныя заведенія соотвѣтствующихъ типовъ.

8) Практическія занятія подготовляющихся къ соотвѣтствующимъ преподавательскимъ и руководительскимъ должностямъ ведутся согласно общимъ инструкціямъ, составленнымъ по спеціальности промышленнаго училища, и прилагаемымъ при семъ правиламъ. Въ инструкціяхъ этихъ указываются тѣ отрасли промышленности, по которымъ должны практически подготовляться кандидаты, равно какъ и тѣ, которыя они должны внимательно осмотрѣть во всѣхъ подробностяхъ. Кромѣ того, въ инструкціяхъ указывается характеръ отчетности по занятіямъ командированныхъ лицъ. Въ случаѣ надобности, Министерства, какъ Народнаго Просвѣщенія, такъ и въ особенности Финансовъ, а равно и другія вѣдомства, принимаютъ зависящія отъ нихъ мѣры для поощренія владѣльцевъ и директоровъ промышленныхъ заведеній къ таковому содѣйствію видамъ высшаго учебнаго начальства и соглашенію съ мѣстными его представителями и дѣятелями по части высшаго спеціальнаго и профессіональнаго образованія. Относительно посѣщенія и изученія заграничныхъ учебныхъ или промышленныхъ заведеній лицами, командируемыми съ сею цѣлью Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, равнымъ образомъ, устанавливается предварительное соглашеніе по возможности съ ближайшими ихъ начальствами; въ случаѣ-же надобности употребляются при посредствѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сношенія съ подлежащими иностранными вѣдомствами.

9) Кромѣ общей инструкціи, каждый командируемый получаетъ въ руководство для своихъ занятій еще особую инструкцію, составляемую, на основаніи общей инструкціи, примѣнительно къ потребностямъ каждаго училища, для коего командируемое лицо ближайше предназначается.

10) Командируемое лицо представляетъ отчеты о своихъ занятіяхъ въ тѣ сроки и въ то учрежденіе, какъ это будетъ обозначено въ данной ему инструкціи.

11) Командируемое лицо обязывается прослужить по назначенію Министерства Народнаго Просвѣщенія въ промышленныхъ училищахъ два года за каждый годъ полученія содержанія.

12) Командируемыя лица обязаны подчиняться всѣмъ правиламъ, установленнымъ на тѣхъ фабрикахъ и заводахъ, на которыхъ они будутъ заниматься, а также тѣмъ условіямъ, на которыхъ они будутъ приняты владѣльцами фабрикъ и заводовъ.

13) Въ случаѣ неисполненія обязанностей, указываемыхъ въ инструкціяхъ, командируемыя лица лишаются выдаваемаго имъ Министерствомъ содержанія (Журн. Мин. Нар. Просв. 1892 г., іюнь).

Объ удостоеніи наградами учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній, переводимыхъ безъ экзамена.

По возникшему вопросу о томъ, могутъ-ли быть удостоиваемы наградъ тѣ ученики среднихъ учебныхъ заведеній, которые переводятся въ слѣдующіе классы безъ экзамена, считаю нужнымъ разъяснить слѣдующее:

Педагогическимъ совѣтамъ предоставлено право переводить въ высшіе классы тѣхъ учениковъ, которые могутъ съ успѣхомъ продолжать ученіе по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса. При этомъ совѣты принимаютъ во вниманіе всѣ имѣющіяся у нихъ данныя относительно учениковъ. Если совѣтъ постановляетъ, что такіе-то ученики удостоиваются перевода въ слѣдующіе классы безъ испытанія, то онъ можетъ въ томъже засѣданіи постановить, что отличнѣйшіе ученики, удовлетворяющіе условіямъ, указаннымъ въ § 38 правилъ 12-го марта 1891 года, и въ § 35 правилъ объ испытаніяхъ въ реальныхъ училищахъ, удостоиваются сверхъ того награды 1-й или 2-й степени. Основаніемъ для такого рѣшенія должны служить годовыя отмѣтки ученика и всѣ данныя объ его успѣхахъ и поведеніи.

Къ сказанному нахожу не лишнимъ присовокупить, что переводъ въ старшіе классы безъ особаго испытанія есть педагогическая мѣра, имѣющая въ виду выдѣлить и поощрить учениковъ, работавшихъ постоянно въ теченіе года и доказавшихъ тѣмъ способность къ умственной и нравственной дисциплинѣ. Поэтому въ вопросѣ о переводѣ учениковъ не можетъ быть рѣчи о какомъ-бы то ни было желаніи ихъ самихъ или ихъ родителей, не согласномъ съ постановленіемъ педагогическаго совѣта.

О семъ для свѣдѣнія и руководства объявляется по округу (Ц. Спб. Уч. Окр. 1892, № 5, май).

О разъясненіи нѣкоторыхъ недоразумѣній, возникающихъ касательно порядка подчиненія и устройства лютеранскихъ церковныхъ школъ.

Въ представленіи отъ 10-го февраля сего года, я просилъ Министерство о разъясненіи нѣкоторыхъ недоразумѣній, возникающихъ касательно порядка подчиненія и устройства лютеранскихъ церковныхъ школъ, переданныхъ въ вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія на основаніи Высочайшаго повелѣнія 22-го ноября 1890 г., въ виду того, что въ этомъ Высочайшемъ повелѣніи не указано опредѣлительно, къ какимъ изъ существующихъ типовъ начальныхъ училищъ должны быть приравнены означенныя школы.

Вслѣдствіе сего г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 18-го марта сего года, за № 5.145, увѣдомилъ, что:

1) Къ упомянутымъ школамъ должны-бы быть примѣнены тѣ уставы или положенія о низшихъ училищахъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, кои, по мнѣнію училищнаго начальства, наиболѣе соотвѣтствуютъ цѣлямъ и учебнымъ программамъ этихъ школъ. Посему, для разрѣшенія сего вопроса, его сіятельство проситъ сообщить ему полный списокъ лютеранскихъ школъ, принятыхъ въ вѣдѣніе округа, согласно Высочайшему повелѣнію 22-го ноября 1890 г., съ присовокупленіемъ заключенія относительно того, какой изъ вышеозначенныхъ уставовъ или положеній полагалось-бы примѣнить къ каждой школѣ.

2) Съ разрѣшеніемъ сего вопроса самъ собою разрѣшится вопросъ о томъ, какія изъ названныхъ школъ должны состоять въ вѣдѣніи училищ-

ныхъ совѣтовъ и какія въ непосредственномъ подчиненіи директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ.

3) Впредь до разрѣшенія таковыхъ вопросовъ статсъ-секретарь И. Д. Деляновъ признаетъ необходимымъ установить, чтобы: а) въ помянутыхъ школахъ не только была преподаваема русская грамота, но преподаваніе въ нихъ всѣхъ предметовъ, кромѣ Закона Божія, происходило на русскомъ языкѣ. При этомъ, буде существующіе учителя сихъ школъ затруднятся преподавать въ нихъ по русски, то для введенія таковаго преподаванія можетъ быть установленъ извѣстный срокъ, о продолжительности коего предложивъ представить надлежащія соображенія; б) вновь опредѣляемые въ школы учителя свѣтскихъ предметовъ имѣли установленныя свидѣтельства на званіе учителей начальныхъ училищъ; в) допущеніе учителей къ преподаванію и устраненіе ихъ отъ онаго принадлежало инспекторамъ, а утвержденіе въ должностяхъ и окончательное увольненіе отъ нихъ директорамъ народныхъ училищъ; г) школы были посѣщаемы чинами инспекціи наравнѣ съ прочими начальными училищами и отчеты о сихъ посѣщеніяхъ обычнымъ порядкомъ представляемы въ Министерство.

Къ сему г. Министръ присовокупилъ, что допущеніе кистеровъ къ преподаванію, вмѣсто пасторовъ, Закона Божія должно принадлежать усмотрѣнію подлежащаго духовнаго начальства, по соглашенію въ каждомъ данномъ случаѣ съ мѣстнымъ инспекторомъ народныхъ училищъ, и что въ школахъ, гдѣ дѣти обучаются пѣнію, русскій гимнъ долженъ быть исполняемъ на русскомъ языкѣ.

О семъ для свѣдѣнія объявляется по округу (Ib.).

Пятнадцатое присужденіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія.

Для соисканія премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, Ученымъ Комитетомъ, съ разрѣшенія его сіятельства г. Министра Народнаго Просвѣщенія, назначена была, по разряду гимназій, на 1892 годъ группа: «языки нѣмецкій и французскій съ преимущественнымъ правомъ на премію систематической грамматики нѣмецкаго языка». Къ сроку, опредѣленному положеніемъ объ означенныхъ преміяхъ, въ Ученый Комитетъ представлено *девятнадцать* сочиненій; въ этомъ числѣ: по нѣмецкому языку 10 печатныхъ и 4 рукописныхъ и по французскому языку 1 печатное и 4 въ рукописяхъ. Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій образованы при Ученомъ Комитетѣ двѣ особыя коммиссіи, предсѣдателями которыхъ назначены члены Ученаго Комитета Ф. Ф. Гельбке и В. С. Игнатовичъ. Въ члены коммиссіи по нѣмецкому языку избраны: учитель с.-петербургской 3-й гимназіи Ф. Ф. Мазингъ и преподаватель пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса Эрн. Іос. Цейдлеръ; въ члены коммиссіи по французскому языку—учителя с.-петербургскихъ гимназій: 6-й—И. О. Бастэнъ и 7-й—М. М. Мозеръ и изъявившій желаніе участвовать въ трудахъ этой коммиссіи членъ Ученаго Комитета И. П. Хрущовъ.

Коммиссіи, разсмотрѣвъ всѣ переданныя имъ конкурсныя сочиненія, пришли къ заключенію, что два изъ этихъ сочиненій заслуживаютъ преміи, именно: по нѣмецкому языку—«Нѣмецкій синтаксисъ» *А. Еше* и по французскому языку — «Этимологическій французско-русскій словарь *П. Таккелля*.

Синтаксисъ нѣмецкаго языка былъ уже ранѣе разсмотрѣнъ Ученымъ Комитетомъ и рекомендованъ имъ, какъ учебное руководство для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Коммиссія, соглашаясь съ отзывомъ, напечатаннымъ въ апрѣльской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1888 г., признала этотъ трудъ заслуживающимъ особаго вниманія, какъ сочиненіе самостоятельное и весьма богатое содержаніемъ, отличающееся еще тѣмъ, что синтаксисъ нѣмецкаго языка разсматривается весьма удачно съ точки зрѣнія русскаго языка, хотя коммиссія не могла не замѣтить и нѣкоторыхъ частныхъ недостатковъ, а также и неполной приспособленности этого учебника къ курсу большинства нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Что касается до этимологическаго французско-русскаго словаря, то разсматривавшая оный коммиссія признала за нимъ «громадность труда, кропотливость и продолжительность работы, а равно крупныя его достоинства, полезность въ учебномъ отношеніи и добросовѣстность исполненія. Появленіе въ нашей учебной литературѣ такого труда весьма желательно, такъ какъ у насъ еще нѣтъ ничего въ этомъ родѣ; но при изданіи словаря слѣдовало-бы составителю, для своей и общей пользы, обратить надлежащее вниманіе на сдѣланныя въ подробномъ отчетѣ объ его трудѣ общія и частныя указанія нѣкоторыхъ недостатковъ и тщательно провѣрить его по тѣмъ источникамъ, которыми авторъ не пользовался при своей работѣ».

Ученый Комитетъ, по выслушаніи и обсужденіи представленныхъ коммиссіями подробныхъ рецензій о разсмотрѣнныхъ сочиненіяхъ съ общими о нихъ заключеніями, опредѣлилъ:

1) Преподавателю Московской 2-й гимназіи *А. Еше* за «Нѣмецкій синтаксисъ. Москва. 1887 г.»—присудить малую премію Императора Петра Великаго (въ 500 рублей).

2) Преподавателю французскаго языка въ Олонецкой гимназіи *П. Таккелля* за «Dictionnaire étymologique français-russe, renfermant, dans un ordre graduel, tous les mots de la langue française, analysés et groupés auprès de leurs mots racines, par Paul Tacchella» (рукопись)—присудить большую премію (въ 2.000 руб.).

3) Въ вознагражденіе трудовъ предсѣдателей особыхъ коммиссій Ф. Ф. Гельбке и В. С. Игнатовича и членовъ: Ф. Ф. Мазинга, Эрн. Іос. Цейдлера, И. О. Бастэна, М. М. Мозера и И. П. Хрущова, по разсмотрѣнію означенныхъ сочиненій, выдать имъ учрежденныя на этотъ предметъ золотыя медали.

Заключеніе Ученаго Комитета утверждено его сіятельствомъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія (Журн. Мин. Нар. Просв. 1892 г., іюнь).

Объявленіе отъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Для сочиненій на соисканіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, Ученымъ Комитетомъ, съ разрѣшенія его сіятельства г. Министра Народнаго Просвѣщенія, назначенъ по разряду гимназій слѣдующій порядокъ:

На премію 1893 года — группа «русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесностью и логика»; сюда присоединяется педагогика съ дидактикою и методикою примѣнительно къ гимназіямъ, съ предпочтительнымъ правомъ на премію по логикѣ.

На премію 1894 года—группа «исторія и географія, всеобщая и русская», съ предпочтительнымъ правомъ на премію книги для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ примѣнительно къ потребностямъ русской школы (славяне и Византія).

Сочиненія для соисканіи премій должны быть представлены въ Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ теченіе года, предшествующаго назначенію премій, но не позже 1-го ноября.

Учебныя руководства и пособія принимаются для соисканія премій какъ печатныя, такъ и въ рукописяхъ, но послѣднія будутъ подвергаемы разсмотрѣнію лишь въ такомъ случаѣ, если онѣ окажутся написанными опрятно и разборчиво.

Сочиненія рукописныя, а также и печатныя, но безъ означенія имени автора, посылаются подъ какимъ-либо девизомъ, съ приложеніемъ къ рукописи пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣстожительство (Ib.).

Опредѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіями Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ Министра, постановлено:

— Книгу: «Исторія русской словесности. Составилъ *И. Порфирьевъ*. Часть II. Новый періодъ, отдѣлъ третій (Литература въ царствованіе Александра I-го). Казань. 1891 г., стр. 251+II. Цѣна съ пересылкою 1 р. 20 к.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства народнаго просвѣщенія и внести въ каталогъ ихъ библіотекъ наравнѣ съ прежними, одобренными Ученымъ Комитетомъ частями и отдѣлами.

— Изданіе: „Русская классная библіотека, издаваемая подъ редакціею *А. Н. Чудинова*. Пособіе при изученіи русской литературы. Выпускъ V. Баллады *В. А. Жуковскаго*. (Полное собраніе балладъ, съ примѣчаніями; объяснительныя статьи). Изданіе И. Глазунова. Спб. 1892 г., стр. 295. Цѣна 65 к. — Выпускъ VII. *Фонъ-Визинъ*. (Избранныя сочиненія: Недоросль, Бригадиръ, Чистосердечныя признанія, Объяснительныя статьи). Спб. 1892 г., стр. 158»—одобрить для классныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній для средняго и старшаго возрастовъ.

— Книгу: «Матеріалы для біографіи Гоголя. *В. И. Шенрока.* Томъ I. Москва. Стр. 385. Цѣна 2 р.»—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Начальная агебра. Составилъ *Г. Сомовъ*, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ и заслуженный ординарный профес. С.-Петербургскаго университета. Изданіе 6-е, подъ редакціею *И. Сомова*, профессора Варшавскаго университета, съ дополнительными статьями, содержащими курсъ дополнительнаго класса реальныхъ училищъ, согласно новымъ программамъ. Спб., стр. VII+358. Цѣна 1 р. 50 к.»—одобрить въ качествѣ весьма полезнаго руководства при прохожденіи алгебры въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библіотеки.

— Книгу: «*Л. Жэ.* Задачи по физикѣ. Переводъ съ французскаго Н. И. Мамонтова. Москва. 1892 г., стр. VIII + 271. Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 25 к.»—рекомендовать какъ учебное пособіе при преподаваніи физики въ реальныхъ и техническихъ училищахъ и для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библіотеки мужскихъ гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

— Книгу: «Электромагнитъ и электромагнитные механизмы. *Сильвануса П. Томпсона.* Переведено съ англійскаго *М. А. Шателеномъ.* Издано подъ редакціею *А. И. Смирнова.* Съ 204 фигурами въ текстѣ. Спб. 1892 г., стр. 419+XI. Цѣна 4 р.»—рекомендовать для основныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ реальныхъ училищъ и мужскихъ гимназій, а также для библіотекъ учительскихъ институтовъ.

— Литографированныя репетиціонныя карты Азіи, Африки, С. Америки, Ю. Америки и Австраліи, составленныя *А. Соколовымъ*, преподавателемъ Императорскаго историко-филологическаго института»—одобрить какъ пособіе при преподаваніи географіи въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ, въ реальныхъ училищахъ и въ учительскихъ институтахъ.

— Изданіе: «Кіевская Старина». Ежемѣсячный историческій журналъ. Январь—декабрь 1891 года. 12 книжекъ — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Русскіе путешественники-изслѣдователи. Путешествія Н. М. Пржевальскаго въ восточной и центральной Азіи. Обработаны по подлиннымъ его сочиненіямъ *М. А. Лялиной.* Съ предисловіемъ профессора *Э. Ю. Петри.* Спб., стр. 326»—одобрить для ученическихъ библіотекъ средняго и старшаго возрастовъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и учительскихъ институтовъ.

— Книгу: «Простѣйшіе и общедоступные способы изслѣдованія и оцѣнки доброкачественности съѣстныхъ припасовъ, напитковъ, воздуха, воды, жилищъ и проч. доктора медицицы *Смоленскаго.* Съ 60 рисунками въ текстѣ. Второе, значительно дополненное изданіе. Спб., стр. 248. Цѣна 1 р. 50 к.»—рекомендовать для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, старшаго возраста, а также для учительскихъ институтовъ и педагогическихъ курсовъ.

— Книгу: «Мать и дитя. *В. Н. Жукъ.* Гигіена въ общедоступномъ изложеніи. Четвертое, вновь обработанное и дополненное изданіе. 225 рисунковъ. Спб. 1891 г., стр. 810. Цѣна 3 р.»—рекомендовать для фун-

даментальныхъ библіотекъ среднихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Древнерусская книжная и народная словесность. Хрестоматія съ примѣчаніями къ тексту и предисловіемъ о древнерусскомъ языкѣ. Составилъ *И. Бѣлоруссовъ*, согласно учебнымъ планамъ и объяснительной запискѣ, утвержденнымъ 20-го іюля 1890 г. Орелъ. 1892 г., стр. X+128. Цѣна 90 к.»—допустить въ классныя библіотеки гимназій.

— Книгу: «*А. Кэги*. Сборникъ упражненій къ греческой этимологіи, приспособленный къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ *И. Страховымъ*, преподавателемъ лицея Цесаревича Николая. Часть первая. Склоненіе именъ и спряженіе правильныхъ глаголовъ на *εο*. Москва. 1892 г., стр. 143. Цѣна 80 к.»—одобрить какъ учебное пособіе по греческому языку для гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книжку: «Одиссея *Гомера*. Пѣснь X. Объяснилъ *С. Радецкій*, преподаватель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и Московской 4-й гимназіи. Москва. 1892 г., стр. 66. Цѣна 30 к.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія по греческому языку для гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Аналитическая геометрія трехъ измѣреній. Профессора Дублинскаго университета *Сальмона*. Съ французскаго перевода, подъ редакціей *В. Г. Алексѣева*. Москва. 1891 г. Ст. II+285+X. Цѣна 3 р.» — рекомендовать въ фундаментальныя библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Начальныя основанія астрономіи и математической географіи. Составилъ *К. Шарнгорстъ*, ординарный профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Спб. 1891 г., стр. VIII+421. Цѣна 2 р.»—рекомендовать въ фундаментальныя и ученическія, для старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: «Этнографическое обозрѣніе. Періодическое изданіе Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при московскомъ университетѣ, подъ редакціею *Н. А. Янчука*. Годы 1889—1891»—рекомендовать въ фундаментальныя библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.

— Книгу: «Учебникъ минералогіи и физической геологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Н. Кричагинъ*. Съ 222 рисунками Спб. 1892»—одобрить какъ весьма полезное руководство для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается минералогія.

— Изданіе: «Методика обученія письму (каллиграфія и скоропись), съ приложеніемъ образцовъ для обученія, въ пяти частяхъ. Составилъ преподаватель чистописанія Императорскаго Николаевскаго сиротскаго института и другихъ учебныхъ заведеній *Ѳ. В. Грековъ*. Изд. 2-е. Москва. 1891 г., стр. 127: книгу подъ заглавіемъ: «Методика обученія письму» рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ, а «Образцы для обученія письму» допустить какъ учебное пособіе для учебныхъ заведеній.

— Классныя тетради для записыванія уроковъ подъ заглавіемъ: «Спутникъ школъ. Составилъ *Э. Трапени*. Кишиневъ. 1892: 1) тетрадь для мужскихъ гимназій и прогимназій; 2) тетрадь для реальныхъ и техническихъ училищъ; 3) тетрадь для женскихъ гимназій и прогимназій, и 4)

тетрадь для уѣздныхъ и городскихъ училищъ. Годъ V. Цѣна каждой тетради 15 к.»—допустить къ употребленію въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, для которыхъ онѣ предназначаются.

— Книгу: «Русская хрестоматія. Составилъ *Галаховъ.* Изданіе 22-е, безъ перемѣнъ. Въ двухъ томахъ. Спб., стр. III+397 и XII+552»—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій.

— Книгу: «Коммерческая ариѳметика. Составилъ *Л. Ѳ. Беркевичъ*, бывшій профессоръ университета и преподаватель коммерческой ариѳметики въ Одесскомъ коммерческомъ училищѣ. Цѣна 3 р. Спб. 1892 г.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ коммерческихъ, реальныхъ и техническихъ училищъ.

— Книгу: «Методика рисованія. Вторая ступень (рисованіе плоскихъ фигуръ и тѣлесныхъ предметовъ въ перспективныхъ сокращеніяхъ). Руководство для учителей среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. Выпускъ первый, съ 7 таблицами чертежей. Составилъ *А. К. Гортовъ*, преподаватель реальнаго училища. Казань. 1890. Цѣна 1 р.»—одобрить для учительскихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ коихъ преподается рисованіе съ натуры.

— Книгу: «Химическіе реактивы, ихъ приготовленіе, свойства, испытаніе и употребленіе. Справочная книга для химиковъ, технологовъ, студентовъ и фармацевтовъ. Составилъ инженеръ-технологъ *А. И. Коренблитъ*, химикъ московскаго товарищества сахаро - рафинаднаго завода. Москва. 1890 г., 224 стр. Цѣна 1 р. 50 к.»—одобрить для библіотекъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается аналитическая химія.

— Его сіятельство г. Министръ Народнаго Просвѣщенія изволилъ приказать «книгу профессора военно-юридической академіи полковника *А. А. Мушникова* подъ заглавіемъ: Русскіе государственные и гражданскіе законы и свѣдѣнія изъ международнаго права. Курсъ законовѣдѣнія для младшаго класса военныхъ училищъ. Спб. 1891 г., стр. IV+202+XXII. Цѣна 1 р. 75 к.»—рекомендовать для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній старшаго возраста (Ib.).

Опредѣленія особаго отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіями особаго отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Министромъ, постановлено:

— Книгу: «*Ѳ. Ѳ. Пуцыковичъ.* Краткій курсъ русской грамматики (этимологія и синтаксисъ) для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и частныхъ приготовительныхъ училищъ, для 1-го и 2-го класса городскихъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ. Правила и пись-

менныя грамматическія упражненія. Изд. 2-е. Спб. 1892 г. Въ 8 д. л., 127 стр. Цѣна 35 к.» — допустить къ употребленію въ приготовительныхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ городскихъ училищахъ и сельскихъ двухклассныхъ.

— Книгу: «Сократъ, какъ педагогъ. (Очеркъ по исторіи педагогики). *А. В. Ждановъ*. Харьковъ. 1892 г. Въ 8 д. л., 42 стр. Цѣна 30 к.»— одобрить для учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ и ученическихъ библіотекъ учительскихъ семинарій и институтовъ.

— Книги *Л. Н. Модзалевскаго*: 1) «Историческое значеніе христіанства для воспитанія. (Отрывокъ изъ «Исторіи воспитанія и обученія»). Спб. 1892 г. Въ 8 д. л., 61 стр. Цѣна 40 к.» и 2) «Амосъ Коменскій, основатель новой педагогики. (По поводу 300-лѣтія со дня его рожденія, отрывокъ изъ «Исторіи воспитанія и обученія»). Спб. 1892. Въ 8 д. л., 21 стр. Цѣна 20 к.»—одобрить для учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ и ученическихъ библіотекъ учительскихъ семинарій и институтовъ.

— Издаваемый въ С.-Петербургѣ Алексѣемъ Альмедингеномъ журналъ «*Читальня народной школы*» за 1891 годъ. Цѣна 3 руб. съ пересылкою—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Изданные Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ разсказы: 1) «Бородинская битва, *Е. Тихомирова*. М. 1891 г. Въ 12 д. л., 47 стр. Цѣна 10 коп.» и 2) «Совѣсть осудила, *Адамова*. М. 1891 г. Въ 12 д. л., 18 стр. Цѣна 5 коп.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданія Общества распространенія полезныхъ книгъ: 1) «Преподобный Сергій и Троицко-Сергіева лавра. *М. В. Архангельской*. М. 1891 г. Въ 12 д. л., 32 стр. Цѣна 5 коп.» и 2) «Христофоръ Колумбъ. Изд. 2-е. М. 1891 г. Въ 12 д. л., 64 стр. Цѣна 10 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданія того-же Общества: 1) «Куликовская битва. *Е. Тихомирова*. М. 1891 г. Въ 12 д. л., 48 стр. Цѣна 10 коп.», 2) «Мининъ и Пожарскій, или освобожденіе Москвы отъ поляковъ въ 1612 году. *Е. Тихомирова*. М. 1890 г. Въ 12 д. л., 102 стр. Цѣна 20 коп.», 3) «Полтавскій бой. *Е. Тихомирова*. М. 1891 г. Въ 12 д. л., 48 стр. Цѣна 10 к.», 4) «Петръ Великій, преобразователь Россіи. Изд. 5-е. М. 1892 г. Въ 12 д. л., 32 стр. Цѣна 5 коп.», 5) «Наша отечественная война 1812 г. *А. Архангельской*. М. 1891 г Въ 12 д. л., 46 стр. Цѣна 10 коп.», 6) «Давидъ Ливингстонъ. Изд. 2-е. М. 1891 г. Въ 12 д. л., 68 стр. Цѣна 10 коп.», 7) «Робертъ Фультонъ, изобрѣтатель пароходовъ. Изд. 2-е. М. 1892 г. Въ 12 д. л., 32 стр. Цѣна 10 коп.», 8) «Георгъ Стифенсонъ, изобрѣтатель паровозовъ. Изд. 2-е. М. 1892 г. Въ 12 д. л., 56 стр. Цѣна 10 коп.», 9) «Разсказы ученикамъ начальныхъ народныхъ училищъ. I. Училище и семья. II. Товарищи. *Н. П. Поливанова*. Изд. 3-е. М. 1891 г. Въ 12 д. л., 16 стр. Цѣна 5 коп.», 10) «Разсказы изъ русскаго быта: Старый дворецкій. Няня. Юродивый Гриша. Изд. 4-е. М. 1892 г. Въ 12 д. л., 32 стр. Цѣна 5 коп.» и 11) «*Лабуле*. Петрушка, сказка съ картинками. Изд. 3-е. М. 1892 г. Въ 12 д. л., 32 стр. Цѣна 5 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: «Разсказы изъ русскаго быта. Русскія народныя росказни. Писаны *Иваномъ Ваненко*. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Изд. 5-е. М. 1892 г. Въ 12 д. л., 34 стр. Цѣна 5 коп.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ (Ib.).

Приказы по военно-учебному вѣдомству.

Марта 11-го дня, *№ 56*. Военный совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній объ опредѣленіи размѣра платы за интерновъ-стипендіатовъ въ кадетскихъ корпусахъ на трехлѣтіе, съ 1-го августа 1892 г. по 1-е августа 1895 г., журналомъ, состоявшимся 13-го минувшаго февраля, положилъ: на предстоящее трехлѣтіе, съ 1-го августа 1892 г. по 1-е августа 1895 г., плату за содержаніе въ интернатѣ кадетскихъ корпусовъ кадетъ-стипендіатовъ частныхъ лицъ и учрежденій опредѣлить въ существующемъ нынѣ размѣрѣ, т. е. по 450 руб. въ годъ.

Объявляю объ этомъ для свѣдѣнія и должнаго, до кого касается, исполненія. («Педагог. Сборн.» 1892 г. № 6).

Марта 16-го дня, *№ 62*. Военный совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній объ установленіи размѣра платы за экстерновъ кадетскихъ корпусовъ на трехлѣтіе съ 1-го августа 1892 года по 1-е августа 1895 г., журналомъ, состоявшимся 13-го минувшаго февраля, положилъ: 1) плату за экстерновъ, поступающихъ въ кадетскіе корпуса на собственный счетъ, опредѣлить на трехлѣтіе, начиная съ 1892—1893 учебнаго года, въ слѣдующихъ размѣрахъ: для Николаевскаго корпуса—200 руб., для 1-го, 2-го, Александровскаго и всѣхъ московскихъ—60 руб., для Орловскаго-Бахтина, Петровскаго-Полтавскаго и Владимірскаго-Кіевскаго—50 руб., для Михайловскаго-Воронежскаго и обоихъ Оренбургскихъ корпусовъ—45 руб., а для всѣхъ прочихъ корпусовъ—40 р. и 2) существующую нынѣ плату за экстерновъ, поступающихъ въ кадетскіе корпуса на стипендіи, положеніями о которыхъ предусмотрѣно измѣненіе платы, оставить на предстоящее трехлѣтіе безъ измѣненія для 1-го, Симбирскаго и Сибирскаго кадетскихъ корпусовъ, а для 1-го Московскаго корпуса увеличить на 10 руб.

Объявляю объ этомъ по военному вѣдомству для свѣдѣнія и должнаго, до кого касается, исполненія (Ib.).

Проектъ измѣненія и дополненія нѣкоторыхъ статей XV и VIII к. св. в. пост. 1869 года (Ib.).

Существующее изложеніе.	*Предполагаемое измѣненіе.*
КН. VIII.	КН. VIII.
Раздѣлъ II, глава IV отдѣленіе первое.	**Раздѣлъ II, глава IV отдѣленіе первое.**
III. Пенсіи и пособія по особымъ положеніямъ.	*III. Пенсіи и пособія по особымъ положеніямъ.*
а) **По военно-учебнымъ заведеніямъ.**	а) **По военно-учебнымъ заведеніямъ.**
259. При переходѣ изъ военной и гражданской службы, или изъ учебной службы другихъ вѣдомствъ, гдѣ на выслугу пенсии назначены иные сроки, въ учебно-воспитательную службу военно-учебныхъ заведеній, лѣта прежней службы переходящихъ лицъ прибавляются къ службѣ учебно-воспитательной по разсчету, основанному на сравненіи сроковъ, положенныхъ въ обоихъ вѣдомствахъ къ полученію полныхъ пенсій.	259. При переходѣ изъ военной и гражданской службы, или изъ учебной службы другихъ вѣдомствъ, гдѣ на выслугу пенсіи назначены иные сроки, въ учебно-воспитательную службу военно-учебныхъ заведеній, лѣта прежней службы переходящихъ лицъ прибавляются къ службѣ учебно-воспитательной по разсчету, основанному на сравненіи сроковъ, положенныхъ въ обоихъ вѣдомствахъ къ полученію полныхъ пенсій, *но право на зачетъ неучебной службы въ учебную предоставляется только тѣмъ лицамъ, которыя прослужили въ учебной должности не менѣе 3-хъ лѣтъ.*

Отъ бюро всероссійской гигіенической выставки 1893 г.

Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, русское Общество охраненія народнаго здравія, состоящее подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Александровича, устраиваетъ въ С.-Петербургѣ, весною 1893 года, первую всероссійскую гигіеническую выставку.

Выставка подраздѣляется на слѣдующія секціи:

1) Секція біологическая. (Завѣдыв.: академикъ *В. В. Пашутинъ* и проф. *Ѳ. И. Пастернацкій*).

2) Санитарная и медицинская статистика, эпидеміологія и медицинская географія. (Завѣдыв.: проф. *Ю. Э. Янсонъ* и пр.-доцентъ *А. А Линскій*).

3) Гигіена населенныхъ мѣстъ, общественныхъ, частныхъ зданій и промышленныхъ заведеній; гигіена питанія; гигіена одежды; поддержаніе

чистоты и дезинфекція; больничное дѣло и прочія профилактическія мѣры. (Завѣдыв.: д-ръ *М. Н. Шмелевъ* и архитекторъ графъ *П. Ю. Сюзоръ*).

4) Гигіена воспитанія и образованія. (Завѣдыв.: д-ръ *А. С. Виреніусъ* и проф. *М. М. Стасюлевичъ*).

5) Секція геологическая, климатологическая и бальнеологическая. (Завѣдыв. проф. *Е. В. Павловъ* и пр.-доцентъ *С. А. Поповъ*).

Каждая секція раздѣляется на спеціальные отдѣлы, имѣющіе своихъ завѣдывающихъ (*Инженеръ-технологъ М. И. Алтуховъ, проф. В. К. фонъ-Анрепъ, проф. М. И. Афанасьевъ, проф. А. Ѳ. Баталинъ, д-ръ Н. Н. Брусянинъ, проф. Н. Е. Введенскій, членъ-управляющій дѣлами техническаго комитета Л. А. Верховцевъ, проф. А. А. Веденяпинъ, д-ръ А. С. Виреніусъ, проф. А. И. Воейковъ, проф. А. П. Діанинъ, проф. Н. Г. Егоровъ, академикъ Ѳ. Н. Заварыкинъ, проф. А. А. Иностранцевъ, д-ръ Ю. Д. Карѣевъ, д-ръ С. Э. Крупинъ, главный фабричный инспекторъ Я. Т. Михайловскій, проф. Э. Ю. Петри, пр.-доцентъ М. Д. ванъ-Путеренъ, пр.-доцентъ С. А. Поповъ, директоръ медицинскаго департамента М. В. Д. д-ръ Л. Ѳ. Рагозинъ, д-ръ П. О. Смоленскій, проф. А. И. Таренецкій, академикъ Ю. К. Траппъ, д-ръ И. М. Тарновскій, пр.-доцентъ Н. В. Усковъ*).

Доводя объ этомъ до всеобщаго свѣдѣнія, бюро выставки приглашаетъ желающихъ участвовать въ выставкѣ прислать предварительное заявленіе не позже 1-го сентября 1892 года, какъ о предназначаемыхъ для выставки предметахъ, такъ и о числѣ квадратныхъ аршинъ площади, которые они желаютъ занять.

Въ случаѣ отказа со стороны бюро въ предварительномъ разрѣшеніи допустить тѣ или другіе экспонаты на выставку бюро не обязано давать никакихъ объясненій о причинѣ непринятія. Экспонентамъ, получившимъ разрѣшеніе, отводится помѣщеніе на все время выставки съ платою отъ 3 до 10 р. за каждый квадратный аршинъ занимаемой площади по полу (по землѣ), по стѣнѣ—вдвое дешевле. Части аршина считаются за цѣлый аршинъ. Деньги, причитающіяся съ экспонентовъ за мѣста, должны доставляться на имя бюро одновременно съ выставляемыми предметами. Экспоненты принимаютъ на себя расходы по установкѣ на выставкѣ экспонатовъ и приведенію ихъ въ дѣйствіе, а равнымъ образомъ страхованіе ихъ отъ огня. При выставкѣ имѣются особые коммиссіонеры, коимъ за установленную бюро плату могутъ поручены экспонентами за ихъ счетъ: пріемка, установка и обратная отправка выставляемыхъ предметовъ.

Особыми коммиссіями будетъ произведена экспертиза выставленнымъ предметамъ, при чемъ найденные того достойными будутъ награждены медалями и почетными отзывами. О произведеніяхъ или частяхъ оныхъ, предназначаемыхъ экспонентами для соисканія наградъ, должно быть своевременно заявлено.

Продажа экспонатовъ допускается по соглашенію съ бюро выставки; съ каждаго проданнаго предмета удерживается въ пользу выставки 10% съ обозначенной первоначально на экспонатѣ цѣны. Предметы, имѣющіеся въ нѣсколькихъ экземплярахъ, могутъ быть взяты съ выставки тотчасъ же по продажѣ; имѣющіеся же въ одномъ — лишь по окончаніи выставки.

Раздача экспонентами карточекъ, адресовъ, прейсъ-курантовъ, брошюръ и т. д. допускается только подъ условіемъ предварительнаго представленія таковыхъ въ бюро, для разсмотрѣнія и разрѣшенія ихъ раздачи.

Обществомъ охраненія народнаго здравія исходатайствованъ обратный безплатный провозъ по желѣзнымъ дорогамъ Россіи непроданныхъ на выставкѣ предметовъ къ мѣсту ихъ первоначальнаго отправленія, а равно и обратный безплатный проѣздъ экспонентовъ, при слѣдованіи въ 3-мъ классѣ.

Ученымъ обществамъ и учрежденіямъ, а равно и лицамъ, желающимъ выставить чисто научные предметы, не предполагаемые къ продажѣ, мѣста отводятся безплатно и, кромѣ того, со стороны бюро выставки будетъ оказано возможное содѣйствіе относительно установки выставляемыхъ предметовъ. Съ своей стороны, бюро выставки приметъ всѣ зависящія отъ него мѣры для охраненія экспонатовъ, но не отвѣчаетъ ни за порчу, ни за пропажу ихъ.

Программы выставки и бланкъ заявленія для экспонентовъ высылаются безплатно.

Адресъ: Бюро всероссійской гигіенической выставки 1893 г. С.-Петербургъ, Дмитровскій пер., д. 15.

Идеалы нравственнаго воспитанія въ царствованіе Екатерины II.

(Продолженіе).

III.

Воспитаніе разсматривается Бецкимъ съ четырехъ сторонъ: а) физической, б) физико-моральной, в) собственно моральной и г) дидактической или со стороны обученія.

Физическому воспитанію онъ придаетъ такое-же значеніе, какъ и его западные образцы—Монтэнь и Локкъ. «Но,—замѣчаетъ Бецкій,—хотя сія часть и укрѣпляетъ здоровье, безъ котораго человѣкъ не можетъ быть ни къ чему способенъ, однако безъ моральной оное будетъ только питаніе или вскормленіе, а не воспитаніе. Прежде нежели дойдемъ до объясненія одной душевной морали, надлежитъ сказать, что съ оною физика должна быть тѣсно связана и одна другой помогать. То еще немного, что человѣкъ здоровъ, если привыкъ къ лѣни и бездѣйствію. Какая польза въ жизни его, когда онъ наклоненъ всегда къ покою, къ нѣгѣ? и достоинъ-ли жить, сдѣлавшись лѣнивцемъ, тунеядцемъ, не находящимъ въ себѣ самомъ никакихъ способовъ, и потому старающимся жить насчетъ другихъ, что производитъ всѣ пороки, нетерпимые ни въ какомъ обществѣ» *).

Эта мысль—праздность мать всѣхъ пороковъ, а трудолюбіе отецъ добродѣтелей—положена въ основаніе физико-моральной части: «трудами по мѣрѣ силъ своихъ и непрестаннымъ тѣлодвиженіемъ отгоняя лѣность, уныніе, грусть, сихъ предшественниковъ дурныхъ нравовъ», воспитанникъ долженъ сохранять силу, бодрость и веселое расположеніе духа—необходимыя условія здоровья и «доброты сердца». Поэтому нужно пріучать дѣтей къ ремесламъ, «ко всѣмъ домашнимъ и хозяйственнымъ, какого-бы онѣ званія ни были, работамъ» **). И

---

*) Собраніе учрежденій и предписаній касательно воспитанія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества. Спб. 1789, т. I, стр. VIII.

**) Тамъ-же, стр. IX.

дѣйствительно, не только питомцы воспитательнаго дома или «мѣщанскія дѣвицы» пріучаются къ физическому труду, но и «благородныя» смольнянки принимаютъ участіе «во всѣхъ частяхъ экономіи» [1]). При обученіи дѣтей этимъ занятіямъ, нужно сообразоваться съ ихъ лѣтами, силами и способностями и стараться о томъ, чтобы они «находили въ томъ удовольствіе, ибо все то отвратительно, что отягощаетъ» [2]).

Дѣтямъ не слѣдуетъ много спать и лежать, за-то во всякое свободное время, несмотря ни на какую погоду, они должны бѣгать и играть «на вольномъ воздухѣ» [3]). Въ уставѣ кадетскаго корпуса приводятся слова Монтэня о томъ, что игры и тѣлесныя движенія составляютъ существенную часть воспитанія, и его совѣтъ пріучать дѣтей къ поту, холоду, вѣтру, солнечному зною и «ко всѣмъ приключеніямъ, которыхъ ему опасаться не надобно» [4]). Воспитатели обязаны постоянно быть при дѣтяхъ, но не должны вмѣшиваться въ ихъ игры и «предводительствовать ихъ», потому что для дѣтей несносно какое-бы то ни было принужденіе. Воспитанниковъ «печальнаго сложенія», т.-е. меланхолическаго темперамента, избѣгающихъ товарищескихъ игръ, нужно ласково уговаривать принимать участіе въ общихъ забавахъ и удовольствіяхъ и «соединять ихъ съ рѣзвыми и игривыми» [5]). Съ тою-же цѣлью — поддержать въ питомцахъ веселость и бодрость, рекомендуются концерты, «драматическія и пасторальныя игры», въ которыхъ-бы они являлись исполнителями [6]).

«Быть можетъ,—говорится въ заключеніе физико-моральной части въ «предварительномъ объясненіи»,—что оное, не вникающее въ существо воспитанія, покажется нестоющимъ о томъ и говорить; однако, на дѣлѣ явными опытами доказано, что не только укрѣпляетъ здоровье, умножаетъ силу, пріучаетъ къ трудолюбію, къ снесенію безъ вреда и безъ чувствительности всякія жестокости погодъ, питаетъ бодрость и веселость духа, отгоняетъ всякія между дѣтьми отъ праздности злоумышленія и коварства, но и соединеніемъ ихъ въ забавахъ преклоняетъ къ чувствамъ дружества, рождаетъ проворство, ловкость и по замысламъ въ играхъ открываетъ ихъ природныя способности, о чемъ

---

[1]) П. С. З. т. XVI, стр. 355 и 744.

[2]) Собраніе учрежденій и предписаній, т. I, стр. IX.

[3]) Тамъ-же, стр. X.

[4]) П. С. З. т. XVII, стр. 980. См. соотвѣтствующую ссылку на авторитетъ Локка въ «физическихъ примѣчаніяхъ». П. С. З. т. XVII, стр. 1058.

[5]) П. С. З. т. XVI, стр. 753, 952.

[6]) Тамъ-же, стр. 751. Ср. переписку Екатерины II съ Вольтеромъ. Изд. В. В. Чуйко, 1882, стр. 168 и др.

знать необходимо воспитателямъ, дабы предвидѣть, къ чему употребить должно» *).

Особенное вниманіе Бецкій обращаетъ на третью часть воспитанія—на «*душевную*», «*чистую мораль или нравоученіе*». Это не обычная, *школьная* мораль, «по которой люди, не исправляясь, выученное наизусть такъ добродѣтельно говорятъ и такъ порочно поступаютъ». Зная, что «не все то до сердца доходитъ, что разумъ понимаетъ», говоритъ, что въ новыхъ школахъ «должно быть нравоученію самому естественному, а именно *удалять отъ слуха и зрѣнія* то, что хотя тѣнь порока имѣетъ. На сіе-то надлежитъ устремить весь свой разумъ, какъ на самое труднѣйшее и важнѣйшее дѣло, для составленія истиннаго благонравія, ибо безъ сего *всѣ наставленія* никуда не годятся». На естественно представляющееся возраженіе: «какимъ-же образомъ предостеречься отъ зла, его не зная, и можно-ли гнушаться порокомъ, когда неизвѣстно, что онъ такое?» — Бецкій отвѣчаетъ сравненіемъ нравственной красоты съ красотою природы: «Сей вопросъ,—говоритъ онъ,— подобенъ тому, что если-бы человѣкъ безпрестанно наслаждался при солнечномъ сіяніи зрѣніемъ однѣхъ красотъ натуры, не видя ея безобразій, не ужаснулся-ли бы онъ, когда-бы вдругъ настала мрачная и ненастная ночь? Конечно, болѣе, нежели тотъ, который уже привыкъ» **). Забывая, что comparaison n'est pas raison, и выпуская изъ вниманія, что его питомцы легко могутъ увидѣть сіяніе добра тамъ, гдѣ царствуетъ мрачная ночь порока, онъ дѣлаетъ ошибку, особенно вредно отозвавшуюся на всей его педагогической системѣ, постоянно игнорирующей знакомство воспитанниковъ съ различеніемъ добра отъ зла,— развитіе въ нихъ самостоятельнаго анализа человѣческихъ поступковъ и оцѣнки ихъ съ принципіальной стороны. Воспитывая «новое порожденіе», Бецкій скрываетъ отъ него недостатки предшественниковъ, и пороки послѣднихъ легко могли перейти къ его воспитанникамъ, неподготовленнымъ къ тому, чтобы замѣтить ихъ «безобразіе».

Такъ какъ «дитя есть самый искусный копистъ нашихъ поступковъ» ***), то, настаивая на удаленіи отъ своихъ питомцевъ развращающихъ примѣровъ, Бецкій, вслѣдъ за Локкомъ, главнымъ факторомъ нравственнаго воспитанія считаетъ хорошіе примѣры лицъ, которымъ ввѣренъ уходъ за дѣтьми. Пользуясь имитаціонной способностью дѣтей, воспитатели «должны вкоренять въ нихъ все то, что нужно для благо-

*) Стр. XI. Ср. *Локкъ*. Мысли о воспитаніи. Перев. Петра Вейнберга. Спб. 1890, стр. 54—55.

**) Собраніе учрежденій и предписаній, стр. XI—XIII.

***) П. С. З. т. XVII, стр. 975.

нравія», живыми примѣрами, которые дѣйствительнѣе всѣхъ наставленій *).

Примѣръ противополагается здѣсь «школьной», «словесной» морали, т.-е. сухому, отвлеченному резонерству, столь распространенному въ XVIII вѣкѣ и противъ котораго возставалъ Локкъ, а затѣмъ Руссо. Но Бецкій не отрицаетъ совершенно «наставленій», какъ педагогическаго средства. Такъ, онъ предписываетъ воспитателямъ «благоразумными разговорами вкоренять въ сердца» питомцевъ «всякое благонравіе»; а также признаетъ полезнымъ надъ всѣми дверями внутри и внѣ покоевъ воспитательнаго дома написать большими буквами сентенціи, въ родѣ слѣдующихъ: «не дѣлай другимъ того, чего себѣ не желаешь»; «не лги»; «не будь празденъ» и т. п.

Кромѣ того, онъ находитъ нужнымъ «сочиненіе, на обыкновенномъ нашемъ языкѣ, краткой нравоучительной книги». Существовавшія въ то время руководства этого рода и сочиненія классиковъ, напримѣръ, «De officicis» Цицерона, казались ему неудовлетворительными, главнымъ образомъ, потому, что написаны слишкомъ отвлеченно: въ нихъ излагаются только общія основанія морали, а не практическое примѣненіе ихъ къ жизни. Въ проектируемомъ имъ руководствѣ не должны имѣть мѣста «всѣ правила метафизическія, доказывающія должности наши, всѣ разсужденія философскія, по которымъ мы увѣрены, что добродѣтели и безъ всякаго воздаянія должны мы слѣдовать непремѣнно. Здѣсь *не теоретическія основанія*, но только то надобно просто и явственно представить, что *ощутительно*, и что дѣти разумѣть и исполнять могутъ во всю свою жизнь». Вмѣсто общихъ теоретическихъ основаній морали, Бецкій для своего практическаго, «сходственнаго съ опредѣленнымъ состояніемъ» нравоученія указываетъ частныя основанія, узко-утилитарную подкладку, непосредственные мотивы. Подобно тому, какъ земледѣлецъ сѣетъ въ такую погоду, которая, по его наблюденіямъ, наиболѣе благопріятна произростанію хлѣба, такъ и всѣ люди, не имѣющіе возможности предаваться философскимъ размышленіямъ, «признаютъ себѣ полезнымъ и вредительнымъ, ставятъ въ честность и въ порокъ то, что удается, соотвѣтствуетъ ихъ пользѣ, или что сему противно. Не размышляютъ больше и не сравниваютъ опытовъ одного съ другимъ». Такимъ эмпиризмомъ должна отличаться и нравоучительная книга, въ которой-бы «выгода быть добродѣтельнымъ была представлена очевидно и ощутительно» **).

---

*) Тамъ-же, стр. 981.

**) П. С. З. т. XVIII, стр. 315.

При всемъ томъ, живой примѣръ «всякой словесной морали дѣйствительнѣе», и потому отъ воспитателей требуется «доброе поведеніе», «честное житіе». Особливо-же надлежитъ имъ быть терпѣливыми, разсмотрительными, твердыми и правосудными, однимъ словомъ, таковыми, чтобы воспитывающееся юношество любило ихъ и почитало и во всемъ добрый отъ нихъ примѣръ получало» [1]). Этотъ идеалъ воспитателя дополняется другими чертами въ разныхъ уставахъ. Такъ, главнымъ надзирателемъ воспитательнаго дома долженъ быть человѣкъ «безъ предувѣреній (предразсудковъ), правду любящій, не своенравенъ, но человѣколюбивъ», «разумъ имѣющій, здравыя и достаточныя силы разсудка, сердце непорочное, мысли вольныя, нравъ къ раболѣпству непреклонный» и т. д. [2]).

Предъявляя такія требованія, Бецкій отлично сознавалъ всю трудность найти людей, отвѣчающихъ даже главнымъ изъ нихъ, особенно въ Россіи того времени. «Совершенное воспитаніе,—говоритъ онъ,—требуетъ столь драгоцѣнныхъ качествъ, что обрѣсть оныхъ въ одномъ человѣкѣ скоро не можно»; а потому нужно выбирать, по крайней мѣрѣ, такихъ, которые имѣютъ меньше недостатковъ [3]). При этомъ,—говорится въ планѣ воспитательнаго дома,—не нужно жалѣть средствъ на хорошихъ воспитателей: «людямъ превосходнымъ въ хорошихъ качествахъ» должно опредѣлить «превосходное количествомъ жалованье». Но это только въ первое время, а затѣмъ можно «изъ собственныхъ своихъ питомцевъ выбрать хорошихъ учителей, надежныхъ приставниковъ и служителей» [4]). Чтобы имѣть современемъ хорошихъ и притомъ не дорогихъ учителей и воспитателей для кадетскаго корпуса, было постановлено черезъ каждые три года принимать въ это заведеніе, вмѣстѣ съ дворянами, 14—15 мѣщанскихъ дѣтей [5]). Учительницъ и воспитательницъ для Смольнаго института предполагалось выбирать изъ воспитанницъ мѣщанскаго училища.

Будучи вполнѣ согласенъ съ Локкомъ относительно пріученія посредствомъ примѣра, какъ главнаго фактора нравственнаго воспитанія, Бецкій и другимъ педагогическимъ средствамъ — наградамъ и наказаніямъ—отводитъ такое-же мѣсто, какое они занимаютъ у англійскаго мыслителя, хотя въ частностяхъ дѣлаетъ нѣкоторыя отступленія отъ

---

[1]) П. С. З. т. XVI, стр. 670—671.

[2]) Тамъ-же, т. XVIII, стр. 298—299; ср. т. XVI, стр. 348—349, 353, 745—747 и др.

[3]) Тамъ-же, т. XVII, стр. 975; ср. т. XVIII, стр. 307, 312.

[4]) Тамъ-же, т. XVIII, стр. 293.

[5]) П. С. З. т. XIX, стр. 610—613.

своего образца. Послѣднія касаются, главнымъ образомъ, наказаній и объясняются духомъ времени, когда слагались педагогическія воззрѣнія Бецкаго. Традиціонная вѣра въ цѣлесообразность суровыхъ наказаній подверглась тогда сильному сомнѣнію. Монтескьё, напр., проводитъ въ «Esprit des lois» мысль, что жестокость наказаній ведетъ къ умноженію пороковъ, къ порчѣ нравовъ. «Строгость наказаній,— говоритъ онъ,—принадлежитъ болѣе деспотическому правленію, котораго начало есть страхъ, нежели монархіи и республикѣ, которыми движетъ честь и добродѣтель... Въ умѣренныхъ правленіяхъ любовь къ отечеству, стыдъ и боязнь порицанія суть такія средства, которыя останавливаютъ множество преступленій». Далѣе онъ приглашаетъ своихъ современниковъ слѣдовать природѣ, «ниспославшей *стыдъ вмѣсто бича*»: «важнѣйшимъ наказаніемъ пусть будетъ позоръ переносить стыдъ» *).

Такого-же въ сущности взгляда на наказаніе держался и Локкъ, т.-е. полагалъ все его значеніе въ возбуждаемомъ имъ чувствѣ стыда, но, уступая рутинѣ, онъ все-таки допустилъ тѣлесное наказаніе дѣтей, хотя и ограничилъ его примѣненіе самыми крайними случаями. Tempora mutantur: гуманныя воззрѣнія все болѣе и болѣе распространяются, и во второй половинѣ XVIII вѣка подобная уступка традиціи была-бы анахронизмомъ. И Бецкій, приступая къ трактату о наказаніяхъ, въ планѣ воспитательнаго дома, разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «Съ одной стороны, когда разсмотримъ всѣ *обыкновенія*, видимъ, что безъ употребительныхъ наказаній обойтися не можно. Но, съ другой стороны, когда разсуждаемъ о естествѣ человѣческомъ и животныхъ въ домахъ, и о самыхъ лютыхъ звѣряхъ, когда воспоминаемъ чудныя дѣйствія, которыя въ людяхъ и въ тѣхъ-же животныхъ воспитаніе производитъ, первое мнѣніе отвергается». Выясняя значеніе наказаній вообще, Бецкій приходитъ къ выводу, что всѣ они носятъ исключительно карательный характеръ: служатъ «не къ исправленію людей, но только къ воздаянію за погрѣшности». Слѣдовательно, при раціональномъ воспитаніи они излишни **).

Въ частности, Бецкій запрещаетъ тѣлесныя наказанія, какъ вредныя для здоровья дѣтей, ихъ природной живости, а также и для ихъ нравственности: «болѣзненное сіе наказаніе, производя ужасъ, заражаетъ чувствія; оно дѣлаетъ дѣтей мстительными, притворными,

---

*) *Монтескьё*, op. cit, стр. 148, 152. *Беккарія*, op. cit, стр. 79. Ср. «Наказъ» *Екатерины II*, Сочиненія, т. I, стр. 17—20; 53—54.

**) П. С. З. т. XVIII, стр. 320.

обманщиками, угрюмыми, нечувствительными и жестокими («они лишаются кротости въ нравахъ, которая есть мать человѣчеству»). И потому въ заведеніяхъ Бецкаго возводится въ неподвижный законъ: «никогда и ни за что не бить дѣтей» *). При этомъ интересно отношеніе Бецкаго къ ихъ упрямству, за которое Локкъ рекомендовалъ усиленное наказаніе розгами **). Собственно говоря, вопросъ объ упрямствѣ дѣтей для Бецкаго не существуетъ: не признавая врожденности порочныхъ наклонностей и будучи убѣжденъ, что правильное воспитаніе «предупредитъ» дурные поступки дѣтей, онъ не предполагалъ въ нихъ намѣреннаго упрямства. Но принимая во вниманіе, что воспитатели не всегда останутся на высотѣ своего призванія ***), онъ въ одномъ мѣстѣ и какъ-бы мимоходомъ даетъ предписаніе такого рода: если между воспитанницами мѣщанскаго училища, «особливо между взрослыми», найдутся такія, «что ихъ никакими увѣщаніями и благопристойными средствами къ должности ихъ привести будеть невозможно, таковыхъ отдавать по прежнему родителямъ ихъ, лиша всѣхъ казенныхъ награжденій». Само по себѣ, такое рѣшеніе труднаго вопроса, конечно, неудовлетворительно: воспитательное заведеніе, отказывающееся выполнить свою задачу, тѣмъ самымъ объявляетъ себя несостоятельнымъ; можно указать и на нѣкоторыя практическія неудобства отступленія предъ подобною трудностью, напр., какъ поступить съ упрямою воспитанницей, если у нея нѣтъ родителей или родственниковъ, желающихъ взять ее къ себѣ и т. п. Не раскрывая подробнѣе всей неудовлетворительности даннаго предписанія, тѣмъ болѣе, что оно носитъ совершенно случайный характеръ и не было надлежащимъ образомъ обдумано и поставлено въ связь съ принципіальной стороной педагогики Бецкаго, отмѣтимъ то обстоятельство, что и здѣсь Бецкій остался послѣдовательнымъ въ отрицаніи тѣлеснаго наказанія, а не увлекся примѣромъ Локка.

Видя исправительное значеніе всякаго наказанія въ возбуждаемомъ имъ чувствѣ стыда, въ сознаніи наказываемымъ своей виновности, онъ хочетъ управлять дѣтьми чрезъ развитіе въ нихъ любви къ репутаціи, чувства чести: «Только разумно управляемое воспитаніемъ чести желаніе, котораго сѣмена врождены въ сердцѣ каждаго человѣка, дастъ душѣ крылья, возносящія его до того степени, до котораго достигнуть можетъ. На семъ правилѣ благовоспитаннымъ, въ случаѣ

---

*) Тамъ-же, т. XVII, стр. 987; т. XVIII, стр. 320.

**) *Локкъ*, op. cit, стр. 76—77, 122.

***) Собраніе учрежденій и предписаній, т. I, стр. XVI.

ихъ проступковъ, *наказаніе однимъ выговоромъ или охужденіемъ* несравненно дѣйствительнѣе всякихъ свирѣпостей» [1]).

Бецкій старается ограничить случаи примѣненія наказаній и прежде всего запрещаетъ наказывать дѣтей за свойственную ихъ возрасту рѣзвость и шаловливость; если они во время игры «чѣмъ себя зашибутъ, или повредятъ, за то ихъ не только наказывать, но и бранить отнюдь не надлежитъ» [2]). Когда воспитатели считаютъ необходимымъ наказать провинившагося ребенка, они должны дѣлать это «не по страсти», «не въ минуту раздраженія, а съ крайнимъ благоразуміемъ», «ибо все сіе столь нѣжно и съ такими сопряжено слѣдствіями, что едва-ли можно, такъ сказать, употребить въ томъ точную и довольную осторожность» [3]).

Во избѣжаніе злоупотребленій со стороны воспитателей, Бецкимъ точно опредѣляются наказанія, которыя могутъ быть употребляемы во вновь учреждаемыхъ заведеніяхъ. Всѣ они разсчитаны на возбужденіе въ дѣтяхъ сознанія ихъ виновности; напримѣръ: выговоръ наединѣ, «публичный» выговоръ и т. п. При этомъ онъ выражаетъ желаніе, чтобы было написано специальное сочиненіе, въ которомъ-бы точно опредѣлялось соотвѣтствующее наказаніе за каждый проступокъ. Воспитатели должны были-бы знать его наизусть и прежде, чѣмъ наказывать провинившагося воспитанника, объяснить ему, какого наказанія онъ заслуживаетъ: тогда дѣти поймутъ, «что не по пустому воображенію, не по прихоти, и не по страсти, но праведно осуждаются отъ начальниковъ своихъ, и наказываются силою устава», а вмѣстѣ съ тѣмъ они будутъ «невидимо наставляться въ познаніи того, что праведно и неправедно; своимъ разумомъ уже достигнутъ, какая страсть хулы достойна» [4]).

Наказанія и награды, по мнѣнію Бецкаго, равно какъ и Локка, «наилучшіе суть способы, которыми всѣ человѣческія дѣла въ согласіе съ законами приводятся» [5]). И потому, рекомендуя «внушать» дѣтямъ «столько самолюбія, дабы не думая никогда, что уже совершенны, старались они часъ отъ часу лучше быть»,—онъ прибавляетъ: «сіе весьма удобно произвести поселеніемъ между ними соревнованія *чрезъ похвалы и награжденія*, свойственныя и безпристрастныя» [6]).

---

[1]) Собраніе учрежденій и предписаній, т. I, стр. XIV—XVI.

[2]) П. С. З. т. XVII, стр. 982—983.

[3]) Тамъ-же, т. XVI, стр. 748—749.

[4]) Тамъ-же, т. XVIII, стр. 321.

[5]) П. С. З. т. XVI, стр. 349. Ср. *Локкъ*, op. cit., стр. 46.

[6]) Собраніе учрежденій и предписаній, т. I, стр. XIV.

По уставу Общества благородныхъ дѣвицъ, начальница этого заведенія должна часто приглашать къ себѣ лучшихъ воспитанницъ и, «поступая съ ними ласково, стараться возбудить въ нихъ похвальную ревность и желаніе быть съ нею» *). Въ другомъ мѣстѣ того-же устава сказано, что достойныя воспитанницы получатъ награды, «какія ея императорское величество всемилостивѣйше опредѣлитъ и въ высочайшее свое присутствіе жаловать изволитъ» **). Мысль Локка о похвалѣ при свидѣтеляхъ нашла себѣ осуществленіе въ той помпёзности, съ которою раздавались шифры и другія награды на публичныхъ актахъ, «при собраніи особъ первенствующихъ чиновъ обоего пола» ***).

Но какъ ни увлекался Бецкій системою «награжденій», онъ не считалъ ее совершенно безопасною для нравственности питомцевъ. Не сознавая принципіальнаго зла отъ употребленія средствъ, разсчитанныхъ на развитіе самолюбія, отъ пріученія дѣтей руководиться въ своемъ поведеніи внѣшними мотивами, онъ опасался, однако, чтобы эта система не отразилась вредно на взаимныхъ отношеніяхъ воспитанниковъ. А потому, рекомендуя «похвалы и отличія», онъ дѣлаетъ оговорку: «только-бы сіи похвалы такъ производимы были, чтобы не возбуждали въ другихъ зависти, междоусобной ненависти, и чтобы, наконецъ, мщеніе не было плодомъ сихъ отличностей» ****). Можно думать, что эта оговорка явилась какъ слѣдствіе наблюденій Бецкаго надъ окружавшей его средой, гдѣ въ то время для полученія «награжденій», въ видѣ имѣній, чиновъ, орденовъ и т. п., пускались въ ходъ всевозможныя интриги. Во всякомъ случаѣ, она не была результатомъ серьезнаго анализа общераспространеннаго мнѣнія о наградахъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ ошибочность этого мнѣнія сдѣлалась-бы для него очевидною, а это значительно измѣнило-бы его педагогическую систему. Если-бы онъ глубже вникнулъ въ этотъ предметъ, то едва-ли-бы допустилъ въ своихъ заведеніяхъ награды—«какъ первые знаки отмѣнъ»—для юношей и дѣвицъ, готовившихся вступить въ общество людей «старато порожденія», старавшихся опередить другъ друга въ погонѣ за «награжденіями». Из-

---

*) П. С. З., т. XVI, стр. 745, 749.

**) Тамъ-же, стр. 752. Воспитанникамъ кадетскаго корпуса постановлено было раздавать золотыя медали, «чтобы къ пользѣ соревнованіе сдѣлать въ юношествѣ общимъ». Тамъ-же, т. XVII, стр. 679.

***) Тамъ-же, т. XVI, стр. 970. См. разсказъ свидѣтеля перваго выпуска воспитанницъ Смольнаго въ кн. г. *Лядова*: Историческій очеркъ столѣтней жизни воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ. Спб. 1864, стр. 12—15.

****) П. С. З. т. XVI, стр. 981—982.

вѣстно, что «въ вѣкъ матушки Екатерины» лица, раздававшія эти «знаки отмѣнъ», очень часто требовали отъ награждаемыхъ далеко не того, что называется соціальною добродѣтелью...

Въ учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ Бецкаго были назначены особые часы для уроковъ Закона Божія и «нравоученія». Постановка перваго, какъ и у Локка, носитъ деистическій характеръ. Не считая нужнымъ подробно говорить объ обученіи дѣтей «познанію вѣры», предоставляя «вѣдать то благоразумнымъ особамъ духовнымъ» *), Бецкій дѣлаетъ, однако, нѣсколько очень характерныхъ замѣчаній относительно религіознаго обученія. Такъ, онъ запрещаетъ сообщать дѣтямъ свѣдѣнія объ адскихъ мученіяхъ грѣшниковъ: «Ничто такъ дѣтямъ не вредитъ, какъ устрашеніе ихъ грозительными разсказами о мученіяхъ во адѣ. Нѣжныя сердца, таковымъ ужасомъ единажды пораженныя, во всю жизнь дѣлаютъ ихъ робкими и боязливыми» **).

Больше вниманія обращаетъ Бецкій на нравоученіе. Согласно отмѣченному уже нами эмпирически-утилитарному взгляду на нравственность, онъ находитъ нужнымъ «вкоренять въ сердца дѣтей», что «добродѣтель есть не иное что, какъ полезныя и пріятныя дѣла, творимыя нами для себя самихъ и для ближняго» ***). Въ частности, наши семейныя обязанности: любовь къ родителямъ и повиновеніе имъ (равно какъ и заступающимъ ихъ мѣсто) — вытекаютъ изъ того, что мы должники тѣхъ, кто заботится о насъ въ дѣтствѣ, кормитъ, учитъ, руководитъ и пр.

Если въ дѣтскомъ возрастѣ наши потребности удовлетворяются родителями и воспитателями, то впослѣдствіи, когда наши отношенія къ людямъ все болѣе и болѣе осложняются, мы нуждаемся уже въ помощи другихъ членовъ общества; отсюда вытекаютъ наши соціальныя обязанности. Для сохраненія нашего «имѣнія, чести, счастія и жизни» нужны «начальствующіе», и наша обязанность повиноваться имъ и почитать ихъ.

Бецкій не узкій патріотъ; напротивъ, онъ космополитъ и хочетъ воспитывать юношество въ духѣ общечеловѣческаго братства, въ сознаніи моральной солидарности всего человѣчества. Мы всѣ принимаемъ участіе не только въ «злоключеніи» близкихъ намъ и соотечественниковъ, но и въ несчастіяхъ, которымъ подвергаются другіе народы: «Хотя не прямо ввергаемся мы въ сіи несчастія, но въ по-

---

*) Тамъ-же, т. XVIII, стр. 307.

**) Тамъ-же, стр. 38, 366.

***) Тамъ-же, стр. 316.

слѣдующее время, по обстоятельствамъ, взаимно сопрягающимся, и мы принимаемъ участіе въ семъ разореніи и ущербѣ». Стало быть, «мы обязаны помогать и пользу приносить друзьямъ нашимъ, согражданамъ и иноземнымъ, ибо со всѣми поступать надобно, какъ съ братьями» *).

Конечно, подобная аргументація мало убѣдительна; возможно, напримѣръ, такое возраженіе: несчастіе, постигшее какихъ-нибудь готтентотовъ или папуасовъ, едва-ли можетъ отразиться на нашемъ благосостояніи, а слѣдовательно, мы въ правѣ относиться къ нему безучастно. Несмотря на недостаточность доводовъ, за Бецкимъ остается несомнѣнная заслуга: онъ, по мѣрѣ своихъ силъ, старался провести въ сознаніе своихъ соотечественниковъ морально-философскія идеи, выработанныя къ этому времени европейскою мыслью. Такова идея о дѣятельности на пользу ближнихъ («употреблять мы должны всѣ силы быть для нихъ полезными»), которую онъ проповѣдывалъ въ эпоху общественной апатіи и полнѣйшаго отсутствія сознательнаго отношенія къ соціальнымъ обязанностямъ.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, этическая система Бецкаго; ей нельзя отказать ни въ прогрессивности направленія, ни въ логической стройности и послѣдовательности. Было-бы слишкомъ долго подвергать анализу ея детали, иногда противорѣчащія основнымъ принципамъ, и мы остановимся только на разсужденіи Бецкаго о добродѣтели терпѣнія, подъ которою онъ разумѣетъ пассивное отношеніе къ существующему злу. Въ обществѣ встрѣчаются иногда люди «развратнаго поведенія, испорченныхъ нравовъ, легкомысленные, звѣрообразные, неистовые въ словахъ и поступкахъ» и пр. Они какъ-бы родились «только для произведенія вражды въ обществѣ и для истребленія онаго». Отъ такихъ людей Бецкій совѣтуетъ «убѣгать», какъ отъ дикихъ звѣрей или сумасшедшихъ; если-же необходимо жить вмѣстѣ съ ними, то должно «спокойно сносить всѣ приключенія». Это ученіе «о непротивленіи злу» стоитъ въ связи съ ученіемъ о толерантности въ отношеніи мнѣній другихъ людей, о которой русскіе люди почти не слыхали до восшествія на престолъ императрицы, впервые позволившей имъ (хотя съ значительными ограниченіями) «и знать, и мыслить». Мы обязаны терпимо относиться ко всѣмъ людямъ, «коихъ мнѣнія съ нашими не сходствуютъ, которые инако думаютъ въ дѣлахъ до гражданства, до всей жизни человѣческой, и наипаче до вѣры касающихся». Приводится нѣсколько неудачный примѣръ: «Ежели услышишь самоѣда, хвалящагося язычествомъ, татарина—магометанствомъ, сноси,

*) Тамъ-же, стр. 317.

не противоборствуй ни словами, ни дѣломъ, будь терпѣливъ: ни малѣйшаго права не имѣешь управлять разумомъ другаго: онъ такой-же человѣкъ, какъ и ты» *).

Переходимъ къ послѣдней части воспитанія—*дидактической*. Ученію, какъ элементу воспитанія, Локкъ отводитъ послѣднее мѣсто и замѣчаетъ по этому поводу, что онъ придаетъ ему «самое малое значеніе» **). Такой взглядъ замѣчательнаго философа, «книжнаго человѣка», какъ онъ самъ себя называетъ, объясняется не пренебрежительнымъ отношеніемъ его къ знанію, не тѣмъ, что онъ будто-бы не цѣнилъ науки (такое пониманіе Локка встрѣчается въ нашей литературѣ), а тѣмъ, что для него не было ясно образовательное, воспитательное значеніе ученія. Если и въ наше время, когда психологія сдѣлала громадные успѣхи, нерѣдко разъединяютъ умственное образованіе отъ нравственнаго, и является возможнымъ вопросъ: «что важнѣе—воспитаніе или образованіе (подъ образованіемъ разумѣютъ въ такомъ случаѣ только обученіе)?—то нѣтъ ничего удивительнаго, что въ концѣ XVII вѣка, даже и для такого передоваго мыслителя, какъ Локкъ, было не вполнѣ понятно общеобразовательное значеніе обученія. Онъ имѣлъ предъ собою печальный фактъ, съ которымъ приходилось бороться: механическое, сухое знаніе не расширяло нравственныхъ понятій и не вырабатывало характера его современниковъ—схоластиковъ. И онъ горячо протестовалъ противъ ученой рутины своего времени, но высоко ставилъ свободное изслѣдованіе истины, которому посвятилъ всю свою жизнь. Поэтому, не смотря на свое заявленіе, что онъ не придаетъ особенно важнаго значенія обученію, Локкъ посвящаетъ ему значительную часть своего трактата ***), гдѣ предлагаетъ, между прочимъ, новые методы обученія разнымъ предметамъ,—методы, болѣе легкіе и удобные, чѣмъ употреблявшіеся въ его время. Всѣ его старанія въ этомъ отношеніи направлены къ тому, чтобы ученье было для дѣтей развлеченіемъ, пріятнымъ занятіемъ, удовлетвореніемъ ихъ любознательности, а не безсмысленной долбней. На развитіе въ дѣтяхъ этой любознательности, самостоятельнаго стремленія къ знанію и должны быть — по Локку — направлены заботы воспитателя.

Безспорно, однако, что образовательное значеніе обученія не вполнѣ было понято Локкомъ, и въ отдѣлѣ объ этой «части воспитанія» его

---

*) Тамъ же, стр. 318—319.

**) *Локкъ*, op. cit., стр. 169.

***) 78 страницъ изъ 246.

руководящею мыслью было утилитарное, практическое значеніе знанія. Такая точка зрѣнія, какъ болѣе правильная, чѣмъ господствовавшая въ его время (къ которому болѣе, чѣмъ къ какому-либо другому приложимы слова Сенеки: Non vitae, sed scholae discimus) была полезна въ томъ отношеніи, что обнаруживала недостатки тогдашняго обученія и давала основаніе для исключенія изъ общеобразовательнаго курса такихъ предметовъ, какъ реторика, схоластическая логика и піитика, а также и для осужденія грамматикальнаго направленія въ изученіи латинскаго языка. Но, будучи слишкомъ утилитарнымъ, это воззрѣніе заставило Локка ограничить обученіе ребенка и юноши только такими предметами, знаніе которыхъ полезно для джентльмена въ узко-практическомъ смыслѣ; даже такія науки, какъ исторія и гражданское право, признаются нужными только потому, что съ ними молодой человѣкъ «вездѣ найдетъ себѣ работу и снищетъ уваженіе» *).

Такое отношеніе Локка къ «дидактической части» воспитанія отразилось роковымъ образомъ на педагогической системѣ Бецкаго, который, хотя также много говоритъ о сообщеніи учащимся различныхъ свѣдѣній, но еще болѣе далекъ отъ правильнаго пониманія воспитательнаго значенія обученія. Воспитанники и воспитанницы его заведеній должны учиться не потому, чтобы знаніе было важно само по себѣ, такъ какъ оно расширяетъ кругозоръ человѣка и возвышаетъ его нравственность, а только въ виду того, что имъ необходимы «нѣкоторыя знанія какъ для гражданской жизни, такъ и для добыванія куска хлѣба» **). Преслѣдуя узко-практическія цѣли, Бецкій не заботится объ общемъ теоретическомъ развитіи питомцевъ: «кадетъ, — говоритъ онъ,—не такъ обучать надобно, какъ обыкновенно въ университетахъ и въ другихъ училищахъ бываетъ», такъ какъ они должны будутъ «только въ исполненіе приводить то, что выучатъ, а не другихъ обучать»***); поэтому нужно «истребить навсегда изъ сего воинскаго училища всѣ излишества, отъ другихъ въ важность поставляемыя, всѣ метафизическія матеріи, *всѣ къ употребленію не принадлежащія толко-*

---

*) Тамъ-же, стр. 211.

**) В. Я. *Стоюнинъ*. Развитіе педагогическихъ идей въ Россіи въ XVIII столѣтіи. «Русск. Пед. Вѣстн.» 1857 г. № 5, стр. 454. См. неудачную апологію Екатерины и Бецкаго въ статьѣ А. Никольскаго: «Школьная реформа императрицы Екатерины II», «Журн. М. Н. Просв.», 1872 г., ч. CLXII, стр. 300—301.

***) «У Агезилая спрашивано было, чему думалъ-бы онъ дѣтей обучать? Тому,—отвѣтствовалъ онъ, — что, будучи въ совершенныхъ лѣтахъ, они дѣлать должны». П. С. З. т. XVII, стр. 981.

ванія» *). Та «многопредметность», которая поражаетъ насъ въ уставахъ Смольнаго института, кадетскаго корпуса и другихъ заведеніяхъ Бецкаго **) и которая прямо говоритъ противъ возможности надлежащаго усвоенія учащимися сообщаемыхъ свѣдѣній, объясняется такими соображеніями автора этихъ уставовъ: «Чтобы благородный человѣкъ *могъ въ обществѣ показать себя отлично*, надобно ему, буде не совершенное, то однакожъ нѣкоторое понятіе имѣть о всѣхъ художествахъ и мастерствахъ, которыя нужны воспитанію». Правда, здѣсь говорится о «художествахъ и мастерствахъ», но таковъ-же былъ взглядъ Бецкаго и на науки, почему и геральдика у него занимаетъ мѣсто рядомъ съ математикой. Кромѣ того, нѣкоторыя науки (если можно такъ назвать тѣ обрывки свѣдѣній, которые предполагалось сообщить учащимся), напримѣръ, ботаника, полезны и «для переду», «для собственнаго ихъ домостроительства» ***).

Такимъ образомъ, самая слабая сторона воспитанія въ «училищахъ» Бецкаго состоитъ въ томъ, что воспитанники не пріобрѣтали въ нихъ интеллектуальной основы для своей будущей дѣятельности и вступали въ общество безоружными противъ предразсудковъ и превратныхъ мнѣній, господствовавшихъ въ «старомъ порождени». При этомъ, полагая центръ тяжести образованія въ примѣрѣ воспитателей, система Бецкаго тѣмъ самымъ пріучаетъ ихъ къ приноровленію къ средѣ, въ самомъ сомнительномъ смыслѣ. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, долженъ придти юноша, обладающій лишь нѣкоторыми поверхностными свѣдѣніями, и кое-какими сентенціями, когда въ школѣ поставлена такая задача: «самымъ дѣломъ, слышаніемъ и видѣніемъ юношѣ узнать надобно, что есть человѣкъ въ обществѣ, чего требуетъ чинъ, мѣсто или то состояніе, въ какомъ находиться будетъ... дабы онъ поставлялъ себѣ за главную должность усердно исполнять все, чего званіе его требуетъ» ****).

Нѣтъ нужды доказывать, что «слышаніемъ и видѣніемъ» онъ пріобрѣтетъ обо всемъ этомъ далеко не высокія понятія. Допустимъ даже,

---

*) Въ этомъ-же смыслѣ истолковываются слова «Гюма», имѣющія въ сущности другое значеніе. П. С. З. т. XVII, стр. 986.

**) Такъ, въ кадетскомъ корпусѣ, кромѣ Закона Божія и морали, положены были слѣдующія «науки»: 1) русскій и иностранные языки, 2) рисованіе, 3) танцованіе, 4) ариѳметика, 5) исторія, 6) «митологія», 7) геометрія, 8) славянскій языкъ, 9) латинскій языкъ, 10) воинская и гражданская архитектура, 11) бухгалтерія, 12) «всѣ части воинской должности», фехтованіе, волтижированіе, 13) художества и даже «всѣ гражданскія и полезныя науки» и т. п.

***) Тамъ-же, стр. 991.

****) Тамъ-же, т. XVII, стр. 981.

что окружающая его въ періодъ воспитанія среда будетъ идеальна (на что не разсчитывалъ и самъ Бецкій); но, по выходѣ изъ воспитавшаго его заведенія, при вступленіи въ жизнь, какой будетъ у него критерій для оцѣнки господствующихъ порядковъ и отношеній? Развитая въ немъ способность подражанія «образцамъ добродѣтели» не поможетъ ему въ выборѣ послѣднихъ... Но не нужно забывать, что воспитатели-то обыкновенные люди, съ тѣми или другими недостатками, а не «образцы добродѣтели». Что можетъ гарантировать воспитанника отъ усвоенія отъ нихъ не хорошихъ, а дурныхъ качествъ? Только умственное развитіе, только твердое убѣжденіе въ превосходствѣ того или другаго нравственнаго положенія, опирающагося на опредѣленный принципъ, можетъ сообщить ему рѣшимость слѣдовать завѣту Христа: «что говорятъ они (т.-е. учителя и воспитатели) слушайте, *по дѣламъ же ихъ не поступайте*»,—въ томъ, конечно, случаѣ, когда ихъ поведеніе стоитъ въ противорѣчіи съ преподаваемыми ими уроками нравственности. Лишенные такого убѣжденія, «новые отцы и матери» не могли критически отнестись къ существующему строю жизни, и тѣмъ менѣе реформировать этотъ строй, хотя это и составляло цѣль ихъ воспитанія. Они не имѣли въ себѣ самихъ твердой опоры для оппозиціи и не могли быть энергичными бойцами, такъ какъ у нихъ не было твердыхъ и устойчивыхъ убѣжденій, за которыя они могли-бы бороться. Воспитаніе готовило изъ нихъ людей, способныхъ вполнѣ мириться съ такими, напримѣръ, аномаліями соціальной жизни, какъ крѣпостное право,—вообще способныхъ «жить, какъ другіе»... Бецкій не понималъ, что мало еще «оставить мертвецамъ погребать ихъ мертвецовъ», а нужно принять дѣйствительныя мѣры къ предохраненію подростающаго поколѣнія отъ заразы міазмами труповъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ излѣченію больныхъ. Словомъ, какъ противъ физическихъ, такъ и противъ нравственныхъ болѣзней нужна борьба, и къ ней обязательно приготовлять юношество, сообщая ему нравственный закалъ и способность руководиться въ жизни внутренними, интеллектуальными мотивами. Извѣстно, что въ средѣ того-же общества XVIII вѣка работали на общую пользу Новиковъ и Радищевъ, но вѣдь ихъ дѣятельность имѣла твердую опору въ ихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ...

Замѣчательно, что эту слабую сторону своей педагогіи сознавалъ (хотя смутно) и самъ Бецкій. Въ уставѣ кадетскаго корпуса говорится: «Пускай научится кадетъ въ корпусѣ и воспитанъ будетъ во всемъ по желанію, но сколь скоро опредѣлится къ мѣсту, то, конечно, *многіе приметъ нравы живущихъ въ ономъ*; слѣдовательно, *убавятся почти всѣ тѣ навычки и склонности*, въ коихъ воспитанъ. Сіе несход-

ство неотвратимо и неизбѣжно быть кажется, ибо почти невозможно, чтобы воспитаніе нѣкотораго числа людей превозмогло всеобщій *примѣръ*, наипаче при первомъ изъ корпуса происхожденіи» *). Такимъ образомъ, Бецкій понималъ, что человѣкъ, до 21 года руководившійся въ своихъ поступкахъ примѣрами, безъ сознательной провѣрки ихъ, и въ послѣдующей жизни будетъ сознательно или безсознательно, а вѣрнѣе, полусознательно приноровляться къ окружающей средѣ.

Такой результатъ, совершенно противоположный тому, что имѣло въ виду воспитаніе, конечно, не желателенъ. Воспитаніе сдѣлало все для того, чтобы произвести «новую породу», разсуждалъ Бецкій; гдѣ-же причина неудачи? Въ средѣ, отвѣчаетъ онъ. «Трудно одолѣть застарѣвшую ненависть, упрямство, упреканія и зависть (со стороны фабрикантовъ и купцовъ, въ среду которыхъ должны были вступить питомцы воспитательнаго дома, — со стороны «брадоносцевъ, ложною честію и мнимымъ правовѣріемъ ослѣпленныхъ»), кои причиною худаго ихъ воспитанія противъ питомцевъ нашихъ неминуемо возстанутъ. Не меньше опасно, чтобы нѣкоторая часть новыхъ сихъ жителей нечувствительнымъ образомъ таковыхъ худыхъ примѣровъ не обратили себѣ въ правило и не переняли-бы злыхъ нравовъ и обычаевъ, которые *истребятъ всѣ плоды добраго ихъ воспитанія*.

Воспитаніе (вмѣстѣ съ соотвѣтствующими соціальными реформами) должно измѣнить къ лучшему жизнь общества, но для этого ему должна быть дана другая постановка, чѣмъ въ заведеніяхъ Бецкаго, въ которыхъ хотѣли воспитывать не людей для жизни въ обществѣ, а—можно сказать—людей, предназначенныхъ жить на необитаемомъ островѣ. Между тѣмъ, «новую породу» ждала жизнь въ обществѣ, и притомъ въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка, среди-ли «брадоносцевъ» или между бритыми петиметрами—въ сущности безразлично... И вотъ Бецкій придумываетъ искусственную изоляцію ихъ отъ прочихъ людей и въ дальнѣйшей ихъ жизни, по выходѣ изъ воспитавшаго ихъ заведенія. Способы, проектируемые имъ съ этою цѣлью, не могутъ быть, конечно, разсматриваемы серьезно, и интересны только, какъ характерные для своего времени. Такъ, изъ воспитанниковъ и воспитанницъ Воспитательнаго дома онъ надѣется создать особаго рода statum in statu. Для этого прежде всего нужно завести при воспитательномъ домѣ мануфактуры, фабрики и т. п., и обучать на нихъ питомцевъ разнымъ «ремесламъ» и «художествамъ». Когда-же питомцы обоего пола должны будутъ оставить заведеніе, то рекомендуется «сопрягать»

*) Тамъ-же, т. XVIII, стр. 324.

ихъ другъ съ другомъ бракомъ. При этомъ, «чаять надобно, что, будучи въ домѣ, заработаютъ себѣ нѣсколько капитала, чѣмъ-бы при первомъ выходѣ, не имѣя нужды употребляться въ другихъ мѣстахъ, могли сами себѣ фабрики завести и въ купечество вступить». «Такимъ образомъ, не токмо *минуются случаи*, нравамъ вредительные, и надежнѣе произведутъ они желаемый новый родъ, но и прочіе, съ тѣми искусствами и ремеслами изъ сего дома выходящіе, къ нимъ-же прибѣжище имѣть будутъ, дабы производить свое рукодѣліе, живучи всегда непосредственно подъ покровительствомъ господъ опекуновъ, попечительницъ и самого совѣта». Само собою понятно, что дѣйствительность, не смотря ни на какое покровительство, безжалостно разрушила-бы эту фантастическую Аркадію, уничтоживъ всѣ искусственныя перегородки, отдѣляющія «новое порожденіе» отъ окружающаго міра; съ кѣмъ-бы, напримѣръ, стали торговать купцы изъ Воспитательнаго дома и на кого стали-бы работать ремесленники?

IV.

Къ началу 1780-хъ годовъ Екатерина II успѣла уже разочароваться въ «воспитательныхъ училищахъ» и обратилась къ организаціи народнаго образованія по такъ-называемой австрійской системѣ. Но педагогическіе принципы, положенные въ основаніе этихъ «училищъ», не потеряли своего значенія въ ея глазахъ, и она рѣшилась примѣнить ихъ къ воспитанію своихъ внуковъ, великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Съ этою цѣлью написаны ею «Инструкція князю Николаю Ивановичу Салтыкову при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей» (1784 г.) и книги для дѣтскаго чтенія или «Библіотека великихъ князей». При разсмотрѣніи этихъ сочиненій мы обратимъ вниманіе, главнымъ образомъ, на тѣ черты, которыя служатъ дополненіемъ и развитіемъ изложенной нами выше педагогической системы.

«Здравое тѣло и умонаклоненіе къ добру составляютъ все воспитаніе», говорится въ «Инструкціи» *). За совѣтами относительно собственно физическаго воспитанія слѣдуетъ статья, соотвѣтствующая той «части воспитанія», которую Бецкій называетъ «физико-моральною», озаглавленная «о дѣтскихъ забавахъ и веселости нрава». Здѣсь предписывается: «веселость нрава ихъ высочествъ ни уничтожать, ни уменьшать»; напротивъ того, поощрять ихъ ко всякому движенію и

*) Сочиненія императрицы Екатерины II, т. I, стр. 211.

игрѣ, такъ какъ «дѣтскія игры не суть игры, но прилежнѣйшее упражненіе дѣтей» [1]). Самое ученье должно быть для нихъ развлеченіемъ [2]).

Переходя къ воспитаію собственно «души», Екатерина, слѣдуя Локку, полагаетъ, что оно «замыкается въ четырехъ вещахъ: 1) въ добродѣтели, 2) въ учтивствѣ, 3) въ добромъ поведеніи и 4) въ знаніи» [3]).

Въ то время, какъ ученіе о добродѣтели у Бецкаго имѣетъ нѣкоторую философскую подкладку, въ сочиненіяхъ императрицы мы видимъ лишь указаніе частныхъ видовъ добродѣтели, не объединенныхъ одною общею идеей, причемъ замѣтна сбивчивость въ классификаціи. Она, какъ и англійскій педагогъ, указываетъ, между прочимъ, основаніе нравственности въ религіи [4]), но при дальнѣйшемъ изложеніи моральныхъ требованій не выводитъ ихъ изъ этого или какого-нибудь другаго принципа, вслѣдствіе чего послѣднія имѣютъ случайный характеръ, являются простымъ морализированіемъ, резонерствомъ, повтореніемъ обычной житейской морали практическаго пошиба. Въ этомъ отдѣлѣ встрѣчаются то буквальныя заимствованія изъ Локка, то попытки собственнаго опредѣленія и разграниченія понятій; отсутствіе послѣдовательности и ясности не позволяетъ намъ признать, что Екатерина, «усвоивъ въ точности» мысли Локка, «органически сочетала ихъ съ мыслями, заимствованными у другихъ писателей, и съ своими собственными убѣжденіями», какъ это утверждаетъ Н. Лавровскій [5]). «Первая добродѣтель по христіанской должности есть истинное познаніе Бога» [6]); затѣмъ слѣдуетъ рубрика о томъ, «что̀ запрещать и чего не допускать», въ которой говорится, что не должно позволять дѣтямъ бить или бранить людей, убивать невинныхъ животныхъ, бить ихъ и вообще причинять имъ вредъ; а напротивъ, слѣдуетъ «повадить» ихъ «къ попеченію, благоволенію, жалости и кротости ко всему», пріучать ихъ къ правдивости, запрещая имъ ложь и обманъ [7]). *Главное-же «достоинство наставленія* дѣтей состоять должно въ любви къ ближнему, въ общемъ благоволеніи къ

---

[1]) Тамъ-же, стр. 206—207.

[2]) Тамъ-же, стр. 224.

[3]) Тамъ-же, стр. 202, Ср. *Локкъ*, op. cit. стр. 153.

[4]) Тамъ-же, стр. 212. Ср. *Локкъ*, op. cit., стр. 154; ср. черновой набросокъ Екатерины II, подъ заглавіемъ: «Правила учащемуся», напечатанный *А. Ѳ. Бычковымъ*, въ книгѣ: «Письма и бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ И. П. Библіотекѣ». Спб. 1873, стр. 107—108.

[5]) *Н. Лавровскій*, op. cit., стр. 102.

[6]) Сочин. Екатерины II. ч. I. стр. 211.

[7]) Тамъ-же, стр. 214.

роду человѣческому, въ доброжелательствѣ ко всѣмъ людямъ, въ ласковомъ и снисходительномъ обхожденіи ко всякому, въ добронравіи непрерывномъ, въ чистосердечіи и благодарномъ сердцѣ, въ истребленіи горячности сердца, пустаго опасенія, боязливости, подозрѣнія невмѣстнаго вездѣ тутъ, гдѣ усмотрится». Требуется, чтобы съ возрастомъ питомцы утвердились въ добродѣтели, чтобъ вкоренялась въ душахъ справедливость, которая состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать законами запрещеннаго; въ любви къ истинѣ, въ щедрости, воздержаніи, умѣ, основанномъ на размышленіи, здравомъ о вещахъ понятіи и разсужденіи, совокупленномъ съ трудолюбіемъ. Когда дѣти наполнены повиновеніемъ къ верховной власти, почтеніемъ къ родителямъ, довѣренностію къ приставникамъ, совокупленными съ любовію и съ опасеніемъ прогнѣвать ихъ, и къ тому соединяютъ благоволеніе ко всѣмъ людямъ, тогда уже много сдѣлано *).

Статья «касательно *учтивости* и того, что по тому отъ дѣтей требуется» представляетъ собою экстрактъ изъ разсужденія Локка о томъ-же предметѣ. Она начинается словами: «Учтивость основана на томъ, чтобы не имѣть худаго мнѣнія ни о себѣ, ни о ближнемъ», и состоитъ изъ совѣтовъ, касающихся умѣнья обходиться съ людьми; между прочимъ, рекомендуется предостерегать дѣтей отъ излишней утонченности обращенія, оскорбительной для другихъ, такъ какъ она указываетъ на притворство **).

Разсужденіе о «*добромъ поведеніи*» резюмируется словами: «Способъ не быть обманутымъ въ свѣтѣ есть тотъ, чтобъ знать свѣтъ» ***). Екатерина совѣтуетъ своимъ внукамъ поступать такъ, чтобъ добрые люди ихъ любили, злые боялись и всѣ уважали» ****).

Въ отдѣлѣ объ *обученіи* читаемъ: «Знать обращеніе въ свѣтѣ и обхожденіе, сходственное рожденію ихъ высочествъ, и чѣмъ отличиться для нихъ пристойно: вотъ въ чемъ ихъ знаніе быть долженствуетъ». И далѣе: «Ученіе-же, или знаніе, да будетъ имъ единственно отвращеніемъ отъ праздности и способомъ къ спознанію естественныхъ ихъ

*) Тамъ-же, стр. 215—216. Эти мысли многократно варіируются въ сочиненіяхъ Екатерины II, особенно въ дѣтскихъ книжкахъ. См., напр., ч. I, стр. 170, 175, 178, 190, 191, и пр.

**) Тамъ-же, стр. 228 ср. 220—221; 190, 254, 184, 185, 252 и др.

***) Тамъ-же, стр. 222. Ср. *Локкъ*, op. cit., стр. 158—159: знакомство со свѣтомъ нужно для того, чтобы «искусно и предусмотрительно вести свои дѣла на этомъ свѣтѣ».

****) Ср. собственноручную замѣтку Екатерины II, найденную г. Соболевскимъ на экземплярѣ Телемака, который, вѣроятно, принадлежалъ ей, напечатанную въ «Русскомъ Архивѣ» 1863 г., декабрь, № 938.

способностей, и дабы привыкли къ труду и прилежанію»[1]). Что касается предметовъ обученія, то въ этомъ отношеніи Екатерина, равно какъ и Бецкій, сдѣлала значительное отступленіе отъ своего постояннаго руководителя—Локка.

Локкъ, рекомендуя преподаваніе исторіи, не касается ея поучительности. Екатерина, напротивъ, прямо говоритъ: «Чтеніе похвальныхъ дѣлъ въ исторіи отличившихся людей полезно быть можетъ, аки поощреніе къ подражанію»[2]). Она находитъ нужнымъ обращать вниманіе внуковъ на «важнѣйшія и похвальныя дѣла государей» и на «несчастіе послѣдствій порочныхъ дѣлъ»[3]). Въ «Запискахъ касательно россійской исторіи» сказано, что эта наука «учитъ добро творить и отъ дурнаго остерегаться»[4]).

«Такъ какъ познаніе добродѣтели,—говоритъ Локкъ,—съ самыхъ первыхъ дней жизни ребенка и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые не превышаютъ его вниманія, должно преподаваться ему болѣе практически, чѣмъ посредствомъ правилъ, и такъ какъ придаваніе важности своему доброму имени должно быть обращено у него въ привычку... то я не знаю, слѣдуетъ-ли ему читать какія-либо нравоучительныя разсужденія, кромѣ тѣхъ, которыя онъ находитъ въ Библіи, или можно-ли ему давать въ руки какую-нибудь систему этики до тѣхъ поръ, пока онъ не пріобрѣтетъ возможности читать «De officiis» Цицерона[5]). Какъ мы уже видѣли, резонерскій духъ вѣка заставилъ Бецкаго отступить, въ этомъ отношеніи, отъ Локка и рекомендовать дѣтямъ чтеніе нравоучительныхъ книгъ. Екатерина пошла далѣе. Еще до составленія «Инструкціи» она написала для своихъ внуковъ цѣлую серію «нарочитыхъ книжицъ».

Общій характеръ этой «Библіотеки великихъ князей»—сухое резонерство, морализированіе, наборъ фразъ, часто превышающихъ дѣтское пониманіе. Не останавливаясь на традиціонной морали, съ которою мы уже познакомились въ «Инструкціи», обратимъ вниманіе на другой элементъ — на соціально-политическія воззрѣнія императрицы, которыя она хотѣла привить и «драгоцѣннымъ отпрыскамъ». Ихъ сущность

---

[1]) Сочиненія Екатерины II, ч. I, стр. 223—224.

[2]) Тамъ-же, ч. I, стр. 232. Ср. П. С. З. т. XVI, стр. 749.

[3]) Сочиненія Екатерины II, ч. I, стр. 237. Здѣсь можно видѣть вліяніе Монтэня, хотя подобный взглядъ на исторію былъ вообще распространенъ въ то время; въ частности аналогичное значеніе изученію исторіи будущими государями придавалъ Боссюэ.

[4]) Собесѣдникъ любителей русскаго слова, ч. II, стр. 72.

[5]) *Локкъ*, op. cit., стр. 210—211.

составляетъ просвѣщенный абсолютизмъ: съ одной стороны, возносившій на неизмѣримую высоту власть и значеніе правительства, а съ другой—принижавшій гражданъ и отрицавшій общественную инипіативу и самодѣятельность. Правительство—голова, которой должны слѣпо повиноваться члены—подданные. Агезилай, управлявшій лакедемонянами, «какъ отецъ дѣтьми», на вопросъ: «чего ради Лакедемонъ паче иныхъ городовъ цвѣтетъ?»—отвѣчалъ: «понеже лакедемоняне обучаются паче иныхъ умѣти *послушными* быти» [1]). Здѣсь нашла себѣ выраженіе и свойственная просвѣщенному абсолютизму мысль о регламентаціи духовной дѣятельности общества. Въ разсказѣ объ Александрѣ Македонскомъ говорится: «*Науки и художества*, *коимъ самъ не обученъ былъ*, *содержалъ въ чести*... *и того ради* въ его время столько было ученыхъ, художниковъ и искусныхъ людей, какъ ни въ одно время; ибо люди обыкновенно упражняются въ томъ, къ чему цари склонности имѣютъ» [2]). Правленіе должно быть не тиранническое, а умѣренное (по Монтескье: «умѣренность управляетъ людьми, а не выступленіе изъ мѣры») [3]); «гдѣ умѣренность наблюдается, тутъ и самаго меньшого гражданина жизнь, имѣніе и честь во уваженіе принимается» [4]). Истинно просвѣщенное правительство всегда остается на легальной почвѣ: на вопросъ: «какъ Аѳины могутъ добро управляемы быти?»—Солонъ отвѣчалъ: не инако, какъ когда начальствующіе законы исполняютъ» [5]). При такомъ правительствѣ граждане пользуются «равенствомъ» и «вольностію». Первое состоитъ въ томъ, что «всѣ подвержены тѣмъ-же законамъ», а вторая «есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ» [6]).

Въ общемъ, впрочемъ, Екатерина держится педагогическихъ пріемовъ Локка, причемъ болѣе, чѣмъ Бецкій, настаиваетъ на безусловномъ повиновеніи дѣтей воспитателямъ, видя въ этомъ лучшее средство пріучить ихъ руководиться требованіями разсудка: «Кто съ мла-

---

[1]) Сочин. Екатерины II, ч. I, стр. 196. Ср. «Записки касательно россійской исторіи». Собес. любит. русск. слова. 1782 г. № 1, стр. 49, 101—102 и др. Способность къ повиновенію Екатерина II считала одно изъ основныхъ психическихъ особенностей русскаго народа. На вопросъ Фонвизина: «въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?»—она отвѣтила: «въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ *образцовомъ послушаніи*» и пр. Сочиненія, ч. III, стр. 32.

[2]) Тамъ-же, стр. 186—187.

[3]) «Наказъ», тамъ-же, ч. I, стр. 189. Замѣтимъ à propos, что «Наказъ» названъ въ числѣ книгъ, назначенныхъ для чтенія ихъ высочествъ. Тамъ-же, стр. 228.

[4]) Тамъ-же, стр. 173—174; ср. 253—169.

[5]) Тамъ-же, стр. 195.

[6]) Тамъ-же, стр. 9.

денчества не поваженъ повиноваться приказанію и совѣту родителей и приставниковъ, тотъ, созрѣвъ, не въ состояніи будетъ слушать совѣта здраваго разсудка и справедливости» [1]). Такое-же значеніе придается примѣрамъ воспитателей («дѣти, видя добрые примѣры, будутъ несомнѣнно таковы, какъ желается») [2]) и разсужденіямъ ихъ съ дѣтьми. Послѣднія Локкъ считаетъ «самымъ правильнымъ способомъ въ обращеніи съ ними». Дѣти,—говорится въ «Мысляхъ о воспитаніи»,—начинаютъ понимать разсужденія съ ними такъ-же рано, какъ языкъ, и если мои наблюденія меня не обманываютъ, любятъ, чтобъ съ ними начинали обращаться какъ съ разумными существами раньше, чѣмъ многимъ это кажется» [3]). Въ параллель приведеннымъ словамъ педагога XVII столѣтія, въ «Инструкціи» читаемъ: «Приставникамъ съ терпѣніемъ слушать надлежитъ дѣтскія рѣчи и разговоры дѣтей, разговаривая съ воспитанниками дружелюбно и разсуждая съ ними, о чемъ дѣло идетъ, дабы дѣти повадились къ разсужденію» [4]).

Въ случаѣ ихъ проступковъ рекомендуется: «поправленіе чинить тихое и пріятное» и «совокупленное съ разсужденіемъ кроткимъ и дѣтямъ понимательнымъ» [5]). Когда замѣчаютъ ихъ въ лжи, «да уймутъ ихъ, сказавъ имъ, что обманъ и неправда есть безчестное и стыдное дѣло» [6]). Вообще, не столько нужно наказывать дѣтей, сколько убѣждать ихъ, возбуждая въ нихъ любовь къ репутаціи, къ доброму имени. Самыя наказанія, не будучи суровыми, имѣютъ значеніе лишь

---

[1]) Тамъ-же, стр. 213; ср. 212, 239 и 243. *Локкъ*, op. cit., стр. 33, 122.

[2]) Тамъ-же, стр. 234.

[3]) *Локкъ*, op. cit., стр. 81.

[4]) Сочиненія Екатерины II, тамъ-же, стр. 237.

[5]) Тамъ-же, стр. 236.

[6]) *Н. Лавровскій*, op. cit., стр. 86—93, полагаетъ, что Екатерина, въ крайнемъ случаѣ, допускаетъ тѣлесное наказаніе. Доказательство этого онъ видитъ въ фразѣ: «упрямство влечетъ за собою наказаніе, которое совокуплено быть имѣетъ со стыдомъ и опасеніемъ поношенія» (Сочин. Екатерины II, ч. I, стр. 305), сопоставляя ее съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ «Мыслей о воспитаніи», гдѣ идетъ рѣчь о розгахъ. Мы не можемъ согласиться съ такимъ пониманіемъ этихъ, дѣйствительно, не совсѣмъ ясныхъ словъ, по слѣдующимъ мотивамъ: 1) здѣсь не упоминается о тѣлесномъ наказаніи; 2) оно ранѣе было изгнано изъ учебно-воспитательныхъ заведеній Бецкаго, а также и изъ основывавшихся во время составленія «Инструкціи» городскихъ училищъ; и потому нѣтъ никакихъ основаній преполагать, чтобы Екатерина оставила розги для своихъ нѣжно любимыхъ внуковъ. Правильнѣе, по нашему мнѣнію, думать, что она «разумѣла подъ своимъ общимъ выраженіемъ какую-либо сильнѣйшую, не объясненную ею степень пристыженія», а не тѣлесное наказаніе.

постольку, поскольку сопровождаются стыдомъ. Награды и похвалы, напротивъ, имѣютъ цѣлью поднять дѣтей въ ихъ собственныхъ глазахъ.—«Хвалы, даваемыя хорошему поведенію, хулы и пренебреженія хулы достойному суть тѣ способы, коими поощряется хорошее и отвращается дурное поведеніе. Въ награжденіе добрыхъ дѣлъ представить дѣтямъ надлежитъ честь, доброе имя и славу; а за дурныя дѣла стыдъ и поношеніе. Никакое наказаніе обыкновенно дѣтямъ полезно быть не можетъ, буде не соединено со стыдомъ, что учинили дурно» *).

Все это, надѣемся, достаточно подтверждаетъ ранѣе высказанное нами положеніе, что Екатерина II, находясь подъ вліяніемъ Локка и отчасти Монтэня, совершенно игнорировала педагогическія воззрѣнія Руссо, который энергично указывалъ на опасность игры тщеславіемъ дѣтей и отвергалъ награды и наказанія, въ качествѣ воспитательныхъ мѣръ, исключая только «естественныя». «Парадоксы» женевскаго философа не навели ее на сомнѣніе въ этой панацеѣ: она считаетъ полезною педагогическою мѣрою также соревнованіе: «Обоимъ братьямъ,—обращается она къ воспитателямъ великихъ князей,—твердить надлежитъ, чтобъ каждый изъ нихъ старался превзойти другаго учтивостію, щедростію, снисходительствомъ и другими добродѣтелями, за что послѣдуетъ для нихъ честь и собственное удовольствіе»**).

М. Суперанскій.

(Окончаніе будетъ).

---

*) Сочиненія Екатерины II, ч. I, стр. 209.

**) Тамъ-же, стр. 224. Ср. *Локкъ*, op. cit., стр. 119. *Руссо*, op. cit., стр. 72.

Народное образованіе въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, до открытія въ ней земскихъ учрежденій.

(Къ исторіи народнаго образованія въ Россіи).

(Продолженіе).

Учениками училищъ Министерства Госуд. Имуществъ были питомцы Воспитательнаго дома, сироты, волонтеры изъ крестьянъ и постороннія лица (разночинцы). Сироты изъ дѣтей госуд. крестьянъ отдавались въ школы по приговорамъ сельскихъ обществъ, составлявшимся по предписанію окружныхъ начальниковъ. Такъ, въ 1856 году, Батуринское волостное правленіе, отъ 23-го сентября, препроводило въ училище списокъ 73, избранныхъ разными обществами волости для отдачи въ училище, сиротъ, разнаго возраста, отъ 7 до $14^1/_2$. Если новички, выбранные для ученья, а также и прежніе ученики изъ сиротъ и питомцевъ Воспитат. дома не являлись въ училище по открытіи ученья, то училища требовали ихъ при помощи волости, и послѣдняя иногда препровождала ихъ, какъ бѣгуновъ, при бумагѣ «для продолженія ученья».

Избранныя для ученья сироты, а также питомцы Воспит. дома, помѣщались, на основаніи ст. 23 «Наставленія», у благонадежныхъ крестьянъ селеній, гдѣ было училище, за плату до 1 руб. $43^3/_4$ коп. За плату принимались они и самими наставниками. Квартира отводилась и безъ платы, въ видѣ натуральной повинности, «потребное-же количество хлѣба» отпускалось изъ запасныхъ сельскихъ магазиновъ, по приговорамъ обществъ, если у дѣтей не оказывалось родственниковъ, которые могли-бы ихъ продовольствовать. Одежда, обувь, книги и письменныя принадлежности выдавались имъ на казенный счетъ *).

---

*) Въ архивѣ Батуринскаго училища сохранилась шнуровая книга «На записку прихода и расхода суммъ, жертвуемыхъ разными лицами въ пользу уча-

Отводъ ученическихъ квартиръ натурою былъ непріятенъ крестьянамъ, и они настоятельно уклонялись отъ этой повинности.

Ученики изъ сиротъ и питомцевъ Воспит. дома считались «постоянными» учениками училищъ и составляли, вѣроятно, главный контингентъ школы. Учились въ училищахъ и волонтеры изъ госуд. крестьянъ, и разночинцы. Послѣднихъ, т.-е. не принадлежащихъ къ сословію госуд. крестьянъ, именно дѣтей помѣщичьихъ крестьянъ, солдатскихъ и прочихъ, управляющій Пермскою палатою имуществъ, отъ 3 февраля 1845 года, на основаніи общаго циркуляра по Министерству, отъ 11-го іюля 1843 г., дозволилъ принимать въ училища съ платою за каждаго ученика по 3 руб. серебромъ въ годъ съ тѣмъ, «чтобы деньги сіи отдаваемы были наставникамъ, которые обязаны будутъ снабжать тѣхъ учениковъ и всѣми учебными пособіями». Въ 1844 году Министромъ Госуд. Имуществъ, въ виду выраженнаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ госуд. крестьянами желанія обучать дочерей, разрѣшено принимать въ училища дѣвочекъ. Сироты и питомцы Воспитат. дома были предметомъ особенной заботливости Министерства Имуществъ. Въ 1856 году Пермская палата госуд. имуществъ, предписывая Шадринскому окружному начальнику распредѣлить сиротъ, списокъ которыхъ былъ ей представленъ, по школамъ, рекомендовала «помѣстить въ школы способныхъ по испытанію, а туподѣльныхъ, малоспособныхъ или почему-либо негодныхъ къ ученью, во избѣжаніе напрасныхъ расходовъ, отдавать въ обученіе ремесламъ». Предписывая наставникамъ обращать преимущественное вниманіе на сиротъ и питомцевъ Воспит. дома, начальство слѣдило за ихъ успѣшностью и принимало мѣры къ ея поднятію. Между прочимъ, для поправленія успѣховъ, оно перемѣщало ихъ изъ одного училища въ другое, лучшее. Такъ, въ октябрѣ 1852 года перемѣщено было въ Батуринское училище до 20 учениковъ изъ Верхъ-Теченскаго, Далматовскаго и Песчанскаго училищъ. Изъ списка ихъ, присланнаго въ Батуринское училище, видно, что это были все уже великовозрастные, отъ 13 до 17 лѣтъ. Исключеніе изъ училищъ за неспособность или «за старостію» сиротъ и питомцевъ Воспит. дома дѣлалось съ разрѣшенія палаты; съ ея-же разрѣшенія сироты освобождались отъ отдачи въ училища или отъ продолженія ученья, причемъ въ палату представлялся *при-*

щихся». По книгѣ, съ ноября 1861 года по 6 января 1866 г., пожертвовано было на учащихся сиротъ—21 руб. 21 коп. Деньги эти расходовались на пріобрѣтеніе для сиротъ полушубковъ, чекменей, пимовъ и сапогъ. Существовалъ-ли этотъ благотворительный источникъ содержанія въ другихъ училищахъ—свѣдѣній не имѣется.

говоръ сельскаго общества, удостовѣряющій, что мальчикъ нуженъ для поддержанія хозяйства, напримѣръ, есть единственный сынъ у матери-вдовы.

По окончаніи курса, сироты и питомцы Воспит. дома опредѣлялись къ писарскимъ должностямъ въ палаты, окружныя управленія и волостныя правленія. Такъ, въ мартѣ 1853 года управляющій палатою предписывалъ Шадринскому окружному начальнику надлежащимъ образомъ приготовить изъ питомцевъ Воспит. дома мальчиковъ, предназначенныхъ къ опредѣленію писцами въ палату, и впредь приготовлять таковыхъ не изъ разночинцевъ. Въ слѣдующемъ году окружной начальникъ предписывалъ Батуринскому волостному правленію выслать къ нему до 8-ми мальчиковъ изъ питомцевъ Воспит. дома для отправки въ Пермскую палату, причемъ просилъ выдать каждому изъ нихъ на путевыя издержки по 50 коп. Въ этомъ-же году, по распоряженію Пермской палаты, лучшіе изъ оставшихся непристроенными питомцевъ Воспит. дома опредѣлены при волостяхъ «на практическія занятія», а худшія — сторожами. Нѣкоторые изъ учениковъ, по окончаніи курса въ приходской школѣ, отправлялись для продолженія ученья въ Шадринское уѣздное училище, гдѣ и обучались на казенный счетъ. Пристраивались постоянные ученики школъ и къ другимъ мѣстамъ. Такъ, 30-го іюня 1851 года окружной начальникъ предлагаетъ Батуринскому училищу допустить лѣсного ревизора, если онъ прибудетъ, къ выбору питомцевъ Воспит. дома «для укомплектованія егерскихъ училищъ». 23-го февраля 1853 года окружной начальникъ Зубаревъ предписывалъ тому-же училищу избрать четырехъ питомцевъ Воспит. дома, имѣющихъ худой почеркъ и неспособныхъ къ канцелярскому дѣлу, для отправки въ г. Уфу «*въ обученіе типографическому искусству*». Въ 1863 году требовались мальчики, изъ окончившихъ курсъ, для отправленія въ Павловскую, Вятской губ., писарскую школу для обученія. Въ 1866 году наставникъ Батуринскаго училища просилъ Бѣлоярское волостное правленіе убѣдить вдову Ксенію Михайловскую отдать сына, окончившаго курсъ въ Батуринскомъ училищѣ, въ означенную школу, но вдова, по сообщенію правленія, не смотря на неоднократныя убѣжденія «въ присутствіи сельскаго управленія» и на увѣреніе, что сынъ ея будетъ избавленъ отъ рекрутчины, «желанія къ тому не открыла». Въ томъ-же году требовались мальчики изъ сиротъ, окончившихъ курсъ, въ Пермскую палату для *обученія фельдшерскому искусству*. Наконецъ, были случаи отправки окончившихъ курсъ въ училищахъ мальчиковъ-сиротъ для обученія на Казанскую сельско-хозяйственную ферму.

Въ 1846 году, согласно положенію Ученаго Комитета Министерства Имуществъ, утвержденному товарищемъ Министра, положено имѣть въ каждомъ училищѣ библіотеку—для руководства наставникамъ и чтенія учащимся. Въ составъ библіотеки должны были войти слѣдующія сочиненія: 1) описаніе способа взаимнаго обученія по системѣ Белля и Ланкастера, изд. 1820 г. по Высочайшему повелѣнію Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ; 2) Руководство къ упражненіямъ въ преподаваніи отечественнаго языка, Гугеля, 1843 г.; 3) Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ, соч. Максимовича; 4) Сокращенная грамматика Востокова, изд. Департамента Народнаго Просвѣщенія, Спб. 1840 года; 5) Русская грамматика для русскихъ, Половцева, напечатанная по Высочайшему повелѣнію, Спб., 1844 г.; 6) Ариѳметика на счетахъ Тихомирова, усовершенствованная Слободскимъ, 1830 г.; 7) Инструкція для преподаванія ариѳметики въ приходскихъ училищахъ, составленная старшимъ учителемъ 1-й Невской гимназіи Березницкимъ; 8) Курсъ скорописанія Половцева, 1843 года; 9) О всенародномъ распространеніи грамотности, въ 4 частяхъ: 10) Историческое чтеніе изъ книгъ Ветхаго завѣта; 11) Чтеніе изъ четырехъ Евангелистовъ и книги Дѣяній апостольскихъ; 12) Сельское чтеніе, 5 книжекъ; 13) Книга для чтенія воспитанниковъ; 14) Сельскій домашній лечебникъ; 15) Памятная книжка для православныхъ христіанъ; 16) Басни Хемницера; 17) Разсказъ Кагана Моисея Османа (?); 18) Завѣщаніе моимъ крестьянамъ; 19) Учебникъ русскаго языка, Половцева; 20) Руководство къ ариѳметикѣ.—Съ годами это первоначальное число книгъ пополнялось, но мало. По закрытіи въ 1853 году Канашевскаго и Сладчанскаго училищъ, существовавшихъ съ сентября 1843 года, 10 лѣтъ, въ библіотекахъ ихъ, перемѣщенныхъ въ Батуринское училище, было: въ первой 16 названій, а во второй 29, не считая учебниковъ. Въ библіотекѣ Батуринскаго училища, по сохранившейся описи 1862 года, т.-е. за 19 лѣтъ его существованія, состояло до 60 названій *).

*) Что было здѣсь, то, вѣроятно, было и въ другихъ училищахъ. Кромѣ вышепоименованныхъ сочиненій, а также разныхъ учебниковъ (азбукъ, прописей, начатковъ, часослововъ, руководствъ ариѳметики, грамматики), здѣсь были еще слѣдующія: Исторія христіанской православной церкви, Общественное богослуженіе православной церкви, Краткая св. исторія для народнаго чтенія, Краткое изъясненіе на литургію, Книга христіанскаго благонравія, Библейская исторія изъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго завѣта, Басни Крылова, Послѣдніе часы жизни императора Николая I, Другъ дѣтей, для первоначальнаго чтенія, Вечерній разсказъ странника на родинѣ, Сказка о двухъ Иванахъ, Сказка о трехъ братьяхъ—Семенѣ, Пахомѣ и Иванѣ, Краткая всеобщая исторія въ простыхъ разсказахъ, Русская исторія, Сказаніе о томъ, что есть и что была Россія,

Въ 1848 году, по желанію Министра Госуд. Имуществъ, 1-ый Департаментъ Министерства далъ предписаніе объ устройствѣ при училищахъ продажи книгъ, въ видахъ распространенія чтенія и духовно-нравственнаго образованія, преимущественно тамъ, гдѣ грамотность распространяется «съ лучшимъ успѣхомъ». Продавать книги предложено было безъ принужденія, а если не находилось покупателей, то дозволено было выдавать книги и просто для чтенія, съ отвѣтственностію читающаго за ихъ цѣлость. На первый разъ разосланы были въ нѣкоторыя школы Пермской губерніи для продажи слѣдующія 9 сочиненій: «Солдатъ Семенъ Ивановъ», «Берегись первой чарки», «Честность всегда полезна», «Христосъ грѣшную душу къ себѣ призываетъ», «Учебникъ русскаго языка» Половцева, «Курсъ скорописанія» и «Краткія правила преподаванія русскаго языка», его-же. Въ іюлѣ 1854 года 1-й Департаментъ, по соглашенію съ Святѣйшимъ Синодомъ, циркулярно предложилъ пріобрѣтать у книгопродавца Глазунова для продажныхъ библіотекъ еще слѣдующія сочиненія: Часословъ, Псалтирь, Житія св. отцовъ: св. Димитрія, митрополита ростовскаго, преподобнаго Нифонта, епископа новгородскаго, преподобной Евфросиніи, игуменіи обители св. Спаса въ Полоцкѣ, Антонія печерскаго, Θеодосія печерскаго, Прокопія, Христа ради юродиваго, Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, Александра Свирскаго, святителя Митрофана, Михаила, князя черниговскаго, и Θедора болярина. Въ 1856 году въ продажную библіотеку Батуринскаго училища, а вѣроятно, и въ библіотеки другихъ училищъ, были препровождены изъ окружнаго управленія еще слѣдующія сочиненія: Третья заповѣдь, О чтеніи св. писанія, Бесѣды стараго солдата съ крестьянами, Разсказъ о Богѣ, человѣкѣ

Краткая всеобщая географія, Краткое руководство къ математической географіи, Собраніе въ пользу юношества, учащагося ариθметикѣ, Краткій указатель обязанностей волостнаго и сельскаго управленій, Сборникъ постановленій для руководства волостныхъ и сельскихъ управленій, Правила о рекрутскихъ наборахъ, Правила о пріемѣ воспитанниковъ на учебныя фермы Министерства Госуд. Имуществъ, Разсказы для госуд. крестьянъ о круговой порукѣ и о сельской расправѣ, Наставленіе для управленія сельскими приходскими училищами въ селеніяхъ госуд. крестьянъ, Сельскій листокъ за 1860 и 1862 годы, Земледѣльческая газета за 1860, 1861 и 1862 годы; Сельская библіотека, Народный журналъ грамотеямъ, Ручная книжка для грамотнаго поселянина, Сельскія бесѣды, для народнаго чтенія, О многопольномъ полеводствѣ, Наставленіе о воздѣлываніи льна, Руководство въ изученію русской грамоты и счисленія, Краткія правила преподаванія русскаго языка, Половцева, Руководство къ чистописанію въ народныхъ училищахъ, Курсъ скорописи на память, Руководство къ чистописанію въ нар. училищахъ, Краткая метода пѣнія, Азбука начальнаго ученія простаго нотнаго пѣнія.

и природѣ, Грамматика Половцева, стоящая 60 коп., Евангеліе на славянскомъ языкѣ, Русская азбука съ прописями (60 коп.). Въ 1857 году послѣдовало распоряженіе Министра Госуд. Имуществъ о прекращеніи продажи книгъ Половцева и нѣкоторыхъ другихъ.

Посылались въ училища книги и для раздачи ученикамъ въ награду при окончаніи курса, именно: Сельскій домашній лечебникъ, Басни Хемницера, Краткій указатель обязанностей для должностныхъ лицъ волостныхъ и сельскихъ управленій, Грамматика Половцева, Листы съ гимномъ за царя, Памятная книжка съ отлитографированными подписями.

31-го декабря 1855 года 1-ый Департаментъ Министерства Имуществъ разослалъ циркулярное предписаніе палатамъ о снабженіи приходскихъ училищъ книгами и классными принадлежностями. Согласно этому предписанію, въ каждой школѣ должны были быть: а) учебныя книги для снабженія поступающихъ въ школы дѣтей госуд. крестьянъ, по 30 экземпляровъ въ каждомъ училищѣ; б) наградныя книги для раздачи ученикамъ при экзаменахъ, по 20 экземпляровъ; в) продажныя, для продажи крестьянамъ и учащимся, по 10 экземпляровъ; г) для чтенія учениковъ, по 10 экземпл., д) для руководства наставникамъ, по одному экземпл. При предписаніи былъ посланъ и реестръ книгамъ, которыя должны были быть въ училищахъ по каждой изъ означенныхъ категорій (этого реестра при дѣлахъ не сохранилось). Реестры всѣмъ имѣвшимся въ училищахъ книгамъ и класснымъ принадлежностямъ предписано оправить въ рамы и вывѣсить на стѣнахъ, «за подписью наставника, дабы ревизующіе могли производить провѣрку по онымъ», а для записи прихода и расхода книгъ въ каждомъ училищѣ «должна была быть особая тетрадь отъ палаты, за надлежащею скрѣпою».

Въ обстановкѣ училищъ, согласно упомянутому предписанію 31 декабря, должны были быть: икона, литографированный портретъ Его Императорскаго Величества, указъ 23 ноября 1842 года, классныя доски въ возможно большемъ количествѣ, счеты, по однимъ на двоихъ учениковъ, столы со скамьями соотвѣтственно числу учениковъ, столъ и стулъ для наставника и его помощника, шкафъ для храненія книгъ и классныхъ принадлежностей. Въ дѣйствительности всѣ эти вещи и были въ школахъ, а сверхъ того еще имѣлся въ школахъ портретъ министра Зеленаго, въ рамѣ за стекломъ; кромѣ реестровъ, книгъ и вещей, на стѣнахъ училищъ, по тому-же предписанію 1855 года, долженъ былъ вывѣшиваться, въ рамѣ за стекломъ, списокъ учащихся.

Содержаніе свое училища получали изъ казны. Согласно «Наставленію», наставники должны были получать въ годъ: тамъ, гдѣ не болѣе 25 учениковъ, 85 руб., гдѣ число учащихся доходитъ до 40—100 руб., а при большемъ числѣ—115 руб.; помощникамъ полагалось 75 руб. въ годъ. Окончившіе курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, прослужившіе въ учительской должности болѣе 6 лѣтъ, должны были получать полуторный окладъ, а болѣе 12-ти—двойной. Затѣмъ полагалось на учебныя пособія 27 руб. 50 коп., на сторожа 17 р. 50 к., на наемъ школьнаго помѣщенія и освѣщеніе 45 руб., а если училище помѣщалось въ общественномъ домѣ, то ассигнованныя на этотъ предметъ деньги должны были употребляться на ремонтъ и другія по устройству училища потребности.

Въ дѣйствительности наставники училищъ Шадринскаго уѣзда получали въ первые годы не болѣе 85 руб. въ годъ, а прибавокъ имъ не дѣлалось. Въ октябрѣ 1853 года Шадринскій окружной начальникъ предписалъ было, по распоряженію палаты, вслѣдствіе ревизіи чиновника Соччавы, Батуринскому волостному правленію разсчитывать впредь учителя Батуринскаго училища, діакона Меморскаго, изъ высшаго оклада (115 руб.), но въ ноябрѣ того-же года палата отмѣнила это распоряженіе, въ виду того, что всѣмъ-де наставникамъ назначенъ общій окладъ.

Съ 1853 года содержаніе всѣмъ наставникамъ увеличено до 100 р., а на остальныя потребности ассигновалось: помощнику и наставницѣ 75 руб., на учебныя пособія 27 руб., на наемъ домовъ—5 руб., на отопленіе и освѣщеніе 30 р., всего 264 руб., а на всю Пермскую губернію 12.375 руб.

Въ 1862 году Министерство Имуществъ, раздѣливъ всѣ училища на три категоріи—на мужскія, женскія и общія, а каждую изъ нихъ на два разряда, смотря по количеству учениковъ, установило такое содержаніе. Въ училищахъ второго разряда, гдѣ полагались одинъ наставникъ или одна наставница, жалованья имъ 100 руб., на наемъ помѣщенія, отопленіе и освѣщеніе 45, на учебныя пособія 27, на сторожа 17, всего на училище второго разряда 189 руб. въ годъ. На содержаніе училищъ, мужскихъ и женскихъ, 1-го разряда, гдѣ должны быть помощникъ или вторая наставница, ассигновалось болѣе на 75 р., т.-е. 264 руб. Въ училищахъ-же общихъ перваго разряда полагалось, кромѣ наставника, еще двое— помощникъ и наставница, а потому на содержаніе сихъ училищъ ассигновалось еще 75 руб., всего 339 руб. Если училище помѣщалось въ общественномъ домѣ, то изъ общей суммы ассигнованія исключалось 15 руб. Смѣта по со-

держанію училищъ составлялась въ Министерствѣ не ежегодно, а сразу на трехлѣтіе; порядокъ-же полученія содержанія училищами былъ такой. Въ первый годъ ихъ существованія наставники должны были сами являться за жалованьемъ по истеченіи трети года въ окружное управленіе, но уже въ 1844 году, вслѣдствіе ходатайства наставниковъ чрезъ преосвященнаго, установленъ былъ другой порядокъ: по истеченіи каждой трети года, а за послѣднюю треть въ половинѣ декабря, наставники посылали черезъ волостныя правленія рапорты въ окружное, и оно высылало имъ жалованье въ правленіе для выдачи. Въ послѣдующіе годы какъ жалованьемъ наставниковъ, такъ и другими суммами вѣдало волостное правленіе, получая его изъ казначействъ по третямъ года, по распоряженіямъ окружнаго начальства. Завѣдываніе отопленіемъ школы, освѣщеніемъ, наймомъ сторожа, снабженіе школы классными принадлежностями первоначально лежало на наставникѣ, который получалъ на это деньги изъ волостныхъ правленій, по отношеніямъ. Въ 1856 году, усмотрѣвъ какую-то неправильность въ расходованіи 27 руб., отпускавшихся на учебныя пособія, Пермская палата имуществъ взяла на себя, въ видѣ опыта, заготовленіе бумаги, оставивъ училищамъ въ распоряженіе на пріобрѣтеніе другихъ классныхъ припасовъ и принадлежностей 11 руб. (9 на январьскую треть и 1 руб. на остальныя). При требованіи бумаги, палата предписывала имѣть въ виду, что каждый ученикъ долженъ исписать въ годъ не болѣе 150 листовъ, а для соображенія дѣйствительнаго расхода на бумагу предписала оставлять исписанныя тетради при школѣ. Съ 1859 года означенными училищными нуждами, а съ 1862 года и пріобрѣтеніемъ бумаги распоряжалось волостное правленіе, препровождая въ училища всѣ классныя принадлежности и припасы, а равно дрова и свѣчи, и нанимая для училища сторожа.

Помѣщались штатныя училища, такъ-же какъ и церковно-приходскія, въ домахъ священниковъ, въ церковныхъ башняхъ и на квартирахъ. Ольховское и Канашевское помѣщались въ вышепомянутыхъ домахъ, пожертвованныхъ крестьяниномъ Воложенинымъ.

Училища состояли въ завѣдываніи трехъ вѣдомствъ: Министерства Государственныхъ Имуществъ, духовнаго начальства и Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Завѣдываніе хозяйственной частью въ училищахъ лежало всецѣло на вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ; но чиновники сего вѣдомства наблюдали и за учебною стороною, осматривая училища, представляя о состояніи ихъ вѣдомости и отчеты палатѣ. Кромѣ окружныхъ начальниковъ и ихъ помощниковъ, какъ ближайшихъ наблю-

дателей, ревизовали училища чиновники особыхъ порученій изъ Министерства и Пермской палаты; обозрѣвали училища и сами управляющіе палатами. Епархіальному архіерею принадлежало право согласія на опредѣленіе и увольненіе наставниковъ училища, а чрезъ благочинныхъ онъ наблюдалъ за учебно-воспитательною частью училищъ: благочинные получали отъ наставниковъ отчетныя вѣдомости и сами посѣщали училища.

По ст. 73 «Наставленія» предоставлялось право осмотра училищъ директорамъ и почетнымъ смотрителямъ, съ занесеніемъ наблюденій въ ревизіонныя книги и сообщеніемъ ихъ своему начальству. Въ 1844 году это право дано штатному смотрителю училищъ, и въ томъ-же году издано руководство къ обозрѣнію училищъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ. Въ 1847 г. попечитель Казанскаго учебнаго округа, отъ 4 марта, далъ знать дирекціямъ, что сельскія училища, учрежденныя въ казенныхъ имѣніяхъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, подчинены надзору общаго училищнаго начальства, и потому штатные смотрители должны обозрѣвать эти училища, не вмѣшиваясь въ хозяйственную часть и не дѣлая самостоятельно никакихъ распоряженій. Отъ 27 марта этого-же года попечитель округа предписалъ, чтобы штатные смотрители представляли отчеты по осмотру сельск. училищъ. Съ теченіемъ времени, вѣдомство гос. имуществъ, не считая, вѣроятно, своихъ чиновниковъ, въ особенности окружныхъ начальниковъ и ихъ помощниковъ, компетентными въ учебномъ дѣлѣ, допустило на практикѣ въ отношеніи къ своимъ школамъ расширеніе учебной власти штатныхъ смотрителей: такъ, штатный смотритель Шадринскаго уѣзднаго училища производилъ экзамены въ училищахъ и не просто излагалъ въ ревизіонныхъ книгахъ свои замѣчанія, а предлагалъ ихъ къ исполненію, а также выражалъ свою благодарность наставнику, даже въ присутстіи сельскихъ властей; между распоряженіями смотрителя встрѣчаются также такія, которыя касались и хозяйственной части, напримѣръ, перемѣщенія училища въ другое зданіе.

Что касается педагогическаго вліянія на сельскія училища въ періодъ ихъ существованія въ вѣдомствѣ Министерства Имуществъ со стороны Пермской дирекціи и учебно-окружнаго управленія, то этого вліянія по дѣламъ почти не видно. Какъ на исключеніе въ этомъ случаѣ, кромѣ вышеуказаннаго распоряженія, послѣдовавшаго отъ Пермской палаты гос. имуществъ, вслѣдствіе ревизіи училищъ попечителемъ округа въ 1850 г., относительно усиленія преподаванія славянскаго яз., можно указать еще на мнѣніе директора училищъ Пермской губ. Грацинскаго о способахъ преподаванія нѣкоторыхъ учеб-

ныхъ предметовъ въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ, препровожденное въ сельскія училища къ свѣдѣнію и руководству палатою гос. имуществъ въ 1853 г., однако, не въ цѣлости, а лишь на половину. Мнѣніе это настолько интересно, что мы приведемъ его здѣсь въ томъ видѣ, какъ оно было послано.

«Быть наставникомъ,—пишетъ директоръ,—значитъ быть орудіемъ для исполненія высокой, благодѣтельной цѣли образованія; значитъ быть двигателемъ развитія духовныхъ силъ дѣтей, сѣятелемъ на почвѣ жизни еще юной, дѣвственной, и горе тому, кто вмѣсто добраго зерна посѣетъ злое! А изъ этого слѣдуетъ, что въ душѣ каждаго наставника долженъ теплиться огонь любви къ Источнику свѣта, отечеству и законному Царю — отцу отечества. Духъ кротости, любви и терпѣнія—девизъ каждаго наставника; только съ этимъ девизомъ наставникъ можетъ выполнить свое назначеніе и только съ нимъ преподаваемая наука не будетъ мертвымъ, нерѣдко безобразнымъ, сухимъ произведеніемъ пытливаго ума человѣческаго, а живымъ, говорящимъ органомъ вѣчной мудрости, и, слѣдовательно, свѣтлой, путеводной звѣздою на скользкомъ пути жизни; а изъ этого очевидна и цѣль учрежденія учебныхъ заведеній: она состоитъ въ томъ, чтобы молодые люди, слушая преподаваемые имъ предметы, въ свое время были полезными членами общества; а этой высокой и благодѣтельной цѣли можно достигнуть только, если гг. преподаватели сами будутъ проникнуты совершеннымъ убѣжденіемъ въ истинной цѣли образованія и молодыхъ людей поведутъ къ оному прямымъ путемъ; свойство молодыхъ людей—какъ мягкій воскъ, способный принимать всякую форму, и потому наставникъ имѣетъ полную возможность передать своимъ воспитанникамъ каждую добрую и полезную мысль въ полномъ убѣжденіи, что она будетъ принята и усвоена: посѣянное на юной, дѣвственной почвѣ всегда всходитъ и приноситъ обильный плодъ. Въ настоящее время потребность образованія сдѣлалась всеобщею, необходимость просвѣщенія сознается всѣми; но при всемъ томъ въ учебныхъ заведеніяхъ замѣчается какой-то разладъ науки съ жизнью. Въ занятіяхъ учениковъ проглядываетъ какая-то неохота и холодность, и съ сожалѣніемъ видишь, какъ иногда пустыя удовольствія свѣта привлекаютъ молодыхъ людей гораздо больше, чѣмъ наука; причинъ подобнаго явленія надобно доискиваться въ тѣхъ несовершенныхъ способахъ, которыми наука передается юношамъ. Свѣжая, воспріимчивая природа юноши требуетъ преподаванія живаго и завлекательнаго, всѣ духовныя силы его требуютъ для себя пищи. Дѣйствовать на одинъ умъ дитяти недостаточно, надобно дѣйствовать и на его сердце и на его волю; надобно, чтобы истины науки не показались ему какими-нибудь отвлеченностями, иногда недоступными и для пониманія, нужно, чтобы молодой человѣкъ ясно видѣлъ ихъ примѣненіе въ дѣйствительной жизни и, слѣдовательно, ясно понималъ пользу преподаваемыхъ ему уроковъ. Науку можно вносить въ жизнь, а не представлять ее какимъ-то сухимъ скелетомъ, котораго дѣти боятся; потому преподаваніе должно быть по преимуществу практическое въ обширномъ смыслѣ.—Разсматривая это общее положеніе въ отношеніи къ предметамъ, преподаваемымъ въ уѣздномъ училищѣ, тотчасъ можно видѣть, на что особенно должно быть обращено вниманіе преподавателя, чтобы сдѣлать изъ его предмета всѣ полезныя примѣненія, а именно: 1) Основаніемъ всякому преподаванію служитъ Законъ Божій—страхъ Господень есть начало премудрости. Обязанность законоучителя въ особенности важна и священна; религія доставляетъ первое и существеннѣйшее благо для

*

человѣка въ жизни здѣшней и указываетъ вѣрный и прямой путь къ спасенію въ будущей; потому она должна руководить всѣми поступками человѣка. Внушенія молодому человѣку твердыхъ религіозныхъ понятій послужатъ самымъ надежнымъ орудіемъ къ его нравственному образованію, которое должно идти всегда впереди умственнаго. Высокія истины религіи просты и вразумительны для каждаго: надобно только умѣть передать ихъ, соображаясь съ возрастомъ и понятіями учениковъ; одно катехизическое изложеніе этихъ истинъ недостаточно дѣйствуетъ на душу,—нравоученія могутъ показаться или утомительными, или скучными, потому законоучитель долженъ подкрѣплять свои катехизическіе уроки примѣрами и почерпать эти примѣры изъ священной исторіи и, наоборотъ, изъ каждаго. разсказаннаго имъ, событія изъ священной исторіи извлекать полезныя нравоученія; притомъ дѣлать это такъ, чтобы ученикъ самъ всегда могъ высказать, какой урокъ извлекъ онъ для себя изъ преподаннаго ему библейскаго разсказа, или какой примѣръ знаетъ онъ изъ священной исторіи для подкрѣпленія той или другой нравственной мысли, преподанной въ катехизисѣ. Такимъ образомъ, оба предмета законоученія, будучи во всегдашней связи и взаимномъ примѣненіи, вѣрнѣе поведутъ къ своей цѣли—нравственному совершенствованію мальчика. Кромѣ того, законоучитель долженъ заботиться о томъ, чтобы дѣти знали всѣ необходимыя молитвы и внушить имъ убѣжденіе, что безъ молитвы и благословенія Божія ни одно дѣло человѣческое не можетъ имѣть успѣха».

Каковы-же были результаты дѣятельности Министерства Государственныхъ Имуществъ за періодъ существованія школъ съ 1843 года по 1867, когда они переданы въ вѣдѣніе дирекціи?

Прежде всего приходится отмѣтить тотъ фактъ, что школьное дѣло за означенный періодъ не развивалось, такъ сказать, въ количественномъ отношеніи. Мы видѣли, что въ 1843 году было открыто въ Шадринскомъ уѣздѣ 13 училищъ. Число это къ концу періода, въ теченіи почти 24 лѣтъ, увеличилось всего на *два* училища, причемъ въ нѣкоторые годы оно понижалось до 11.

Что касается числа учащихся, то свѣдѣнія о немъ въ дѣлахъ Шадринскаго училищнаго совѣта имѣются отрывочныя, за нѣкоторые годы, но и эти данныя показываютъ, что это число было незначительнымъ, и съ годами не увеличивалось. По имѣющимся даннымъ, съ 1845 до 1864 года, за исключеніемъ и между этими нѣсколькихъ годовъ, за которые нѣтъ свѣдѣній (1846, 1848, 1849 и 1862), т.-е. за пятнадцать лѣтъ, учениковъ, по спискамъ, въ штатныхъ училищахъ было 4.123, по 276,8 на каждый годъ. Ученицы встрѣчаются только въ трехъ училищахъ: по Батуринскому училищу, при которомъ было особое женское отдѣленіе,—свѣдѣнія о нихъ имѣются за 9 лѣтъ,—по Буткинскому (смѣшанному) за одинъ годъ (1859), по Далматовскому за одинъ-же (1863): въ первомъ за означенные годы было ученицъ 294, во второмъ—6, въ третьемъ—28. Въ Далматовскомъ женскомъ училищѣ, основанномъ въ 1861 году, а равно и въ Каргапольскомъ жен-

скомъ, открытомъ въ 1864 году, конечно, были ученицы, но свѣдѣній о числѣ ихъ нѣтъ. Можно, однако, считать несомнѣннымъ, что дѣвочекъ въ смѣшанныя школы не отдавали.

Наибольшее число учениковъ за вышеуказанные годы 398 (въ 1854 году), наименьшее 208 (въ 1863 г.), наибольшее число ученицъ въ женскомъ отдѣленіи Батуринскаго училища за упомянутые годы—26 (1856 г.), наименьшее 15 (1850 г.). Число учениковъ съ годами не увеличивалось, а, напротивъ, даже уменьшалось: въ 1845 году было ихъ въ 12 существовавшихъ тогда училищахъ—223, а въ 1863 году—208, впрочемъ, и училищъ въ этомъ году было 11. О наличномъ числѣ учащихся можно отчасти судить на основаніи помѣтки его во время осмотра училищъ штатными смотрителями и другими лицами. Такъ, по свѣдѣніямъ о 119 случаяхъ осмотра училищъ штатными смотрителями въ періодъ 20 лѣтъ (съ 1845 до 1865) значилось во время осмотра по спискамъ учениковъ 3.244, а на лицо ихъ было 2.385, т.-е. на 859 человѣкъ менѣе. При осмотрѣ женскаго отдѣленія при Батуринскомъ училищѣ штатнымъ смотрителемъ и другими лицами съ 1850 г. до 1859 г., т.-е. за 9 лѣтъ, по спискамъ училищъ значилось 221, а на лицо было 162, на 59 менѣе. Бывали случаи, что при осмотрѣ училищъ оказывалось учащихся менѣе половины ихъ номинальнаго числа, а при посѣщеніи Петропавловскаго училища штатнымъ смотрителемъ въ 1845 году на лицо было всего 3 мальчика, учившихъ буквы.

О качественной сторонѣ училищъ Министерства Государственныхъ Имуществъ мы можемъ судить на основаніи цѣлаго ряда начальственныхъ распоряженій, касающихся общаго состоянія училищъ какъ Шадринскаго уѣзда, такъ другихъ уѣздовъ Пермской губерніи и даже всѣхъ училищъ Имперіи.

Въ ноябрѣ 1843 года, по открытіи училищъ, окружной начальникъ, по распоряженію управляющаго палатою, усмотрѣвшаго, что въ нѣкоторыхъ училищахъ уѣзда поступило мало учениковъ, предлагаетъ наставникамъ убѣждать крестьянъ къ отдачѣ дѣтей въ училища, «представляя имъ, что это дѣлается для собственной ихъ пользы, а отнюдь не для опредѣленія ихъ дѣтей въ писаря», и даетъ знать, что, согласно распоряженію управляющаго, сдѣланному по предварительномъ соглашеніи съ преосвященнымъ Аркадіемъ, училища, въ которыхъ будетъ менѣе 15 учениковъ, будутъ считаться несуществующими. Вслѣдствіе сего распоряженія закрылось Петропавловское училище, какъ имѣвшее всего 3 учениковъ.

Послѣ изложеннаго распоряженія до 1851 года не видно общихъ

по уѣзду распоряженій, характеризующихъ состояніе училищъ; но о немъ за эти годы можно судить на основаніи краткихъ отчетовъ, лучше сказать, отчетныхъ вѣдомостей штатнаго смотрителя Шадринскаго уѣзднаго училища Чернавина объ осмотрѣ имъ сельскихъ приходскихъ училищъ. Изъ этихъ вѣдомостей видно, что число училищъ за означенныя 7 лѣтъ оставалось одно и то-же — 12, число учащихся увеличилось на 114, учебная часть въ общемъ была посредственною, напр., въ 1847 году она оказалась посредственной во всѣхъ школахъ, въ 1848 году весьма слабою въ пяти, а въ 1850 году въ четырехъ. Въ декабрѣ 1851 года, окружной начальникъ Зубаревъ, вслѣдствіе предписанія управляющаго палатою, усмотрѣвшаго изъ представленнаго ему списка питомцевъ Воспит. дома, обучающихся въ сельскихъ училищахъ, весьма слабые успѣхи въ преподаваемыхъ имъ предметахъ и объяснившаго это нерадѣніемъ наставниковъ, — предлагаетъ шести училищамъ принять мѣры къ отвращенію на будущее время подобной малоуспѣшности. Вслѣдъ за симъ, въ томъ-же декабрѣ, также по предписанію управляющаго палатою, окружной начальникъ предлагаетъ принять мѣры къ умноженію числа учениковъ, причемъ указываетъ на личное усердіе къ дѣлу наставниковъ и обращеніе къ содѣйствію сельскихъ властей.

Не смотря на означенное распоряженіе, въ маѣ 1852 года успѣхи питомцевъ Московскаго Воспит. дома найдены окружнымъ начальникомъ неудовлетворительными. Вслѣдствіе доклада о семъ палатѣ, управляющій палатою сообщилъ о неудовлетворительной успѣшности питомцевъ Воспит. дома его преосвященству, причемъ объяснялъ прискорбный фактъ нерадивостію наставниковъ, вслѣдствіе чего въ октябрѣ мѣсяцѣ сего года посланъ былъ наставникамъ училищъ указъ изъ Пермской духовной консисторіи объ обращеніи особеннаго вниманія при обученіи на питомцевъ Воспит. дома. Въ октябрѣ того-же года, согласно предписанію палаты, окружной начальникъ перемѣстилъ 20 слабыхъ по успѣхамъ учениковъ изъ трехъ училищъ въ Батуринское, такъ какъ изъ числа 13 училищъ округа *лишь одно это* признавалось «исправнымъ по отличнымъ успѣхамъ и изрядному прилежанію». Перемѣщенные ученики, видно, долгонько сидѣли въ училищахъ: двое между ними имѣли по 12 лѣтъ, остальные свыше, а одинъ былъ 17 лѣтъ.

25-го сентября 1853 года, управляющій палатою разослалъ окружнымъ начальникамъ губерніи циркуляръ слѣдующаго содержанія. Во время произведенной имъ въ этомъ году ревизіи училищъ, наставники жаловались ему, что у нихъ нерѣдко удерживаютъ жалованье безъ

всякой причины. Училищныя помѣщенія большею частью устроены дурно, зимою бываютъ холодны, не снабжены въ достаточномъ количествѣ мебелью и нужными для обученія мальчиковъ «письменными прописями», что замѣтилъ и его преосвященство при обозрѣніи епархіи. Нѣкоторые-же изъ окружныхъ начальниковъ довели до свѣдѣнія его, управляющаго, что многіе изъ госуд. крестьянъ, имѣя желаніе обучать своихъ дѣтей грамотѣ, не отдаютъ ихъ въ училище потому, что не видятъ въ наставникахъ довольно ревности и усердія къ обученію мальчиковъ. Послѣ многократныхъ наставленій, предписаній и личныхъ внушеній окружнымъ начальникамъ объ устройствѣ училищной части, не находя никакого извиненія въ допущенной въ семъ отношеніи безпечности, управляющій снова и въ послѣдній разъ строжайше подтверждаетъ окружнымъ начальникамъ наблюдать: а) чтобы жалованье наставникамъ училищъ, положенное по штату, выдаваемо было безъ всякаго замедленія и ни въ какомъ случаѣ не было у нихъ удерживаемо безъ предварительнаго разрѣшенія палаты; б) чтобы училищныя помѣщенія, по внимательномъ ихъ осмотрѣ окружнымъ начальникомъ, были исправлены и снабжены всею необходимою мебелью и письменными прописями къ началу ученья. Для поддержанія-же въ госуд. крестьянахъ ревности къ обученію дѣтей въ училищахъ, управляющій предписываетъ окружнымъ начальникамъ внимательно наблюдать за способностью и усердіемъ къ дѣлу наставниковъ и, обѣщая командировать особыхъ чиновниковъ съ подробными инструкціями, объявляетъ, что если и затѣмъ окажутся какіе-либо недостатки, могущіе служить поводомъ къ жалобамъ со стороны наставниковъ, то окружные начальники будутъ подвергаемы строжайшей и формальной отвѣтственности за опущеніе важнѣйшей своей обязанности, ибо народное образованіе есть предметъ первой важности, — за удержаніе жалованья, безъ предварительнаго разрѣшенія палаты, окружные начальники будутъ подвергаемы суду, какъ за превышеніе власти. Въ концѣ циркуляра управляющій «ставитъ во вниманіе» окружнымъ начальникамъ, что не «споры и не стѣсненія наставниковъ могутъ содѣйствовать къ улучшенію училищъ, а, напротивъ того, привѣтливое съ ними обхожденіе, приличныя внушенія и во всѣхъ необходимыхъ случаяхъ искреннее содѣйствіе», на что онъ надѣется и чего искренно требуетъ отъ всѣхъ мѣстныхъ начальниковъ. Въ этомъ-же году предписано окружнымъ начальникамъ осматривать училища, самолично или черезъ своихъ помощниковъ, каждый мѣсяцъ.

Послѣ такого строгаго распоряженія управляющаго палатою можно было ожидать, что учебное дѣло улучшится. Ничуть не бывало. Въ

ноябрѣ 1854 года окружной начальникъ фонъ-Ахтъ пишетъ училищамъ, что управляющій палатою замѣтилъ, что успѣхъ приходскихъ училищъ Шадринскаго округа весьма малъ и учащихся мало, что относится частью къ наставникамъ, а большею частью къ беззаботливости, нерадѣнію и небрежности волостныхъ и сельскихъ начальниковъ, которые дѣлаютъ ссылку на наставниковъ въ худомъ занятіи съ учениками, а послѣдніе на волостныхъ начальниковъ въ бездѣйствіи по отношенію къ школѣ. Чтобы положить конецъ этой взаимной ссылкѣ, окружной начальникъ строжайше предписалъ волостнымъ правленіямъ, чтобы мальчики собираемы были въ училища въ большемъ количествѣ, чтобы употребляемы были всѣ средства къ убѣжденію поселянъ отдавать своихъ дѣтей въ училища, для собственной ихъ пользы, чтобы волостные и сельскіе начальники посѣщали училища еженедѣльно и обращали все вниманіе на «дѣятельное занятіе», причемъ окружной начальникъ обязалъ волостныхъ писарей прочитывать имъ всѣ начальственныя предписанія «по сему важному предмету также еженедѣльно». Сообщивъ о вышеизложенномъ, Ахтъ предписываетъ наставникамъ «усугубить стараніе въ преподаваніи, употребить всѣ силы заслужить довѣріе поселянъ, чтобы они отдавали своихъ дѣтей въ училища, убѣдясь въ истинной пользѣ ученья, доносить о малѣйшихъ уклоненіяхъ волостныхъ начальниковъ отъ содѣйствія школамъ, для взысканія съ виновныхъ». Своимъ-же помощникамъ окружной начальникъ предписалъ во время разъѣздовъ по округу строжайше наблюдать за училищами и всякій разъ излагать въ ревизіонныхъ книгахъ свои замѣчанія о числѣ учениковъ и успѣхахъ ихъ.

Въ этомъ-же году осматривалъ, по порученію палаты, училища всей губерніи чиновникъ особыхъ порученій Козловъ. Въ своемъ отчетѣ по осмотру Козловъ сообщилъ, что «особеннаго вниманія по устройству училищъ заслуживаетъ Ирбитскій округъ, въ менѣе удовлетворительномъ состояніи находятся училища въ округахъ Камышловскомъ и Екатеринбургскомъ, за ними по степени успѣховъ и числу учениковъ слѣдуетъ округъ Шадринскій, а за симъ Верхотурскій, гдѣ всѣ училища находятся въ весьма неудовлетворительномъ состояніи». Вслѣдствіе этого отзыва, палата гос. имуществъ, въ апрѣлѣ 1855 года, излагая въ циркулярѣ окружнымъ начальникамъ результаты ревизіи Козлова, въ частности по Батуринскому училищу, найденному ревизоромъ въ хорошемъ состояніи, между прочимъ, пишетъ: «Діаконъ Меморскій отличается примѣрнымъ усердіемъ и способностью какъ въ обученіи дѣтей, такъ и въ пріохочиваніи ихъ къ ученью, доказательствомъ тому служитъ то, что число учащихся во ввѣренномъ ему училищѣ

ежегодно возрастаетъ, не смотря на значительные выпуски; примѣръ этотъ доказываетъ также, что усердіе и стараніе наставниковъ пріохотить дѣтей къ ученью точно также могли-бы увѣнчаться успѣхомъ и по другимъ училищамъ, къ чему священники, какъ пастыри, еще болѣе имѣютъ возможности, нежели дьяконъ, между тѣмъ повсемѣстно слышны отзывы о недостаткѣ учащихся и что крестьяне неохотно отдаютъ дѣтей». Въ заключеніи циркуляра палата сообщаетъ, что, на основаніи ревизіоннаго отзыва Козлова, представлены его преосвященству списки наставниковъ, съ отмѣткою ихъ отношенія къ школамъ, съ просьбою совершенно нерадивыхъ замѣнить, другихъ понудить къ усерднѣйшимъ и успѣшнѣйшимъ занятіямъ, старательныхъ-же поощрить.

Въ 1856 г. о неудовлетворительномъ состояніи училищъ Пермской губерніи писало уже Министерство Гос. Имуществъ. 1-й департаментъ Министерства, предписаніемъ отъ 30-го іюня, далъ знать Пермской палатѣ, что ревизовавшій государственныя имущества Пермской губерніи коллежскій совѣтникъ Тарасовъ въ рапортѣ своемъ, между прочимъ, объяснилъ, что число учащихся въ сельскихъ приходскихъ училищахъ весьма ограниченно, что наставники, отвлекаемые весьма часто обязанностями пастырей церкви, оставляютъ учениковъ надолго безъ надзора и обученія, родители большею частью берутъ дѣтей изъ училищъ прежде окончанія положеннаго срока обученія. Вслѣдствіе сего 1-й департаментъ предписываетъ палатѣ обратить особенное вниманіе на успѣхи учащихся, и если преждевременное оставленіе воспитанниками училищъ зависитъ отъ недостатка усердія наставниковъ, то войти въ сношеніе съ епархіальнымъ начальствомъ о перемѣнѣ неблагонадежныхъ и о послѣдующемъ донести.

Въ сентябрѣ 1857 года палата имуществъ, по разсмотрѣніи записки объ испытаніяхъ въ сельскихъ приходскихъ училищахъ, предписала Шадринскому окружному начальнику «обратить особенное вниманіе на методъ преподаванія въ училищахъ, рекомендуя наставникамъ объяснять предметы толково, чтобы ученики усвоили познаніе не механически, только на память, изъ уроковъ св. исторіи дѣлали-бы нравственное примѣненіе, а при повтореніи уроковъ и на экзаменахъ давали нравственные вопросы, приноравливаясь такъ, чтобы отвѣтъ на данный вопросъ мальчикъ имѣлъ въ урокахъ, что, заставляя мальчика мысленно повторять преподанное ему, будетъ помогать памяти и пріучать къ правильному пониманію преподаваемаго».

Въ ноябрѣ 1858 года палата имуществъ увѣдомляетъ окружнаго начальника Шадринскаго уѣзда, что на основаніи годовыхъ испы-

таній въ училищахъ Пермской губерніи, управляющій палатою просилъ архіепископа Неофита «понудить наставниковъ и поставить имъ въ строжайшую обязанность, чтобы они проходили свою должность со всѣмъ усердіемъ, добросовѣстностію и обращали особенное вниманіе на развитіе понятій въ ученикахъ и нравственную ихъ сторону, стараясь всего болѣе объяснять имъ преподаваемые предметы изустно, а не ограничиваясь только тѣмъ, чтобъ ученики знали уроки по руководительной книгѣ, и посвящали нѣсколько уроковъ на краткое объясненіе важнѣйшихъ праздниковъ православной церкви, какъ-то: Пасхи и двунадесятыхъ праздниковъ, присовокупивъ къ тому изученіе на память тропарей на эти праздники, съ возможнымъ ихъ поясненіемъ».

Неудовлетворительное состояніе сельскихъ приходскихъ училищъ Мин. Госуд. Имуществъ наблюдалось не въ одномъ только Шадринскомъ уѣздѣ, не въ одной только Пермской губерніи. Въ 1860 году о немъ доведено было до свѣдѣнія Святѣйшаго Синода.

Въ архивѣ Батуринскаго училища хранится копія съ указа Пермской духовной консисторіи св. Богомолову, въ которомъ говорится, что ревизіями управленій государственныхъ имуществъ обнаружены слѣдующіе недостатки въ сельскихъ приходскихъ училищахъ того вѣдомства: 1) наставники во многихъ училищахъ неудовлетворительной нравственности, по молодости лѣтъ или другимъ причинамъ, не соотвѣтствуютъ требованіямъ правительства; потому и цѣль училищъ—религіозно-нравственное образованіе крестьянъ—не достигается; 2) нѣкоторые священники, будучи весьма заняты по прямой своей обязанности, не въ состояніи употреблять достаточно времени на обученіе дѣтей въ училищахъ и посѣщая, вслѣдствіе того, училища не постоянно, охлаждаютъ въ крестьянахъ и дѣтяхъ ихъ рвеніе къ ученію; 3) на представленіе-же мѣстныхъ управленій госуд. имуществами и о замѣнѣ недостойныхъ или неисправныхъ наставниковъ другими не всегда обращается должное вниманіе духовнаго начальства; 4) образъ преподаванія во многихъ училищахъ состоитъ въ заучиваніи наизусть уроковъ, безъ пониманія ихъ смысла; 5) церковное пѣніе, обученіе которому сдѣлано обязательнымъ для наставниковъ, не сопровождается желаемымъ успѣхомъ и 6) по опредѣленіи наставниковъ прекращается большею частью дальнѣйшее наблюденіе со стороны духовнаго вѣдомства за успѣшностью и образомъ преподаванія въ сельскихъ училищахъ». Вслѣдствіе сего Св. Синодъ опредѣляетъ: «предписать вашему преосвященству: 1) чтобы вы вмѣнили мѣстнымъ благочиннымъ въ непремѣнную обязанность тщательное наблюденіе за правильнымъ и цѣлесообразнымъ ходомъ преподаванія въ сельскихъ училищахъ вѣдом-

ства государственныхъ имуществъ, 2) чтобы обращали на этотъ предметъ и личное свое вниманіе при обозрѣніи епархіи и приняли-бы, въ случаѣ надобности, зависящія отъ васъ мѣры къ устраненію замѣченныхъ недостатковъ, донеся о семъ и Св. Синоду. Приказали, съ изъясненіемъ сего указа, предписать благочиннымъ къ исполненію по 1-му пункту опредѣленія Св. Синода, а для исполненія по 2-му истребовать о состояніи означенныхъ училищъ обстоятельныя свѣдѣнія по представленнымъ при семъ формамъ».

Согласно разосланнымъ консисторіею печатнымъ формамъ, благочинные должны были дать подробныя свѣдѣнія о времени учрежденія училищъ, о помѣщеніяхъ, о препятствіяхъ къ благоуспѣшности, о затрудненіяхъ наставниковъ въ исполненіи обязанностей по училищамъ (по послѣднему пункту консисторія, между прочимъ, желая знать, не встрѣчается-ли священниками затрудненій къ прохожденію учительской должности вслѣдствіе отлучекъ въ приходъ съ требами).

Какія сообщенія даны были по указаннымъ формамъ и къ какимъ выводамъ пришло епархіальное начальство относительно училищъ, не знаемъ. Не имѣемъ свѣдѣній и о томъ, каково было состояніе училищъ со времени изданія указа до 1867 года, но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что указъ не измѣнилъ положенія дѣла, такъ какъ изложенныхъ въ немъ причинъ неудовлетворительнаго состоянія училищъ Пермская духовная консисторія не устранила, затребовавъ-же свѣдѣнія о состояніи школъ, въ частности о томъ, дѣйствительно-ли наставники-священники не имѣютъ возможности, за исполненіемъ своихъ обязанностей по приходу, относиться къ училищному дѣлу вполнѣ аккуратно, лишь выразила недовѣріе къ показаніямъ свѣтской власти.

О состояніи сельскихъ приходскихъ училищъ Шадринскаго уѣзда въ 1867 году, когда они перешли въ вѣдѣніе Министерства Нар. Просвѣщенія, можно заключить по ревизіонному отчету штатнаго смотрителя Шадринскаго уѣзднаго училища, Сорокина, представленному въ Пермскую дирекцію училищъ въ декабрѣ означеннаго года. Къ сожалѣнію, отчетъ состоитъ изъ ряда замѣтокъ по каждому училищу отдѣльно, безъ общаго заключенія,—замѣтокъ, притомъ, краткихъ и поверхностныхъ. Учебная часть училищъ можетъ быть, однако, представлена, на основаніи отчета, въ слѣдующемъ видѣ:

Училищъ вѣдомства государственныхъ имуществъ было въ 1867 году 15, 13 мужскихъ и 2 женскихъ. Учащихся въ первыхъ значилось по спискамъ 314 мужскаго пола и 8 женскаго (ученицы были въ одномъ Бродокалмацкомъ училищѣ); на лицо, при осмотрѣ училищъ, было мужскаго пола 254, женскаго 8. Въ женскихъ училищахъ,

Далматовскомъ и Каргапольскомъ, значилось по спискамъ 40 учениць, на лицо было 34. Въ мужскихъ училищахъ найдена была штатнымъ смотрителемъ слѣдующая успѣшность по предметамъ преподаванія.

По Закону Божію удовлетворительно отвѣчали 210 учениковъ, слабо 19 (объ успѣхахъ 33 не упомянуто). Въ числѣ удовлетворительныхъ поставлены 118, знавшихъ только молитвы, причемъ лишь въ одномъ училищѣ, Далматовскомъ, молитвы, по словамъ ревизора, «читали съ толкомъ, чего въ другихъ училищахъ не было». Неумѣвшіе (19) всѣ не знали молитвъ, при чемъ въ Буткинскомъ училищѣ «двое ничего не знали», пятеро не знали ни одной молитвы. Въ четырехъ школахъ не преподавалось священной исторіи. Катихизисъ преподавался механически: въ одной школѣ во время катихизическаго урока многіе изъ учениковъ сидѣли, «ничего не понимая». Если держаться современной точки зрѣнія на успѣшность по Закону Божію, т.-е. не считать успѣвшими тѣхъ, которые знали только молитвы, да и то механически, тогда на все число аттестованныхъ приходится неуспѣвшихъ болѣе 50%.

Читали удовлетворительно 128 учениковъ, слабо 38, изучали букварь 76 (объ успѣхахъ въ чтеніи и грамотѣ 20 не упоминается), слѣдовательно, незнавшихъ чтенія было до 47%. Какія книги читались въ школахъ и велось-ли славянское чтеніе, штатный смотритель не сообщаетъ.

О письмѣ въ четырехъ училищахъ штатный смотритель въ своемъ отчетѣ совсѣмъ не упоминаетъ. О письмѣ одного училища говоритъ: «прописи пишутъ нѣкоторые весьма порядочно». Въ остальныхъ школахъ писали прописи частію хорошо, частію удовлетворительно 87 человѣкъ изъ 162, бывшихъ на лицо, слѣдовательно, слабыхъ по этому предмету было болѣе 46%. Въ одномъ училищѣ могли писать подъ диктовку «нѣкоторые изъ мальчиковъ», но какъ могли — неизвѣстно.

Ариѳметикѣ въ трехъ училищахъ, по словамъ смотрителя, «не учили»; относительно одного помѣщено лишь вообще, что ариѳметика преподается здѣсь «безъ толку»; относительно другого также вообще сказано: «пройдено по ариѳметикѣ мало»; о преподаваніи ариѳметики *въ одной* школѣ не упоминается. Объ успѣшности по этому предмету въ трехъ училищахъ данъ общій удовлетворительный отзывъ. Успѣхи двухъ училищъ по ариѳметикѣ помѣчены вообще неудовлетворительными. Въ остальныхъ двухъ школахъ, гдѣ было на лицо 48 учениковъ, успѣхи 30 аттестованы удовлетворительно (въ томъ числѣ 8, писавшихъ только цыфры), слѣдовательно, слабыхъ по ариѳметикѣ въ этихъ двухъ школахъ свыше 37%.

О преподаваніи *пѣнія* штатный смотритель упоминаетъ лишь въ одномъ училищѣ, но и то безъ оцѣнки успѣховъ.

Между наставниками училищъ было: священниковъ 11, діаконовъ—1; кто занимался въ одномъ училищѣ—не упоминается. О дѣятельности пяти наставниковъ, въ томъ числѣ и одного діакона, штатный смотритель отзывается съ похвалою, находя, что они усердны и преданы дѣлу. Двое наставниковъ - священниковъ оправдывали неудовлетворительную успѣшность въ своихъ школахъ исполненіемъ своихъ обязанностей по приходу. Наставникъ Бѣлоярскаго училища, священникъ Плотниковъ, объяснялъ смотрителю, что почти не имѣетъ времени заниматься школой. Наставникъ Каргапольскаго училища, священникъ Поповъ, часто отрываемый въ приходъ для исполненія требъ, выразилъ штатному смотрителю желаніе, чтобы на его мѣсто былъ назначенъ особый учитель, которому онъ, священникъ, вмѣстѣ съ учительскимъ мѣстомъ передалъ-бы свое штатное жалованье, оставшись безмездно преподавателемъ Закона Божія въ двухъ училищахъ села, мужскомъ и женскомъ. Наставникъ Уксянскаго училища фактически показалъ смотрителю, что оставляетъ школу вслѣдствіе требоисправленій. По прибытіи штатнаго смотрителя въ это училище въ 2 часа, онъ не засталъ здѣсь ни наставника, ни его штатнаго помощника, псаломщика. Приглашенный въ училище, наставникъ явился сюда спустя 20 минутъ въ дорожномъ костюмѣ и объявилъ, что онъ сейчасъ-же долженъ ѣхать съ требой, а про своего помощника сказалъ, что онъ уѣхалъ въ деревню верстъ за пять. Были-ли въ школѣ ученики, смотритель не сообщаетъ, но, вѣроятно, были, потому что ревизія все-таки состоялась.

Состояніе женскихъ училищъ (двухъ) помѣчено въ спискѣ смотрителя удовлетворительнымъ. Въ томъ или другомъ занимались наставницы; одна—жена священника, получившая образованіе въ Екатеринбургскомъ монастырскомъ училищѣ, другая изъ дворянъ (образованіе ея неизвѣстно).

Училища помѣщались: въ церковныхъ зданіяхъ — 3, въ общественныхъ домахъ — 4, въ домахъ наставниковъ — 6, въ частныхъ квартирахъ—2.

Наставники получали жалованья по 100 руб., помощники и наставницы—по 75 руб. Наставница Каргапольскаго училища жаловалась смотрителю, что «не получала содержанія за двѣ трети». Въ двухъ училищахъ замѣченъ недостатокъ въ учебныхъ пособіяхъ.

В. Поповъ.

(Окончаніе будетъ).

Воспоминанія о женскомъ Ермоловскомъ училищѣ въ Москвѣ.

(Окончаніе).

II.

Новая эра.—Наши учителя: П. В. Евстафьевъ и г. Лепешовъ.—Слухи о соединеніи нашего училища съ Т...мъ. — «Т...кія дурнушки». — «Великое переселеніе народовъ».—Два враждебные лагеря.—Преобразованія въ учебной части.—Новая программа.—А. Н. Бекетовъ.—А. Е. Викторовъ.—Наша страсть къ чтенію, поощряемая какъ Ѳ. И. Буслаевымъ, такъ и А. Е. Викторовымъ.—Инцидентъ съ романомъ Теккерея «Базаръ житейской суеты» и попытки нашей попечительницы лишить насъ дарованныхъ намъ правъ и привиллегій. — Училищные экзамены.

Вѣроятно, мы долго еще пробыли-бы въ состояніи умственнаго оцѣпенѣнія и продолжали-бы изъ года въ годъ зубрить свои уроки по однимъ и тѣмъ-же опротивѣвшимъ намъ учебникамъ, если-бы, по какому-то, по истинѣ счастливому для насъ, стеченію обстоятельствъ, нашимъ инспекторомъ не сдѣлался Ѳ. И. Буслаевъ*), который очень скоро оцѣнилъ по достоинству практиковавшійся у насъ методъ преподаванія.

---

*) Когда настоящія воспоминанія уже находились въ распоряженіи редакціи, вышелъ № 11-й (1891 г.) «Вѣстника Европы», въ которомъ помѣщено продолженіе въ высшей степени интересныхъ воспоминаній нашего маститаго ученаго Ѳ. И. Буслаева. Въ XIV гл. этихъ воспоминаній (стр. 151—153), Ѳ. И. даетъ краткій біографическій очеркъ Алексѣя Егоровича Викторова, про котораго говоритъ: «въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ (онъ) былъ моимъ искреннимъ другомъ, усердно помогалъ мнѣ въ моихъ ученыхъ работахъ, и мы дѣлились съ нимъ нашими семейными радостями, заботами и печалями». А. Е. Викторовъ занималъ потомъ должность хранителя рукописей и старопечатныхъ книгъ въ московскомъ публичномъ и Румянцовскомъ музеѣ. По поводу его женитьбы на одной изъ бывшихъ воспитанницъ Маріинско-Ермоловскаго женскаго училища, Ѳ. И. Буслаевъ вспоминаетъ и о своей службѣ въ этомъ училищѣ. «Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ и въ началѣ шестидесятыхъ,—говоритъ онъ,—я былъ, между прочимъ, заинтересованъ женскимъ образованіемъ и безъ всякихъ служебныхъ обязательствъ и вознагражденія взялся инспекторствовать въ одномъ изъ женскихъ училищъ, состоявшихъ подъ попечительствомъ княгини С. С. Щербатовой, именно въ Маріинско-Ермоловскомъ. Въ качествѣ профессора я могъ дать этому заведенію самыхъ лучшихъ учителей изъ моихъ университетскихъ слушателей. Чтобы вы судили сами, достаточно будетъ назвать Кананова, нынѣ директора

Какъ опытный педагогъ и весьма энергичный человѣкъ, Ѳ. И., принявъ на себя задачу нашего образованія, рѣшился повести это дѣло совершенно иначе, чѣмъ оно велось до него. Но обставить училище лучшими педагогическими силами, при тѣхъ ограниченныхъ средствахъ, которыми оно располагало, было не легко, и выполнить эту новую задачу могъ только Ѳ. И., какъ одинъ изъ самыхъ популярныхъ московскихъ профессоровъ того времени.

Надо думать, что наша попечительница, приглашая Ѳ. И. къ намъ инспекторомъ, имѣла въ виду и то практическое соображеніе, что онъ могъ доставить училищу лучшихъ учителей за самое скромное вознагражденіе. Какъ видно, княгиня была особа весьма дальновидная и разсчетъ ея оказался вполнѣ вѣрнымъ. Ѳ. И., дѣйствительно, съумѣлъ привлечь въ наше училище самыхъ выдающихся преподавателей того времени, которые согласились давать у насъ уроки, разумѣется, не столько изъ матеріальныхъ разсчетовъ, сколько изъ безкорыстнаго желанія трудиться вмѣстѣ съ Ѳ. И. на пользу просвѣщенія.

Ѳ. И. Буслаевъ началъ свои преобразованія въ нашемъ училищѣ съ увольненія Шахова, который былъ замѣненъ двумя учителями — П. В. Евстафьевымъ по исторіи и географіи и г. Лепешовымъ по русскому языку.

Нашъ новый учитель исторіи и географіи съ первыхъ-же уроковъ съумѣлъ такъ заинтересовать насъ преподаваемыми имъ предметами, что часы его занятій казались намъ похожими скорѣе на занимательныя бесѣды, чѣмъ на настоящія классныя занятія, съ представленіемъ о которыхъ у насъ неизбѣжно являлось представленіе объ утомленіи и скукѣ. П. В. Евстафьевъ былъ дѣйствительно превосходный учитель, по сравненію-же съ Шаховымъ онъ показался намъ просто феноменомъ, совмѣщавшимъ въ себѣ и необыкновенныя познанія, и еще болѣе необыкновенный даръ передавать эти познанія въ самой простой и удобопонятной для насъ формѣ. Не знаю, какое впечатлѣніе мы произвели на нашего новаго учителя, но думаю, что онъ вынесъ не совсѣмъ лестное о насъ мнѣніе, когда, послѣ провѣрки нашихъ познаній въ исторіи и въ географіи, увидалъ, что они равняются нулю. Но за-то впечатлѣніе, произведенное имъ на насъ, было самое благопріятное и на столько сильное, что перешло даже въ крайность, которая выразилась эпидеміей обожанія, охватившей не только два старшіе

Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, и Поливанова, который впослѣдствіи основалъ лучшую изъ частныхъ гимназій. Въ свое Маріинско-Ермоловское училище я помѣстилъ преподавателемъ русской литературы и Викторова. Онъ увлекалъ своихъ ученицъ изложеніемъ подробностей изъ болѣе значительныхъ памятниковъ нашей старины, и онѣ любили его». *Ред.*

класса, въ которыхъ онъ училъ, но даже и маленькій классъ, мимо котораго онъ только проходилъ. Несомнѣннымъ признакомъ этой эпидеміи служило то обстоятельство, что даже самыя серьезныя и степенныя изъ нашихъ воспитанницъ начали обнаруживать какое-то легкомысленное настроеніе—причесывать себѣ волосы à la reine Margo или à l'anglaise и украшать себя разными цвѣтными ленточками и бархатками. Не знаю, до чего-бы мы дошли въ нашемъ малодушномъ желаніи походить не на школьницъ-подростковъ, а на «интересныхъ» и уже взрослыхъ дѣвицъ, если-бы наша попечительница, по благоразумному внушенію своей компаньонки, не положила конецъ нашимъ ухищреніямъ, издавъ указъ, въ которомъ намъ строго воспрещалось носить «пышныя куафюры», а тѣмъ паче украшать волоса цвѣтными ленточками и бархатками. Эта репрессивная мѣра была встрѣчена взрывомъ негодованія съ нашей стороны, обрушившимся главнымъ образомъ на компаньонку княгини, которую мы прозвали «презрѣнной наушницей» и прокляли «на всѣхъ вселенскихъ соборахъ», т.-е. на всѣхъ нашихъ сборищахъ въ дортуарахъ и въ корридорахъ.

Что-же касается до г. Лепешова, нашего новаго учителя русскаго языка, то онъ принадлежалъ къ числу скорѣе добросовѣстныхъ, чѣмъ выдающихся преподавателей и, повидимому, былъ приглашенъ къ намъ Ѳ. И. лишь на время, до пріисканія болѣе подходящаго учителя. Тѣмъ не менѣе, онъ усердно упражнялъ насъ въ грамматическомъ разборѣ, въ диктовкахъ и въ письменномъ изложеніи прочитаннаго.

Но около этого-же времени, т.-е. весною 1857 г., если я не ошибаюсь, въ нашей школьной жизни произошло другое важное событіе, вызвавшее у насъ необычайное волненіе умовъ. До насъ начали доходить какіе-то отрывочные и неопредѣленные слухи, что наше училище будетъ соединено съ другимъ точно такимъ-же Т—мъ училищемъ, находившимся также подъ вѣдѣніемъ нашей попечительницы. Эти слухи возбуждали въ насъ живѣйшее любопытство, и мы сами не знали, чего намъ желать — подтвержденія ихъ или опроверженія. Съ одной стороны, насъ увлекала жажда новизны и желаніе посмотрѣть на «Т—хъ дурнушекъ» (мы заранѣе были увѣрены, что онѣ всѣ до одной дурнушки), а съ другой—это легкомысленное желаніе казалось намъ похожимъ на преступную измѣну нашимъ традиціямъ. Между тѣмъ, слухи, такъ сильно интересовавшіе насъ, не только не прекращались, но, напротивъ, повторялись еще чаще и еще съ большей настойчивостью. Наконецъ, намъ было оффиціально заявлено, что въ такой-то день къ намъ явятся воспитанницы Т—го училища, вмѣстѣ

съ которыми мы и будемъ отправлены въ новое помѣщеніе, уже нанятое для насъ на Пречистенкѣ.

Можно представить себѣ, какой переполохъ произвела между нами эта вѣсть и съ какимъ нетерпѣніемъ ждали мы появленія нашихъ будущихъ товарокъ, которыхъ мы уже заочно прозвали и «дурнушками», и «замарашками». А что, какъ окажется, что эти дурнушки гораздо миловиднѣе и привлекательнѣе насъ и что онѣ во всемъ, рѣшительно во всемъ—и въ наукахъ, и въ музыкѣ, и въ танцахъ перещеголяли насъ?.. Нѣтъ, этого не можетъ быть! Ужъ изъ всеобщей исторіи мы навѣрно знаемъ побольше ихъ, не даромъ-же мы учились цѣлыхъ три мѣсяца у такого учителя, какъ П. В. Евстафьевъ. Да и изъ русскаго языка мы кое-чему понаучились у г. Лепешова, и теперь, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, но все-таки можемъ дѣлать грамматическій разборъ; по французски то-же болтаемъ, не то, чтобы очень бойко, но, въ случаѣ надобности, съумѣемъ пустить пыль въ глаза, благодаря цѣлому запасу трескучихъ фразъ, понахватанныхъ нами изъ разныхъ morceaux d'éloquence французскихъ классиковъ. Вотъ въ нѣмецкомъ языкѣ мы, дѣйствительно, сильно хромаемъ. Это тѣмъ болѣе досадно, что Ѳ. И. обращаетъ большое вниманіе на нѣмецкій... Какъ бы намъ не осрамиться передъ нимъ...

Мы были такъ поглощены грядущими событіями, что даже извѣстіе о томъ, что П. В. Евстафьевъ уѣзжаетъ изъ Москвы и навсегда покидаетъ насъ не произвело на насъ такого удручающаго впечатлѣнія, какое оно произвело-бы непремѣнно при другихъ обстоятельствахъ на всѣхъ его почитательницъ. Въ первую минуту, правда, это извѣстіе очень непріятно поразило насъ, но мы очень скоро утѣшились мыслью, что Ѳ. И. навѣрно пригласитъ къ намъ на мѣсто П. В. Евстафьева такого-же превосходнаго учителя. Мало того, мы были настолько неблагодарны, что принялись даже мечтать о будущемъ учителѣ исторіи.

Наконецъ, наступилъ и такъ нетерпѣливо ожидаемый нами день, въ который мы должны были встрѣтиться лицомъ къ лицу «съ Т—ми дурнушками». Часовъ въ двѣнадцать утра къ намъ нагрянула цѣлая толпа школьницъ отъ девяти и до семнадцати-лѣтняго возраста, выступавшихъ по парно въ такихъ-же точно «платьяхъ дудахъ» и «шляпахъ лукошкахъ», въ какихъ щеголяли и мы. Можно представить себѣ, какіе испытующіе, инквизиторскіе взгляды бросали мы на пожаловавшихъ къ намъ гостей и, разумѣется, тутъ-же дали имъ еще новую кличку «вороньихъ пугалъ». Но намъ не удалось вполнѣ удовлетворить свое любопытство, такъ какъ черезъ полчаса позвонили

къ обѣду, а затѣмъ оба училища, подъ предводительствомъ своихъ классныхъ дамъ, длинной вереницей двинулись съ Донской на Пречистенку. Это достопамятное путешествіе было отмѣчено въ нашихъ устныхъ анналахъ какъ событіе чрезвычайной важности и названо «великимъ переселеніемъ народовъ».

Сліяніе двухъ училищъ въ одно происходило крайне туго и съ большими затрудненіями. Мы, «Е—кая вольница», непремѣнно хотѣли первенствовать и задавать тонъ, а «Т—кія тихони» и «подлипалы» наотрѣзъ отказывались подчиняться намъ и признавать наше превосходство надъ собою. Намъ казалось просто нелѣпымъ, что эти «жалкія тихони» дерзаютъ считать себя равными намъ. «Вѣдь настоящія хозяйки здѣсь мы, а ужъ никакъ не онѣ,—разсуждали въ нашемъ лагерѣ,—и все здѣшнее то-же наше—и начальница наша, и классныя дамы наши и—главное—Ѳ. И. нашъ, значитъ, и всѣ хорошіе учителя то-же наши. Если-же мы и подѣлимся ими съ этими тупицами, то ужъ такъ—только изъ милости». «И что это воображаютъ о себѣ эти «Е—кія самохвалки!» возражали намъ изъ враждебнаго лагеря.—Наша начальница и классныя дамы сами не захотѣли имѣть никакого дѣла съ «Е—кой вольницей» А Ѳ. И. и учителей мы еще отвоюемъ у васъ, вотъ увидите!»—«Ну, ужъ этому не бывать, не бывать!» хоромъ повторяли мы. Тутъ ужъ начиналась настоящая перебранка, въ которой только и можно было разобрать возгласы: «Т—кія пугалы», «Е—кія самохвалки», «противныя подлипалы», «Е—кіе забіяки».

Такія и даже еще болѣе ожесточенныя схватки чуть не ежедневно происходили между нами и Т—ми воспитанницами въ первые два-три мѣсяца нашей совмѣстной жизни. Столкновенія происходили изъ-за всякаго пустяка—изъ-за марки «за русскій языкъ», переданной въ нашъ лагерь изъ Т—го, изъ-за книги или чернильницы, взятой нами у которой-нибудь изъ Т—хъ воспитанницъ, и пр. Никогда еще мы не были такими мелочными и сварливыми дѣвчонками, какъ въ то время. Впрочемъ, старшія и самыя маленькія изъ воспитанницъ вели себя гораздо сдержаннѣе и приличнѣе, такъ какъ первыя были разумнѣе, а вторыя пассивнѣе насъ—подростковъ, считавшихъ своимъ священнымъ долгомъ держать какъ можно выше свое училищное знамя.

Между тѣмъ, Ѳ. И. энергично продолжалъ начатое имъ дѣло преобразованія учебной части училища. Къ прежнимъ тремъ классамъ съ двухъ-годовымъ курсомъ былъ прибавленъ четвертый, то-же съ двухъ-годовымъ курсомъ. Для провѣрки познаній ученицъ соединенныхъ училищъ, каждый классъ былъ раздѣленъ на два параллельныя отдѣленія — до первой пересадки воспитанницъ по балламъ. Вслѣдъ

за этимъ, для насъ была выработана новая, болѣе пространная и болѣе отвѣчавшая потребностямъ времени учебная программа, причемъ особенно расширено было преподаваніе русскаго языка, въ составъ котораго вошло теперь не только основательное изученіе русской словесности, древне-славянскаго языка и памятниковъ какъ устной, такъ и письменной древне-русской литературы, но также и знакомство съ образцовыми произведеніями иностранной классической литературы.

Въ то-же время къ намъ были приглашены почти по всѣмъ предметамъ новые преподаватели, и въ числѣ ихъ А. Н. Бекетовъ, теперешній заслуженный профессоръ ботаники въ Петербургскомъ университетѣ, и А. Е. Викторовъ, бывшій впослѣдствіи хранителемъ памятниковъ древне-русской письменности въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ; первый—по предмету естественной исторіи, а второй—по русскому языку.

Мнѣ было-бы крайне трудно, почти невозможно очертить въ подробности дѣятельность А. Н. Бекетова въ нашемъ училищѣ за тѣ два года, въ которые мы пользовались его уроками. Скажу только, что онъ занимался съ нами не какъ учитель, задающій уроки и требующій болѣе или менѣе основательнаго приготовленія ихъ, а скорѣе какъ молодой профессоръ-энтузіастъ, хотя и сознающій всю умственную неразвитость своей аудиторіи, но твердо вѣрящій въ то, что труды его не пропадутъ даромъ и что, въ концѣ концовъ, ему удастся заинтересовать своихъ ученицъ преподаваемой имъ наукой, пробудивъ ихъ отъ той умственной спячки, въ которую онѣ были погружены. А пробудить насъ отъ усыпленія и если не заинтересовать наукой, то по крайней мѣрѣ заставить заниматься ею—было не легко. Въ особенности это было трудно для такого педагога-идеалиста, какимъ былъ А. Н., который считалъ предосудительнымъ внушать любовь къ наукѣ съ помощью нулей и единицъ, но руководствовался въ отношеніи насъ совершенно иными аргументами, всячески стараясь примѣниться къ уровню нашего умственнаго развитія, чтобы пріохотить насъ къ занятіямъ его предметомъ и развить въ насъ не поверхностное только, но вполнѣ сознательное отношеніе къ нимъ. Терпѣнію его во время занятій съ нами, лѣнивыми и тупыми школьницами, которыя и съ нравственной стороны были еще такъ неразвиты, что скорѣе злоупотребляли его снисходительностью, чѣмъ цѣнили ее, не было конца. Я не помню ни одного случая, когда А. Н. хотя на минуту вышелъ-бы изъ роли самаго гуманнаго и терпѣливаго педагога и сдѣлалъ-бы замѣчаніе или поставилъ единицу какой-нибудь тупицѣ и, вдобавокъ, лѣнтяйкѣ, сто разъ заслужившей, чтобъ ее безпощадно покарали. Однако,

какъ ни былъ терпѣливъ и энергиченъ А. Н., но борьба противъ нашей умственной апатіи, кажется, подчасъ порядочно утомляла его и приводила въ уныніе. Это замѣтно было изъ того, что онъ уходилъ иногда изъ класса далеко не съ такимъ бодрымъ и оживленнымъ видомъ, съ какимъ входилъ въ него. Разумѣется, мы не всѣ были такими отчаянными школьницами и записными лѣнтяйками, которыхъ можно было вразумлять только съ помощью единицъ. Нѣтъ, не только въ нашемъ—теперь третьемъ — классѣ, но даже и во второмъ были настолько любознательныя дѣвочки, для которыхъ интересныя занятія естественной исторіей представляли двойной интересъ подъ руководствомъ такого преподавателя, какимъ былъ А. Н., и приносили имъ громадную пользу.

Что-же касается до воспитанницъ старшаго класса, то онѣ не только не подвергали терпѣніе А. Н. такому тяжкому испытанію, какому подчасъ подвергали его мы, неразумныя третьеклассницы и второклассницы, но, напротивъ, занимались у него, повидимому, съ самымъ похвальнымъ усердіемъ и добросовѣстностью.

Скажу теперь нѣсколько словъ о нашемъ учителѣ русскаго языка, А. Е. Викторовѣ, который также много потрудился для насъ и память котораго должна быть особенно дорога всѣмъ бывшимъ его ученицамъ. Это, дѣйствительно, былъ педагогъ по призванію, преданный своему дѣлу до полнаго самоотверженія и имѣвшій громадное вліяніе не только на наши учебныя занятія, но и на весь процессъ нашего умственнаго развитія. Мы были совершенно неразвитыми, полуграмотными школьницами, кое-какъ дѣлавшими грамматическій разборъ, когда онъ занялъ мѣсто нашего учителя русскаго языка, а черезъ годъ, благодаря его толковому преподаванію, мы основательно знали обѣ части грамматики, довольно порядочно писали небольшія сочиненія, задававшіяся намъ на самыя разнообразныя и вполнѣ доступныя для насъ темы, которыя предлагались намъ всякій разъ въ такомъ количествѣ, что каждая воспитанница могла выбирать любую изъ нихъ для своего сочиненія. Въ томъ-же классѣ мы познакомились болѣе или менѣе подробно съ біографіями всѣхъ нашихъ замѣчательнѣйшихъ писателей—отъ Тредьяковскаго и до Пушкина включительно, выдающіяся произведенія которыхъ были прочитаны нами частью въ классѣ, частью въ свободное время. Сверхъ того, слѣдуя росписанію нашей учебной программы, мы прочли, въ третьемъ-же классѣ, Илліаду Гомера всю цѣликомъ, съ самыми подробными комментаріями нашего многосторонне образованнаго преподавателя.

Въ старшемъ классѣ занятія по русскому языку шли такъ-же успѣшно,

какъ и въ предыдущемъ, но они были такъ разнообразны, что описать ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ довольно трудно, поэтому я замѣчу только, что послѣдніе два года нашей школьной жизни были посвящены нами исключительно изученію древне-славянскаго языка и памятниковъ древне-русской письменности, а также и произведеній иностранной классической литературы. Кромѣ того, А. Е. постоянно упражнялъ насъ въ сочиненіяхъ, которыя мы обязательно должны были писать черезъ каждыя двѣ недѣли и къ которымъ онъ теперь относился уже гораздо строже. Наши «литературныя упражненія», повидимому, чрезвычайно интересовали не только нашего преподавателя, но и самого Ѳ. И., который желалъ, чтобъ мы вынесли изъ училища какъ можно больше полезныхъ знаній и вмѣстѣ съ тѣмъ пріучились сознательно думать и свободно излагать свои мысли письменно.

Въ старшемъ классѣ А. Е. изобрѣлъ даже весьма оригинальный понудительный способъ, въ видахъ развитія нашихъ писательскихъ способностей, посредствомъ котораго ему удавалось заставить даже и самыхъ нерадивыхъ и безталанныхъ «нашихъ писательницъ» потрудиться и поработать надъ своими сочиненіями. Явившись въ классъ съ нашими тетрадками, онъ начиналъ разбирать каждое «произведеніе», какъ самый придирчивый рецензентъ, желающій пронять какъ слѣдуетъ злополучнаго «автора» за всѣ его вольные и невольные промахи. Автора разбираемаго «произведенія» онъ не называлъ по фамиліи и даже избѣгалъ смотрѣть въ его сторону, но безпощадно громилъ его, указывая въ самой остроумной формѣ на всѣ несообразности, встрѣчавшіяся въ его «произведеніи». И бѣдный авторъ, узнанный всѣми по его смущенному и растерянному виду, переживалъ нѣсколько тяжелыхъ минутъ въ своей жизни. Особенно жутко приходилось во время этихъ «литературныхъ бесѣдъ» тѣмъ изъ нашихъ «авторовъ», которыя давали слишкомъ большой просторъ своей фантазіи въ ущербъ здравому смыслу.

Несмотря на то, что эти критическіе отзывы о нашихъ сочиненіяхъ повергали каждую изъ насъ поочередно въ крайнее смущеніе, они были такъ остроумны и убѣдительны, что мы потомъ только добродушно подсмѣивались другъ надъ другомъ, но никогда не претендовали на нашего придирчиваго рецензента, и большинство изъ насъ, сдавъ ему на судъ свои сочиненія, съ нетерпѣніемъ и нѣкоторой тревогой ожидали результатовъ ихъ оцѣнки.

Укажу здѣсь еще на одно обстоятельство, чрезвычайно благотворно вліявшее на наше умственное развитіе. Съ тѣхъ поръ, какъ учебная часть нашего училища перешла въ руки Ѳ. И. Буслаева, мы по-

лучили возможность удовлетворять нашу страсть къ чтенію уже не тайкомъ, а совершенно открыто, и притомъ совсѣмъ не такими произведеніями, какими намъ приходилось довольствоваться въ до-реформенныя времена и каковыя очень скоро утратили всякую прелесть въ нашихъ глазахъ.

Ѳ. И. началъ развивать наши литературные вкусы съ помощью произведеній англійскихъ романистовъ—Вальтеръ-Скотта, Диккенса и Теккерея, которыми онъ снабжалъ насъ при всякомъ удобномъ случаѣ, и нерѣдко вступалъ съ нами въ разсужденія по поводу прочитанныхъ нами романовъ, причемъ мы наперерывъ старались выказать передъ Ѳ. И. и современность, и даже глубину нашихъ воззрѣній, что, по всей вѣроятности, казалось чрезвычайно комичнымъ нашему уважаемому инспектору.

Случалось иногда—и даже очень часто,—что мы возвращали Ѳ. И. его книги въ такомъ истрепаннномъ видѣ, что намъ самимъ становилось совѣстно за нашу крайнюю неряшливость. Когда-же мы начинали извиняться и увѣрять Ѳ. И., что въ другой разъ мы не позволимъ себѣ такого варварскаго обращенія съ его книгами, то онъ добродушно успокаивалъ насъ, утверждая, что онъ предпочитаетъ даже, чтобы книги возвращались ему потрепанными, такъ какъ это служитъ для него несомнѣннымъ доказательствомъ того, что онѣ намъ понравились и прошли черезъ всѣ руки; если-же онѣ возвращаются ему чистенькими, то у него возникаетъ предположеніе, что онѣ не имѣли большого успѣха «въ средѣ нашей читающей публики».

А. Е. Викторовъ также приносилъ намъ массу книгъ, которыя мы усердно читали и не менѣе усердно рвали. Вообще, духъ истребленія сильно сказывался въ насъ въ это время. А. Е. хотя и не давалъ намъ carte blanche рвать и портить его книги какъ намъ угодно, но и не выражалъ никакого неудовольствія по этому поводу. Несмотря на всю мою тогдашнюю непрактичность и неумѣнье дѣлать какія-бы то ни было ариѳметическія вычисленія, мнѣ не разъ приходило въ голову, что, пожалуй, сумма жалованья, получаемаго у насъ А. Е., не превышала той суммы, которую онъ, по всей вѣроятности, тратилъ на реставрированіе истрепанныхъ и совершенно испорченныхъ нами книгъ. Вообще, наши великодушные педагоги приносили намъ не малыя жертвы, которыхъ мы не могли не цѣнить, хотя, быть можетъ, и не всегда умѣли пользоваться ими, какъ слѣдуетъ.

Какъ энергично отстаивалъ Ѳ. И. неприкосновенность нашихъ правъ на чтеніе отъ покушеній нашей попечительницы лишить насъ этихъ правъ—можно видѣть изъ слѣдующаго случая, происшедшаго уже въ

то время, когда мы были почти совсѣмъ взрослыми дѣвушками, чуть-ли не за годъ до нашего выпуска.

Начальницей нашей была тогда Е. И. О., смотрѣвшая на всѣ литературныя произведенія вообще какъ на ядовитые плоды отъ древа познанія добра и зла, а на развивавшуюся въ насъ страсть къ чтенію, какъ на бѣсовское навожденіе, угрожавшее намъ неизбѣжной гибелью какъ въ сей жизни, такъ и въ будущей. Разумѣется, эта особа считала своимъ священнымъ долгомъ неукоснительно слѣдить за тѣмъ, какими зловредными книжицами снабжалъ насъ, съ одной стороны, Ѳ. И., а съ другой—А. Е., и своевременно докладывать о томъ нашей попечительницѣ, присовокупляя къ этимъ докладамъ приличные случаю комментаріи и умозаключенія.

Какъ-то разъ, Ѳ. И. далъ намъ прочесть «Айвенго» Вальтеръ-Скотта и «Ярмарку тщеславія» Теккерея, носившую заглавіе «Базаръ житейской суеты» въ томъ переводѣ, который попалъ къ намъ въ руки. Взглянувъ на заглавія книгъ и многозначительно покачавъ головой, наша начальница молча возвратила ихъ намъ, но тотчасъ-же отправилась съ донесеніемъ кому слѣдуетъ. Попечительница, разумѣется, пришла въ ужасъ и явилась самолично спасать насъ отъ заразы, такъ неосторожно занесенной къ намъ Ѳ. И. Буслаевымъ.

— Покажите мнѣ послѣднія книги, которыя далъ вамъ Ѳ. И.!—вскричала взволнованная попечительница, позабывъ даже кивнуть намъ головой, когда мы встали при ея появленіи въ классѣ.

Мы молча подали двѣ названныя книги.

— «Айвенго»... Qu'est-ce-que c'est qu'Aivengo»... A coup sûr des bêtises, des aventures d'amour,—съ авторитетнымъ видомъ рѣшила попечительница, откладывая въ сторону романъ Вальтеръ-Скотта, въ который она даже не дала себѣ труда заглянуть, и переходя къ Теккерею:—«Базаръ житейской суеты»,—громко прочла она и въ негодованіи пожала плечами.—И вы прочли уже этотъ «Базаръ житейскихъ... треволненій... или какъ тамъ... приключеній»? спросила она, пронизывая насъ своими холодными, прищуренными глазками.

Мы молча и съ недоумѣніемъ смотрѣли на нее, рѣшительно не понимая, изъ-за чего она волнуется.

— Mais c'est affreux! C'est inoui! восклицала между тѣмъ попечительница, обращаясь уже къ нашей начальницѣ, то-же присутствовавшей въ классѣ.—Нѣтъ, этому надо положить конецъ, пока еще не поздно, рѣшительнымъ тономъ прибавила она.—Отберите у нихъ эти книги...

— Но, ваше сіятельство, Ѳ. И. желалъ...—послышался чей-то робкій голосъ.

— Прошу не разсуждать, а слушаться тѣхъ, кто умнѣе васъ,— строго прервала попечительница и удалилась изъ класса, повергнувъ насъ въ неописуемое волненіе.

— Что-жъ это такое, mesdames? Вѣдь это просто безобразіе! Неужели намъ опять придется пробавляться «Парижскими тайнами», какъ въ допотопныя времена? въ негодованіи повторяли мы. — Нѣтъ, мы должны постоять за себя... должны доказать, что мы не стадо барановъ... Нужно сейчасъ-же довести все дѣло до Ѳ. И., и самое лучшее написать объ этомъ Леночкѣ Мѣшковой (племянницѣ Ѳ. И., приходящей воспитанницѣ нашего класса, которая не явилась въ училище въ описываемый день по случаю праздника).

Нѣкоторыя изъ умѣренной партіи совѣтовали не дѣйствовать очертя голову, а подождать прихода Леночки и, переговоривъ съ нею лично, попросить ее увѣдомить Ѳ. И. о «возмутительномъ насиліи», которому мы подверглись. Но нетерпѣливое большинство ничего не хотѣло слушать и утверждало, что необходимо принять всѣ мѣры къ тому, «чтобы предупредить непріятеля и застать его врасплохъ», поэтому самое лучшее не терять ни минуты. Да, наконецъ, и съ начальницей гораздо лучше дѣйствовать смѣло, по моисееву закону—око за око... (Наша начальница дѣйствительно была настолько-же и труслива, насколько задорна). Пусть видитъ, что мы не очень-то испугались ея!..

Эти аргументы показались намъ настолько убѣдительными, что мы тотчасъ-же написали къ Леночкѣ Мѣшковой коллективное посланіе, приблизительно, такого содержанія:

«Дорогая Леночка! У насъ творятся просто неслыханныя беззаконія... Представь себѣ, у насъ отобрали книги Ѳ. И.! Говорятъ, что намъ *неприлично* читать ихъ!!! Какъ это тебѣ нравится? Начальница наговорила что-то попечительницѣ, которая явилась къ намъ въ самомъ грозномъ настроеніи, отняла книги и не велѣла намъ разсуждать... Неужели Ѳ. И. не заступится за насъ и позволитъ этимъ двумъ ханжамъ творить надъ нами все, что имъ вздумается? Скажи ему, дорогая Леночка, что мы возлагаемъ на него всѣ наши надежды, какъ на всегдашняго и единственнаго нашего защитника, и съ нетерпѣніемъ ждемъ его пріѣзда въ училище».

Посланіе это было вручено нашей вѣрной союзницѣ, дортуарной горничной Дуняшѣ, которая не замедлила доставить его по назначенію.

Письмо наше, какъ разсказывала потомъ Леночка, застало ее за обѣдомъ, и когда она прочла его Ѳ. И., то онъ торопливо всталъ изъ-за стола и объявилъ, что тотчасъ-же отправится къ намъ на выручку.

Явившись къ намъ въ классъ, Ѳ. И. прежде всего вручилъ каж-

дой изъ насъ на память по экземпляру Всеобщей исторіи Шульгина и, какъ ни въ чемъ не бывало, завелъ съ нами рѣчь объ этой книгѣ. Наконецъ, вошла и начальница, замѣтно взволнованная.

— А какъ вамъ понравился «Базаръ житейской суеты»? вдругъ спросилъ насъ Ѳ. И.—Не правда-ли, превосходная вещь? Это одно изъ лучшихъ произведеній Теккерея.

— Мы не читали его, Ѳ. И.,—отвѣтили мы.

— Отчего-же? Развѣ вамъ некогда было?

— Нѣтъ, не то, что некогда, но у насъ отняли ваши книги. Говорятъ, что намъ неприлично читать ихъ.

— Что?.. Что такое вы сказали? Мнѣ послышалось что-то странное... невѣроятное,—проговорилъ Ѳ. И. съ неподражаемо разыграннымъ удивленіемъ.

— Maman и попечительница находятъ, что намъ неприлично читать Вальтеръ-Скотта и Теккерея, повторили мы.—Вотъ, спросите у нея сами.

— Что это значитъ, Е. И.?—спросилъ Ѳ. И., обращаясь къ начальницѣ, которая казалась сильно смущенной, хотя и старалась придать себѣ непринужденный видъ.—Неужели княгиня въ самомъ дѣлѣ нашла неприличными книги, которыя я далъ воспитанницамъ?

— О, нѣтъ... напротивъ, Ѳ. И.,—отвѣтила начальница заискивающимъ тономъ и безпокойно озираясь по сторонамъ, при чемъ все лицо ея покрылось багровыми пятнами, — только... только ея сіятельство желаетъ, чтобы я просматривала все, что читаютъ воспитанницы.

— О, если такъ, вскричалъ Ѳ. И.,—то я прошу васъ сегодня-же... сейчасъ-же съѣздить къ княгинѣ и передать ей, что я ни минуты не останусь инспекторомъ училища, если она рѣшилась такъ безцеремонно контролировать мои поступки!

Дѣло приняло крайне непріятный для насъ оборотъ, и мы совсѣмъ пріуныли. Но на слѣдующій день Леночка Мѣшкова привезла намъ радостную вѣсть о томъ, что «врагъ побѣжденъ» и что попечительница прислала Ѳ. И. письмо, въ которомъ дала ему торжественное обѣщаніе не вмѣшиваться болѣе въ его распоряженія.

Попечительница пыталась также вторгаться и въ учебную область и не разъ обращалась къ учителямъ съ разными благими совѣтами относительно методовъ преподаванія. А. Е. Викторовъ въ подобныхъ случаяхъ всегда упорно молчалъ и безучастно смотрѣлъ въ пространство, какъ будто почтенная дама держала рѣчь къ совершенно постороннему лицу, а А. Н. Бекетовъ, съ самымъ хладнокровнымъ видомъ, дѣлалъ ей возраженія, приблизительно, такого рода:

— Что-же объ этомъ толковать, княгиня! Въ вопросахъ, касающихся учебной части, только Θ. И. и можетъ имѣть голосъ, какъ опытный педагогъ и какъ человѣкъ компетентный въ дѣлѣ преподаванія. *А мы съ вами* что-же тутъ смыслимъ?..

Только одного француза Круаза наша попечительница и считала стоящимъ на высотѣ занимаемаго имъ положенія и только ему одному, какъ образцовому учителю, она не находила нужнымъ дѣлать внушеній и руководить въ учебныхъ занятіяхъ.

Экзамены у насъ происходили не каждый годъ, а черезъ два года, т.-е. по окончаніи двухъ-годоваго курса и при переходѣ воспитанницъ въ слѣдующіе классы. Эти переходные экзамены были очень торжественны, такъ какъ на нихъ, кромѣ нашихъ властей и многочисленной почтенной публики, присутствовали также и профессора университета, изъ которыхъ, впрочемъ, я помню теперь только профессора французскаго языка Пако и профессора исторіи Вызинскаго, такъ сильно смутившаго меня какъ-то на экзаменѣ вопросомъ—что значитъ, въ буквальномъ переводѣ, слово «фронда», которое я упомянула, повѣствуя о временахъ Людовика XIV.

Дни экзаменовъ были для насъ, какъ и для нынѣшняго молодого поколѣнія, днями страшнаго суда. Но для насъ это время все-таки было не такъ тяжко, во-первыхъ, потому, что наши экзамены происходили не лѣтомъ, а зимою, передъ Рождествомъ, и намъ не приходилось усиленно заниматься въ лѣтнюю жару, а во-вторыхъ, потому, что у насъ экзаменаціонные баллы не имѣли рѣшающаго значенія на переходъ воспитанницъ изъ класса въ классъ. Нашъ педагогическій совѣтъ принималъ къ свѣдѣнію то обстоятельство, что воспитанницы большею частью являлись на экзаменъ въ ненормальномъ состояніи—до нельзя взволнованныя и смущенныя, поэтому мѣркой нашихъ познаній служили не поверхностныя отмѣтки на экзаменахъ, но болѣе вѣрная оцѣнка нашихъ занятій за весь двухъ-годовой курсъ.

И не смотря на это, мы невообразимо боялись экзаменовъ, вслѣдствіе чего иногда до такой степени терялись, что срѣзывались именно въ тѣхъ предметахъ, которые мы надѣялись сдать вполнѣ удовлетворительно. Да, все-таки время экзаменовъ и для насъ было по истинѣ критическимъ временемъ, но за-то какое оживленіе они вносили въ нашу однообразную жизнь и какую массу впечатлѣній они оставляли намъ послѣ себя! Мы долго потомъ припоминали, обсуждали и взвѣшивали всѣ событія, которыми сопровождались минувшіе экзамены, казавшіеся уже намъ теперь «только интересными и ничуть не страшными».

III.

Старшій классъ. Кое-что о нашихъ нравахъ и обычаяхъ. Наша начальница А. Г. С.—Дѣятельность ея преемницы, Е. И. О. — Нашъ школьный режимъ. — Университетскіе экзамены.—Прощаніе съ наставниками и подругами.

Оглядываясь теперь назадъ и мысленно переносясь къ тому отдаленному времени, когда мы изъ своенравныхъ и, подчасъ, несносныхъ школьницъ начали превращаться въ наивныхъ и мечтательныхъ молодыхъ дѣвушекъ, я съ какимъ-то особенно отраднымъ чувствомъ вспоминаю о нашихъ задушевныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, которыя скрашивали для насъ всѣ непригдядныя стороны нашей совмѣстной жизни. У насъ не было никакой неприкосновенной собственности—все дѣлилось пополамъ. Правда, намъ почти нечего было дѣлить, но то немногое, что мы имѣли, считалось общимъ достояніемъ. Мы, не стѣсняясь, брали въ столахъ своихъ сосѣдокъ все, что намъ было нужно—бумагу, перья, карандаши и пр., и имъ предоставляли широкое право хозяйничать въ нашихъ столахъ, какъ имъ вздумается. Даже и тѣ изъ насъ, которыя выказывали поползновеніе завести какую-нибудь собственность, заражались общимъ настроеніемъ и, въ концѣ концовъ, предоставляли въ распоряженіе общины свои чистенькія и старательно переписанныя тетрадки. И это дѣлалось не въ силу давленія «общественнаго мнѣнія», но совершенно свободно, такъ какъ «общественное мнѣніе» карало только тѣхъ, которыя выказывали нѣкоторую меркантильность при дѣлежѣ гостинцевъ; хозяйничать-же въ своемъ столѣ можно было и не позволить, ни мало не рискуя заслужить кличку скряги или сквалыги.

Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ нашихъ нравахъ и обычаяхъ замѣчались какія-то несообразности. Такъ, напримѣръ, не подѣлиться съ подругами гостинцами, по нашему мнѣнію, было очень нехорошо, продать-же свое право на полчаса музыкальныхъ упражненій за полъ-розанчика, т.-е. за скудную порцію булки къ чаю, нисколько не считалось предосудительнымъ.

Счетъ деньгамъ мы вели то-же по своему, совершенно упуская изъ виду то обстоятельство, что изъ копеекъ составляются гривенники, а изъ гривенниковъ рубли, и принимая въ соображеніе только пятачки, гривенники, пятиалтынные и пр. Поэтому пятачекъ считался у насъ если и не очень большой, то все-таки изрядной суммой, на которую счастливая обладательница ея могла пріобрѣсти цѣлыхъ четыре розанчика, или кринку молока, или-же, наконецъ, сверточекъ

карамелекъ. А составныя части этой суммы—копейка, двѣ, три и даже четыре—совсѣмъ не принимались въ разсчетъ. Точно также, въ суммѣ, состоящей, напримѣръ, изъ девяти копеекъ, деньгами опять-таки считался только пятачекъ, а на остальныя четыре копѣйки мы смотрѣли какъ на мелочь, не заслуживающую никакого вниманія.

Ссоры хотя и не рѣдко бывали между нами, но не оставляли въ насъ никакого раздраженія другъ противъ друга. Но бывали и такіе случаи, что двѣ повздорившія пріятельницы подолгу дулись одна на другую и этимъ добровольно казнили самихъ-же себя, потому что каждая въ душѣ жаждала примиренія, но изъ какого-то ложнаго самолюбія не рѣшалась первая сдѣлать шагъ къ возобновленію прежнихъ отношеній. Но, вообще говоря, мы были очень дружны между собою, тѣмъ болѣе, что насъ связывало все — и общіе интересы, и однѣ и тѣ-же симпатіи и антипатіи, и болѣе или менѣе одинаковыя мечты и стремленія. Благодаря этому, намъ какъ-то особенно легко дышалось и хорошо жилось въ нашей милой общинѣ.

Учителей мы подраздѣляли на три категоріи, смотря по тому, какъ они относились къ намъ: *на казенныхъ* учителей, ограничивавшихся только оффиціальнымъ задаваніемъ и спрашиваніемъ уроковъ, *неказенныхъ*—дѣйствительно интерессовавшихся нашими успѣхами, и *полуказенныхъ*, занимавшихъ средину между тѣми и другими. Сообразно съ этимъ и мы, разумѣется, однихъ изъ своихъ наставниковъ недолюбливали, другихъ, напротивъ, искренно любили и вѣрили каждому ихъ слову, а къ третьимъ были абсолютно равнодушны и на занятія у нихъ смотрѣли, какъ на отбываніе воинской повинности.

Попробую теперь провести параллель между нашими двумя начальницами, А. Г. С., и ея преемницей—Е. И. О., которыя обѣ оставили намъ о себѣ воспоминанія, одна—свѣтлыя и ничѣмъ не омраченныя, а другая то-же не менѣе яркія, но совершенно въ иномъ родѣ.

А. Г. только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ дѣлала намъ внушенія, и уже по одному этому они производили на насъ особенно сильное впечатлѣніе и повергали въ невыразимое смущеніе. Мы хорошо знали, что наша добрѣйшая начальница не любитъ насъ распекать. Мало того, мы замѣчали даже, что она просто страдала, когда мы вынуждали ее принимать съ нами строгій и суровый тонъ, поэтому мы чувствовали себя просто преступницами въ подобныя критическія минуты и приносили сердечное покаяніе въ своихъ провинностяхъ. Вообще, въ своихъ отношеніяхъ къ намъ А. Г. выказывала столько такта и въ то-же время столько сердечной теплоты и участія къ намъ, что мы всѣ искренно уважали ее и еще болѣе лю-

били. Даже самыя строптивыя изъ насъ—и тѣ признавали ея авторитетъ надъ собою, хотя и роптали подчасъ на то, что она, будто-бы, отличаетъ нѣкоторыхъ изъ старшихъ воспитанницъ, что, съ нашей точки зрѣнія, было уже слабостью. Но такъ какъ отличаемымъ не дѣлалось никакихъ послабленій, то мы совсѣмъ не чувствовали противъ нихъ раздраженія, и наше уваженіе къ любимой начальницѣ нисколько не умалялось.

Обязанности А. Г. были довольно сложныя, такъ какъ она должна была не только слѣдить за порядкомъ въ училищѣ, но и представлять отчеты по нашему содержанію, при чемъ наша разсчетливая попечительница постоянно ворчала за разныя якобы упущенія и недосмотры въ экономической части, а также и за то, что «насъ слишкомъ балуютъ и слишкомъ роскошно содержатъ». Для нашей начальницы, по мягкости ея характера и крайней совѣстливости, было особенно трудно ладить съ княгиней, доводившей понятіе объ экономіи до послѣдней крайности и обнаруживавшей въ этомъ отношеніи подчасъ просто невѣроятную мелочность, можно даже сказать—безсердечіе. До какой степени она безучастно относилась къ намъ, когда дѣло шло даже о грошовыхъ разсчетахъ, можно видѣть изъ слѣдующаго случая.

Наши выпускныя воспитанницы обыкновенно разъѣзжались по домамъ всѣ разомъ, на другой-же день послѣ экзаменовъ. Но какъ-то разъ случилось, что за одной изъ окончившихъ курсъ воспитанницъ долго не пріѣзжали изъ дома, и ей волей-неволей пришлось прожить лишній мѣсяцъ на казенномъ содержаніи. Увидѣвъ ее въ рекреаціонной залѣ черезъ недѣлю послѣ разъѣзда воспитанницъ ея выпуска, княгиня громогласно произнесла, указывая на нее начальницѣ: «Tiens, celle-la est encore ici! Mais c'est une bouche de trop que nous devons nourrir. Renvoyez la d'ici le plus vite possible!». Бѣдная дѣвушка, въ которой ея сіятельство, въ своемъ недосягаемомъ величіи, видѣла только одинъ лишній ротъ и больше ничего, горько расплакалась. Съ тѣхъ поръ, при появленіи княгини въ училищѣ, эту воспитанницу запрятывали, какъ контрабанду, въ верхніе дортуары или въ комнаты классныхъ дамъ, пока ее не взяли домой.

Вторая наша начальница, Е. И. О., какъ я уже сказала выше, не имѣла ничего общаго съ своей предшественницей. Прежде всего она потребовала, чтобы мы называли ее не иначе, какъ maman, чему мы хотя и повиновались, но не совсѣмъ охотно, потому что усмотрѣли въ этомъ новшествѣ подражаніе институтскимъ обычаямъ, а подражать мы вообще были не охотницы и всякое подражаніе презрительно

называли «обезьянствомъ». Къ тому-же, считая наши порядки болѣе разумными, чѣмъ институтскіе, мы полагали, что скорѣе институтки могли позаимствоваться кое-чѣмъ у насъ, нежели мы у нихъ.

Желая расположить насъ въ свою пользу, наша новая maman въ первое время ни въ чемъ не стѣсняла насъ, и мы начали уже думать, что она если не лучше, то и не хуже нашей прежней начальницы, а, пожалуй, даже и снисходительнѣе ея. Но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ мы стали замѣчать въ нашей maman нѣкоторыя странности: намъ начало казаться, что она какъ-то особенно враждебно относится къ тѣмъ изъ воспитанницъ, которыхъ посѣщали по воскресеньямъ братья, кузены, дяди и вообще особы мужскаго пола, не походившіе на дряхлыхъ старцевъ. Потомъ до насъ стали доходить слухи, что она выпытываетъ у классныхъ дамъ и даже у младшихъ воспитанницъ, въ какомъ родствѣ состоитъ та или другая изъ насъ съ нашими воскресными посѣтителями. Слухи эти показались намъ тѣмъ болѣе правдоподобными, что начальница и сама уже осторожно заводила съ нами рѣчь на ту-же тему, при чемъ какъ-то загадочно и «ехидно» улыбалась. Это сразу-же охладило насъ къ нашей maman, въ дѣйствіяхъ которой мы усмотрѣли намѣреніе «ввести у насъ систему шпіонства и доносовъ», и мы рѣшились держаться отъ нея какъ можно дальше и ни въ чемъ не уступать ей.

Наконецъ, намъ оффиціально было заявлено, что намъ разрѣшается принимать по воскресеньямъ только отцовъ и родныхъ братьевъ, кузенамъ-же и дядямъ входъ въ нашу обитель навсегда воспрещается. Разумѣется, это странное распоряженіе привело насъ въ сильнѣйшее негодованіе, но, по зрѣломъ размышленіи, мы рѣшились игнорировать его, будучи вполнѣ увѣрены, что наши родственники не подчинятся такой деспотической мѣрѣ и не допустятъ, чтобы ихъ такъ безцеремонно выпроваживали изъ училища въ пріемные дни. Предположеніе наше вполнѣ оправдалось, и Е. И. очень скоро убѣдилась, что ей придется отказаться отъ излюбленной мечты—изгнать зловредный мужской элементъ изъ нашего училища и устроить въ немъ нѣчто въ родѣ женскаго монастыря.

Потерпѣвъ пораженіе въ борьбѣ съ внѣшними врагами и нарушителями нашего спокойствія, т.-е. съ нашими кузенами и дядями, наша добродѣтельная начальница обратила все свое вниманіе на враговъ внутреннихъ—нашихъ учителей, общеніе съ которыми, по ея мнѣнію, было для насъ не менѣе вредоносно. Прежде всего она воздвигла гоненіе на нашего учителя географіи Мусатовскаго, котораго она возненавидѣла, во-первыхъ, за то, что онъ былъ молодъ, а, во-вторыхъ,

за то, что онъ осмѣливался подходить къ нашимъ лавкамъ, когда разсматривалъ наши географическіе чертежи, и при этомъ—представьте себѣ—даже... *дышалъ*, объясняя что-нибудь воспитанницамъ. Почтенная матрона такъ и выразилась: *Зачѣмъ онъ подходитъ къ вамъ и даже дышетъ?*

— Но, maman, вѣдь г. Мусатовскій задохнется, если не будетъ дышать? возразили мы, съ непритворнымъ удивленіемъ глядя на нее.

— Ахъ, перестаньте! Что съ вами толковать—вы ничего не понимаете! сердито сказала начальница и, вся раскраснѣвшись, ушла изъ класса.

— Какова? Хочетъ запретить Мусатовскому даже дышать въ классѣ?.. Пусть-бы сама попробовала не дышать!—со смѣхомъ заговорили мы, оставшись однѣ.

— Какъ вы думаете, mesdames, всѣмъ-ли учителямъ она собирается запретить дышать, или одному только Мусатовскому? Непремѣнно нужно спросить ее объ этомъ... А то, самое лучшее — прилѣпимте сейчасъ-же у себя на дверяхъ объявленіе о томъ, что съ нынѣшняго дня у насъ въ классѣ запрещено дышать всѣмъ учителямъ вообще, а Мусатовскому въ особенности: пусть знаютъ, какъ нужно вести себя въ обществѣ такихъ неземныхъ созданій, при которыхъ не только кашлять или сморкаться, но даже дышать считается неприличнымъ...

Однако, гоненіе, воздвигнутое на нашего бѣднаго учителя географіи не прекратилось и довело его, наконецъ, до такого озлобленія, что онъ потерялъ всякое терпѣніе и, наговоривъ начальницѣ грубостей, отказался давать у насъ уроки.

Мы, разумѣется, очень сожалѣли о такой развязкѣ и чуть не возвели г. Мусатовскаго на пьедесталъ героя, пострадавшаго за свои убѣжденія. При чемъ тутъ были его убѣжденія—я теперь, право, не знаю, но въ то время для насъ было несомнѣнно, что «онъ выдержалъ характеръ», «не смалодушничалъ» и не подчинился требованію *не дышать въ классѣ*.

Осиливъ одного противника, Е. И. не умиротворилась, но тотчасъже повела атаку противъ другого, не менѣе опаснаго врага — нашего учителя русскаго языка, А. Е. Викторова, смущавшаго нашъ миръ душевный, или, вѣрнѣе, нарушавшаго наше блаженное усыпленіе— и своими вольными рѣчами, въ которыхъ безпрестанно слышались слова: «любовь (!?) къ труду», «стремленіе къ идеалу (?)», «увлеченіе (!?) идеей» и пр., и съ помощью разныхъ подозрительныхъ книжекъ, въ родѣ сочиненій Гоголя, Пушкина, Гончарова, Тургенева и

даже Бѣлинскаго и Добролюбова, въ которыхъ тоже безпрестанно встрѣчались слова: любовь, чувство, увлеченіе, идеалы и даже—свобода!!!

Такого учителя-вольнодумца, разумѣется, слѣдовало устранить, а для этого необходимо было зорко слѣдить за каждымъ его шагомъ и прислушиваться къ каждому его слову. Но какъ ни слѣдила почтенная дама за подозрительнымъ учителемъ, какъ ни старалась ловить каждое его слово—ни выслѣдить, ни уловить рѣшительно ничего не могла. Тогда она перешла къ наступательнымъ дѣйствіямъ и начала одолѣвать его разными мелочными придирками. Но и это ни къ чему не привело: врагъ оказался до-нельзя хладнокровнымъ (по наружности, по крайней мѣрѣ) и рѣшительно неуязвимымъ.

Эта борьба происходила у насъ на виду и продолжалась очень долго—не только въ теченіе тѣхъ двухъ лѣтъ, которыя мы пробыли въ старшемъ классѣ, но, насколько мнѣ извѣстно, и въ послѣдовавшіе за тѣмъ два года.

Что касается до обращенія Е. И. съ нами, то на счетъ этого можно только сказать, что она совсѣмъ не обладала даромъ привлекать къ себѣ юныя сердца и поставила себя съ нами въ совершенно невозможныя отношенія. Мы обходились съ нею такъ непочтительно, какъ самыя неблаговоспитанныя школьницы, что, конечно, было очень непохвально, но, пожалуй, нисколько не удивительно, въ виду того, что она назойливо преслѣдовала насъ разными придирками, касавшимися или нашихъ воскресныхъ посѣтителей, или нашихъ разговоровъ съ учителями и выражавшимися иногда въ такой вульгарной формѣ, что мы считали себя совершенно въ правѣ хохотать ей въ лицо. Да и можно-ли было ожидать отъ насъ почтительнаго обращенія съ такой особой, которая все приводила къ одному знаменателю и, дѣлая намъ выговоры за непринужденное обращеніе съ учителями, съ досадой восклицала: «И что вы воображаете? Вѣдь они вамъ только головы кружатъ, а ни одинъ не женится!»

Да, наша maman была особа съ весьма странными, можно даже сказать—дикими понятіями. Если-бы она была настоятельницей какой-нибудь іезуитской общины или вообще какого-нибудь разсадника интригъ, сплетень и козней, то тамъ она, конечно, была-бы на своемъ мѣстѣ, но какъ начальница училища, гдѣ ничего подобнаго не требовалось, она никуда не годилась. Замѣчательно также и то, что она нисколько не претендовала за наше непочтительное отношеніе къ ней, но, вызвавъ насъ на какую-нибудь непозволительную грубость, тотчасъ-же пассовала и дѣлала намъ уступки, чѣмъ мы, разумѣется, всегда пользовались.

Не смотря, однако, на непріятныя столкновенія съ начальницей и нѣкоторыя другія невзгоды, послѣдніе два года училищной жизни какъ-то особенно быстро промелькнули для насъ посреди классныхъ занятій, чтенія и радужныхъ мечтаній о будущемъ, и наконецъ настало время—сначала нашихъ выпускныхъ, а потомъ и университетскихъ экзаменовъ, которые для насъ были обязательны для полученія дипломовъ на званіе домашнихъ учительницъ.

Какъ памятны мнѣ эти университетскіе экзамены и какое это было страшное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, веселое для насъ время! Не смотря на наше самомнѣніе и твердую увѣренность, что мы были, какъ по познаніямъ, такъ и по развитію, не только не ниже другихъ молодыхъ дѣвушекъ, успѣшно сдававшихъ экзамены въ университетѣ, «но, пожалуй, даже и повыше ихъ»,—въ глубинѣ души, мы все-таки ужасно боялись этихъ экзаменовъ. «А что, какъ срѣжемся, и экзаменаторъ публично скажетъ: «г-жа такая-то, возьмите вашъ протоколъ и поучитесь еще недѣльки двѣ, а потомъ пожалуйте ко мнѣ опять...» Вѣдь это будетъ неслыханный позоръ! Но нѣтъ, этого не случится, мы не посрамимъ репутаціи нашего училища. Вѣдь выдержали-же экзамены воспитанницы прежняго выпуска—и даже очень хорошо выдержали, а онѣ только два года пользовались уроками хорошихъ учителей, тогда какъ надъ нами они трудились цѣлыхъ четыре года, да еще какъ трудились! Нѣтъ, мы должны блистательно выдержать экзамены и хотя этимъ вознаградить нашихъ наставниковъ за всѣ ихъ труды и заботы о насъ».

Такія тревожныя мысли занимали насъ въ то время, какъ мы готовились къ предстоявшимъ намъ испытаніямъ и усердно штудировали разныя хронологическія таблицы и тексты изъ Филаретова катехизиса, которые мы успѣли уже позабыть за послѣдніе два года нашего пребыванія въ старшемъ классѣ. Благодаря толковому преподаванію нашихъ учителей, мы настолько основательно знали все, пройденное нами, что намъ не слишкомъ трудно было приготовиться къ экзаменамъ по университетской программѣ, и серьезно бояться мы должны были только экзамена ариѳметики, который дѣйствительно могъ сдѣлаться для насъ камнемъ преткновенія, такъ какъ въ этомъ предметѣ большинство изъ насъ были такъ плохи, что чувствовали крайнюю неловкость являться къ экзаменатору для того только, чтобы услыхать роковыя слова: «поучитесь еще и пожалуйте ко мнѣ опять недѣльки черезъ двѣ, черезъ три». Въ такомъ критическомъ положеніи мы очутились, разумѣется, по нашей собственной винѣ, такъ какъ нашъ учитель ариѳметики, г. Сахаровъ, былъ очень добросо-

вѣстный человѣкъ, и наше невниманіе и небрежное отношеніе къ его предмету сильно огорчало его. Но, не смотря на нашу, прославленную нами-же самими, развитость и современность воззрѣній, мы были дѣти своего вѣка и смотрѣли на ариѳметику, какъ на скучную и, пожалуй, даже не женскую науку. А между тѣмъ, мы мнили себя «самыми передовыми женщинами» и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ горячо высказывались за равноправность женщинъ съ мужчинами.

Въ первую-же среду послѣ святокъ, въ назначенный часъ, мы облеклись въ свои зимнія мантіи съ капюшонами, замѣнявшими намъ шляпы, и, въ сопровожденіи своей классной дамы, гурьбой направились къ подъѣзду, гдѣ насъ уже ожидали наемныя кареты, которыя должны были доставить насъ въ университетъ. Профессора, кажется, еще не было, когда мы вошли въ экзаменаціонный залъ, но экзаменующихся собралось довольно много. Всѣ держались какъ-то особенно чинно, говорили шопотомъ и вообще старались производить какъ можно меньше шума. Мы молча расположились возлѣ двухъ ближайшихъ столовъ у стѣны и съ томительной тревогой начали ожидать прихода профессора исторіи Вызинскаго, у котораго мы должны были экзаменоваться. Долго-ли продолжалось это напряженное состояніе и о чемъ спрашивалъ насъ профессоръ—я теперь не помню, знаю только, что экзаменъ сошелъ благополучно, и мы вернулись домой веселыя и торжествующія и въ этотъ день сочли уже себя въ правѣ не заглядывать въ учебники.

Слѣдующихъ экзаменовъ мы уже не такъ страшились, убѣдясь, что профессора совсѣмъ не такіе жестокосердые люди, которые ждутъ только случая, чтобы погубить экзаменующихся однимъ взмахомъ пера. Только мысль объ экзаменѣ ариѳметики смущала насъ, потому что мы совершенно основательно предполагали, что профессоръ Давидовъ совсѣмъ не пропуститъ насъ. Экзамена русскаго языка мы то-же побаивались, но по совершенно другой причинѣ. Большинство изъ насъ мечтало сдать экзаменъ русскаго языка съ особеннымъ отличіемъ, и если-бы эта честолюбивая мечта не осуществилась, если-бы, вмѣсто желаемаго *отлично*, мы получили даже *очень хорошо*, то это было-бы для насъ равносильно неудачѣ и повергло-бы въ сильнѣйшее горе. А между тѣмъ, тогдашній экзаменаторъ по русскому языку, Н. С. Тихонравовъ, считался однимъ изъ самыхъ строгихъ профессоровъ, и всѣ экзаменующіеся страшно боялись его. Не менѣе другихъ боялись его и мы и не разъ высказывали это въ разговорахъ съ посторонними воспитанницами. Но, сдавъ экзаменъ русскаго языка и полу-

чивъ желаемое *отлично*, мы уже совсѣмъ перемѣнили тонъ и съ самодовольнымъ видомъ принялись доказывать экзаменующейся публикѣ, «что профессоръ Тихонравовъ совсѣмъ не такъ страшенъ, какъ увѣряютъ, что онъ строгъ только къ тѣмъ, которыя не знаютъ основательно даже своего родного языка, и что этого не слѣдуетъ допускать»... Въ заключеніе, мы, какъ-бы вскользь, прибавляли, «что почти всѣ получили по русскому языку отличныя отмѣтки».

Насталъ, наконецъ, и роковой экзаменъ ариѳметики. Я отправилась экзаменоваться въ самомъ удрученномъ состояніи, будучи вполнѣ увѣрена, что никакія силы — ни земныя, ни небесныя — не спасутъ меня, и что я жестоко осрамлюсь. Профессоръ Давидовъ, безъ всякихъ предварительныхъ вопросовъ, прямо задалъ мнѣ какую-то задачу, къ разрѣшенію которой я тотчасъ-же и приступила и разрѣшила ее такъ, что экзаменаторъ только иронически улыбнулся и слегка пожалъ плечами, потомъ взялъ въ руки мой протоколъ и, просмотрѣвъ отмѣтки другихъ профессоровъ, къ величайшей моей радости, написалъ мнѣ *удовлетворительно*. Также блистательно выдержали экзаменъ ариѳметики и нѣкоторыя изъ моихъ подругъ, но были, впрочемъ, и такія, которыя вполнѣ заслуженно получили хорошія отмѣтки.

Вечеромъ, наканунѣ выхода изъ училища, мы устроили въ складчину прощальную пирушку съ чаепитіемъ и обильнымъ угощеніемъ, состоявшимъ, во-первыхъ, изъ карамелекъ и пряниковъ, а во-вторыхъ изъ сыра, копчушекъ и даже сардинокъ. Очень веселая это была пирушка! Хотя мы чувствовали себя совсѣмъ уже взрослыми дѣвицами, но еще не прочь были «тряхнуть стариной» и пошкольничать и никому изъ пирующихъ не давали задумываться.

Наше прощаніе съ Ѳ. И. Буслаевымъ и съ учителями было самое задушевное. Мы были уже не дѣти и хорошо сознавали, какъ много было сдѣлано для насъ. Большинство изъ насъ то-же намѣревались посвятить себя педагогической дѣятельности, и мы давали себѣ слово употребить все зависящее отъ насъ къ тому, чтобы оправдать надежды, возлагавшіяся на насъ нашими наставниками, и въ свою очередь принести посильную пользу нашимъ будущимъ воспитанникамъ и воспитанницамъ. Только этимъ путемъ мы и могли вознаградить нашихъ наставниковъ за всѣ труды, потраченные ими на насъ. Училище дало намъ все, что оно могло намъ дать. Конечно, запасъ нашихъ познаній былъ очень незначителенъ, но онъ служилъ для насъ достаточной подготовкой для пріобрѣтенія дальнѣйшихъ познаній, что вмѣнялось намъ въ долгъ первой важности нашими наставниками, которые всегда доказывали, что намъ необходимо учиться и по выходѣ

изъ школы, если мы желаемъ добросовѣстно выполнять наши будущія обязанности воспитательницъ. Передъ нами открывалась новая жизнь, о которой мы такъ много мечтали, но передъ вступленіемъ въ нее училище сдѣлалось намъ какъ-то особенно мило и дорого: забыты были всѣ наши и дѣйствительныя, и мнимыя горести, помнилось только хорошее—только то, что пробуждало въ насъ лучшія чувства и лучшія стремленія.

Послѣдовавшее затѣмъ разставанье съ подругами, разумѣется, не обошлось безъ слезъ, хотя мы и считали такое проявленіе чувства «постыднымъ малодушіемъ» и «институтскимъ миндальничаньемъ», но... человѣкъ слабъ, и наши искреннія слезы, сопровождавшіяся не менѣе искренними увѣреніями — никогда, никогда не забывать другъ друга, доказали намъ, что мы не сильнѣе другихъ смертныхъ. Глубоко взволнованныя и грустными, и радостными ощущеніями, мы разъѣхались, наконецъ, по домамъ.

С. Ф.

Замѣтка о причинахъ неуспѣха тѣлесныхъ упражненій въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Лѣтъ пятнадцать назадъ, въ нашихъ гимназіяхъ въ число обязательныхъ занятій введена была гимнастика: введена она была, нужно замѣтить, преимущественно съ утилитарною цѣлью: такъ, на нее, между прочимъ, возлагалась тяжелая задача исцѣленія недугующихъ, а на учителя гимнастики—тяжелая отвѣтственность выполнить эту задачу.

Но замѣчательно, что, вводя гимнастику въ число обязательныхъ занятій, совершенно упустили изъ виду назначить для нея опредѣленное время и устроить соотвѣтственное помѣщеніе. Этимъ упущеніемъ начальство гимназій поставлено было въ крайне затруднительное положеніе. Спустя нѣкоторое время, было указано на получасовую перемѣну, какъ на самое подходящее время для гимнастическихъ упражненій, и гимнастика стала производиться въ большую перемѣну. Получасовыми перемѣнами опредѣлились число и продолжительность уроковъ. Для гимнастическихъ занятій ученики дѣлились на шесть группъ, соотвѣтственно шести перемѣнамъ, и каждой группѣ назначалась одна изъ перемѣнъ, т.-е полчаса въ недѣлю. Такое распредѣленіе уроковъ гимнастики было обязательно для всѣхъ гимназій, независимо отъ численнаго состава ихъ, хотя число учениковъ въ различныхъ гимназіяхъ далеко не одинаково. Напримѣръ, гимназіи въ Петербургѣ имѣютъ отъ 450 до 600 учениковъ, тогда какъ въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ едва-ли наберется четверть этого количества.

Кромѣ того, при составленіи группъ нельзя руководствоваться однимъ численнымъ составомъ: нужно имѣть въ виду также возрастъ и естественное дѣленіе учениковъ по классамъ. Въ гимназіи 8 классовъ, а съ приготовительнымъ 9; поэтому, нѣкоторыя группы составлялись изъ двухъ классовъ. Но, руководствуясь возрастомъ, нельзя соединить въ одну группу, напр., шестой съ приготовительнымъ или первымъ, хотя-бы составъ этихъ двухъ классовъ соотвѣтствовалъ ровно шестой

части всего числа. Въ силу этого группы составлялись изъ ближайшихъ классовъ и были крайне неравномѣрны. Въ 7-й гимназіи, гдѣ я преподаю гимнастику, группы эти составлялись, примѣрно, такъ: 8-й съ 7-мъ, 6-й съ 5-мъ, 4-й съ 3-мъ, а 2-й съ 1-мъ и приготовительнымъ—каждый классъ отдѣльно; нѣкоторыя изъ этихъ группъ имѣли не болѣе 70 учениковъ, за-то иныя превышали сто.

Продолжительность урока гимнастики, по росписанію, опредѣлялась въ 25 минутъ: онъ начинался тотчасъ послѣ 3-го урока и оканчивался за пять минутъ до начала четвертаго; въ дѣйствительности-же урокъ никогда не бывалъ и не могъ быть болѣе 20 минутъ: минутъ пять, а иногда и больше терялись непроизводительно на сборъ учениковъ, на разстановку и приведеніе ихъ въ должный порядокъ.

Помѣщенія, гдѣ производилась гимнастика, чрезвычайно малы и въ большинствѣ случаевъ неудобны, не приспособлены для гимнастическихъ упражненій. Въ однѣхъ гимназіяхъ для этой цѣли служили узкіе полутемные корридоры, въ другихъ — рекреаціонныя залы съ паркетными полами, и только въ немногихъ, болѣе счастливыхъ, гимназіяхъ имѣются отдѣльныя гимнастическія помѣщенія, да и то крайне тѣсныя. Въ 7-й гимназіи для гимнастики отведенъ залъ, площадь котораго, незанятая снарядами, имѣетъ не болѣе 14 квадратныхъ саженъ. На этомъ пространствѣ едва-едва, и то съ грѣхомъ пополамъ, устанавливаются 70 учениковъ, а когда ихъ собиралось сто, что случалось два раза въ недѣлю, то положеніе учителя гимнастики бывало весьма затруднительнымъ.

Если гимнастика производилась въ корридорахъ и рекреаціонныхъ помѣщеніяхъ, то она состояла изъ однихъ, такъ-называемыхъ, вольныхъ движеній; если-же производилась въ гимнастическомъ залѣ, снабженномъ всѣми принадлежностями, то она состояла, главнымъ образомъ, изъ упражненій на снарядахъ. Исключительное преобладаніе вольныхъ движеній въ однѣхъ гимназіяхъ и упражненій на снарядахъ—въ другихъ вовсе не зависѣло отъ той или другой гимнастической системы; причиной такого явленія были условія, при которыхъ приходилось дѣйствовать учителю: отсутствіе снарядовъ обусловливало одни вольныя движенія и, наоборотъ, присутствіе ихъ часто исключало возможность вольныхъ движеній, по крайней мѣрѣ такихъ, какъ бѣгъ и прыжки.

Свободныхъ или вольныхъ движеній чрезвычайно много, и при умѣньи учителя ихъ можно разнообразить до безконечности. Всякое тѣлодвиженіе, производимое не на снарядѣ, будетъ свободнымъ или вольнымъ; кромѣ однообразныхъ движеній головой, туловищемъ, ру-

ками и ногами, къ свободнымъ движеніямъ относятся и такія сложныя упражненія, какъ бѣгъ, прыжки, танцы, фехтованіе и плаваніе. Послѣднія движенія настолько сложны, что составляютъ предметъ особаго обученія; но бѣгъ, прыжки и отчасти фехтованіе могутъ и должны входить въ гимнастику. Въ кадетскихъ корпусахъ значительная часть урока отводится именно бѣгу и разнообразнымъ прыжкамъ. Въ Петербургской духовной семинаріи, гдѣ гимнастика производится подъ моимъ руководствомъ, половина каждаго урока посвящается также бѣгу и прыжкамъ.

Имѣя въ виду вредъ сидячей жизни, а также ограниченность времени для физическихъ упражненій въ гимназіяхъ, я хотѣлъ-было придерживаться того метода, который выработанъ мною для духовной семинаріи, т.-е. занять учениковъ въ теченіи 20 мин. бѣгомъ, прыжками и нѣкоторыми другими сложными движеніями, которыя, не смотря на кажущуюся свою простоту, при исполненіи ихъ требуютъ участія почти всѣхъ мышечныхъ группъ, кромѣ мышцъ нижнихъ конечностей, посредствомъ которыхъ производятся самыя движенія, и мышцъ туловища, удерживающихъ всѣ тѣло въ равновѣсіи. Дѣятельное участіе принимаютъ здѣсь также мышцы верхняго пояса, производящія усиленное дыханіе, которое является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ бѣга и прыжковъ. Усиленное дыханіе при этомъ зависитъ не столько отъ увеличенной траты кислорода и повышенной потребности въ немъ, сколько отъ механическихъ условій подобныхъ движеній. Стало быть, бѣгъ и прыжки могутъ служить прекрасной гимнастикой для дыханія и кровеобращенія, что очень важно для учениковъ гимназій. Относительно малое участіе принимаютъ мышцы верхнихъ конечностей, но все-таки нельзя сказать, чтобы и онѣ были совершенно безучастны: при прыжкахъ, напр., руками производится сильный взмахъ; отъ взмаха руки пріобрѣтаютъ сильное движеніе впередъ, вверхъ и по инерціи тянутъ за собою тѣло, а если это движеніе совпадаетъ съ отталкиваніемъ отъ почвы ногами, то оно много увеличиваетъ силу прыжка. Руки, послѣ прыжка, свободно вытянутыя впередъ, служатъ также для уравновѣшиванія тѣла.

Въ качественномъ отношеніи эти движенія незамѣнимы. Во-первыхъ, бѣгъ и прыжки удобоисполнимы для всѣхъ возрастовъ, независимо отъ организаціи субъекта, потому что тутъ каждый производитъ движеніе, вполнѣ соотвѣтственное своимъ силамъ; во-вторыхъ, нѣтъ другихъ гимнастическихъ упражненій, которыя имѣли-бы такое разнообразіе въ оттѣнкахъ и переходахъ отъ однѣхъ мышечныхъ группъ къ другимъ, какъ именно эти сложныя движенія; въ-третьихъ

вслѣдствіе живости, естественности и цѣлесообразности, очевидной даже для учениковъ, эти упражненія особенно охотно исполняются ими. Прыжки имѣютъ еще одну выгодную сторону: они развиваютъ способность точно опредѣлять, руководствуясь зрительными впечатлѣніями и мышечнымъ чувствомъ, соотношеніе силы съ тѣмъ пространствомъ, которое приходится преодолѣвать, т.-е. развиваютъ ловкость и цѣлесообразность дѣйствій.

Но, какъ я уже сказалъ, при всемъ моемъ желаніи сдѣлать бѣгъ и прыжки обязательными для каждаго урока, я вскорѣ убѣдился въ неисполнимости этого. Когда на урокъ собиралось сто человѣкъ, въ залѣ, площадь котораго равняется 14 кв. саж., становилось такъ тѣсно, что разстояніе между рядами не превышало $^3/_4$ аршина, передніе и задніе ряды стояли почти вплотную къ стѣнѣ, всѣ углы были заняты, а самому учителю приходилось жаться между рядами: для него ужъ совсѣмъ не было мѣста. Какъ вы ни разставляйте учениковъ, какой порядокъ ни заводите, при подобной тѣснотѣ, кромѣ толкотни, ничего и быть не можетъ! Гдѣ ужъ тутъ заниматься гимнастикой, когда нельзя поднять руки, чтобы кого-нибудь не задѣть... Дѣти по натурѣ склонны къ шалостямъ, а тамъ, гдѣ существуютъ всѣ условія для этого, съ ихъ шалостями почти нѣтъ возможности бороться. Какими-бы благими намѣреніями ни былъ одушевленъ учитель, какъ-бы опытенъ и образованъ онъ ни былъ, онъ рѣшительно ничего не подѣлаетъ; волей-неволей онъ будетъ пробавляться самыми простѣйшими движеніями, а стало быть, самыми скучными и безполезными. Даже разнообразить и комбинировать эти движенія онъ не въ состояніи, потому что лишенъ возможности наблюдать за исполненіемъ ихъ: вѣдь невозможно одному человѣку услѣдить за упражненіями ста человѣкъ, особенно при исполненіи новой комбинаціи, когда возможны неправильности у многихъ. Еще труднѣе слѣдить учителю за исполненіемъ упражненій, если они производятся въ длинномъ корридорѣ; тутъ ученики могутъ шалить сколько угодно: учитель видитъ только ближайшихъ, большинство-же вовсе не входитъ въ поле его зрѣнія. Стало быть, всѣ размашистыя движенія и движенія, сопряженныя съ перемѣной мѣста (бѣгъ, прыжки, приготовительныя упражненія къ фехтованію) исключались сами собой—или въ силу тѣсноты и неудобства помѣщенія, какъ въ двухъ данныхъ случаяхъ, или въ силу невозможности ихъ производить, напримѣръ, въ рекреаціонномъ залѣ съ паркетными полами, гдѣ возможны частыя и опасныя паденія. Пробовалъ я производить бѣгъ на мѣстѣ, но такой бѣгъ скоро переходилъ въ шалость, потому что ученики въ топтаніи на одномъ мѣстѣ

не видятъ ни пользы, ни цѣли; они видятъ тутъ лишь однѣ смѣшныя стороны. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ я отказался отъ бѣга, допуская его только въ исключительныхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, на урокѣ присутствовало вмѣсто двухъ отдѣленій одно. Этимъ рѣдкимъ случаемъ я сейчасъ-же пользовался и устраивалъ бѣгъ: помѣщенія было достаточно, и бѣгъ вполнѣ удавался. И какъ потомъ пріятно было смотрѣть на раскраснѣвшіяся лица учениковъ, на ихъ бодрый и довольный видъ!

Если откинуть бѣгъ и прыжки и заниматься только скучными, однообразными движеніями головы, туловища, рукъ и ногъ, то, такъ-называемыя, свободныя движенія скоро надоѣдятъ и опротивятъ ученикамъ; они станутъ производить ихъ безъ всякаго напряженія, невнимательно, кое-какъ, а болѣе подвижные мальчики будутъ искать въ шалостяхъ удовлетворенія своей потребности къ движенію, ибо быстрыя и разнообразныя движенія суть физіологическая потребность дѣтскаго возраста, и только въ такихъ движеніяхъ дѣти и находятъ себѣ удовлетвореніе, а послѣ сидѣнья потребность въ таковомъ выражается еще рѣзче. Посмотрите на мальчугановъ, когда они соберутся на урокъ гимнастики, и вы воочію убѣдитесь, что̀ именно нужно. Они ждутъ живой многосторонней физической дѣятельности, и если-бы ихъ не удерживали, они сейчасъ-же бросились-бы бѣгать, скакать, лазать и проч., быстро переходя отъ одного предмета къ другому. Идя на урокъ гимнастики, они надѣются получить удовлетвореніе своему естественному влеченію, и, вмѣсто этого, находятъ мертвое педантическое разъединеніе движеній по сочлененіямъ; имъ предлагаютъ систему вмѣсто самыхъ движеній, форму вмѣсто содержанія. Какъ будто классной дрессировки для нихъ еще недостаточно! Вслѣдствіе этого, тамъ, гдѣ гимнастика состояла изъ однихъ лишь суставныхъ (вольныхъ) движеній, ученики положительно относились къ ней враждебно и всячески старались уклониться отъ уроковъ *). Въ 7-й гимназіи, въ которой прежде не имѣлось снарядовъ, я засталъ уже вполнѣ сложившееся и ничѣмъ непобѣдимое отвращеніе учениковъ старшихъ классовъ къ подобнымъ фи-

---

*) Повидимому, авторъ настоящей замѣтки не принадлежитъ къ безусловнымъ противникамъ свободныхъ движеній, ибо указываетъ, что эти упражненія были непріятны ученикамъ тогда, когда весь урокъ гимнастики волей-неволей долженъ былъ проходить въ продѣлываніи лишь однихъ вольныхъ движеній; тѣмъ не менѣе, однакожъ, считаемъ неизлишнимъ напомнить, что, по системѣ проф. П. Ф. Лесгафта, вольныя движенія непремѣнно должны входить въ кругъ гимнастическихъ упражненій и составлять серьезную часть каждаго урока, отъ $^1/_6$ до $^1/_3$ его. *Ред.*

зическимъ занятіямъ; въ другой-же петербургской гимназіи, въ которой для упражненій можно было пользоваться только узкими корридорами, тогда какъ на урокахъ присутствовало по 100 и 150 учениковъ, гимнастика была истиннымъ наказаніемъ и для учителя, и для учениковъ, и для начальства. Не мудрено, что между учителемъ и начальствомъ состоялось молчаливое соглашеніе—по возможности рѣже производить гимнастику; при этомъ нужно замѣтить, что учитель былъ человѣкъ знающій, опытный, давалъ уроки гимнастики въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ, гдѣ велъ дѣло прекрасно.

Можно положительно сказать, что гимнастика, состоявшая изъ однихъ суставныхъ движеній, не приносила ни малѣйшей пользы ученикамъ и была для нихъ только лишней обузой, — вотъ почему въ гимназіяхъ, гдѣ существовали гимнастическіе снаряды, упражненія производились на этихъ послѣднихъ и совершенно игнорировались вольныя движенія.

Упражненія на снарядахъ производились не въ силу ихъ полезности *), а, какъ уже сказано, вслѣдствіе невозможности разнообразить вольныя движенія, и также въ угоду ученикамъ, которые на снарядахъ все-же хотя что-нибудь да дѣлали...

Съ упражненіями на снарядахъ учителю слѣдуетъ обходиться осторожно. Если вольныя движенія нерѣдко не приносятъ пользы, за-то они не причиняютъ и особеннаго вреда, тогда какъ упражненія на снарядахъ, вмѣсто ожидаемой пользы, могутъ принести положительный вредъ.

При видимомъ разнообразіи снарядовъ, упражненія, производимыя на нихъ, въ сущности довольно односторонни. Шесты, канаты, наклонная лѣстница, мачты и другіе подобные имъ снаряды служатъ только для лазанія, т.-е. для упражненія однѣхъ и тѣхъ-же мышечныхъ группъ, такъ называемыхъ, сгибателей; антагонисты-же ихъ, разгибатели, не находятъ себѣ соотвѣтствующей дѣятельности — отсюда преобладающее развитіе сгибателей. Другіе снаряды, какъ-то: лошадь, параллельные брусья и проч., хотя и могутъ служить для упражненія разгибателей, но ихъ гораздо лучше совсѣмъ изгнать изъ школы въ виду тѣхъ механическихъ поврежденій, которыя тутъ возможны. Большая часть вывиховъ и переломовъ являются при упражненіяхъ именно на этихъ снарядахъ, когда руки служатъ опорой или стойкой для тѣла.

*) Въ послѣднее время, благодаря трудамъ, главнымъ образомъ, Лагранжа, мнѣніе о полезности упражненій на снарядахъ, какъ извѣстно, совершенно измѣнилось.

Для упражненій на снарядахъ всѣ участвующіе дѣлятся на группы, по числу снарядовъ; но во всякомъ случаѣ группъ не должно быть слишкомъ много. Учитель можетъ толково руководить одной, много двумя группами. Въ наставленіи для занятій гимнастикой въ войскахъ непремѣннымъ условіемъ ставится, чтобы при каждомъ снарядѣ былъ отдѣльный учитель; на томъ-же основаніи въ кадетскихъ корпусахъ у учителя гимнастики бываетъ по два помощника—монитора. Въ гимназіи-же учитель одинъ, никакихъ помощниковъ ему не полагается, хотя на урокахъ гимнастики въ гимназіи учениковъ бываетъ всегда больше, чѣмъ на урокахъ гимнастики въ кадетскихъ корпусахъ.

Раздѣлить учениковъ только на двѣ группы нельзя: группы будутъ слишкомъ велики, каждому участвующему придется долго ждать очереди и каждый ученикъ едва успѣетъ въ урокъ сдѣлать по два упражненія. Приходится, такимъ образомъ, дѣлить учениковъ на нѣсколько группъ. Я обыкновенно дѣлилъ на шесть группъ—это максимальное число, при которомъ я еще могъ кое-какъ слѣдить за порядкомъ.

Практика показала, что сто человѣкъ, раздѣленные на шесть группъ и поставленные соотвѣтственно передъ шестью снарядами, едва успѣваютъ въ полчаса продѣлать по очереди назначенныя упражненія. Если произвести эти шесть упражненій одно за другимъ, то при медленномъ исполненіи они потребуютъ 2—3 минуты, а при быстромъ—около $1^1/_2$ минутъ. Когда участвующихъ сто человѣкъ, то въ группѣ бываетъ не менѣе 16 человѣкъ. Эти 16 человѣкъ упражняются по очереди, одинъ за другимъ на шести снарядахъ. Такъ какъ урокъ продолжается 20 минутъ, то каждый изъ нихъ долженъ продѣлать всѣ упражненія въ 20 : 16, т.-е. въ $1^1/_4$ минуты, другими словами, ученикъ долженъ чрезвычайно быстро производить всѣ эти упражненія. Отсюда становится яснымъ, что ученикъ упражняется въ гимнастикѣ, когда она производится на снарядахъ, не болѣе 2-хъ минутъ, остальное-же время—18 минутъ—онъ долженъ ждать своей очереди. Ожидающіе очереди должны стоять смирно, ибо только при такомъ условіи возможно одному учителю заниматься со ста учениками и слѣдить сразу за нѣсколькими группами. Послѣ продолжительнаго физическаго бездѣйствія, ученикъ вдругъ производитъ сильное порывистое движеніе на снарядѣ; потомъ отдыхаетъ нѣсколько минутъ и снова производитъ такое-же движеніе; словомъ, въ теченіи 20 минутъ онъ дѣлаетъ шесть очень сильныхъ движеній, а все остальное время находится въ покоѣ. Не думаю, чтобы подобныя упражненія могли принести пользу; напротивъ, быстрые переходы отъ покоя къ сильному порывистому напряженію приносятъ скорѣе только одинъ вредъ...

Гимнастика въ томъ видѣ, въ какомъ она производилась въ заведеніи, не имѣла никакого смысла: въ этомъ всѣ, наконецъ, убѣдились; но причину неуспѣха видѣли прежде всего въ отсутствіи системы. Отсюда явилось требованіе ввести какую-нибудь опредѣленную гимнастическую систему, или-же создать свою, приспособленную спеціально для гимназій. Для обсужденія этого вопроса, два года тому назадъ, учреждена была особая коммиссія. Но прежде, нежели сдѣлались извѣстны результаты трудовъ этой коммиссіи, въ гимназіяхъ заговорили о «военной гимнастикѣ»; многіе директора стали требовать отъ учителей гимнастики, чтобы они обратили вниманіе на выправку учениковъ и ввели въ урокъ гимнастики строевыя занятія. Выработанная коммиссіей гимнастическая система была изложена въ инструкціи и затѣмъ циркулярнымъ распоряженіемъ введена въ обязательное руководство во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ инструкціи, къ числу необходимыхъ средствъ физическаго развитія, кромѣ гимнастики, были отнесены также строевыя занятія и игры. Въ программу строевыхъ занятій входятъ: выправка, повороты, вздваиваніе рядовъ, маршировка, ломка фронта и другія простѣйшія военныя эволюціи; кромѣ того, рекомендуются военныя прогулки. Вообще строевымъ занятіямъ инструкція придаетъ огромное значеніе въ дѣлѣ физическаго образованія юношества; имъ отведено такое-же мѣсто, какъ гимнастикѣ вмѣстѣ съ играми. Фронтовыя занятія могутъ быть ведены особо отъ гимнастики и поручены отдѣльному учителю; кромѣ того, они должны входить и въ уроки гимнастики, особенно въ первыхъ классахъ.

Послѣ общихъ положеній о пользѣ тѣлесныхъ упражненій, въ инструкціи довольно подробно излагается программа гимнастики. Въ этой программѣ упражненія раздѣлены на четыре отдѣла. 1) *Вольныя движенія:* элементарныя движенія, комбинаціи ихъ, сложныя движенія, бѣгъ, приготовительныя движенія къ плаванію и фехтованію. 2) *Упражненія съ подвижными снарядами:* разнообразные пріемы съ деревянными палками, вольныя движенія съ деревянными палками, пріемы метанія деревянной палкой, мячемъ и деревяннымъ шаромъ. 3) *Упражненія на неподвижныхъ снарядахъ.* Здѣсь перечислены всѣ снаряды, на которыхъ допускаются упражненія, съ раздѣленіемъ ихъ по степени трудности на три курса. Снаряды допускаются слѣдующіе: шесты, канаты, наклонная лѣстница, шведская мачта, горизонтальное бревно, козелъ, деревянная лошадь и параллельные брусья, словомъ — почти всѣ, какіе только существуютъ. Сюда-же отнесены разные виды прыжка,

и послѣднему по справедливости, отведено почетное мѣсто среди и упражненій на снарядахъ. 4) *Подвижныя игры.* Но этотъ важный отдѣлъ въ программѣ не разработанъ, есть только указаніе на руководство игръ Шмидта.

Програма гимнастическихъ упражненій, такимъ образомъ, дана довольно обширная, и составлена она на основаніи разныхъ существующихъ системъ. Въ отдѣлѣ упражненій на неподвижныхъ снарядахъ замѣтно вліяніе старой акробатической школы; въ описаніи пріемовъ бѣга и ходьбы есть позаимствованіе изъ «Наставленія для обученія войскъ гимнастикѣ»; составители инструкціи знакомы также съ системой и взглядами проф. Лесгафта, что видно изъ выбора вольныхъ движеній и комбинаціи ихъ, а также въ допущеніи метанія и игръ. Въ общемъ-же, программа эта очень похожа на программу физическихъ упражненій въ кадетскихъ корпусахъ.

Согласно инструкціи, уроковъ гимнастики должно быть 12, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы каждый классъ или отдѣленіе упражнялись не менѣе двухъ разъ въ недѣлю. Въ силу этого требованія, ученики дѣлятся на шесть гимнастическихъ группъ, и по прежнему эти группы имѣютъ по 70 и 100 человѣкъ. Присутствіе такого количества учениковъ допускается инструкціей, но при условіи, чтобы у учителя были помощники (на каждые 30 учениковъ долженъ быть отдѣльный учитель — помощникъ). Строевыя занятія устраиваются подобно гимнастикѣ: тѣ-же шесть группъ должны по два раза въ недѣлю заниматься фронтомъ; учителю фронта также полагаются помощники. Такимъ образомъ, по новой инструкціи, въ гимназіяхъ 24 часа въ недѣлю посвящается физическимъ упражненіямъ, и каждый ученикъ занимается два раза гимнастикой и два раза фронтомъ. На каждомъ урокѣ, соотвѣтственно группамъ, слѣдуетъ присутствовать учителю съ двумя помощниками. Словомъ, тѣлесныя упражненія организуются совершенно такъ-же, какъ въ кадетскихъ корпусахъ.

Относительно помѣщенія для тѣлесныхъ упражненій въ инструкціи говорится: «Вполнѣ хорошею гимнастическою залою слѣдуетъ признать такую, гдѣ на каждаго ученика приходится около квадратной сажени пола, такъ что для гимнастической группы въ 60 человѣкъ, которые упражняются разомъ, зала должна имѣть 12 саженъ длины и 5 ширины...» Въ большинствѣ случаевъ придется довольствоваться меньшимъ пространствомъ. Для обучающихся, въ крайнемъ случаѣ, достаточно и половины вышеупомянутаго пространства, не считая мѣста для гимнастическихъ снарядовъ. Эти требованія таковы, что имъ могутъ удовлетворить только кадетскіе корпуса; что-же касается учеб-

ныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, то большинство изъ нихъ не удовлетворяютъ даже минимуму указанныхъ требованій, что сознаютъ и сами составители инструкціи и дѣлаютъ такую оговорку: «Однако, ни одно учебное заведеніе не имѣетъ права совершенно отказываться отъ гимнастики за недостаткомъ помѣщенія, и учитель долженъ во всякомъ помѣщеніи заставить дѣтей дѣлать тѣ движенія, которыя возможны при данныхъ условіяхъ». Это замѣчаніе показываетъ, что требованія инструкціи могутъ быть и не выполняемы и что учителю предоставляется право выбирать упражненія по своему усмотрѣнію. Но чтобы физическое воспитаніе шло согласно инструкціи, мало однѣхъ писанныхъ программъ и предписаній, для этого нужны прежде всего соотвѣтственныя помѣщенія и средства. Нельзя допустить, чтобы рекомендуемыя упражненія съ палками, разнообразный бѣгъ, метаніе и игры, можно было производить въ тѣсныхъ или неудобныхъ помѣщеніяхъ; нельзя также возлагать руководительство группою въ 100 человѣкъ на одного учителя и требовать при этомъ строгой дисциплины.

Въ кадетскихъ корпусахъ гимнастикѣ предъявляются такія-же требованія, но за-то въ корпусахъ имѣются большія гимнастическія залы, плацы, а въ нѣкоторыхъ и манежи, тогда какъ въ гимназіяхъ ничего подобнаго нѣтъ. Въ кадетскихъ корпусахъ, если на урокѣ бываетъ 70 человѣкъ, то непремѣнно при участіи трехъ руководителей,—преподавателя съ двумя помощниками,—да при этомъ всегда присутствуетъ еще воспитатель. Затѣмъ, обученіе гимнастикѣ въ корпусѣ обходится въ сумму около 1.500 руб.; учителямъ дается помѣщеніе; обученіе фронту ведется въ кадетскомъ корпусѣ офицеромъ, и у него то-же имѣются два помощника, унтеръ-офицеры. Ничего подобнаго въ гимназіяхъ нѣтъ и, вѣроятно, долго не будетъ. По старому положенію, учителю гимнастикѣ полагалось въ гимназіи 300 руб. за шесть уроковъ; по новому положенію число уроковъ удвоилось, а вознагражденіе осталось то-же самое; вознагражденіе учителю фронта не опредѣлено вовсе, и первое время за уроки фронта гимназія ничего не платила. О помощникахъ не могло быть и рѣчи. Инструкція предлагаетъ въ помощники учителю лучшихъ по гимнастикѣ учениковъ, но странно предлагать мѣру, которая давно уже признана неудовлетворительной! Педагогика считаетъ неудобнымъ присутствіе въ классѣ болѣе 35—40 учениковъ, а на гимнастикѣ, гдѣ ученики находятся въ безпрерывномъ движеніи, гдѣ больше повода къ шалостямъ и гдѣ гораздо труднѣе услѣдить за ними, допускается сто учащихся; помощники изъ учениковъ никакой пользы принести не въ силахъ, ибо въ дисцип-

линарномъ отношеніи они не могутъ вліять на товарищей ,потому что имѣютъ власть надъ ними; руководить упражненіями можетъ только лицо авторитетное, но никакъ не ученикъ того-же класса.

Въ прошломъ году тѣлесныя упражненія ведены были по новой программѣ, и этотъ, такъ сказать, пробный годъ показалъ на дѣлѣ невыполнимость требованій инструкціи. Все дѣло, по прежнему, свелось на скучныя, однообразныя движенія: никакихъ игръ, никакихъ прогулокъ не производилось, даже бѣгъ и упражненія съ палками не могли практиковаться; фронтовыя занятія состояли изъ скучныхъ однообразныхъ движеній: поворотовъ, вздваиванія рядовъ и несложной маршировки, и этими упражненіями ученикъ занимался четыре раза въ недѣлю. Не мудрено, что нововведеніе интересовало учениковъ только вначалѣ, а потомъ занятія фронтомъ и гимнастикой надоѣли въ еще большей степени, нежели прежняя гимнастика: въ прежней гимнастикѣ если не было интереса, то не было и особыхъ стѣсненій, а теперь каждое, надоѣвшее до тошноты, движеніе нужно продѣлывать съ соблюденіемъ всѣхъ требованій дисциплины.

Въ инструкціи говорится, что фронтовыя занятія соотвѣтствуютъ дѣтской натурѣ и что дѣти охотно ими занимаются. Но дѣтской натурѣ прежде всего свойственна подвижность: дѣти не въ состояніи долго сосредоточиваться на одномъ предметѣ, они не могутъ продолжительно оставаться въ одномъ положеніи, а требованія фронта требуютъ именно этого. Если дѣти охотно играютъ въ солдатики, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что они съ удовольствіемъ станутъ учиться однообразнымъ солдатскимъ пріемамъ въ теченіи многихъ лѣтъ. Играя въ солдатики, дѣти удовлетворяютъ своей потребности въ движеніяхъ: бѣгаютъ, махаютъ палками, кричатъ; они не остаются долго въ одномъ положеніи, не производятъ скучныхъ поворотовъ, а главное—дѣлаютъ только то, что желаютъ: ихъ командиръ—вмѣстѣ съ тѣмъ исполнитель ихъ общей воли Ничего подобнаго серьезный фронтъ допустить не можетъ; да и странно представить себѣ, чтобы фронтъ, съ его строгой дисциплиной, изучался шутя: вѣдь только въ дисциплинѣ и можно допустить образовательное значеніе фронта, а никакъ не въ поворотахъ, полуоборотахъ и пр.

Мнѣ кажется, что фронтъ можно допустить только въ старшихъ классахъ, гдѣ ужъ и требовать его слѣдуетъ серьезно.

Ставя гимнастику наравнѣ съ образовательными предметами, необходимо цѣлесообразно организовать и занятія ею. Каждый классъ долженъ заниматься отдѣльно и руководить гимнастикой слѣдуетъ образованному учителю и пр.

Если гимнастикѣ придавать такое значенiе, какое придаетъ ей проф. Кольманъ, то требуется, прежде всего, чтобы она производилась каждый день и непремѣнно на открытомъ свѣжемъ воздухѣ; никакихъ стѣсненiй, лишнихъ разглагольствованiй при этомъ не должно быть— все должно производиться по примѣру учителя—живо, разнообразно и весело!

П. Бокинъ.

Причины половыхъ аномалій въ дѣтскомъ возрастѣ и мѣры къ предотвращенію и устраненію ихъ въ семьѣ и школѣ.

Популярная медицинская литература весьма обильна сочиненіями на тему о разныхъ аномаліяхъ въ отправленіяхъ половыхъ органовъ. Сказать что-либо новое или особенно поучительное въ этомъ направленіи едва-ли представляется возможнымъ. Однако, das ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu, — neu не потому, что дѣйствительно сообщаетъ то, чего никто не знаетъ, а потому, что отъ этой *alte Geschichte* вѣками страдали и страдаютъ милліоны смертныхъ, потому что отъ нея всякому, если не для самого себя, то для близкихъ, дорогихъ сердцу, приходится искать спасенія. Читатель ищетъ въ указаннаго рода сочиненіяхъ отвѣтовъ на тѣ вопросы, которые тревожатъ его по отношенію къ своимъ дѣтямъ или питомцамъ, такъ или иначе становящимся жертвами половыхъ увлеченій и часто гибнущимъ, не успѣвъ принести никакой пользы ни семьѣ, ни обществу и государству. Вслѣдствіе этого всякая книжечка о половыхъ безобразіяхъ, какова-бы она ни была, быстро раскупается, читается, обсуждается сотнями, тысячами...

Да, das ist eine alte Geschichte, тѣмъ не менѣе снова и снова возвращаются къ бесѣдѣ о ней...

Въ 1885 г. мнѣ предложено было директоромъ Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній, покойнымъ В. П. Коховскимъ, составить указаніе мѣръ противъ половыхъ аномалій въ учебныхъ заведеніяхъ. Я нашелъ наиболѣе удобнымъ сначала сгруппировать всѣ тѣ главныя причины половыхъ аномалій въ дѣтскомъ возрастѣ, какія уже указаны въ западной литературѣ, и затѣмъ, въ параллель этимъ причинамъ, указать на соотвѣтственныя мѣры къ борьбѣ съ ними. Наскоро составленный рефератъ былъ прочитанъ мною какъ въ постоянной коммиссіи Педагогическаго музея, такъ и въ IV секціи Об-

щества охраненія народнаго здравія, а затѣмъ отпечатанъ въ журналѣ «Медико-педагогическій Вѣстникъ» въ 1886 г.

Въ настоящее время вопросъ о мѣрахъ противъ половой распущенности снова оказался на очереди. Въ одномъ изъ засѣданій (14-го марта) Петербургскаго «Родительскаго кружка», между членами его, по поводу весьма интереснаго доклада А. М. Калмыковой *), произошелъ самый оживленный обмѣнъ мнѣній. Въ результатѣ состоялось опредѣленіе продолжать дебаты по вопросу и въ слѣдующихъ засѣданіяхъ кружка.

Такое сочувственное отношеніе къ разработкѣ вопроса навело меня на мысль представить на обсужденіе «Родительскаго кружка» то, что мною было писано о причинахъ половыхъ безобразій и о мѣрахъ противъ нихъ въ 1886 г., но въ переработанномъ, т.-е. въ исправленномъ и дополненномъ, видѣ.

Полагая, что мой трудъ можетъ разсчитывать на извѣстный успѣхъ и за предѣлами «Родительскаго кружка», я рѣшаюсь обнародовать его на пользу лицъ, интересующихся вопросомъ о мѣрахъ къ борьбѣ съ указаннымъ врагомъ дѣтей какъ въ семьѣ, такъ равно и въ школѣ, открытой и закрытой.

Причины половыхъ аномалій могутъ быть четырехъ родовъ:

I. Причины врожденныя.

Пр. 1 **). *Преждевременное половое развитіе.*

Тутъ надо обратить вниманіе не только на развитіе самыхъ половыхъ органовъ, но также и на тѣ части и органы тѣла, которые состоятъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ половой жизнью, какъ-то: тазъ, грудныя железы.

Пр. 2. Наличность у ребенка тѣлесныхъ признаковъ, не свойственныхъ его полу, или признаковъ, хотя и свойственныхъ его полу, но развивающихся не въ мѣру сильно сравнительно съ прочими признаками.

Въ числѣ признаковъ, несвойственныхъ полу, можно назвать широкій тазъ у мальчика и узкій у дѣвочки, преобладающую игру сгибательныхъ мышцъ у мальчика и разгибательныхъ у дѣвочки, что придаетъ мальчику женскую осанку, а дѣвочкѣ мужскую и т. д.

*) Докладъ А. М. Калмыковой, озаглавленный «Къ вопросу о задачахъ воспитанія въ области явленій, связанныхъ съ половою жизнью человѣческаго организма», напечатанъ въ апрѣльской книжкѣ «Русской Школы» за 1892 г.

**) Буквы *Пр.* означаютъ причины, а *М.*—мѣры къ устраненію ихъ.

М. 1. 2. Замѣчая въ ребенкѣ тѣ прирожденные признаки организаціи, которые предрасполагаютъ къ раннему проявленію половаго чувства и къ раннему его удовлетворенію, необходимо обращать на поведеніе ребенка болѣе тщательное вниманіе и, замѣтивъ подозрительную деталь въ формахъ или движеніяхъ тѣла, отступающую отъ нормы, слѣдить за тѣмъ, не вліяетъ-ли она такъ или иначе на образъ его жизни, на тѣлесныя и нравственныя отношенія его къ окружающимъ (къ дѣтямъ вообще или къ близкимъ товарищамъ въ частности). Въ случаѣ отрицательнаго результата наблюденій не слѣдуетъ давать ребенку и намека на то, что за нимъ наблюдали; въ случаѣ-же положительнаго результата—необходимо принять мѣры къ скрытію этой детали отъ глазъ окружающихъ, равно и къ отвлеченію отъ нея вниманія со стороны самого ребенка, и въ крайнемъ лишь случаѣ (еслибы ребенокъ, напр., обратился по поводу этого съ вопросомъ) прибѣгнуть къ выясненію ему того, что деталь эта не имѣетъ особеннаго значенія въ ряду остальныхъ, болѣе существенныхъ и важныхъ деталей тѣла, что своеобразные ростъ и развитіе ея суть дѣло случая, игры природы, и ничего больше.

Весьма важно, чтобы домашній врачъ при каждомъ удобномъ случаѣ обращалъ вниманіе, на ряду съ другими тѣлесными признаками, также на ростъ и развитіе половыхъ органовъ у ребенка, въ цѣляхъ своевременнаго принятія мѣръ къ устраненію возможности половыхъ аномалій. Родители-же, съ своей стороны, при малѣйшемъ подозрѣніи относительно ненормальности развитія половыхъ частей ребенка, должны обращаться за совѣтомъ и указаніями къ врачу.

Пр. 3. Нѣжность кожи и врожденная интенсивность функціи осязанія (особенно у невропатическихъ индивидуумовъ) *).

Пояснительнымъ примѣромъ можно взять слѣдующій: послѣ бани или теплой ванны кожа даже у крѣпкихъ (не нервныхъ) дѣтей становится до того чувствительною, что прикосновеніе рукой или ногой къ наиболѣе нѣжнымъ частямъ кожи уже вызываетъ нерѣдко впечатлѣніе сладострастнаго характера. Что-же касается субъектовъ съ интензивнымъ осязаніемъ, то у нихъ прикосновеніе не только къ половымъ органамъ, но и къ другимъ нагимъ частямъ собственнаго тѣла часто оказывается невыносимымъ именно по тому-же сладострастному характеру.

М. 3. Къ этимъ дѣтямъ осторожно примѣняется система зака-

*) Невропатическими называются индивидуумы, наслѣдственно предрасположенные къ заболѣванію нервными болѣзнями.

ливанія, въ особенности-же кожи и легкихъ, путемъ пріученія дѣтей къ холоду и къ болѣе или менѣе энергическимъ тѣлеснымъ упражненіямъ по здравому современному методу преподаванія гимнастики (Лагранжъ, Леваль и т. п.),—гимнастики гигіенической.

Пр. 4. Происхожденіе отъ родителей, въ жизни которыхъ служеніе Венерѣ и Бахусу играло существенную роль, равно и отъ родителей, въ нравахъ и обычаяхъ которыхъ лежитъ предпочтеніе тѣлесныхъ наслажденій предъ всѣми другими.

М. 4. Дѣтей такого рода слѣдуетъ обставлять строго гигіенически и воспитывать особенно бережно и внимательно, главное-же—постепенно закалять ихъ тѣлесную и нравственную природу. Вообще, впрочемъ, воспитаніе и уходъ за такими дѣтьми лучше предоставлять постороннимъ лицамъ: знающимъ дѣло врачамъ и педагогамъ, а не брать на себя самимъ родителямъ, хотя-бы образъ жизни и поведеніе этихъ послѣднихъ и отвѣчали въ данное время общепринятымъ семейнымъ и общественнымъ условіямъ.

Пр. 5. Такъ-называемый нервный темпераментъ, при которомъ ребенокъ отличается чрезмѣрной чувствительностью и впечатлительностью къ окружающему. Выказывая страстное влеченіе ко всему возбуждающему, онъ легко увлекается половыми безобразіями, лишь только представляется къ тому поводъ.

М. 5. Здѣсь необходимы: установленіе съ малыхъ лѣтъ подходящаго специфическаго воспитанія и предотвращеніе всякихъ возбуждающихъ вліяній тѣлеснаго и душевнаго свойства, а главное—осторожное обращеніе съ эмоціональной стороной природы ребенка и постепенное, строго-послѣдовательное примѣненіе системы закаливанія тѣла, проводимое до полнаго возмужанія, т.-е. до обращенія въ привычку, во «вторую натуру» человѣка.

II. Причины, лежащія въ ненормальностяхъ отправленій различныхъ органовъ тѣла и въ неправильностяхъ гигіенической обстановки.

Пр. 1. Высокая температура жилья, равно слишкомъ теплое содержаніе ребенка по отношенію къ одеждѣ, къ постели.

М. 1. Умѣренная температура (+13—14° R.) жилья, равно и употребленіе одежды и бѣлья, матеріалъ которыхъ отвѣчаетъ требованіямъ гигіены по отношенію къ теплопроводимости, къ проводимости воздуха и влаги, и по отношенію къ отправленіямъ дѣтской кожи, т.-е. употребленіе одежды и бѣлья, не слишкомъ согрѣвающихъ тѣло, даже отчасти закаляющихъ кожу, но отнюдь не изнѣживающихъ и не дѣлающихъ ее слишкомъ чувствительною къ холоду и къ рѣзкимъ измѣненіямъ температуры. То-же можно рекомендовать и относительно

постели, ложе которой должно быть достаточно упруго, даже скорѣе твердо, нежели мягко.

Пр. 2. Прикосновеніе нагимъ тѣломъ или рукою къ нагому-же тѣлу субъекта другого пола, и даже того-же пола, въ особенности-же къ половымъ частямъ.

М. 2. Предупрежденіе всякой возможности подобнаго прикосновенія, и потому внимательный надзоръ за дѣтьми въ банѣ, въ купальнѣ, при смѣнѣ бѣлья, при раздѣваніи и одѣваніи. Устраненіе всякихъ подозрительныхъ движеній и ласкъ, связанныхъ съ прикосновеніемъ къ частямъ тѣла, участвующимъ въ служеніи половому инстинкту.

Пр. 3. Частое, въ особенности-же нѣжное, прикосновеніе руки къ собственнымъ половымъ органамъ.

М. 3. На это непремѣнно должно обращать вниманіе, и при первомъ поползновеніи ребенка коснуться безъ надобности половаго органа, слѣдуетъ останавливать его словомъ или жестомъ, объясняя при случаѣ неприличіе и вредъ такого прикосновенія. Кстати: необходимо, чтобы мальчики носили панталоны съ однимъ правымъ карманомъ.

Пр. 4. Продолжительное разстройство пищеваренія вслѣдствіе плохой, трудноваримой пищи, а также торопливой ѣды. Обжорство.

М. 4. Доставленіе пищи простой, но удобоваримой и удобоусвоиваемой дѣтскимъ желудкомъ,—пищи, не изобилующей растительными веществами (особенно крахмалистыми, мучными), но содержащей достаточное количество веществъ животнаго происхожденія (мяса, жира и т. п.). Ѣда небольшими порціями, но распредѣляемая на болѣе или менѣе частые сроки (3—4 часа); ѣда спокойная, неторопливая; удовлетворительное пережевываніе и ослюненіе пищи. Мѣры къ предотвращенію запора; правильное отправленіе естественныхъ потребностей въ болѣе или менѣе строго опредѣленные сроки.

Пр. 5. Употребленіе вкусовыхъ и пищевыхъ средствъ и напитковъ раздражающихъ и возбуждающихъ.

М. 5. Нужно запрещать употребленіе пищевыхъ и вкусовыхъ средствъ рѣзкихъ, пикантныхъ (соленыхъ, маринованныхъ, копченыхъ, слишкомъ пряныхъ, алкалоидныхъ и спиртныхъ), вообще—средствъ, раздражающихъ и возбуждающихъ какъ органы пищеваренія, такъ и всю вообще нервную систему.

Пр. 6. Куреніе табаку и употребленіе вина (вообще спиртныхъ веществъ).

М. 6. Особенно желательно было-бы противодѣйствовать употребленію спиртныхъ веществъ въ дѣтскомъ возрастѣ и строжайше преслѣдовать куреніе табаку. Эти agents perturbateurs de la jeunesse,—

какъ мѣтко называетъ ихъ д-ръ Э. Губѐръ, — дѣйствительно заслуживаютъ болѣе серьезнаго вниманія родителей и воспитателей, нежели то, какого они удостоивались до настоящаго времени.

Пр. 7. Употребленіе пищи, особенно тяжелой, и большаго количества питья передъ сномъ.

М. 7. Запрещеніе всего этого, пріученіе къ легкой пищѣ, не вызывающей особенной жажды, и въ сроки, наименѣе близкіе къ часу отхода ко сну (за 1¹/₂—2 часа до сна).

Пр. 8. Слишкомъ продолжительный сонъ; позднее засыпаніе и долгое бодрствованіе по утрамъ въ постели.

М. 8. Сонъ, отвѣчающій возрасту, полу, условіямъ умственныхъ и тѣлесныхъ занятій, времени года, климату.—Способствованіе спокойному, ничѣмъ ненарушаемому сну.—Спанье въ одной сорочкѣ (безъ кальсоновъ и носковъ, въ особенности—кофтъ, панталонъ и чулокъ).—Положеніе рукъ поверхъ одѣяла въ время сна. — Своевременный отходъ ко сну и немедленное вставаніе съ постели по истеченіи срока сна.—NB. Неотложное по пробужденіи обращеніе къ обычному ежедневному образу жизни.

Пр. 9. Обнаруживающіеся въ періодъ половаго развитія, преимущественно-же въ началѣ его, симптомы возбужденія, оргазма, половыхъ органовъ и проявленія половой похоти.

М. 9. Тщательное вниманіе къ поведенію отрока въ періодъ половаго развитія, особенно въ его началѣ, въ виду случающагося опаснаго послѣдствіями оргазма половыхъ органовъ.

III. Причины, лежащія въ неправильностяхъ педагогической обстановки.

Пр. 1. Изнѣживаніе, балованіе дѣтей (особенно въ зажиточныхъ, но невѣжественныхъ семьяхъ).

М. 1. Закаливаніе, близкое къ спартанскому воспитаніе ребенка.

Пр. 2. Неудачный выборъ ребенку товарищей, гувернера (особенно гувернантки). Подражаніе товарищамъ (онанистамъ) или прямое совращеніе ими неопытнаго.

М. 2. Подходящій выборъ указанныхъ лицъ. Бдительный, но незамѣтный надзоръ за поведеніемъ этихъ лицъ въ ихъ отношеніяхъ къ ребенку. Въ случаѣ появленія опаснаго товарища—немедленное удаленіе послѣдняго и изысканіе средствъ къ устраненію нанесеннаго имъ вреда и къ исправленію самого виновнаго.

Пр. 3. Допущеніе къ ребенку безнравственной прислуги.

М. 3. Осмотрительный выборъ прислуги и надзоръ за нею (незамѣтный).

Пр. 4. Совмѣстное пребываніе (особенно при плохомъ присмотрѣ) мальчиковъ и дѣвочекъ. Совмѣстное пребываніе мальчика и дѣвочки вообще, въ особенности-же въ банѣ, купальнѣ, въ постели и проч.

М. 4. Не слѣдуетъ допускать таковаго пребыванія, или-же допускать только подъ личнымъ надзоромъ или присмотромъ лицъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія. Преимущественно должно обращать вниманіе на совмѣстное пребываніе мальчика и дѣвочки въ разныхъ темныхъ углахъ въ домѣ и внѣ дома (напр., въ густыхъ аллеяхъ сада, во ржи, въ рощѣ и пр.), особенно въ сумерки, въ пасмурные дни.

Пр. 5. Совмѣстная жизнь большаго числа дѣтей одного пола при недостаточномъ или неумѣломъ надзорѣ.

М. 5. Вообще совмѣстное воспитаніе большаго числа дѣтей не желательно, оно допустимо лишь подъ условіемъ распредѣленія всего контингента воспитываемыхъ на малыя группы, подъ наблюденіемъ опытныхъ и внимательныхъ къ дѣлу лицъ.

Пр. 6. Совмѣстное съ отцомъ и матерью спанье въ одной спальнѣ.

М. 6. Недопусканіе таковаго.

Пр. 7. Небрежный присмотръ за дѣтьми, особенно въ отхожихъ мѣстахъ, какъ днемъ, такъ и по ночамъ.

М. 7. Строгій вообще присмотръ. При всякомъ замедленіи ребенка въ отхожемъ мѣстѣ необходимо вслѣдъ за тѣмъ обращать вниманіе на выраженіе его лица и на характеръ его походки (нѣтъ-ли вялости, развинченности въ движеніяхъ? Не замѣчается-ли мутность глазъ, тревожность въ манерѣ обращенія, нерѣшительность, смущеніе вообще?) Въ случаѣ явныхъ уликъ—осторожный подходъ къ разузнанію причины замѣченныхъ признаковъ и дальнѣйшее систематическое наблюденіе за подозрѣваемымъ ребенкомъ.

Пр. 8. Слишкомъ большое довѣріе къ ребенку и предоставленіе ему слишкомъ большой свободы и самостоятельности.

М. 8. Довѣріе къ дѣтямъ оказывается обыкновенно возможнымъ: 1) въ семьяхъ, гдѣ всѣ члены честны и правдивы какъ во взаимныхъ отношеніяхъ, такъ и въ отношеніяхъ къ постороннимъ окружающимъ лицамъ; 2) въ томъ случаѣ, когда дѣти достаточно дисциплинированы и не привыкли ко лжи и скрытности не только передъ родителями, но и вообще предъ близкими имъ людьми; 3) когда ребенокъ умѣетъ владѣть и пользоваться самостоятельностью, и, наконецъ, 4) когда свобода и самостоятельность предоставляются ребенку въ сношеніяхъ съ лицами, вполнѣ, въ свою очередь, достойными довѣрія въ нравственномъ отношеніи со стороны родителей и воспитателей ребенка. При отсутствіи сказанныхъ условій трудно ручаться,

чтобы ребенокъ, предоставленный собственному произволу, не рисковалъ подпасть тому или другому случайному развращающему вліянію и вообще былъ-бы гарантированъ отъ причиненія себѣ вреда, особенно-же въ половомъ отношеніи.

Когда воспитаніе—и семейное, и школьное — ведется такъ, что львиная доля удѣляется на развитіе ума, а на развитіе тѣла обращается вниманіе лишь настолько, чтобы оно въ состояніи было коекакъ служить къ удовлетворенію умственныхъ-же потребностей, то понятно, что при такихъ условіяхъ нравственная и тѣлесная стороны должны терпѣть неизбѣжный ущербъ, а въ концѣ-концовъ должна и вообще нарушаться гармонія роста и развитія ребенка. Послѣдній является, такимъ образомъ, субъектомъ, болѣе или менѣе ненормальнымъ, неуравновѣшеннымъ, и въ силу этого не только не заслуживающимъ безусловной свободы и самостоятельности, но постоянно нуждающимся въ большей или меньшей опекѣ, въ болѣе или менѣе строгомъ надзорѣ.

Пр. 9 Праздность, отсутствіе опредѣленной, систематической дѣятельности.

М. 9. Трудъ; возбужденіе любви къ труду и внушеніе отвращенія къ бездѣятельности. Опредѣленная дѣятельность, требующая соотвѣтственной затраты силъ умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ, въ предѣлахъ, указываемыхъ гигіеной.

Пр. 10. Наклонность къ уединенію, избѣганіе общества сверстниковъ. Кстати замѣтимъ, что педерасты большею частью равнодушны, даже холодны къ особамъ другого пола, тогда какъ онанисты вообще избѣгаютъ общества, дичатся людей и показываютъ наклонность къ уединенію.

М. 10. Пріученіе къ обществу сотоварищей. Въ случаѣ трудности такого пріученія, слѣдуетъ особенно пристально слѣдить за поведеніемъ ребенка.

Пр. 11. Страсть окружающихъ взрослыхъ къ чувственнымъ наслажденіямъ и презрительное или даже и холодное отношеніе къ высшимъ интеллектуальнымъ и эстетическимъ удовольствіямъ.

М. 11. Должно стараться отвлечь вниманіе ребенка отъ идеи о чувственныхъ наслажденіяхъ и направлять его вниманіе къ высшимъ эстетическимъ удовольствіямъ, къ интересамъ науки и жизни. При родителяхъ, отличающихся указанными качествами, лучшее вообще средство: воспитаніе ребенка внѣ дома и подчиненіе его вліянію постороннихъ лицъ, способныхъ вести воспитаніе его на здравыхъ, разумныхъ началахъ.

Пр. 12. Безнравственные разсказы и пѣсни; чтеніе скабрезныхъ произведеній литературы.

М. 12. Должно принимать всѣ мѣры и прибѣгать ко всѣмъ средствамъ для устраненія такого рода разсказовъ, пѣсенъ и чтенія. Слѣдуетъ избѣгать обращать вниманіе ребенка на все, касающееся половыхъ органовъ и ихъ функціи; устраняться по возможности отъ разговоровъ въ присутствіи дѣтей о какихъ-бы то ни было безнравственныхъ проявленіяхъ человѣческой природы.

Пр. 13. Посѣщеніе разныхъ общественныхъ собраній и зрѣлищъ, въ которыхъ можно рисковать услышать и увидѣть рѣчи и сцены развращающаго свойства.

М. 13. Общеніе со сверстниками толковыми и хорошо дисциплинированными въ нравственномъ отношеніи. Развлеченія, соотвѣтствующія возрасту и подъ надзоромъ старшихъ. Лучшія развлеченія: игры (напр., игра въ мячъ, Lawn Tennis, крокетъ и т. п.), прогулки, катанье на лодкѣ, экскурсіи въ лѣсъ, поле и т. д., посѣщеніе музеевъ, выставокъ, зоологическихъ и ботаническихъ садовъ, фабрикъ, заводовъ, ремесленныхъ заведеній и т. п. Концерты, опера, театръ, литературный вечеръ, циркъ, конскій бѣгъ и т. п. требуютъ строгаго выбора и осмотрительности со стороны родителей.

Пр. 14. Намѣренное обращеніе вниманія со стороны руководящихъ или вообще старшихъ лицъ на половую систему ребенка, равнымъ образомъ и на всѣ тѣ части тѣла, которыя прямо или косвенно участвуютъ въ служеніи половому инстинкту или въ удовлетвореніи половой страсти.

М. 14. Возможное избѣганіе разговоровъ о предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ половымъ частямъ. Въ случаѣ вопроса о чемъ-либо подобномъ со стороны ребенка необходимо спокойно и серьезно дать отвѣтъ въ доступной пониманію его формѣ изложенія, стараясь при этомъ дѣйствовать не столько на интеллектуальныя, сколько на эмоціональныя подробности дѣла. Касательно онанизма бесѣда, при случаѣ, должна состоять въ разъясненіи гибельнаго дѣйствія этого порока на здоровье собственное и на здоровье будущаго поколѣнія, а объ руку съ этимъ — выясненіе всей омерзительности порока въ глазахъ окружающихъ.

Кстати замѣтимъ, что въ настоящее время имѣется на русскомъ языкѣ превосходное (переводное) сочиненіе Риббинга «Половая гигіена», въ которомъ общедоступно изложены анатомія и физіологія половыхъ органовъ, значеніе брачной жизни, половыя болѣзни и аномаліи и т. п., и въ которомъ читатель найдетъ цѣнныя указанія для бесѣды о половыхъ подробностяхъ съ молодыми людьми въ случаѣ надобности.

Пр. 15. Стремленіе къ запретному, являющееся иногда ради похвальбы передъ товарищами физической зрѣлостью, часто даже фиктивною, ради желанія подражать взрослымъ.

М. 15. Выясненіе ребенку дурныхъ, глупыхъ, пошлыхъ сторонъ всего запретнаго и указаніе достоинствъ всего того, что дѣлается для удовольствія и развлеченія открыто, непринужденно, со спокойной совѣстью. Уясненіе жалкаго значенія молодечества передъ людьми здравомыслящими и серьезными.

IV. Причины патологическаго характера.

Пр. 1. Прорѣзываніе зубовъ *).

М. 1. Вниманіе къ поведенію ребенка въ это время и предупрежденіе могущихъ встрѣтиться подозрительныхъ движеній.

Пр. 2. Попаданіе мелкихъ глистъ къ половымъ органамъ и раздраженіе, вызываемое въ этихъ послѣднихъ.

М. 2. Лѣченіе глистной болѣзни.

Пр. 3. Зудъ въ половыхъ частяхъ отъ сыпей (напр., чесотки и пр.).

М. 3. Леченіе имѣющихся сыпей.

Пр. 4. Сѣченіе розгами.

М. 4. Недопустимо не только сѣченіе розгами, но и всякій ударъ по тазовымъ костямъ и даже по животу при какихъ-бы ни было обстоятельствахъ.

Пр. 5. Скопленіе смегмы подъ крайней плотью и эксплуатація этого случая безнравственными товарищами для возбужденія къ онанизму.

М. 5. Предупрежденіе возможности такого накопленія. Слѣдуетъ при удобномъ случаѣ задать вопросъ ребенку, нѣтъ-ли у него зуда на промежности, а кстати, не болитъ-ли у него половой органъ, не чешется-ли, не жжетъ-ли, не причиняетъ-ли неловкости? Въ случаѣ утвердительнаго съ его стороны отвѣта или въ случаяхъ, когда родители замѣтятъ сами какой-либо изъ указанныхъ признаковъ, лучше всего обратиться къ врачу, или-же немедленно осмотрѣть внутреннюю часть крайней плоти (у дѣвочки половыя части и промежность). Найдя что-либо ненормальное, слѣдуетъ обмывать больныя части, затѣмъ осушать ихъ гигроскопической ватой 1—2 раза въ день, а при неудачномъ заживленіи обращаться все-таки къ врачу.

Пр. 6. Частыя поллуціи и сперматоррея.

М. 6. Леченіе спеціальное.

Пр. 7. Приливъ крови къ мозгу вслѣдствіе круговращательныхъ движеній въ играхъ, танцахъ и пр.

---

*) Причина, допускаемая, впрочемъ, весьма немногими авторами

М. 7. Воспрещеніе быстрыхъ и слишкомъ продолжительныхъ круговращательныхъ движеній какъ въ играхъ и танцахъ, такъ и производимыхъ ради шутки.

Пр. 8. Хроническіе приливы и застои крови въ тазовыхъ органахъ вслѣдствіе обычныхъ продолжительныхъ классныхъ и домашнихъ занятій.

М. 8. Предотвращеніе означенныхъ приливовъ и застоевъ крови посредствомъ правильнаго чередованія сидячихъ занятій съ тѣлесными упражненіями, чему средствомъ служатъ разумно-примѣняемая гигіеническая гимнастика и различныя искусства и ремесла, обусловливающія многостороннюю, энергичную дѣятельность мышцъ.

Пр. 9. Тѣлесныя упражненія, не отвѣчающія силамъ и наклонностямъ дѣтской природы, т.-е. слишкомъ утомляющія или нравственно депримирующія.

М. 9. Устраненіе въ играхъ и гимнастикѣ, а равно и въ ручномъ трудѣ, которыми занимаютъ дѣтей, всего того, что грозитъ утомленіемъ, отвращеніемъ и вообще вызовомъ припадковъ нервной слабости и раздражительности.

Пр. 10. Ослабленіе организма, а въ силу этого и нравственныхъ устоевъ у ребенка въ періодъ длительнаго выздоровленія отъ тяжкихъ болѣзней, особенно заразныхъ.

М. 10. Главныя мѣры: содѣйствіе къ укрѣпленію и возстановленію силъ организма соотвѣтственной діэтой и всей вообще гигіенической обстановкой. Доставленіе ребенку подходящихъ занятій и развлеченій. Строгое вниманіе къ поведенію ребенка относительно половыхъ деталей жизни.

А. Виреніусъ.

О ЗАДАЧАХЪ РУССКОЙ ПЕДАГОГИКИ.

(Окончаніе).

IV. Педагогическая подготовка.

Обратимся теперь къ тѣмъ мѣрамъ, при помощи которыхъ наше воспитаніе, домашнее и общественное, можетъ принять разумный и притомъ національный характеръ. Если русское просвѣщеніе должно развиваться и крѣпнуть, то въ университетахъ,—этихъ хранителяхъ всякой науки,—каѳедра педагогики должна занимать почетное мѣсто, а еще лучше, если будутъ существовать особыя учрежденія, гдѣ-бы русская педагогика получала толчки для дальнѣйшаго совершенствованія и развитія.

Раньше *) мы уже говорили о необходимости учрежденія при русскихъ университетахъ педагогическихъ семинарій, гдѣ-бы молодые люди, готовящіеся къ учительскому званію, получали прочныя основы для своей будущей педагогической дѣятельности.

«Педагогика, говоритъ Бржоско **), для своего преуспѣянія въ университетѣ, этой приготовительной школѣ къ практической жизни, этомъ хранилищѣ всей научной культуры, нуждается въ семинаріи, т.-е. въ такомъ заведеніи, гдѣ молодые люди, желающіе посвятить себя дѣлу воспитанія, могли-бы найти удобный случай, подъ руководствомъ достаточно способнаго къ тому человѣка, учиться не только теоретически и практически, но и самостоятельно изслѣдовать и многосторонне упражняться, т.-е. образовываться педагогически». «Отъ каждаго, избравшаго себѣ какое-нибудь ремесло, искусство или другое занятіе, съ горечью прибавляетъ Бржоско,—требуется, по крайней мѣрѣ, чтобы онъ побылъ на выучкѣ у мастера и чтобы ему выданъ былъ атте-

*) Въ «Русской Школѣ» за 1891 г.

**) Бржоско. Необходимость педагогическихъ семинарій при университетахъ. 1889. Ревель.

статъ или рекомендація. Но при самомъ трудномъ и важнѣйшемъ искусствѣ—искусствѣ воспитанія—считаютъ это маловажнымъ: даже часто и вовсе объ этомъ не думаютъ». Для поднятія значенія педагогики слѣдовало-бы, по крайней мѣрѣ, чтобы ни одинъ окончившій курсъ университета не получалъ учительскаго мѣста, не представивъ удостовѣренія, что онъ съ пользой посѣщалъ лекціи педагогики. Это касается не только студентовъ историко-филологическаго факультета, но и естественнаго и математическаго. Университетъ есть такое мѣсто, гдѣ должны даваться всѣ средства для разработки науки, гдѣ должны намѣчаться новые пути, уясняться принципы, разрабатываться детали. Наша русская педагогика, находящаяся только въ зародышѣ, болѣе чѣмъ какая другая наука, нуждается въ самостоятельной каѳедрѣ, и даже болѣе:—такъ какъ педагогика есть наука и искусство въ то-же время, то для процвѣтанія ея недостаточно создать самостоятельную каѳедру, нужны еще и педагогическія семинаріи, гдѣ-бы вырабатываемыя начала провѣрялись на практикѣ, и семинаріи эти такъ-же необходимы для будущихъ педагоговъ, какъ клиники для медиковъ или лабораторіи для натуралистовъ. Мы уже видѣли, что основныя начала русской педагогики плохо уяснены, плохо разработаны или вовсе не разработаны, оттого мы и поемъ съ чужого голоса. Но здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго. Всякая наука получаетъ только тогда достаточную широту и полноту, когда она пользуется всѣми средствами, когда она имѣетъ полную возможность развиваться въ ширь и въ глубь. Поэтому, если въ началѣ при устройствѣ семинарій намъ придется поучиться кое-чему все у тѣхъ-же нѣмцевъ, у которыхъ педагогическая подготовка въ настоящее время стоитъ на значительной высотѣ, если внѣшнее устройство, программы и даже порядокъ занятій придется позаимствовать отъ иностранцевъ, то дальнѣйшее развитіе, жизненность и самое процвѣтаніе педагогическихъ семинарій будутъ зависѣть отъ того, насколько онѣ станутъ опираться на русскую почву, насколько онѣ будутъ заботиться всѣми зависящими отъ нихъ способами и средствами о развитіи и процвѣтаніи русской педагогики. Это значитъ, что, изучая исторію педагогики по иностраннымъ источникамъ, изучая біографіи величайшихъ педагоговъ всѣхъ временъ и народовъ, заимствуя методы и пріемы обученія у Песталоцци, Коменскаго, Локка и Дистервега, русскіе педагоги будутъ памятовать, что значеніе педагогическихъ теорій, методовъ и пріемовъ относительно, что русская педагогика, имѣющая въ виду воспитывать и образовывать русскихъ людей, можетъ и должна выработать свои методы и пріемы. Поэтому, изучая психологію, какъ необходимое основаніе всякой

раціональной педагогики, педагогическія семинаріи прежде всего не преминутъ собрать многочисленные матеріалы по психологіи русскихъ дѣтей, классифицировать и издать ихъ, и тѣмъ дадутъ въ руки русскихъ учителей, директоровъ учебныхъ заведеній, составителей учебниковъ и программъ весьма важный базисъ для перестройки элементарнаго обученія и воспитанія. На урокахъ въ образцовой гимназіи или реальномъ училищѣ учителя-кандидаты ознакомятся съ важнѣйшими методами и пріемами преподаванія, лучшими руководствами и пособіями, и на основаніи собственнаго опыта и наблюденій и совѣтовъ опытныхъ педагоговъ-руководителей пріобрѣтутъ свѣдѣнія, столь необходимыя въ ихъ будущей педагогической дѣятельности. А то у насъ нерѣдко бываетъ, что молодые люди, попадая тотчасъ съ университетской скамьи на педагогическое поприще, продѣлываютъ нѣсколько лѣтъ «эксперименты» и путемъ ряда ошибокъ и горькихъ разочарованій убѣждаются въ томъ, что они многаго не знаютъ и что многому слѣдовало бы поучиться, и тогда уже принимаются за различныя педагогики, методики и дидактики, нѣкоторые-же, за недосугомъ, на цѣлую жизнь остаются профанами и, будучи вообще довольно знающими людьми, учатъ невѣрнымъ и неправильнымъ образомъ. Педагогическія семинаріи, давая толчки развитію русской педагогики, могли-бы сослужить большую службу, приготовляя не только знающихъ учителей-педагоговъ, но и будущихъ директоровъ учебныхъ заведеній, составителей учебниковъ и программъ и вообще руководителей учебнаго дѣла. Мы уже не разъ высказывали то мнѣніе, что директору, которому предоставляется такая значительная власть въ дѣлѣ управленія учебнымъ заведеніемъ, отъ характера и направленія котораго нерѣдко зависитъ жизнь всего учебнаго заведенія, характеръ и направленіе всего учебнаго персонала, нужно имѣть и соотвѣтственную высокую педагогическую подготовку. Мы говорили, что—существуй у насъ педагогическія семинаріи и соотвѣтственныя педагогическія ученыя степени, слѣдовало-бы, чтобы директоръ средняго учебнаго заведенія былъ магистромъ педагогіи или, по крайней мѣрѣ, изъ числа лицъ, окончившихъ курсъ педагогической семинаріи съ отличіемъ. Тогда и не было-бы такихъ явленій, что директоры учебныхъ заведеній, не имѣя соотвѣтственной педагогической подготовки, направляютъ учебное дѣло туда, куда вовсе не слѣдуетъ, обращая все вниманіе на внѣшнія формы, дисциплину и т. п. и забывая самое главное и существенное назначеніе всякаго учебнаго заведенія—воспитывать учащихся умственно и нравственно.

Составители программъ и учебниковъ, руководители педагогиче-

ской журналистики, проходя чрезъ строгую высшую педагогическую школу, получали-бы точки опоры для всей своей послѣдующей дѣятельности и первые не давали-бы неудобоисполнимыхъ программъ или плохихъ учебниковъ, а вторые не проводили-бы незрѣлыхъ и поверхностныхъ мыслей.

Если русская педагогика получитъ прочные корни въ университетахъ, если русскіе философы и ученые будутъ стараться разрабатывать ее, то это не замедлитъ отразиться на всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, а тѣмъ болѣе на заведеніяхъ съ педагогическимъ характеромъ. Отдавая должное по заслугамъ, мы должны сказать, что учительскіе институты и семинаріи принесли не мало пользы русской педагогикѣ. Въ то время, какъ гимназическіе учителя и преподаватели другихъ среднеучебныхъ заведеній о педагогикѣ знали долгое время только по наслышкѣ и, кичась своими научными свѣдѣніями, пріобрѣтенными въ университетѣ, знать не хотѣли никакихъ педагогикъ, дидактикъ и методикъ, начальный учитель силой вещей долженъ былъ заботиться о педагогикѣ, разыскивать облегченные способы и пріемы преподаванія. И учительскіе институты и семинаріи, насколько могли, старались удовлетворить потребности въ элементарной педагогической подготовкѣ, выпустили достаточное количество учителей, которые, какъ заявлено было даже въ оффиціальныхъ отчетахъ,—и это весьма важно,—съ достаточной любовью занимались и занимаются своимъ дѣломъ. Однако, отдавая должное учительскимъ институтамъ и семинаріямъ, признавая въ нихъ много хорошаго, такъ какъ они старались усвоить все, что̀ было хорошаго въ иностранной педагогикѣ, мы должны сознаться, что они внесли мало *своего, оригинальнаго*. Правда, тонъ наукѣ, философіи, искусству, самой педагогикѣ задаютъ академіи и университеты, и если планы были нѣмецкіе, то нечего удивляться, что и выполненіе ихъ носило нѣмецкій характеръ. Но все-таки не слѣдовало забывать, что въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ воспитывается и образовывается русскій учитель, имѣющій въ виду воспитывать русскихъ дѣтей.

Если учительскіе институты и семинаріи, при всемъ томъ хорошемъ, что они имѣютъ, усвоятъ чисто русское направленіе, всегда будутъ имѣть на первомъ планѣ задачи русской педагогики, съ осторожностью будутъ примѣнять нѣмецкіе методы и пріемы обученія, будутъ заботиться о выработкѣ русской психологіи, то изъ стѣнъ ихъ дѣйствительно станутъ выходить *русскіе* начальные учителя, и русскій народъ пойметъ тогда, что въ рукахъ учителя находится большая сила—сила просвѣщенія.

V. О педагогическихъ собраніяхъ и съѣздахъ.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о педагогической подготовкѣ стоитъ вопросъ о педагогическихъ собраніяхъ и съѣздахъ. Вопросъ этотъ былъ разобранъ нами довольно подробно въ другомъ мѣстѣ *). Здѣсь мы повторимъ только главныя мысли.

Педагогу, для того, чтобы стоять на должной высотѣ, нужно не только изучить свою спеціальность. Вѣдь, педагогика не ремесло, гдѣ можно ограничиться разъ полученной выучкой, это дѣло живое, постоянно развивающееся. Поэтому педагогу нужно постоянно заботиться о самообразованіи, изучать творенія великихъ философовъ и педагоговъ и хотя отчасти слѣдить за текущей педагогической литературой и журналистикой. Но такая, казалось-бы, небольшая программа на первыхъ порахъ встрѣчаетъ рядъ препятствій для своего осуществленія. Тому есть не мало причинъ. Для того, чтобы могла зародиться мысль о серьезномъ занятіи педагогикой, для того, чтобы зародившаяся мысль могла окрѣпнуть, развиться и разростись, а не заросги терніями и волчцами, необходима *среда*, которая способствовала-бы развитію и укрѣпленію такой мысли. Между тѣмъ, въ дѣйствительности мы почти вовсе не находимъ такой среды. Наши университеты, какъ мы сказали, даютъ весьма слабую философскую и педагогическую подготовку. Самобытная философія, несмотря на довольно сильное философское теченіе въ образованномъ обществѣ, пока еще совершенно не выработалась, и хотя тому есть не мало серьезныхъ причинъ, но не одна изъ послѣднихъ и та, что философія никогда не пользовалась у насъ почетомъ, даже среди представителей науки. Молодой человѣкъ съ университетской скамьи, съ неясно формулированными задачами жизни, пріѣзжаетъ въ провинцію, и что-же находитъ? Въ обществѣ увлеченіе картами и мелочными дрязгами (сплетнями и пересудами); въ средѣ товарищей—шаблонное отношеніе къ дѣлу. О педагогикѣ говорятъ рѣдко, а если и говорятъ, то въ смыслѣ количества выставленныхъ единицъ и двоекъ, выдающихся проступковъ и т. п. Больше-же спѣшатъ выкурить на перемѣнахъ папиросу, заглянуть въ газету, побесѣдовать о текущихъ новостяхъ. Интеллигентное провинціальное общество очень мало интересуется педагогическимъ дѣломъ, а если и интересуется, то очень своеобразно: почему учитель А... весьма строгъ и ставитъ часто двойки, Б... слиш-

*) См. «Вѣстникъ воспитанія» № 7. 1890 г.

комъ слабъ и занимается разсказываніемъ на урокахъ смѣшныхъ анекдотовъ, В... мало свѣдущъ и пр. въ томъ-же родѣ. При этомъ нужно замѣтить, что точка зрѣнія многихъ маменекъ нерѣдко совпадаетъ съ точкой зрѣнія учащихся: тѣ-же сужденія, то-же критиканство. При отсутствіи педагогической подготовки, при отсутствіи разумныхъ педагогическихъ взглядовъ иного и не можетъ быть. Въ обществѣ «педагогъ» вообще не пользуется симпатіями; подъ этимъ именемъ разумѣется заскорузлый, угловатый семинаристъ, въ лучшемъ случаѣ—погруженный въ тетрадки, отмѣтки, небрежно одѣтый, испачканный чернилами и мѣломъ, безпощадно карающій за незнаніе уроковъ и, кромѣ своего педагогическаго мірка, ничѣмъ не интересующійся. Такого человѣка провинціальное общество ужъ, навѣрное, не признаетъ «своимъ»... Но въ такомъ отчужденіи общества отъ педагоговъ виноваты не мало и сами педагоги. Прежде всего, сами учителя, столь много толкующіе о розни, о заѣданіи средой, объ отсутствіи живыхъ интересовъ, должны пойти на встрѣчу разрѣшенія этого вопроса и отвѣтить тѣмъ, которые спрашиваютъ: а что̀же вы сдѣлали? Каковы ваши заслуги? И если таковыхъ заслугъ нѣтъ, если въ самомъ дѣлѣ ничего не сдѣлано, если не было даже никакихъ попытокъ влiять нравственно на общество, проводить этическіе идеалы, если не было стремленія самому сдѣлаться уважаемымъ человѣкомъ, тогда и жаловаться нечего, тогда и честь (нерѣдко граничащая съ презрѣніемъ) оказывается по заслугамъ. Но неужели-же лучшіе годы гимназической и университетской жизни ухлопаны напрасно, неужели занятія наукой направлены были только на полученіе диплома, дабы затѣмъ получать учительскій гонораръ, а дальше все можно оставить въ сторонѣ? Я гораздо высшаго мнѣнія о нашихъ педагогахъ и вовсе не согласенъ съ нашими пессимистами, видящими все чрезъ темные очки. Уже и въ провинціи встрѣчаются кое-гдѣ почтенныя и достойныя уваженія личности, которыя съ достоинствомъ воздѣлываютъ педагогическую ниву; бѣда только, что это «отдѣльныя единицы». Чего не достаетъ нашимъ педагогамъ, чтобы поднять ихъ кредитъ въ обществѣ, чтобы заставить уважать себя и другихъ—это прочной организаціи, которая съумѣла-бы поддержать начинающихъ, укрѣпить колеблющихся, возвысить трудящихся и съ любовью отдающихся педагогическому дѣлу. До нѣкоторой степени это можетъ быть сдѣлано педагогическими собраніями и съѣздами.

Педагогическія собранія могутъ быть трояκаго рода: 1) оффиціальныя, гдѣ обсуждаются вопросы, касающіеся жизни заведенія,

разрабатываются методическіе вопросы, изучаются характеры учащихся и собираются матеріалы для ихъ характеристики; разбираются— выполнимость программъ, примѣнимость ихъ къ возрасту учащихся и много другихъ вопросовъ, касающихся жизни заведенія. 2) Частныя, которыя, однако, могутъ происходить въ стѣнахъ того-же заведенія, но носить болѣе частный, домашній характеръ. Здѣсь могутъ разбираться различные обще-педагогическіе вопросы, предлагаться рефераты и отчеты о выдающихся педагогическихъ сочиненіяхъ, замѣтки и сообщенія о журнальныхъ статьяхъ, излагаться собственные (буде кто можетъ) взгляды на педагогическіе вопросы. Такія частныя собранія, кажется, могли-бы сослужить педагогическому дѣлу не малую службу. Въ виду того, что большинство учителей завалено уроками и располагаетъ не болѣе, какъ 1—2 свободными часами въ день, естественно, что оно можетъ слѣдить только за нѣкоторыми явленіями педагогической литературы и журналистики; такимъ образомъ могущіе быть недочеты могли-бы хотя отчасти пополняться на педагогическихъ собраніяхъ. Эти-же собранія могли-бы служить не только мѣстомъ обмѣна мыслей, но и для отдыха и развлеченія. Ничто не можетъ мѣшать, чтобы здѣсь устраивались литературные вечера и просто литературныя бесѣды и, значитъ, педагогическія собранія служили-бы прекраснымъ отвлекающимъ средствомъ отъ винта, посѣщенія клуба, безцѣльной болтовни и т. п. Наконецъ, изъ небольшихъ членскихъ взносовъ, можетъ быть, явилась-бы современемъ возможность составить порядочную педагогическую библіотеку, гдѣ-бы имѣлись лучшіе журналы и книги. 3) Публичныя собранія, которыя могли-бы быть раза 2—3 въ годъ (а еще лучше, если чаще) и куда имѣли-бы доступъ всѣ родители и лица, интересующіяся педагогическими вопросами. Мы уже сказали, что всѣ сѣтованія педагоговъ на косность общества, на безучастное, формальное отношеніе къ педагогическому дѣлу разбиваются о вопросъ: что́ сдѣлали и дѣлаютъ сами педагоги для общества? Стараются-ли заинтересовать публику педагогическимъ дѣломъ? Существуетъ у насъ довольно хорошій обычай на актахъ произносить рѣчи. Но надо помнить, что акты бываютъ только разъ въ годъ и что рѣчи должны быть приноровлены къ пониманію не только родителей, но и учащихся. Вслѣдствіе такой двойственности задачи нерѣдко случается, что рѣчи не удовлетворяютъ ни тѣхъ, ни другихъ, а бываютъ даже и такіе случаи, что произносимыя рѣчи не касаются обще-педагогическихъ вопросовъ. Такимъ образомъ, родителямъ предоставляется право интересоваться самостоятельно педагогическими вопросами и рѣшать ихъ по собственному усмотрѣнію, — разрѣше-

ніе, равносильное предоставленію права полученія по векселю денегъ съ несостоятельнаго должника. Существуетъ у насъ также довольно хорошее обыкновеніе назначать классным наставникамъ особые часы для собесѣдованій съ родителями. Но этотъ обычай, могущій въ рукахъ педагога оказать значительныя услуги педагогическому дѣлу, является нерѣдко пустой формальностью, такъ какъ родители являются только за тѣмъ, чтобы узнать, почему ихъ сынъ получилъ двойку или единицу, за что̀ былъ наказанъ оставленіемъ безъ обѣда или заключеніемъ въ карцеръ. Тутъ, очевидно, нѣтъ мѣста педагогическимъ собесѣдованіямъ. И, однако, по тому интересу, съ которымъ читаются статьи обще-педагогическаго содержанія, по тому обстоятельству, что у насъ есть уже не мало матерей, получившихъ образованіе въ педагогическихъ классахъ женскихъ гимназій, можно думать, что у насъ имѣется хоть небольшое педагогическое теченіе и что, если желаемъ дальнѣйшаго его развитія и роста, нужно пойти ему на встрѣчу. Въ этомъ отношеніи публичныя собранія, при правильномъ ихъ веденіи, по нашему мнѣнію, могли-бы сослужить немалую службу, наталкивая на педагогическіе вопросы, пробуждая въ обществѣ любовь и уваженіе къ педагогическому дѣлу, способствуя сближенію педагоговъ съ родителями на почвѣ педагогическихъ вопросовъ, помогая и самимъ педагогамъ, при содѣйствіи родителей, уяснять индивидуальность учащихся, доставляя матеріалы для дѣтской психологіи. Теперь даже предсказать трудно всѣ тѣ благотворные результаты, какіе можно ожидать отъ общенія педагоговъ съ родителями. Нужно, конечно, чтобы за руководство этимъ дѣломъ взялись люди серьезные и искренно преданные интересамъ русской педагогики, такъ какъ люди неопытные, неумѣлые могутъ въ конецъ испортить его. Но нужно, понятно, чтобы и правительство пришло на помощь этому благому дѣлу, допустивъ возможность публичныхъ педагогическихъ собраній въ стѣнахъ заведеній и давъ средства для ихъ осуществленія. Безъ этого все останется въ области pia desiderata и никакихъ практическихъ результатовъ не получится.

Оффиціальныя педагогическія собранія, такъ-называемые совѣты, давно уже существуютъ. Правительство издавало не разъ постановленія, касающіяся правильной постановки педагогическихъ совѣтовъ. Еще Н. И. Пироговъ, въ бытность попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа, много заботился о раціональной ихъ постановкѣ. Однако, у насъ нерѣдко бываетъ, что на обязанность засѣдать въ педагогическихъ совѣтахъ смотрятъ, какъ на скучное и непріятное дѣло, отрывающее отъ картъ и домашняго очага. И за это нельзя вполнѣ винить учителей: тамъ,

гдѣ педагогическіе совѣты поставлены на формальную лишь почву, гдѣ собираются только для того, чтобы выслушать четвертныя отмѣтки, поставить баллъ по поведенію, вставить кое-какія незначущія замѣчанія,—тамъ нельзя ожидать особаго интереса и любви къ посѣщенію педагогическихъ совѣтовъ, и требуемыя отмѣтки еще съ большимъ удобствомъ могли-бы быть выставлены въ тиши кабинетовъ. Но гдѣ преподаватели, съ директоромъ во главѣ, одушевлены общею любовью къ дѣлу, гдѣ всѣ стремятся, по мѣрѣ силъ, способствовать успѣху дорогаго педагогическаго дѣла, тамъ и форма, и способъ веденія педагогическихъ совѣтовъ примутъ совершенно иной видъ и окраску, и посѣщеніе ихъ явится дѣломъ первой необходимости. На совѣтахъ должны обсуждаться какъ общіе, такъ и частные педагогическіе вопросы, такъ или иначе касающіеся жизни учебнаго заведенія, собираться матеріалы для характеристики учащихся, вырабатываться мѣры для поднятія религіознаго, умственнаго и нравственнаго ихъ развитія, обсуждаться вопросы о выпискѣ книгъ, журналовъ, руководствъ и пособій, да не съ одной только формальной стороны, но и со стороны пригодности ихъ для даннаго учебнаго заведенія, должны разсматриваться и разбираться методы и пріемы преподаванія. При свободѣ преній въ педагогическомъ совѣтѣ, при томъ необходимомъ условіи, чтобы всякое лыко не ставилось въ строку, есть возможность и высшему окружному начальству, хотя до нѣкоторой степени, судить, какъ относятся къ своему дѣлу преподаватели среднеучебныхъ заведеній, какихъ пріемовъ держатся при преподаваніи, какими общими педагогическими взглядами руководствуются въ своей дѣятельности. Педагогическіе совѣты могли-бы и должны способствовать установленію внутренней связи между преподаваемыми учебными предметами. Изъ сказаннаго видно, что педагогическія собранія и совѣты необходимы, что безъ нихъ немыслима жизнь учебнаго заведенія: безъ нихъ учебное дѣло превращается въ мертвую букву, форму, не имѣющую реальнаго содержанія.

Но на педагогическихъ совѣтахъ многіе вопросы не могутъ быть разрѣшаемы удовлетворительно, другіе можно рѣшать относительно; есть такіе вопросы, которые по существу своему требуютъ многосторонняго разсмотрѣнія, гдѣ вполнѣ примѣнима прекрасная французская пословица: du choc des opinions jaillit la verité (изъ столкновенія мнѣній вытекаетъ истина). Вслѣдствіе этого за-границей, а въ послѣднія два десятилѣтія и у насъ, въ Россіи, собираются съѣзды различныхъ спеціалистовъ: натуралистовъ, врачей, техниковъ, сахарозаводчиковъ, сельскихъ хозяевъ и т. д. Только съѣзды педагоговъ

какъ-то не привились у насъ. Одно время были въ модѣ съѣзды народныхъ учителей, для чего многими земствами приглашались опытные руководители, но теперь что-то и о нихъ не слышно. А между тѣмъ въ инспекторскихъ отчетахъ по народнымъ школамъ встрѣчаются нерѣдко жалобы на умственную неразвитость, тупость и апатію нѣкоторыхъ народныхъ учителей. Но гдѣ-же средство освѣжать, укрѣплять и развивать свои силы народному учителю? И вотъ здѣсь-то учительскіе съѣзды и могутъ явиться на помощь. Давая учителямъ возможность мѣняться мыслями, пользоваться какъ взаимными совѣтами, такъ и указаніями лучшихъ руководителей, знатоковъ педагогическаго дѣла, будя въ учителяхъ лучшія стремленія, учительскіе съѣзды окажутъ большую помощь русской педагогикѣ, поддержавъ колеблющихся и истомившихся или просто облѣнившихся. Но и для преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній: гимназій, мужскихъ и женскихъ, реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій и институтовъ, нужны не меньше, если не больше педагогическіе съѣзды. Для многихъ изъ молодыхъ учителей они могутъ служить прекрасной педагогической школой.

Сообразно многоразличнымъ потребностямъ, можно-бы и съѣзды раздѣлить на нѣсколько категорій: 1) съѣзды народныхъ учителей, могущіе быть пріуроченными къ губернскому городу, гдѣ обыкновенно живетъ директоръ народныхъ училищъ и гдѣ найдется всегда нѣсколько лицъ, способныхъ принять на себя руководительство на съѣздѣ; 2) съѣзды учителей среднеучебныхъ заведеній, которые должны быть окружные и общепедагогическіе. Окружные должны происходить хоть разъ въ два года въ окружномъ городѣ и подраздѣляться на секціи; общепедагогическіе, разъ въ четыре года, собираться въ одной изъ столицъ (Петербургѣ или Москвѣ), гдѣ учителямъ есть что посмотрѣть и чему поучиться.

Начинающіе свою службу учителя получатъ возможность научиться многому на съѣздѣ, познакомиться съ тѣмъ, что дѣлается у другихъ преподавателей-товарищей по спеціальности, познакомиться съ новѣйшими методами и пріемами преподаванія, самимъ видѣть новѣйшія пособія: атласы, таблицы, физическіе приборы, модели и пр., оцѣнить ихъ пригодность для своего заведенія, получить разрѣшеніе интересующихъ ихъ вопросовъ.

Лица, располагающія судьбами школы (директоры гимназій и реальныхъ училищъ, окружные инспекторы, помощники и попечители учебныхъ округовъ) получатъ возможность на съѣздѣ обстоятельно ознакомиться съ дѣйствительными результатами своей дѣятельности,

провѣрить самихъ себя, познакомиться съ результатами дѣятельности другихъ учебныхъ заведеній, узнать, насколько примѣнимы на практикѣ ихъ педагогическія правила и требованія.

Для съѣздовъ можно-бы, въ главныхъ чертахъ, поставить слѣдующія задачи:

Общепедагогическіе съѣзды, сближая педагоговъ между собою, въ видахъ соглашенія различныхъ взглядовъ и уясненія встрѣчаемыхъ ими на практикѣ недоумѣній, имѣютъ цѣлью содѣйствовать развитію и совершенствованію выработки нашей самостоятельной русской педагогики. Для достиженія этой цѣли общепедагогическіе съѣзды должны собираться въ одной изъ столицъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ четыре года и могутъ учреждать въ своихъ общихъ собраніяхъ и секціяхъ: 1) чтенія, рефераты и бесѣды по различнымъ общепедагогическимъ вопросамъ; 2) публиковать свои или одобренные съѣздомъ труды; 3) предлагать на конкурсъ задачи съ цѣлью разъясненія тѣхъ или другихъ вопросовъ или составленія лучшихъ учебныхъ программъ, руководствъ и пособій и назначать за нихъ преміи; 4) содѣйствовать разработкѣ психологіи вообще и дѣтской въ особенности; 5) содѣйствовать своими средствами поѣздкамъ членовъ съ педагогическою цѣлью; 6) возбуждать ходатайства предъ правительствомъ объ измѣненіяхъ въ программахъ, курсахъ, объ учрежденіи новыхъ учебныхъ заведеній съ новыми программами, на основаніи тѣхъ соображеній, съ которыми согласится, по крайней мѣрѣ, ²/₃ наличныхъ членовъ.

Намъ кажется, и на основаніи тѣхъ мнѣній, которыя были высказаны на послѣднемъ VIII съѣздѣ естествоиспытателей и врачей, которыя намъ лично приходилось слышать, и на основаніи продолжительнаго изученія педагогической журналистики, что нынѣ является настоятельная необходимость разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ общихъ и частныхъ педагогическихъ съѣздовъ. Только при условіи ихъ открытія и правильной организаціи является возможность для провинціальнаго гимназическаго учителя (и вообще преподавателя среднеучебнаго заведенія) время отъ времени освѣжать и возобновлять свои знанія, получать новые толчки къ дѣятельности, а значитъ, и русская педагогика можетъ такимъ образомъ пріобрѣсти могучее средство для своего развитія и дальнѣйшаго совершенствованія.

На этомъ мы и остановимся. Мы сознаемся, что вопросы нами только намѣчены; будущимъ дѣятелямъ русской педагогики предстоитъ не мало трудовъ для ихъ разработки и развитія. Пожелаемъ имъ отъ души успѣха въ этомъ трудномъ, но благодарномъ дѣлѣ. Богъ помощь!

М. Демковъ.

ЗАБОТЫ О БѢДНЫХЪ ДѢТЯХЪ ВО ФРАНЦІИ.

(Окончаніе).

Въ 1883 году появляется въ Парижѣ первая такъ-называемая *каникулярная колонія*. Подъ этимъ названіемъ разумѣется группа учениковъ, въ 10—15 человѣкъ, съ воспитателемъ во главѣ, выселенная изъ большаго города на нѣсколько недѣль во время лѣтнихъ каникулъ въ деревню, съ цѣлью дать имъ возможность подышать чистымъ воздухомъ, отдохнуть и подкрѣпить свои силы на свободѣ. Такого рода новая помощь бѣднымъ учащимся дѣтямъ слабаго здоровья заимствована изъ Швейцаріи и обязана своимъ существованіемъ частной иниціативѣ. Нѣсколько лицъ, стоящихъ во главѣ этого дѣла, горячо преданныя ему, обладающія замѣчательной энергіей, съумѣли придать ему значительную популярность, привлечь къ нему общественное вниманіе и симпатію, такъ что въ короткій шестилѣтній срокъ оно укоренилось и разрослось не только въ Парижѣ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ большихъ городахъ Франціи.

Каникулярныя колоніи имѣютъ цѣлью оказывать свою помощь исключительно учащимся дѣтямъ обоего пола начальныхъ общественныхъ школъ бѣдныхъ классовъ населенія большихъ скученныхъ городовъ. Эти дѣти поставлены положеніемъ своихъ родителей въ особенно неблагопріятныя условія. Проводя круглый годъ, иногда все свое дѣтство съ самаго рожденія, въ душной городской атмосферѣ, они часто бываютъ слабы, малокровны, развиваются неправильно исключительно вслѣдствіе отсутствія простора, свѣта, движенія, чистаго воздуха, свободы—всего, что такъ необходимо всякому живому организму, а тѣмъ болѣе молодому. Для такихъ дѣтей, въ періодъ ихъ школьнаго обученія, въ тотъ возрастъ, когда они усиленно быстро развиваются и формируются, когда умственное напряженіе въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ особенно настоятельно требуетъ покоя и отдыха,—для такихъ дѣтей каникулы пропадаютъ обыкновенно безо всякой пользы.

Оставаясь въ пыльномъ городѣ, при условіяхъ своей обычной жизни, они не отдыхаютъ ни душою, ни тѣломъ и возвращаются въ классъ такими-же вялыми и утомленными, какими оставили его до каникулъ. Понятно, что для нихъ каникулярныя колоніи истинное благодѣяніе; провести нѣсколько недѣль внѣ города, внѣ сферы обыденной жизни, въ постоянномъ общеніи съ природой, въ обстановкѣ простой, но опрятной, исполненной порядка и сравнительнаго довольства, это для нихъ такое наслажденіе, такой сказочный мірокъ, воспоминанія о которомъ надолго потомъ или, пожалуй, навсегда даже остаются въ ихъ душѣ. Что-же касается пользы такого рода лѣченія, то, конечно, оно не можетъ сравниться ни съ какими микстурами и порошками, и результаты, достигаемые имъ, настолько блестящи, что кажутся невѣроятными и остается только удивляться имъ.

Первая каникулярная колонія маленькихъ парижанъ, выѣхавшая на дачу въ 1883 году и устроенная съ большимъ трудомъ и хлопотами, состояла изъ двухъ группъ, по 9 человѣкъ въ каждой, мальчиковъ и дѣвочекъ. Конечно, въ число этихъ 18 колонистовъ вошли дѣти самыя слабыя и болѣзненныя. Передъ выѣздомъ изъ города было сдѣлано тщательное изслѣдованіе ихъ здоровья, опредѣленъ вѣсъ тѣла, объемъ груди, таліи и проч. Первые подъ надзоромъ воспитателя, вторыя—воспитательницы были помѣщены въ здоровой, хорошей мѣстности, въ зданіяхъ сельскихъ училищъ, пустыхъ по случаю каникулъ. Помѣщенія эти были предоставлены въ распоряженіе колоній безплатно, проѣздъ по желѣзной дорогѣ—по уменьшенной цѣнѣ. Домашнее хозяйство велось своими средствами, съ помощью самихъ дѣтей. Пребываніе ихъ на дачѣ продолжалось ровно мѣсяцъ. Чистый воздухъ, купанье, движеніе, хорошая пища, довольное, веселое настроеніе сдѣлали свое дѣло. Когда, по возвращеніи въ городъ черезъ мѣсяцъ, вновь произведенъ былъ тщательный медицинскій осмотръ этихъ дѣтей, то улучшеніе въ общемъ состояніи ихъ здоровья, въ возстановленіи и оживленіи всѣхъ ихъ отправленій было настолько велико, какъ не ожидали того и сами устроители колоніи. Высокое воспитательное значеніе этого мѣсяца для колонистовъ выяснилось то-же вполнѣ изъ ихъ дневниковъ, въ которыхъ они описывали свое времяпрепровожденіе, наглядные уроки въ полѣ и лѣсу, свои личныя впечатлѣнія и чувства. Восторги ихъ, восклицанія и проч. доказываютъ какъ неизвѣданное, незнакомое имъ наслажденіе природой, испытанное ими впервые въ теченіе этого мѣсяца, такъ и благотворное вліяніе ея на нихъ. Издержки на эту первую колонію можно считать очень невысокими: въ кругломъ счетѣ, считая всѣ расходы, содержаніе каждаго

колониста обошлось менѣе чѣмъ 3 фр. въ день. Средства эти составились по большей части изъ пожертвованій, собранныхъ основателями колоніи; школьная касса IV парижскаго округа, изъ котораго именно выбраны были колонисты, ассигновала на этотъ предметъ всего 500 фр.

Этотъ первый, вполнѣ удавшійся опытъ каникулярной колоніи не прошелъ безслѣдно; доведенный своими учредителями до общаго свѣдѣнія оффиціальнымъ отчетомъ и путемъ печати, онъ пріобрѣлъ многихъ сторонниковъ; явились и новые дѣятели по этому вопросу, и новые жертвователи. Въ 1884 году IX округъ былъ уже въ состояніи выслать изъ города нѣсколько группъ колонистовъ, истративъ на нихъ около 9.000 фр., а въ 1885 году лѣчилось уже 122 колониста, и изъ суммы около 14.000 фр., имѣвшейся на сей предметъ въ распоряженіи округа, образовался уже остатокъ.

Въ 1887 году муниципальный совѣтъ Парижа единогласно призналъ благотворное значеніе каникулярныхъ колоній и рекомендовалъ ихъ какъ лучшее лѣченіе для слабыхъ учениковъ всѣмъ комитетамъ школьныхъ кассъ, предложивъ обращать на этотъ предметъ суммы, отпускаемыя совѣтомъ на каникулярныя путешествія *). Затѣмъ нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ, нѣсколько извѣстныхъ педагоговъ, врачей, множество частныхъ лицъ, представителей всѣхъ кварталовъ Парижа, соединились въ Общество—съ цѣлью выработать общія правила и инструкціи для каникулярныхъ колоній и выхлопотать для нихъ нѣкоторыя льготы. Такъ, ихъ усиліями были собраны, черезъ инспекторовъ начальныхъ училищъ, въ провинціяхъ, свѣдѣнія о мѣстностяхъ, удобныхъ для помѣщенія колонистовъ, объ условіяхъ

---

*) Эти путешествія совершались ежегодно лучшими изъ окончившихъ курсъ учениками, служа имъ наградой за ихъ успѣхи. Въ сопровожденіи воспитателей, они дѣлали около восьми переѣздовъ по желѣзной дорогѣ и на пароходѣ по Франціи и заграницей, посѣщая достопримѣчательныя мѣстности, осматривая монументы, музеи и проч. Цѣлью такихъ путешествій было—обогатить учениковъ знаніями, что едва-ли достигалось при быстротѣ этихъ поѣздокъ и массѣ смѣняющихся впечатлѣній, особенно принимая во вниманіе слишкомъ юный возрастъ путешественниковъ и ихъ недостаточное образованіе. Обходились эти путешествія довольно дорого и сводились, собственно говоря, къ простому развлеченію. Конечно, не можетъ быть и рѣчи о томъ, насколько производительнѣе устройство каникулярныхъ колоній и насколько серьезнѣе и гуманнѣе принципъ, лежащій въ ихъ основаніи—дать здоровье слабымъ и бѣднымъ дѣтямъ—сравнительно съ цѣлью каникулярныхъ путешествій—доставить развлеченіе и польстить тщеславію нѣкоторыхъ удачниковъ, и безъ того въ данный моментъ довольныхъ своею судьбой и счастливыхъ.

ихъ продовольствія, выхлопотано пониженіе провозной платы отъ желѣзнодорожныхъ обществъ и проч.

Въ 1887 году начальныя общественныя школы Парижа выслали въ деревню 517 дѣтей, въ сопровожденіи 21 воспитателя и 23 воспитательницъ; весь расходъ на эти колоніи простирался до 52.000 фр., что въ кругломъ счетѣ составляло по 3 фр. съ небольшимъ въ день на человѣка, считая всѣ издержки. Въ 1888 году число колонистовъ состояло уже изъ 849 человѣкъ дѣтей съ 34 воспитателями и 37 воспитательницами. Общій расходъ равнялся 72.000 фр., въ кругломъ счетѣ на человѣка въ день приходилось уже менѣе 3 фр. Средства эти составлялись изъ суммъ, отпускаемыхъ на этотъ предметъ школьными кассами, изъ денегъ, ассигнуемыхъ муниципальнымъ совѣтомъ на каникулярныя путешествія и изъ частныхъ пожертвованій. Послѣднія возрастаютъ съ каждымъ годомъ. Въ 1888 году XI округъ парижскихъ школъ получилъ въ даръ даже имѣніе съ паркомъ, прилегающимъ къ громадному лѣсу. Туда предполагается высылать въ теченіе пяти лѣтнихъ мѣсяцевъ, съ мая и по октябрь, 500 человѣкъ, по 100 въ каждой группѣ. Пребываніе колоній на дачѣ колебалось между тремя недѣлями и мѣсяцемъ; такъ какъ послѣдній срокъ преобладалъ, то въ среднемъ числѣ приходится по 28 дней на человѣка.

Въ своемъ частномъ устройствѣ и внутреннемъ бытѣ каждая колонія старается устранить испытанныя ею самой или другими колоніями неудобства, ввести у себя то, что удачно примѣнялось другими, самой изыскать что-либо новое, однимъ словомъ, совершенствовать и развивать свое дѣло. Руководители и руководительницы группъ, избираемые изъ болѣе способныхъ и энергичныхъ преподавателей, съ полнымъ самоотверженіемъ отдаются своимъ обязанностямъ и обѣщаютъ съ помощью общихъ усилій и соревнованія довести до совершенства внутреннюю жизнь колоній.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, жизнь колоніи на дачѣ. Мѣстность для поселенія больныхъ дѣтей тщательно выбирается,—она не только здоровая, но и по возможности удобная и красивая. Въ горахъ, на берегу моря, въ живописныхъ долинахъ на берегу озера или рѣчки находятъ себѣ пріютъ маленькіе блѣдные парижане. Помѣщаются они цѣлой группой или въ частныхъ домахъ, или въ зданіяхъ училищъ, и рѣдко, въ крайнемъ случаѣ, разселяются отдѣльно, въ семейства крестьянъ; продовольствуются большею частью своимъ собственнымъ хозяйствомъ, или-же въ какомъ-нибудь ближайшемъ пансіонѣ, по уговору съ его содержателемъ. Пища обыкновенно обильная и питательная. Весь строй жизни колоніи рѣзко отличается отъ той жизни, которую ведутъ ко-

лонисты въ городѣ, у себя дома. Во всемъ царитъ образцовый порядокъ и опрятность; время строго распредѣлено; каждый имѣетъ свои извѣстныя обязанности по хозяйству. Все это для нихъ ново, ко всему этому они не пріучены дома, однако, это не тяготитъ ихъ нисколько здѣсь, а напротивъ, нравится имъ, приходится по душѣ. Добрыя отношенія, вниманіе и заботливость къ нимъ воспитателей заставляютъ ихъ такъ-же дружелюбно относиться другъ къ другу и къ окружающимъ, пріучая ихъ къ товариществу и общительности. Ни ссоръ, ни дрязгъ не замѣчается между колонистами, такъ-же никакихъ проступковъ, грубыхъ шалостей, нарушенія порядка. Конечно, главный факторъ во всемъ этомъ—веселое и бодрое настроеніе дѣтей и могучее вліяніе природы на нихъ, никогда не видавшихъ ея. Все для нихъ здѣсь ново, все обращаетъ на себя ихъ вниманіе, изощряетъ ихъ наблюдательность, обогащаетъ умъ, питаетъ чувство. Имъ некогда скучать, некогда сердиться, погружаться въ какіе-нибудь мелочные разсчеты. О домѣ они обыкновенно нисколько не скучаютъ, хотя нѣкоторые часто пишутъ домой и съ нѣжностью приготовляютъ разные подарки и сувениры для своихъ домашнихъ.

День колониста проходитъ по большей части въ прогулкахъ и играхъ на воздухѣ. Иногда онѣ разнообразятся бесѣдами руководителей объ окружающихъ предметахъ, т.-е., говоря языкомъ оффиціальнымъ, предметными уроками по ботаникѣ, зоологіи, географіи и проч., и эти уроки въ тѣни лѣса или на склонѣ холма, перемѣшанные шутками и остротами, стоютъ, конечно, десятка уроковъ въ стѣнахъ школы, на всю жизнь западая въ память юныхъ слушателей. Отдаленныя прогулки и поѣздки, осмотръ мѣстныхъ достопримѣчательностей, знакомство съ условіями крестьянскаго быта и сельскими работами—все это то-же матеріалъ для наблюденія, изученія и наслажденія колониста. Дневники этихъ дачниковъ чрезвычайно интересны въ смыслѣ изученія по нимъ ихъ авторовъ педагогами; въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражается вся ихъ личность и мірокъ. Пребываніе въ колоніи вообще очень полезно въ смыслѣ сближенія воспитателей съ воспитуемыми, и замѣчено, что и по возвращеніи въ городъ отношенія ихъ, вмѣсто прежнихъ оффиціальныхъ, остаются дружескими и задушевными. Интересенъ и знаменателенъ еще и тотъ фактъ, что ученіе дѣтей, побывавшихъ на дачѣ, въ новомъ учебномъ году идетъ успѣшнѣе, чѣмъ шло раньше; иногда даже совсѣмъ плохіе ученики переходятъ въ ряды первыхъ. Также и въ городѣ колонисты сохраняютъ привычку къ порядку и опрятности.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о томъ, насколько достигается глав-

ная, такъ сказать, спеціальная цѣль каникулярныхъ колоній, т.-е. насколько возстановляется собственно физическое здоровье дѣтей помощью такого рода лѣченія. Для большей ясности и наглядности его результатовъ, практика нѣкоторыхъ каникулярныхъ колоній установила такой порядокъ: первый тщательный осмотръ колонистовъ, предназначенныхъ къ выѣзду на дачу, производится за мѣсяцъ до ихъ отъѣзда, второй—наканунѣ отъѣзда. Затѣмъ для каждаго ученика опредѣляются увеличеніе роста, вѣса, объема груди и проч., происшедшія въ теченіе истекшаго мѣсяца, проведеннаго имъ въ обыкновенной для него обстановкѣ. По возвращеніи его въ городъ производится опять такой-же осмотръ его, съ тѣми-же опредѣленіями увеличенія за мѣсяцъ дачной жизни. Вотъ тутъ-то, при сопоставленіи полученныхъ цыфръ, и выясняется во всей очевидности громадная разница въ физическомъ развитіи ученика въ теченіе перваго и втораго мѣсяца. Цыфры, выражающія увеличенія его вѣса, объема груди и проч. во второй мѣсяцъ, сравнительно съ первымъ, часто въ 5—6 разъ болѣе; иногда въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онѣ бываютъ даже въ 10 разъ болѣе величинъ перваго мѣсяца. Такая усиленная дѣятельность организма показываетъ, что онъ весь точно ожилъ, получилъ небывалую жизненность и энергію. Очень малокровныя или одержимыя особенными болѣзнями дѣти пользуются въ колоніяхъ, по указанію врача, и спеціальнымъ лѣченіемъ, т.-е. лѣкарствами, минеральными водами и проч. Нѣкоторые округа стараются доставить болѣе слабымъ ученикамъ возможность провести въ колоніи два и три лѣтнихъ каникулярныхъ курса сряду.

Одновременно съ колоніями общественныхъ школъ возникаютъ въ Парижѣ каникулярныя колоніи и вполнѣ частнаго характера. Такъ, есть колонія, устраиваемая однимъ пасторомъ для дѣтей протестантовъ его прихода; есть двѣ колоніи, устраиваемыя по подпискѣ богатыми ученицами извѣстныхъ школъ для своихъ бѣдныхъ подругъ, и проч. Начинаетъ также практиковаться обычай, что нѣкоторые богатые землевладѣльцы принимаютъ къ себѣ въ деревню на лѣто по нѣсколько человѣкъ бѣдныхъ дѣтей, предоставляя имъ все готовое содержаніе.

Кромѣ Парижа, можно указать на существованіе каникулярныхъ колоній въ Байонѣ и Бордо. Но вообще въ провинціи онѣ прививаются пока очень туго, хотя нѣкоторые большіе города, какъ, напримѣръ, Ліонъ, не отказываютъ въ очень щедрой помощи своимъ бѣднякамъ.

Въ 1886 году положено во Франціи основаніе новому Обществу, то-же поставившему своею задачею оказывать помощь бѣднымъ дѣ-

тямъ, это именно—Обществу пособія сиротамъ начальныхъ учителей и учительницъ. Дѣятельность этого Общества обнимаетъ территорію всей Франціи съ колоніями и члены его въ настоящее время считаются уже десятками тысячъ, а сироты, пользующіеся его покровительствомъ, сотнями. Небезъинтересно бросить бѣглый взглядъ на то, какъ быстро развивается дѣло этого Общества, какъ много сочувствія и поддержки встрѣчаетъ оно не только со стороны лицъ, прямо заинтересованныхъ въ немъ, но и со стороны всего французскаго общества и въ особенности высокопоставленныхъ и обезпеченныхъ людей, служащихъ ему вполнѣ безкорыстно, исключительно изъ сочувствія благимъ цѣлямъ его.

Еще задолго до 1886 года, существовали въ различныхъ департаментахъ Франціи вспомогательныя кассы начальныхъ учителей, и нерѣдко къ помощи ихъ прибѣгали вдовы и осиротѣвшія дѣти ихъ участниковъ. Обыкновенно, при крайне ограниченныхъ средствахъ этихъ кассъ, пособія, выдаваемыя ими, могли быть только временныя и очень недостаточныя. Часто въ случаѣ смерти начальнаго учителя, серьезной болѣзни его или преждевременнаго выхода въ отставку товарищи откликались на бѣдственное положеніе его и его семьи путемъ добровольной подписки, устраиваемой или въ тѣсномъ кружкѣ небольшаго района, или-же въ болѣе широкихъ размѣрахъ посредствомъ печати. Нерѣдко застигнутые бѣдой учителя вынуждены бывали сами протягивать руку съ просьбою о помощи своимъ собратамъ. Такого рода помощь, служа все-таки несомнѣннымъ доказательствомъ взаимнаго участія и готовности помочь другъ другу въ черный день со стороны начальныхъ учителей, имѣла характеръ чисто случайный и, кромѣ того, сводилась къ простой филантропіи, подачи подаянія, и такимъ образомъ была всегда до извѣстной степени щекотлива и оскорбительна для самолюбія и чувства собственнаго достоинства пользующихся ею лицъ.

Съ шестидесятыхъ годовъ стала время отъ времени высказываться на страницахъ многихъ педагогическихъ журналовъ и листковъ мысль о созданіи отдѣльной помощи осиротѣвшимъ дѣтямъ начальныхъ учителей, независимо отъ обыкновенныхъ вспомогательныхъ кассъ, которыя имѣютъ другія цѣли и не въ силахъ удовлетворять нуждамъ многочисленныхъ сиротъ. Хотя ощутительныхъ результатовъ замѣтки эти, помѣщаемыя обыкновенно по поводу чего-либо, кстати, такъ сказать, и не принесли, но, безъ сомнѣнія, онѣ не прошли незамѣченными французскимъ народомъ, его интеллигенціей, и своимъ частымъ повтореніемъ вызвали ея вниманіе и сочувствіе и подготовили такимъ образомъ почву тому колоссальному успѣху, который выпалъ на долю упомянутаго Общества.

Начало возникновенія этого Общества относится къ ноябрю 1885 г. и принадлежитъ вполнѣ частной иниціативѣ. 34 учителя округа Gray, руководимые М. Филиппомъ, человѣкомъ, одареннымъ замѣчательной энергіей и горячо преданнаго дѣлу, рѣшились соединенными силами твердо и настойчиво идти къ намѣченной цѣли. Составивъ въ общихъ чертахъ проектъ предполагаемаго Общества пособія сиротамъ начальныхъ учителей, они стали дѣятельно пропагандировать его, и главнымъ образомъ путемъ печати, а затѣмъ и обращеніемъ къ тѣмъ и другимъ общественнымъ учрежденіямъ и группамъ учителей, приглашая примкнуть къ ихъ кружку, поддержать ихъ идею. Проектъ устава съ разъясненіемъ цѣлей Общества и множество писемъ разосланы были во всѣ департаменты Франціи инспекторамъ начальныхъ училищъ, директорамъ и завѣдующимъ отдѣльными учебными заведеніями, различнымъ педагогическимъ обществамъ, отдѣльнымъ лицамъ, власть имѣющимъ или извѣстнымъ своею преданностью дѣлу народнаго просвѣщенія и друг.

Дѣйствіе этой широкой пропаганды не замедлило обнаружиться замѣчательно быстро и съ удивительнымъ успѣхомъ. Отовсюду стало получать юное, едва въ зародышѣ обозначившееся Общество выраженіе сочувствія, готовности помогать ему, изъ всѣхъ уголковъ Франціи являлось отъ начальныхъ учителей согласіе примкнуть въ качествѣ членовъ къ возникающему новому учрежденію. Въ числѣ послѣднихъ было много холостыхъ учителей, незамужнихъ учительницъ, много стариковъ, не имѣющихъ уже малолѣтнихъ дѣтей. Многія лица обращались къ учредителямъ Общества съ различными запросами и требованіями разъясненій по поводу того или другаго пункта устава, также сообщали имъ свои совѣты, дѣлали съ своей стороны извѣстныя указанія, въ высшей степени внимательно и серьезно относясь къ нимъ. Дѣятели юнаго Общества немедленно отвѣчали на нихъ новыми замѣтками въ газетахъ и письмами. Такой обмѣнъ мыслей придалъ широкую популярность новому дѣлу и внесъ въ него особенную жизненность и сердечность. Нѣкоторые публицисты оказали ему то-же могучее содѣйствіе посредствомъ своего живаго слова, статьями и отзывами въ пользу возникающаго учрежденія. Въ два съ небольшимъ мѣсяца Общество насчитывало уже 1.200 «членовъ участниковъ» и 30 «членовъ основателей». Тогда оно рѣшилось устроить свое первое общее собраніе, чтобы дать новый толчокъ этому дѣлу и точнѣе опредѣлить программу своей дальнѣйшей дѣятельности. Центромъ ея, какъ единственно обезпечивающимъ успѣхъ предпріятія, оно рѣшило избрать Парижъ.

Первое общее собраніе Общества пособія сиротамъ начальныхъ учителей состоялось въ февралѣ 1886 года. Выслушавъ проектъ устава и принявъ его основные принципы, общее собраніе избрало коммиссію для подробной и окончательной разработки его. Въ коммиссію эту вошли многіе педагоги, извѣстные своими научными трудами, пользующіеся популярностью педагоги-практики и піонеры новаго дѣла, доказавшіе свою горячность и преданность ему, 34 учителя округа Gray со своимъ предсѣдателемъ во главѣ. Кромѣ разработки устава, коммиссія получила также полномочіе продолжать пропаганду идеи Общества въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Это первое общее собраніе, между прочимъ, опредѣлило и размѣры членскихъ взносовъ, а именно: 50 франковъ единовременно для члена-основателя, 6 франковъ въ годъ для почетнаго члена и 3 франка въ годъ для члена-участника; вмѣстѣ съ тѣмъ оно постановило открыть сборъ взносовъ и пріемъ пожертвованій. Слѣдующее общее собраніе должно было состояться по окончаніи коммиссіей составленія устава.

Дѣятельно принялась коммиссія за выполненіе своей задачи. Тотчасъ опубликованъ былъ отчетъ о первомъ общемъ собраніи и подробно разъяснены въ немъ всѣ принципы, положенные въ основу новаго учрежденія, съ цѣлью вызвать возраженія и замѣчанія многочисленныхъ членовъ его въ провинціи. Замѣчанія эти дѣйствительно не замедлили явиться. По тщательномъ обсужденіи ихъ, коммиссія принялась за обстоятельную разработку устава. Предвидя возможныя затрудненія, могущія встрѣтиться на практикѣ, она съ мелочною точностью обсуждала каждый пунктъ его, и, несмотря на сложность своей работы, менѣе чѣмъ въ два мѣсяца закончила весь уставъ, такъ что 11-го апрѣля 1886 года было назначено второе общее собраніе. Къ этому числу въ Обществѣ состояло уже 3.500 членовъ. День этотъ долженъ по справедливости считаться днемъ основанія Общества. Въ это засѣданіе утвержденъ собраніемъ весь уставъ Общества и съ этого-же дня открыты его дѣйствія. Министръ народнаго просвѣщенія принялъ на себя почетное предсѣдательство въ новомъ Обществѣ.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, выработанный коммиссіей и утвержденный комитетомъ уставъ.

Цѣль Общества—помогать сиротамъ лицъ, служащихъ дѣлу начальнаго образованія во Франціи и колоніяхъ. Сюда относятся какъ учителя и учительницы различныхъ общественныхъ начальныхъ школъ, такъ и директора, инспектора, воспитатели и воспитательницы въ нихъ, учителя низшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній, содержатели и содержательницы частныхъ учебныхъ заведеній и частные

учителя и учительницы, воспитатели и воспитательницы. Помощь, оказываемая сиротамъ, должна состоять, главнымъ образомъ, изъ денежнаго пособія, выдаваемаго имъ на руки, или стипендіи, или части стипендіи въ какомъ-либо учебномъ заведеніи. Въ исключительныхъ только случаяхъ сироты могутъ быть принимаемы Обществомъ въ особые пріюты, которые, по мѣрѣ средствъ Общества, будутъ постепенно открываемы въ различныхъ мѣстностяхъ государства.

Въ этомъ отношеніи основныя черты устава Общества, набросанныя первыми 34 членами въ ихъ предварительныхъ совѣщаніяхъ, подъ вліяніемъ изученія даннаго вопроса коммиссіей и широкаго обсужденія его въ печати и общихъ собраніяхъ, совершенно измѣнили свой характеръ. Первоначально предполагалось исключительно устройство пріютовъ для сиротъ, гдѣ они получали-бы и воспитаніе, и образованіе, по крайней мѣрѣ, въ младшемъ возрастѣ; но позднѣе члены Общества пришли къ заключенію, что отрывать дѣтей отъ ихъ родной почвы, разлучать съ родиной, родственниками и запирать ихъ въ интернатъ— во всѣхъ отношеніяхъ для нихъ хуже, чѣмъ, оставаясь при обычныхъ условіяхъ своей жизни, пользоваться денежнымъ пособіемъ и покровительствомъ Общества. Конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣтямъ, какъ говорится, дѣться некуда, пріютъ можетъ быть необходимъ, но только въ такихъ случаяхъ и слѣдуетъ прибѣгать къ нему.

Правомъ на пособіе Общества пользуются прежде всего круглые сироты, затѣмъ—сироты безъ отцовъ и, наконецъ, сироты безъ матерей.

Общество составляется изъ членовъ-участниковъ, почетныхъ членовъ и членовъ-основателей. Первыми могутъ быть всѣ лица, такъ или иначе причастныя къ дѣлу начальнаго обученія, и ихъ жены и мужья. Взносъ члена-участника—3 франка въ годъ или 60 франковъ единовременно. Членами-основателями и почетными могутъ быть всѣ лица, желающія вносить въ кассу Общества: первые единовременно 50 франковъ, вторые ежегодно 6 франковъ. Правомъ на пособія Общества пользуются только сироты членовъ-участниковъ. Послѣдніе теряютъ право на помощь своимъ дѣтямъ въ томъ случаѣ, если добровольно оставятъ педагогическую дѣятельность ранѣе шести лѣтъ. Если отецъ и мать—оба члены Общества, то это двойное участіе принимается во вниманіе при распредѣленіи пособій.

Средства Общества, кромѣ членскихъ взносовъ, составляются изъ пособій, назначаемыхъ государствомъ, департаментами и общинами, различнаго рода частныхъ пожертвованій, лотерей, базаровъ, конференцій и праздниковъ, устраиваемыхъ въ пользу Общества. По крайней мѣрѣ, десятая часть всѣхъ доходовъ Общества отчисляется ежегодно

въ запасный капиталъ, обращаемый въ государственныя процентныя бумаги.

Управляется Общество центральнымъ комитетомъ, находящимся въ Парижѣ и состоящимъ изъ 36 членовъ, изъ числа которыхъ $^{2}/_{3}$ обязательно состоятъ изъ членовъ участниковъ. Избирается центральный комитетъ закрытою баллотировкою въ общемъ собраніи, причемъ допускается письменная подача голосовъ отсутствующими членами. Въ каждомъ районѣ инспекціи начальныхъ училищъ принадлежащіе къ нему члены избираютъ мѣстный комитетъ, состоящій изъ семи членовъ, посредствомъ такой-же баллотировки. При каждомъ пріютѣ, который въ состояніи будетъ образовать Общество, учреждается особая коммиссія, назначаемая центральнымъ комитетомъ. Обязанность такой коммиссіи—заботиться о благоденствіи ввѣреннаго его попеченію пріюта и сиротъ, воспитывающихся въ немъ. Обязанности мѣстныхъ комитетовъ—принимать прошенія о пособіи и, собравъ возможно больше данныхъ о лицахъ, подавшихъ ихъ, представлять ихъ съ собственнымъ заключеніемъ въ центральный комитетъ; затѣмъ—постоянно заботиться и слѣдить за воспитаніемъ вспомоществуемыхъ сиротъ ихъ районовъ, посѣщая каждаго изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ мѣсяцъ, и отдавать о нихъ отчетъ центральному комитету. Мѣстный комитетъ собираетъ также доходы Общества въ своемъ районѣ и расходуетъ ихъ сообразно назначенію центральнаго комитета, отдавая ему отчетъ въ этихъ расходахъ. Центральный комитетъ находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ мѣстными комитетами; онъ назначаетъ родъ и размѣръ помощи сиротамъ, ведетъ общую отчетность, назначаетъ общія собранія и проч.

При распредѣленіи пособій правомъ на помощь Общества прежде всего пользуются круглые сироты; ихъ прошенія удовлетрворяются первыми. Только они одни имѣютъ право на помѣщеніе въ пріюты и на стипендію или часть стипендіи въ какихъ-либо учебныхъ заведеніяхъ. Въ пріюты принимаются дѣти отъ 7 до 15-лѣтняго возраста; здѣсь они живутъ, здѣсь получаютъ и то или другое образованіе; до 7 лѣтъ и круглые сироты получаютъ только денежное пособіе отъ Общества. Послѣ круглыхъ сиротъ удовлетворяются и остальные подавшіе прошенія,—сначала сироты безъ отцовъ, затѣмъ сироты безъ матерей. Всѣ питомцы вообще пользуются пособіемъ Общества только до 15 лѣтъ; въ нѣкоторыхъ исключительныхъ лишь случаяхъ срокъ этотъ удлиняется; но и послѣ 15 лѣтъ Общество продолжаетъ заботиться о сиротахъ, стараясь пристроить ихъ куда-нибудь, сообразно ихъ подготовкѣ и способностямъ. Размѣръ пособій опредѣляется цен-

тральнымъ комитетомъ для каждаго питомца только на одинъ годъ впередъ. Размѣръ этотъ находится въ зависимости отъ средствъ Общества и числа сиротъ, имѣющихъ право на его помощь. Прошенія удовлетворяются по возможности всѣ и въ порядкѣ ихъ поступленія. Ежегодный подробный отчетъ о дѣятельности Общества, печатаемый во множествѣ экземпляровъ, знакомитъ съ нимъ населеніе Франціи.

Итакъ, цѣль вновь создавшагося Общества — замѣнить осиротѣвшимъ дѣтямъ лицъ, служащихъ дѣлу начальнаго образованія, родительское попеченіе, т.-е. дать имъ возможность вырости въ семьѣ, не отрывая ихъ отъ ихъ среды и родины, и подготовить ихъ къ какой-нибудь полезной дѣятельности, могущей обезпечить ихъ самостоятельное существованіе въ будущемъ. Въ виду этого Общество предпочитаетъ выдачу денежныхъ пособій другимъ способамъ помощи, оставляя ребенка жить у отца или матери, или стараясь пристроить его къ родственникамъ и друзьямъ его умершихъ родителей, если онъ круглый сирота, и только въ крайнемъ случаѣ помѣщаетъ его въ пріютъ. Возрастъ, до котораго питомецъ пользуется пособіемъ Общества, доказываетъ, что оно беретъ на себя заботу дать ему только начальное образованіе. Какого именно рода подготовку придется давать сиротамъ, въ какія училища ихъ помѣщать и проч.—это укажетъ уже опытъ.

Очень важная и во всѣхъ отношеніяхъ достойная сочувствія сторона этого новаго Общества заключается, во-первыхъ, въ его доступности для всѣхъ, такъ какъ ничтожный взносъ 3 фр. въ годъ даетъ возможность каждому и наименѣе обезпеченному работнику на поприщѣ начальнаго обученія вступить въ число его членовъ и, во-вторыхъ, стремленіе Общества удовлетворить всѣхъ нуждающихся въ размѣрахъ, доступныхъ его средствамъ. Это послѣднее обстоятельство особенно важно, такъ какъ оно даетъ увѣренность каждому участнику, что, въ случаѣ нужды, и его дѣти не останутся безъ помощи, хотя-бы и незначительной, такъ какъ помощь Общества выпадаетъ на долю не нѣкоторыхъ избранныхъ счастливцевъ только, а братски распредѣляется между всѣми сиротами. Доступность этого Общества для всѣхъ и указанный великій принципъ его, конечно, вполнѣ обезпечиваютъ его существованіе въ настоящемъ и быстрое и благотворное развитіе въ будущемъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о дѣятельности юнаго Общества, уже проявленной имъ.

Число членовъ-участниковъ, равнявшееся 11 апрѣля 1886 года, въ день основанія Общества, 3.500 чел., къ 1 іюня того-же года до-

стигло 7.704, къ 1 октября 15.309, къ 1 мая 1887 года—23.225. Въ числѣ ихъ были уже лица, живущія не только во всѣхъ департаментахъ Франціи, но и въ Алжирѣ и самыхъ отдаленныхъ колоніяхъ. Средства Общества то-же быстро возрастали: оно удостоилось назначенія постояннаго пособія отъ министерства народнаго просвѣщенія, отъ многихъ муниципальныхъ совѣтовъ и департаментовъ. Различныя, чрезвычайно многочисленныя во Франціи общества и ассоціаціи то-же назначали отъ себя пособіе Обществу,—одни ежегодныя, другія единовременныя.

Изъ отчета 17 мая 1887 года, утвержденнаго общимъ собраніемъ, видно, что въ теченіе перваго года своего существованія Общество потеряло уже умершими 28 своихъ членовъ, оставившихъ на его попеченіе 64 сиротъ,—60 безъ отцовъ и 4 безъ матерей. Всѣ они пользовались пособіемъ Общества въ размѣрѣ отъ 75 до 100 фр. въ годъ. Круглые сироты помѣщены были у ихъ родственниковъ, остальные жили съ отцами и съ матерями. За покрытіемъ всѣхъ расходовъ, Общество имѣло уже 23.945 фр. запаснаго капитала.

Изъ слѣдующаго годоваго отчета, утвержденнаго общимъ собраніемъ 18 марта 1888 года, ясно, что дѣло Общества и за второй годъ его существованія продолжало развиваться съ прежней энергіей. Теперь число членовъ-участниковъ равнялось уже 25.114 челов., что составляетъ болѣе 1/4 всего начальнаго учительскаго персонала Франціи. Особенно значительно увеличилось число членовъ-основателей и почетныхъ членовъ: состоявшее годъ тому назадъ изъ 267 человѣкъ, теперь оно возрасло до 465. Этотъ приростъ наглядно доказываетъ сочувствіе общества новому учрежденію, особенно если принять во вниманіе то обстоятельство, что чрезвычайное обиліе во Франціи всевозможныхъ филантропическихъ обществъ и учрежденій и безъ того поглощаетъ много средствъ частныхъ лицъ. За этотъ-же годъ поступило въ Общество и бо́льшее количество единовременныхъ пожертвованій; хотя между ними и нѣтъ крупныхъ, но многочисленность ихъ то-же служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ общественнаго сочувствія къ нему. Число питомцевъ, получавшихъ отъ Общества пособіе во второй годъ его существованія, простиралось до 248 человѣкъ; въ томъ числѣ было 17 круглыхъ сиротъ, 81 не имѣющихъ матери и 150 не имѣющихъ отца. Всѣ они жили у родныхъ или опекуновъ; ни одного пріюта устроить Обществу еще не удалось. Запасный капиталъ Общества равнялся въ это время 73.234 фр.

За третій годъ своего существованія Общество оказало также быстрые успѣхи въ своемъ развитіи. По отчету 31 марта 1889 года,

число членовъ-участниковъ близится уже къ 27.000 чел., число членовъ-основателей и почетныхъ поднялось съ 465 до 586. Всѣхъ призрѣваемыхъ сиротъ 317; запасный капиталъ равняется 104.000 фр.

Итакъ, это новое и въ высшей степени полезное дѣло пустило уже очевидно глубокіе корни въ жизни и въ будущемъ обѣщаетъ богатые плоды.

Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ и глубокой симпатіей къ благимъ начинаніямъ французскаго Общества въ дѣлѣ попеченія о своихъ бѣдныхъ малолѣтнихъ членахъ. Стремленіе его обезпечить общественную помощь нуждающимся въ ней дѣтямъ различныхъ классовъ общества и при разнообразнѣйшихъ неблагопріятныхъ условіяхъ ихъ жизни ставитъ вопросъ этотъ на широкое основаніе и открываетъ ему обширное поле дѣятельности на благо этихъ дѣтей.

У насъ, въ Россіи, въ послѣднее время то-же замѣчается нѣкоторое движеніе въ этомъ дѣлѣ; такъ, напр., въ Петербургѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ устраиваются дачи для бѣдныхъ дѣтей, въ газетахъ появляются замѣтки о попыткахъ тамъ и сямъ устраивать кассы взаимной помощи начальныхъ учителей, увеличивается число Обществъ пособія нуждающимся учащимся и проч. Остается только пожелать, чтобы и у насъ эти благія начинанія встрѣтили такое-же общественное сочувствіе, какимъ пользуются они во Франціи, и такъ-же успѣшно, какъ тамъ, привились-бы и на нашей родной почвѣ *).

О. Вемберъ.

---

*) За исключеніемъ послѣдняго изъ перечисленныхъ авторомъ Обществъ, а именно основаннаго въ 1886 году Общества пособія сиротамъ начальныхъ учителей и учительницъ, почти всѣ остальныя формы помощи покинутымъ и бѣднымъ дѣтямъ, приводимыя въ настоящей статьѣ, практикуются и въ нашемъ отечествѣ. Не говоря уже объ обширной дѣятельности нашихъ воспитательныхъ домовъ, Императорское Человѣколюбивое Общество и Общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ имѣютъ цѣлью возможное улучшеніе участи тѣхъ дѣтей, которыя или не имѣютъ родителей, или-же покинуты послѣдними. Почтеннымъ членамъ этихъ нашихъ филантропическихъ учрежденій будетъ, конечно, небезъинтересно ознакомиться съ дѣятельностью однородныхъ французскихъ учрежденій, сравнить между собою тѣ и другія, дабы такимъ образомъ лучше уяснить себѣ какъ конечныя цѣли своихъ стремленій, такъ и средства къ осуществленію ихъ, и, можетъ быть, подѣлиться съ русскою публикою результатами своихъ наблюденій. Послѣднее было-бы тѣмъ болѣе желательно, что наше общество вообще мало знакомо съ практикуемыми у насъ формами благотворительности по отношенію къ дѣтямъ, такъ или иначе обиженнымъ судьбою, обездоленнымъ, а потому и нуждающимся въ попеченіи для того, чтобы сдѣлаться впослѣдствіи полезными членами государства, а не преступниками или паразитами. *Ред.*

Высшее женское образованіе въ Англіи на примѣрѣ Ньюнгамскаго колледжа въ Кембриджѣ *).

Миссъ Клёфъ (Clough), директриса Ньюнгамскаго колледжа въ Кембриджѣ, помѣстила въ американскомъ журналѣ «The Forum» статью, содержащую весьма интересныя свѣдѣнія объ устройствѣ этого заведенія.

Основанный въ 1871 году, безъ содѣйствія правительства, Ньюнгамъ-колледжъ имѣетъ цѣлью предоставить женщинамъ тѣ-же умственныя и нравственныя выгоды, какими пользуются студенты англійскихъ университетовъ.

Для поступленія въ колледжъ нужно быть не моложе восемнадцати лѣтъ; maximum возраста не опредѣленъ, такъ что въ колледжѣ встрѣчаются дѣвушки, только что вышедшія въ первый разъ изъ дома родительскаго, и учительницы, практиковавшія уже много лѣтъ.

Г-жа Клёфъ не нахвалится благотворнымъ вліяніемъ послѣднихъ на ихъ молодыхъ товарокъ.

Срокъ ученія отъ одного года до трехъ лѣтъ и даже болѣе, что зависитъ отъ объема курса, который намѣрены пройти, и отъ финансовыхъ средствъ, которыми располагаютъ живущія въ колледжѣ.

Плата за содержаніе должна показаться намъ очень высокою: minimum—сто фунтовъ стерлинговъ, т.-е. около тысячи рублей за учебный годъ, который продолжается не полныя тридцать недѣль.

Нѣкоторыя ученицы готовятся къ испытанію, которое соотвѣтствуетъ экзамену на полученіе свидѣтельства объ окончаніи курса среднеучебнаго заведенія; но большинство уже обладаетъ такимъ свидѣтельствомъ и выбираетъ спеціальность съ перваго-же года.

Существуютъ курсы слѣдующихъ предметовъ: древніе языки (латинскій и греческій), семитическіе языки, языки средневѣковые и но-

*) См. «Revue pédagogique» № 3, Mars 1892 г.

вые, философія, богословіе, исторія, право, математика, естественныя науки. До сихъ поръ ни одна ученица не посвятила себя изученію семитическихъ языковъ; въ отдѣлахъ богословія и права было по одной спеціалисткѣ.

Лекціи читаются учительницами, живущими въ самомъ заведеніи и имѣющими такія-же высшія университетскія степени, какъ и мужчины. Многіе изъ профессоровъ Кембриджскаго университета также открыли свои аудиторіи ученицамъ Ньюнгамъ- и Гиртонъ-колледжей *).

Г-жа Клёфъ видитъ большія выгоды въ томъ, чтобы женщины до извѣстной степени раздѣляли съ мужчинами ихъ теоретическія и практическія научныя занятія. «Мужчины и женщины,—говоритъ она,—при совмѣстной работѣ сдѣлаютъ больше успѣховъ, чѣмъ работая порознь. Это единеніе въ трудѣ порождаетъ между ними новый взаимный интересъ. Тѣ и другія научаются понимать какъ обоюдныя нужды, такъ и различіе своихъ точекъ зрѣнія, и начинаютъ интересоваться занятіями другъ друга. Мы питаемъ надежду, что этимъ путемъ современемъ уничтожится и антагонизмъ между мужчинами и женщинами».

Учебный день начинается съ 8 часовъ молитвою и завтракомъ (извѣстно, что первый англійскій завтракъ очень существенный). Затѣмъ начинаются лекціи, которыя продолжаются, приблизительно, до часу дня и читаются или въ самомъ заведеніи, или въ университетѣ. Каждая ученица присутствуетъ только на двухъ, много на трехъ лекціяхъ въ день.

Время послѣ второго завтрака, который бываетъ въ часъ дня, посвящается прогулкамъ и играмъ.

Воспитанницы прогуливаются, гдѣ имъ вздумается, въ экипажѣ, пѣшкомъ и даже верхомъ. Существуютъ игры для всѣхъ временъ года. Эти игры находятся подъ контролемъ особыхъ ассоціацій, состоящихъ изъ предсѣдателя, секретаря и совѣта. Члены совѣта издаютъ правила и уставы, которые соблюдаются очень строго. Ежегодно въ извѣстные сроки составляются конкурсныя партіи lawn-tennis'а между тремя флигелями, или Halls, образующими Ньюнгамскій колледжъ, или-же между Ньюнгамомъ и Гиртономъ. Эти состязанія всегда бываютъ очень оживлены.

---

*) *Гиртонъ-колледжъ* — другое женское общежитіе въ окрестностяхъ Кембриджа, устройство котораго мало отличается отъ Ньюнгамскаго. Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ 12 миляхъ отъ города Бостона, въ 1875 г. открыто подобное-же заведеніе (Wellesley College), которому предоставлено право выдачи дипломовъ, наравнѣ со всѣми американскими университетами и семинаріями (См. «Revue internationale de l'enseignement» за январь 1892 года).

Въ четыре часа собираются къ чаю.

Обѣдъ подается въ 6 часовъ 30 минутъ. Въ промежуткѣ между чаемъ и обѣдомъ нѣкоторыя ученицы работаютъ, другія присутствуютъ при богослуженіи, совершаемомъ каждый день въ пять часовъ въ часовнѣ Королевскаго колледжа.

Директриса, профессора и ученицы завтракаютъ, пьютъ чай и обѣдаютъ вмѣстѣ за маленькими столами, гдѣ помѣщаются отъ 8 до 10 человѣкъ, «что способствуетъ установленію дружескихъ отношеній между наставниками и ученицами». Вечеромъ нѣкоторыя молодыя дѣвушки приглашаются къ директрисѣ на чай.

Помощницы директрисы и профессора присутствуютъ въ сборныхъ залахъ ученицъ не для надзора за ними, но чтобы при случаѣ подать имъ добрый совѣтъ и поддержать въ нихъ хорошій тонъ и хорошее нравственное настроеніе.

Между семью и восемью часами бываютъ засѣданія различныхъ «клубовъ».

Учащіяся, съ разрѣшенія властей, образовали и политическій клубъ, принявшій характеръ парламента, съ президентомъ, правительственной партіей и членами оппозиціи. Въ немъ дебатируются всѣ политическіе вопросы дня, предлагаются разные билли, которые обсуждаются и затѣмъ принимаются или отвергаются. «Такимъ-то образомъ,— прибавляетъ г-жа Клёфъ, — молодыя дѣвушки научаются говорить, выносить даже сильное противорѣчіе, и понимать, что всѣ не могутъ быть одного и того-же мнѣнія».

Кромѣ политическаго клуба, есть клубъ литературный, клубъ историческій, клубъ естественныхъ наукъ, клубъ живыхъ языковъ, гдѣ разучиваютъ пьесы французскія и нѣмецкія, и, наконецъ, общества музыки и пѣнія. Разъ въ недѣлю всѣ эти собранія уступаютъ мѣсто танцовальному обществу. Понятно, что нельзя быть членомъ всѣхъ клубовъ заразъ. Потому-то и существуютъ клубы на разные вкусы, и каждая ученица выбираетъ тотъ, который ей нравится.

Помимо этихъ публичныхъ собраній, между 1 и 4 часами или по вечерамъ бываютъ и частныя собранія: которая-нибудь изъ учащихся приглашаетъ въ свою комнату двухъ-трехъ подругъ на чай, кофе или шоколадъ. Директриса или одна изъ учительницъ часто бываютъ въ числѣ приглашенныхъ.

Благодаря этимъ постояннымъ собраніямъ, публичнымъ и частнымъ, гдѣ директриса и профессора постоянно находятся въ сношеніяхъ съ ученицами, образовался въ Ньюнгамѣ корпоративный духъ.

и мы не разъ убѣждались въ томъ, что бывшія ученицы говорятъ о своемъ колледжѣ съ восторгомъ и безпредѣльной благодарностью.

Хотя большая часть учащихся молодыхъ женщинъ и готовятся къ преподаванію, но Ньюнгамъ—не то, что принято называть нормальной школой или учительской семинаріей, потому что въ немъ не готовятъ непосредственно къ преподавательской дѣятельности. Это учрежденіе имѣетъ цѣлью создать и укрѣпить въ женщинахъ вкусъ къ чисто научнымъ занятіямъ, внѣ ихъ приложимости.

Многое, что возведено въ правило въ Ньюнгамскомъ колледжѣ, не можетъ быть примѣнено ко всѣмъ дѣвушкамъ, безъ различія національности. Но педагоги всѣхъ тѣхъ странъ, гдѣ серьезно смотрятъ на женское образованіе, сочувственно отнесутся къ тому, что въ этомъ колледжѣ отведено такъ много мѣста воспитанію воли и сердца и разумнымъ заботамъ о здоровьѣ.

Побѣдить путемъ многочисленныхъ физическихъ упражненій утомленіе, вызываемое часто у женщинъ продолжительнымъ умственнымъ трудомъ; доставить молодымъ дѣвушкамъ возможность и время воспитывать другъ друга; установить между наставницами и ученицами такія связи, которыя не расторгнутся до тѣхъ поръ, пока послѣднія будутъ нуждаться въ совѣтахъ и привязанности первыхъ; наконецъ, сдѣлать высшее образованіе женщинъ средствомъ, могущимъ разсѣять нѣкоторыя недоразумѣнія, существующія между двумя полами,—вотъ что въ программѣ г-жи Клёфъ заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, всеобщаго вниманія.

Е. Вильямсъ.

Школьный отдѣлъ на Пражской выставкѣ 1891 года.

(Наблюденія и замѣтки).

Для тѣхъ изъ насъ, русскихъ, кто, путешествуя по Европѣ лѣтомъ минувшаго года, заглянулъ въ Прагу, впечатлѣнія отъ Пражской выставки должны были несомнѣнно принадлежать къ числу наиболѣе яркихъ, пріятныхъ и поучительныхъ. Высокое культурное развитіе страны, насчитывающей всего около шести милліоновъ жителей, не могло остаться неоцѣненнымъ даже наиболѣе поверхностными обозрѣвателями выставки. Такъ какъ я имѣла въ своемъ распоряженіи всего два дня, то мнѣ пришлось лишь мелькомъ взглянуть на художественный и промышленный отдѣлы, чтобы хотя сколько-нибудь внимательно ознакомиться съ отдѣломъ школьнымъ.

Экспонаты по народному образованію, помѣщенные въ свѣтломъ обширномъ зданіи въ видѣ блокгауза, изящно украшенномъ флагами національныхъ цвѣтовъ Чехіи и Моравіи и вѣнками изъ колосьевъ и травъ, были раздѣлены на слѣдующія три большія группы: начальныя народныя школы, школы среднія и школы профессіональныя. Первыми у входа находились экспонаты дѣтскихъ садовъ — образцы дѣтскихъ работъ (выкалываніе, вырѣзываніе, плетеніе и т. п.). Онѣ поражали не только отчетливостью и аккуратностью, но даже изяществомъ исполненія; нѣкоторыя изъ нихъ скорѣе могли быть приняты за игрушки *для дѣтей*, чѣмъ *за издѣлія самихъ дѣтей*.

При осмотрѣ всѣхъ этихъ работъ и пособій, принятыхъ для занятій въ дѣтскихъ садахъ, невольно вспомнилась печальная исторія ихъ у насъ—увлеченіе ими семьи и школы и затѣмъ полное охлажденіе, убѣжденіе въ пригодности ихъ лишь для педантичныхъ, апатичныхъ нѣмцевъ. Я не имѣла возможности уяснить себѣ, въ какомъ отношеніи находится дѣтскій садъ къ народной школѣ, стоитъ-ли онъ у преддверія каждой школы или, по крайней мѣрѣ, каждой городской школы; судя по мѣсту, отведенному экспонатамъ дѣтскихъ садовъ, слѣдуетъ заклю-

чить, что въ школьномъ строѣ они занимаютъ прочное, всѣми признанное мѣсто. Меня лично знакомство съ нѣмецкой жизнью (въ Германіи) заставило взглянуть на дѣло иначе, чѣмъ смотритъ на него большинство въ Россіи. Можно-ли опасаться вреднаго вліянія педантичныхъ занятій въ дѣтскихъ садахъ, можно-ли поддерживать обвиненіе въ томъ, что они посягаютъ на дѣтскую живость, свободу, самодѣятельность, если взять во вниманіе жизненную обстановку трудящихся классовъ въ европейскихъ городахъ — тѣснота домовъ-казармъ съ ихъ чердаками и подвалами, отсутствіе дворовъ, уличная толчея и, что всего важнѣе—вѣчно занятые, постоянно отсутствующіе изъ дому родители. А затѣмъ надо-же принять въ разсчетъ, какимъ противовѣсомъ этимъ систематическимъ раннимъ занятіямъ, якобы посягающимъ на дѣтскую подвижность и живость, является гимнастика въ школѣ, обычныя праздничныя экскурсіи, участіе въ гимнастическихъ и другихъ подобныхъ обществахъ—цѣлая сторона жизни, которая совершенно отсутствуетъ у насъ и о которой мы только теперь начинаемъ думать и разсуждать. Нужно видѣть, съ какимъ увлеченіемъ сѣдовласые степенные граждане исполняютъ свои обязанности распорядителей на гимнастическихъ праздникахъ тѣхъ обществъ, членами которыхъ они состоятъ съ юношескихъ лѣтъ. Тѣсно къ этой сторонѣ жизни примыкаетъ и рано развитое уваженіе и любовь къ природѣ. Заглянемъ въ адресную книгу любого нѣмецкаго городка—и въ перечнѣ существующихъ въ немъ ферейновъ мы найдемъ не одно общество, имѣющее цѣлью украшеніе города и окрестностей растительностью, сохраненіе историческихъ памятниковъ, а затѣмъ, что, какъ не здоровое общеніе съ родной природой для людей всѣхъ возрастовъ, преслѣдуется такъ-называемыми альпійскими обществами, клубами туристовъ и т. п.? Насъ, русскихъ, поражаетъ отношеніе дѣтей къ растеніямъ, цвѣтникамъ и вообще всѣмъ предметамъ въ паркахъ и общественныхъ мѣстахъ, которыми тѣ-же дѣти пользуются для бѣготни и игръ, какъ полные хозяева. Въ бесѣдѣ съ однимъ городскимъ учителемъ я высказала мое удивленіе по этому поводу. «Не думайте,—сказалъ онъ мнѣ,—что это уваженіе у насъ прирожденное, что такое поведеніе дается нашимъ дѣтямъ даромъ. Нѣтъ, это составляетъ одну изъ задачъ нашей воспитательной программы,—задачу, къ которой мы всѣ относимся съ большимъ вниманіемъ и усердіемъ. По природѣ, право, всѣ дѣти варвары!»

Первый отдѣлъ съ экспонатами народныхъ школъ представлялъ обычную выставочную обстановку и состоялъ изъ наглядныхъ пособій, грудъ ученическихъ тетрадей и работъ, классной мебели, статистическихъ картограммъ, плановъ школьныхъ зданій, словомъ, тутъ было

все, что мы привыкли видѣть на каждой школьной выставкѣ, и, повидимому, не было ничего особеннаго. Во мнѣ ожили воспоминанія о школьномъ отдѣлѣ Казанской выставки 1890 г. и первое общее впечатлѣніе было почти тождественно. Но это «легкомысленное» сравненіе было быстро унесено чтеніемъ краткаго историческаго очерка, помѣщеннаго въ каталогѣ школьнаго отдѣла.

Уже въ 1781 г., при императорѣ Іосифѣ II, было введено обязательное обученіе (Schulzwang); въ концѣ XVIII вѣка школьное дѣло въ Богеміи стояло такъ высоко, что тамошніе учителя ставились въ образецъ учителямъ другихъ странъ. Въ 1792 г. на менѣе чѣмъ 3 мил. жителей Богемія обладала 2.503 школами и болѣе чѣмъ $^2/_3$ дѣтей школьнаго возраста дѣйствительно посѣщали школу. Съ 1869 г., послѣ опубликованія знаменитаго общеимперскаго школьнаго закона (Reichsvolksschulgesetz) *), школьное дѣло въ Богеміи получило новую прочную основу, и его развитіе пошло быстрыми шагами. По оффиціальнымъ даннымъ 1890 г. число народныхъ школъ достигало 4.915, изъ нихъ приходилось на чешскіе сельскіе округа 2.707, на нѣмецкіе — 2.149, остальныя 59 принадлежатъ городамъ. Число штатныхъ учительскихъ мѣстъ равнялось 13.099, въ томъ числѣ женскихъ было—1.276. Въ бюджетѣ на 1891 г. расходъ на народныя школы составляетъ 9.703.815 флориновъ. Но вернемся къ самой выставкѣ. Да, находившіеся на ней планы школьныхъ зданій не представляли «ничего особеннаго»; мы, русскіе, видывали у себя планы несравненно болѣе грандіозные. Все различіе заключается въ томъ, что наши планы изображаютъ рѣдкія счастливыя исключенія, или часто даже только мечты, чтобы не сказать воздушные замки; планы-же, видѣнные мною въ Прагѣ, изображали реальное достояніе народной жизни отъ столицы до самыхъ глухихъ уголковъ государства. Они показывали, чѣмъ дѣйствительно пользуются всѣ 900 тысячъ дѣтей школьнаго возраста Богеміи. Тутъ мнѣ пришло на мысль, на сколько полезно было-бы знакомить на выставкахъ и съ отрицательными сторонами жизни: какъ поучительно было-бы, напримѣръ, наглядное воспроизведеніе тѣхъ лачугъ, курныхъ избъ и другихъ подобныхъ-же хоромъ, въ которыхъ ютится русская народная школа...

Отдѣлъ классныхъ принадлежностей не поражалъ разнообразіемъ; здѣсь было выставлено лишь то, что представляло нововведеніе, вы-

---

*) Значеніе этого закона, принципіально подчиняющаго школу государству, заключается въ ограниченіи клерикальнаго вліянія на школу,—вліянія, столь могущественнаго въ католической Австріи.

званное указаніями школьной гигіены. Одно изъ первыхъ мѣстъ занимали классныя доски, покрытыя матовымъ лакомъ, и алфавиты разрѣзныхъ азбукъ различнаго размѣра съ указаніями значенія ихъ сохраненія нормальнаго зрѣнія у учащихся.

Изъ наглядныхъ пособій назову два сходныхъ снаряда, выставленныхъ однимъ учителемъ и одной учительницей, представлявшихъ изъ себя кругъ, раздѣленный на секторы различныхъ размѣровъ, для выясненія отношенія дробныхъ частей круга между собой и къ цѣлому. Снаряды этого типа, по наглядности, имѣютъ, мнѣ кажется, преимущество надъ принятыми у насъ брусками на проволокѣ шведскихъ счетовъ и, конечно, должны чрезвычайно облегчать объясненіе наиболѣе трудной операціи въ элементарномъ курсѣ математики — приведеніе дробей къ одному знаменателю.

Группа наглядныхъ пособій по естествознанію указывала на то, въ какой тѣсной органической связи находится этотъ учебный предметъ съ преподаваніемъ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній, которыхъ чехи и нѣмцы требуютъ для своихъ дѣтей отъ народныхъ школъ *). Чрезвычайно цѣнною особенностью большинства экспонатовъ являлось то, что они не были издѣліями спеціальныхъ мастерскихъ, а работы самихъ учащихъ и учащихся. Подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить слѣдующій перечень нѣкоторыхъ изъ выставленныхъ предметовъ и коллекцій: изящная группа чучелъ птицъ съ этикетомъ «Какими птицами мы должны дорожить», модели ульевъ и различныхъ подробностей пчеловоднаго дѣла, колекціи сѣмянъ злаковъ и кормовыхъ травъ, гербаріи мѣстной флоры, коллекціи техническихъ растеній, коллекціи полезныхъ и вредныхъ насѣкомыхъ «*въ полѣ, въ саду и въ лѣсу*», образцы минераловъ, находимыхъ въ данной мѣстности, модели измѣненій различныхъ частей растеній подъ вліяніемъ культуры.

Кромѣ такихъ спеціальныхъ коллекцій, была масса общихъ систематическихъ коллекцій, необходимыхъ для преподаванія естествознанія. Присутствіе ихъ служило нагляднымъ доказательствомъ того, что естествознаніе въ богемской народной школѣ, служа практическимъ цѣлямъ—подготовкѣ будущаго сельскаго хозяина и техника, сохранило, въ то-же время, въ полной силѣ свое значеніе общеобразовательнаго предмета. И какимъ пустыремъ въ эту минуту представилась мнѣ наша русская современная школа, обучающая почти исключительно будущихъ земледѣльцевъ! Удастся-ли намъ въ ближайшемъ

*) Связь западно-европейской сельской народной школы съ жизнью земледѣльца сказывается, между прочимъ, и въ такихъ характерныхъ выраженіяхъ, какъ Kartoffeln Ferien (картофельныя каникулы).

будущемъ удовлетворительно разрѣшить задачу введенія въ программу народной школы тѣхъ необходимыхъ основныхъ общеобразовательныхъ свѣдѣній, безъ которыхъ немыслимо въ настоящее время правильное, а слѣдовательно, прибыльное сельское хозяйство и разумная эксплуатація какихъ-бы то ни было естественныхъ богатствъ?..

Восемьдесятъ пять экспонатовъ отдѣловъ географіи, исторіи и школьной статистики состояли исключительно изъ трудовъ мѣстныхъ педагоговъ. Недостатокъ времени не далъ мнѣ возможности воспользоваться богатымъ цыфровымъ матеріаломъ, здѣсь сгруппированнымъ. И по этому отдѣлу даже самый поверхностный наблюдатель могъ замѣтить высокій уровень образованія народныхъ учителей и, какъ результатъ этого сознательное и интенсивное стремленіе къ детальному изученію родного края въ его прошломъ и настоящемъ.

Для характеристики экспонатовъ назову: рельефныя карты Праги и другихъ мѣстностей *), карту Австріи съ обозначеніемъ мѣстъ рожденія чешскихъ писателей и художниковъ; карты Чехіи въ различные историческіе періоды; коллекціи видовъ Чехіи (фотографіей и карандашемъ); художественная коллекція портретовъ карандашемъ и углемъ— снимковъ съ извѣстныхъ оригиналовъ; наглядное пособіе для иллюстраціи статей географическаго, историческаго и литературнаго содержанія, помѣщенныхъ въ пятой части книги для класснаго чтенія, принятой въ чешскихъ школахъ.

Въ отдѣлѣ пособій для преподаванія рукодѣлія обращалъ вниманіе по своей новизнѣ и практичности приборъ для класснаго обученія различнымъ швамъ и мѣткѣ. Это была рама на подставкѣ въ размѣрѣ небольшой классной доски, обтянутая рѣдкой изъ толстыхъ нитей тканью (родъ канвы), на которой при помощи иглы соотвѣтствующихъ размѣровъ (въ 1/4 арш.) учительница можетъ демонстрировать всему классу особенности различныхъ швовъ и мѣтки бѣлья.

Недостаточное знакомство съ предметомъ не даетъ мнѣ права на оцѣнку образцовъ ручнаго труда и ученическихъ работъ профессіональныхъ школъ, мужскихъ и женскихъ,—отдѣла чрезвычайно богатаго на Пражской выставкѣ; позволю себѣ высказать лишь одно замѣчаніе: ручной трудъ, этотъ сравнительно позднѣйшій, младшій по рожденію, предметъ обученія въ народной школѣ, какъ видно, успѣлъ уже занять прочное мѣсто въ чешскихъ школахъ, не вытѣснивъ и

---

*) О солидности такихъ работъ, помимо тонкости и отчетливости технической отдѣлки, свидѣтельствуетъ и ихъ размѣръ, около 1 квадр. сажени, требовавшій самаго строгаго соблюденія масштаба.

не умаливъ, однако, ни одного изъ ранѣе преподававшихся въ ней предметовъ.

Выдающійся интересъ представлялъ отдѣлъ педагогической литературы,—учебниковъ, книгъ для дѣтей и юношества. Отмѣчу прежде всего важную особенность издательства учебниковъ въ Австріи. Издательское право на учебники для народныхъ школъ съ 1777 г. принадлежитъ особому государственному учрежденію, вѣдающему это дѣло. «Kaiserlich Königlicher Schuhlbücher Verlag» печатаетъ учебники и изъ центральнаго склада разсылаетъ ихъ, согласно требованію, по школамъ.

На мой вопросъ, какія выгоды для учебнаго дѣла представляетъ такая постановка издательства и не замедляетъ-ли она появленія новыхъ улучшенныхъ изданій, одинъ изъ распорядителей выставки (учитель одной изъ народныхъ школъ въ Прагѣ) сообщилъ мнѣ, что этимъ достигается: дешевизна книгъ и переплетовъ (иначе какъ переплетенными книги въ школы не доставляются), своевременная доставка въ школы, полученіе значительнаго количества даровыхъ экземпляровъ для бѣднѣйшихъучениковъ (нѣсколько сотенъ на каждую школу).

Что-же касается до вліянія этого порядка на педагогическія достоинства учебниковъ, то онъ, по словамъ моего собесѣдника, ни мало не задерживаетъ прогрессивнаго развитія педагогической литературы, такъ какъ выборъ учебниковъ для печати дѣлается совѣтомъ, въ которомъ участвуютъ лучшія педагогическія силы Австріи, а выборъ изъ напечатаннаго для различныхъ школъ предоставляется самимъ преподающимъ, съ тѣмъ, однако, чтобы по взаимному соглашенію цѣлый школьный округъ останавливалъ свой выборъ на однихъ и тѣхъже учебникахъ. Послѣднее ограниченіе имѣетъ въ виду лишь матеріальные интересы семействъ школьниковъ и интересы преподаванія,—а именно, чтобы дѣтямъ рабочихъ классовъ при переходѣ изъ одной школы въ другую, часто вызываемомъ условіями заработка родителей, не приходилось мѣнять учебниковъ и тратить на это лишнія деньги. Kaiserlich Königlicher Schublbücher Verlag, въ лицѣ особаго отдѣленія своего для Богеміи, экспонировалъв сѣ учебники, изданные имъ съ 1777 по 1890 г. Союзъ чешскихъ учительскихъ обществъ въ Богеміи представилъ образцовую библіотеку учителя народнаго училища и свои педагогическія изданія; литературная секція того-же союза—коллекцію періодическихъ изданій для учителей и юношества съ 1823 по 1890 г.

Пражское педагогическое общество, Paedagogicka jednota,—собраніе педагогическихъ и методическихъ сочиненій, посвященныхъ на-

родной школѣ за послѣднія 100 лѣтъ, всего 500 №№; имъ-же были выставлены большіе прекрасные портреты чешскихъ поборниковъ народнаго просвѣщенія, начиная съ Амоса Коменскаго. Вышеназванная образцовая учительская библіотека заключала въ себѣ, кромѣ классическихъ литературныхъ произведеній и руководящихъ педагогическихъ сочиненій по главнымъ предметамъ обученія, преимущественно справочныя книги: десятитомный энциклопедическій словарь, рядъ картинныхъ и географическихъ атласовъ,—одно, два капитальныхъ сочиненія по каждому отдѣлу знаній (Иллюстрированная жизнь животныхъ Брема, Земля и ея народы Гельвальда и т. п.). Въ томъ-же отдѣленіи на длинномъ столѣ вдоль цѣлой стѣны былъ разложенъ рядъ объемистыхъ папокъ и картоновъ. По внѣшнему виду я приняла ихъ за собраніе ученическихъ письменныхъ работъ; на самомъ-же дѣлѣ это оказались отчеты, уставы и труды 188 различныхъ педагогическихъ обществъ и союзовъ и 184 благотворительныхъ обществъ, имѣющихъ спеціальной задачей заботу о дѣтяхъ школьнаго возраста и изысканіе средствъ для возможно широкаго и правильнаго воспитанія дѣтей и юношества въ семьѣ и школѣ. Итого 372 общества для содѣйствія народному образованію, представившихъ данныя о себѣ на выставку (число ихъ въ дѣйствительности можетъ быть и выше),—обществъ, существующихъ не на бумагѣ, какъ это легко было усмотрѣть изъ представленнаго матеріала, а дѣятельно работающихъ надъ улучшеніемъ и оздоровленіемъ жизни родного края! Правда, число членовъ каждаго общества не велико (отъ 20 до 293), ежегодный членскій взносъ большинства изъ нихъ не превышаетъ одного гульдена въ годъ, но не нужно упускать изъ виду, что большая часть ихъ существуетъ и дѣйствуетъ не въ городахъ, а въ селахъ. Такимъ образомъ, каждый уголокъ государства имѣетъ свой òрганъ для попеченія о мѣстныхъ нуждахъ и интересахъ дѣла и въ этомъ заключается, главнымъ образомъ, жизненная сила этихъ обществъ. Центральные-же союзы учительскихъ обществъ обѣихъ національностей объединяютъ ихъ дѣятельность, стоятъ на стражѣ того, чтобы не дать имъ замкнуться въ сферѣ слишкомъ мелочныхъ мѣстныхъ интересовъ, направляютъ ихъ вниманіе на общія цѣли и задачи. А эти задачи и цѣли, какъ гласятъ уставы указанныхъ многочисленныхъ обществъ,—*содѣйствіе* всѣми возможными средствами подъему общаго уровня образованія какъ мѣстнаго населенія, такъ и самихъ учителей, *охрана* интересовъ и правъ школы на почвѣ закона, содѣйствіе правильному развитію школьнаго дѣла,—объединеніе силъ, работающихъ на пользу народнаго образованія, установленіе крѣпкой

связи между семьей, обществомъ и школой. Однимъ изъ главныхъ средствъ для достиженія выше намѣченныхъ цѣлей признаются публичныя чтенія, рефераты. Перечень заглавій рефератовъ, прочитанныхъ въ различныхъ обществахъ за послѣдніе годы, можетъ дать понятіе о томъ, въ какомъ обширномъ кругѣ научныхъ и общественныхъ интересовъ протекала ихъ дѣятельность.

Чтобы, при спѣшности моихъ наблюденій, не погрѣшить какой-либо произвольной группировкой, я переписала и приведу заглавія сообщеній и рефератовъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ ихъ извлекла изъ двухъ, трехъ десятковъ отчетовъ, просмотрѣнныхъ для этой цѣли. Вотъ этотъ перечень: Задачи педагогической антропологіи, Школьная статистика, Генрихъ Клейстъ, Свѣтъ, Всемірная выставка въ Вѣнѣ, О морскихъ теченіяхъ, Культурное развитіе нѣмцевъ, Генрихъ Гейне, Развитіе педагогическихъ принциповъ, О правописаніи, Учитель, какъ врачъ, Лессингъ, какъ педагогъ, О гимнастикѣ, О ссудо-сберегательныхъ кассахъ для учителей, О пѣніи въ народной школѣ, О школьной дисциплинѣ, Какъ Австрія сдѣлалась великой державой, Химія въ народной школѣ, Педагогическій романъ, Воспитаніе въ ребенкѣ любви къ природѣ, Прогулки съ учащимися въ цѣляхъ родиновѣдѣнія, Музыкальное образованіе учителя, Біографіи двухъ учителей, Мягкость обращенія, какъ педагогическій пріемъ, Дитя дома и въ школѣ, О преподаваніи естественныхъ наукъ въ народной школѣ, Отношенія учениковъ между собой, Воспитаніе умѣренности, Какъ воспитывать для общественной жизни, Марія-Терезія, О народныхъ библіотекахъ, Вліяніе реформаціи на школу, Исправленіе ученическихъ работъ, Воспитаніе самодѣятельности, Школьный учитель долженъ быть и народнымъ учителемъ, Заиканіе, Значеніе народной пѣсни, Къ вопросу о раздѣленіи половъ въ школѣ, Рѣшеніе математическихъ задачъ и т. д. и т. д.

Я прочла и списала заглавія рефератовъ, прочитанныхъ на нѣмецкомъ языкѣ только въ нѣмецкихъ обществахъ; не меньшее количество ихъ и, какъ я убѣдилась, столь-же разнообразнаго содержанія читалось и въ чешскихъ обществахъ. Но списываніе заглавій при незнаніи языка явилось-бы работой медленной и неблагодарной. Учитель чехъ, къ помощи котораго я обратилась, прочелъ мнѣ перечень чешскихъ рефератовъ, одновременно поясняя для меня содержаніе по нѣмецки.

Ознакомленіе хотя-бы въ общихъ чертахъ съ отдѣлами среднихъ и профессіональныхъ школъ не входило въ мои планы. Могу только

сказать, что они щеголяли разнообразіемъ, художественностью и богатствомъ экспонатовъ...

Богемія и въ частности ея школьное дѣло являются въ настоящее время театромъ національной борьбы между чехами и нѣмцами,—борьбы, часто доходящей до полнаго взаимнаго ожесточенія и другихъ печальныхъ крайностей. Но, быть можетъ, эта борьба, по скольку она есть культурное соперничество, оказываетъ извѣстное благодѣтельное вліяніе на школьное дѣло и его процвѣтаніе. Высокое культурное развитіе чеховъ, передового славянскаго племени въ Австріи, всецѣло покоится на прочно поставленномъ народномъ образованіи; изъ него они черпаютъ силы для борьбы за свою индивидуальность; ему они обязаны силой своего національнаго самосознанія; безъ него они были-бы уже давно подавлены и обезличены чуждой культурой. Въ этомъ заключается не безполезное указаніе и для насъ, русскихъ.

А. Калмыкова.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ПИСЬМА

(Я. Г. Гуревичу).

ПЕРВОЕ ПИСЬМО.

Языки въ средней школѣ.

Два раза засыхали чернила на моемъ перѣ, дорогой Яковъ Григорьевичъ, пока я началъ эти строки. Хочется сказать много и—не знаешь, съ чего начать. И все они, все наши и verdammte, и allerliebste Fragen, вопросы нашей русской школы, о которыхъ мы такъ много толковали, спорили, въ сферѣ которыхъ строилось столько плановъ... «Скажите, зачѣмъ этотъ греческій языкъ? Ну, латынь, я еще понимаю—доктору написать рецептъ...» слышится голосъ русской маменьки. «Изсушающій душу трудъ, не отвѣчающій запросамъ молодого сердца и пытливаго ума... Свѣтила науки на Западѣ давно признали... Запросы современности... съ высоты германскаго престола...» пишетъ бойкій фельетонистъ, держащій носъ по вѣтру и давно рѣшившій всѣ вопросы.

Переутомленіе, искривленія позвоночника, близорукость, военная гимнастика, ручной трудъ, духовой оркестръ, задачи физическаго образованія, рефераты, рѣчи, тезисы, программы, ужасающія цыфры, таблицы всѣхъ цвѣтовъ радуги съ умопомрачающими кривыми — все это верезжитъ въ уши, мелькаетъ въ глазахъ, утомляетъ мысль рѣшеніемъ вопросовъ несчастной школы.

Не знаю, почему въ пестрой толпѣ (на Западѣ и у насъ) людей, задающихъ давно рѣшенные для нихъ вопросы:—зачѣмъ нашимъ дѣтямъ образованіе на почвѣ языковъ, да еще мертвыхъ?—мнѣ чудится фигура промышленника: онъ суетится больше всѣхъ—ему нужны техники и счетчики для его паровиковъ и конторъ; онъ думаетъ объ элеваторахъ и о курсѣ, а на знамени у него написано: «Задачи жизни», «запросы современности», «истинный прогрессъ» и тому подобныя краси-

вые и благородныя слова. Развитой умъ и тонкій вкусъ не котируются на рынкѣ, гдѣ царитъ этотъ промышленникъ. Богъ съ нимъ! Я не люблю толпы, ненавижу шумъ и суету и укрываюсь съ моими, вѣроятно, устарѣвшими взглядами и симпатіями въ безобидную форму письма, внѣ полемики.

Сегодня я буду говорить вамъ по вопросу о значеніи языковъ въ нормальномъ общемъ образованіи. Цѣль моихъ писемъ—подѣлиться съ вами тѣми идеальными представленіями о *гуманномъ* образованіи (humaniora), которыя сложились у меня изъ размышленій, изученій и непосредственной работы надъ педагогическимъ дѣломъ. При этомъ я совершенно устраняю, конечно, точку зрѣнія банкирской конторы, по которой цѣнность человѣка на рынкѣ увеличивается съ знаніемъ нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ — право, для этого скоро довольно будетъ одного волапюка.

Нормальное общее образованіе преслѣдуетъ одну цѣль — развитіе ума, т.-е. логическаго мышленія и фантазіи. Всѣ свѣдѣнія, которыя въ средней школѣ сообщаются, должны служить этой цѣли: если ихъ сообщеніе не преслѣдуетъ цѣли развитія ума,—они балластъ, не болѣе. Для меня это аксіома,—во всякомъ случаѣ это основаніе всѣхъ моихъ дальнѣйшихъ построеній. Есть три научныхъ области, различающіяся какъ объектами, такъ и пріемами мышленія: это математика, естествознаніе и языкознаніе. Всѣ эти три области полагаются въ основу среднеучебнаго курса. Характеръ ихъ и степень педагогической универсальности представляются мнѣ въ слѣдующемъ видѣ.

Математика имѣетъ дѣло съ абстракціями. Начавъ съ орѣховъ и спичекъ, курсъ, подчиняясь центробѣжной силѣ математическаго генія, уноситъ мысль въ сферу чисто отвлеченныхъ отношеній; школа начинаетъ съ ариѳметики дикарей, съ костяшекъ на классныхъ счетахъ и ведерокъ для изученія мѣръ, и доводитъ ученика до понятія о мнимыхъ величинахъ, т.-е. даетъ его уму возможность выглянуть за предѣлы міра трехъ измѣреній. Вся педагогическая цѣнность, вся сила математическаго курса лежитъ, разумѣется, не въ примѣненіи пріобрѣтенныхъ знаній къ практической жизни, а въ развитіи мышленія.

Быстрота и аккуратность счисленія (быстрота и легкость счета въ умѣ есть обыкновенно результатъ ненормально развитой зрительной памяти), умѣнье обращаться съ циркулемъ и линейкой въ математическомъ курсѣ соотвѣтствуютъ для языка каллиграфіи и отчасти орѳоэпіи—онѣ играютъ роль добрыхъ навыковъ и имѣютъ служебную незначительную роль въ дѣлѣ развитія ума; общеобразовательный курсъ не подготовляетъ ни бухгалтера, ни счетчика; вовсе непра-

вильно и аккуратно сдѣланный чертежъ дѣлаетъ доказанной и логически обязательной геометрическую теорему. Въ математическомъ курсѣ, повторяю, имѣется въ виду не примѣненіе теоретическихъ знаній къ практикѣ, а, напротивъ, способность всегда отвлечься отъ извѣстныхъ матеріальныхъ отношеній и ограниченій. Курсъ естествознанія, въ полную противоположность математическому, держитъ мысль учащагося прикованной къ тому, что *есть* (физически, конечно, а не метафизически), что̀ подлежитъ нашимъ пяти внѣшнимъ чувствамъ и черезъ нихъ опыту и наблюденію. Тутъ не цѣпь логическихъ выводовъ изъ нѣсколькихъ основныхъ аксіомъ, своего рода формъ познанія истины, какъ въ геометріи, а система, скрѣпленная внѣшнимъ подобіемъ явленій или фактической причинностью, исключающая (если мы отрѣшимся, конечно, отъ взгляда телеологическаго) принципъ логической обязательности: мы переходимъ къ тому, что *такъ будетъ* отъ того, что *такъ есть*, а не отъ того, что *такъ должно быть*: моментъ матеріальный преобладаетъ здѣсь надъ моментомъ формальнымъ, какъ, наоборотъ, въ математикѣ формальный элементъ уничтожаетъ матеріальный. Но есть область, гдѣ оба момента, и матеріальный, и формальный, уравновѣшиваются—это область *слова*. Слово, съ одной стороны, принадлежитъ міру физическому, какъ сказанное (ῥῆμα, verbum), съ другой стороны, какъ оболочка мысли (мысль и ея знакъ—слово—тѣсно срослись и переплелись вслѣдствіе продолжительнаго сосуществованія), оно удовлетворяетъ требованіямъ чисто отвлеченнаго характера. Слово есть результатъ ряда мозговыхъ и мускульныхъ работъ, и въ то-же время оно есть отправная точка нашего проникновенія въ духовный міръ человѣка; оно есть явленіе тоническое, съ одной стороны, и отраженіе логическихъ и метафизическихъ категорій, съ другой--ни одинъ изъ предметовъ науки, даже самъ *человѣкъ*, не можетъ быть наблюдаемъ и изучаемъ со столькихъ различныхъ точекъ зрѣнія: языкъ изслѣдуютъ со стороны физической, анатомо-физіологической, психологической, логической, грамматической, этнографической, философской, историко-литературной, эстетической (die Sprachkunst, die Sprache als Kunst). Языкъ имѣетъ жизнь и исторію, подлежитъ разнообразнымъ классификаціямъ. Представляя своимъ грамматическимъ строемъ явленіе особое, единичное, своимъ словаремъ онъ переплетается съ культурой и, какъ фонографъ сохраняетъ звуки, онъ сохраняетъ мысли эпохъ, давно отжившихъ, народовъ позабытыхъ.

Какъ предметъ обученія, языкъ также даетъ возможность, болѣе всякаго другого предмета, разнообразить работу. Мнѣ придется говорить ниже о разнообразныхъ задачахъ, являющихся въ курсѣ язы-

ковъ. Но теперь остановимся на двухъ пріемахъ мышленія, свойственныхъ и наукѣ, и учебному предмету языкознанія по преимуществу—это *анализъ* и *сравненіе*. Только словесная рѣчь въ сущности и дѣлаетъ возможнымъ анализъ мыслей; только благодаря ей мысли являются въ раздѣльной формѣ. Надъ словомъ могутъ продѣлываться разнообразнѣйшія формы анализа, начиная съ такой, которая доступна четырехлѣтнему ребенку,—онъ продѣлываетъ анализъ, играя съ буквами или упражняя свой голосовой аппаратъ въ раздѣльномъ произношеніи звуковъ,—и кончая анализомъ лингвиста, который отмѣчаетъ въ словѣ рядъ артикуляцій, экскурсовъ, рекурсовъ, а не то дѣлитъ слово на части этимологически, или по отношенію къ сознанію. Всѣ эти формы анализа касаются только слова; а какъ усложняется и варіируется работа при переходѣ отъ слова къ предложенію. При этомъ, замѣчательно, что, начиная съ низшихъ ступеней обученія, человѣкъ *экстенсивно* владѣетъ уже всей областью анализа рѣчи—литературное цѣлое, періодъ, фраза, словосочетаніе, слово, звукъ. Есть способы начальнаго обученія (напр., Шаве, отчасти старый нѣмецкій способъ Гразера), гдѣ на первыхъ же порахъ мысль учащагося отвлекается отъ болѣе сложнаго явленія—звука къ болѣе элементарному—артикуляціи: область анализа такимъ образомъ еще болѣе расширяется. Сравненіе, какъ основа особаго научнаго метода, было впервые примѣнено именно къ области рѣчи, научное языкознаніе (правда, покуда только въ области аріоевропейской) основано на сравнительномъ методѣ; лишь лингвистикѣ обязаны другія гуманныя науки—миѳологія, исторія литературъ, исторія культуры, юриспруденція — примѣненіемъ сравнительнаго метода изслѣдованія. Припомните Лейбница: этотъ отецъ сравнительнаго метода для humaniora обращалъ особое вниманіе на языкъ и на языки. Максу Мюллеру, одному изъ крупнѣйшихъ филологовъ нашихъ дней, обязана миѳологія сравнительнымъ методомъ—онъ сблизилъ ее съ языкознаніемъ. Для исторіи литературъ то-же сдѣлалъ Теодоръ Бенфей. Историкъ Фриманъ (Freeman) въ своемъ небольшомъ, но интересномъ трудѣ Comparative Politics оцѣнилъ роль языкознанія въ области сравнительнаго метода вообще.

Научный методъ сравненія, какъ извѣстно, примѣняется къ изслѣдованію лингвистическихъ и историко-литературныхъ явленій съ двоякой цѣлью: во-первыхъ, чтобы опредѣлить общую первоначальную форму для нѣсколькихъ родственныхъ и параллельныхъ явленій въ языкахъ одного корня; во-вторыхъ, чтобы опредѣлить тотъ путь, которымъ шло перерожденіе данной формы въ ея позднѣйшія варіаціи, а также

выяснить законы, по которымъ позднѣйшія формы явились именно въ данномъ видѣ.

Работы, связанныя съ этими высокими научными цѣлями, разумѣется, совершаются не въ школѣ, не дѣтьми, и не съ дѣтьми. Но курсъ преподаванія долженъ имѣть въ виду науку и ея требованія: школа, не оживляемая струей научной, теряетъ свою воспитательную силу. На Западѣ ученые профессора и педагоги уже давно заняты вопросомъ о примѣненіи научныхъ выводовъ къ преподаванію. Я упомяну, изъ болѣе извѣстной мнѣ области древнихъ языковъ, почтенныя имена Георга Курціуса, Латтмана, Ваничка (Aloïs Vanicěk), Швейцеръ-Зидлера и Германна Пертеса. У насъ, въ сферѣ родного языка, слѣдуетъ назвать академика Буслаева и покойнаго Колосова. Сравненіе лежитъ въ самой природѣ языковыхъ явленій и отзывается даже на элементарномъ ихъ изученіи: церковно-славянское слово молитвы и русское слово разговора; рѣчь учителя и рѣчь деревенской прислуги — вотъ уже матеріалъ для сравненія; ребенокъ начинаетъ болтать по французски—онъ натыкается на различіе въ синтетическомъ и аналитическомъ строѣ рѣчи. Далѣе, обогащая память словами изъ чужеязычныхъ лексиконовъ, онъ останавливается на параллеляхъ въ названіяхъ степеней родства, домашнихъ животныхъ, въ мѣстоименіяхъ и числительныхъ; напрашиваются на сравненіе пословицы и поговорки, еще дальше—басни. Отъ всего этого еще далеко до сравнительнаго языкознанія и сравнительнаго знанія литературъ, но если для самого учителя языкъ является не безсознательно носимымъ грузомъ словъ и формъ, а объектомъ научнаго пониманія, то онъ осторожно и постепенно направляетъ и мысль ученика къ этому научному пониманію: сравненіе, примѣняемое въ цѣляхъ легчайшаго запоминанія, или съ цѣлью нѣкотораго освѣщенія фактовъ, воспитываетъ мысль для правильной работы въ наукѣ о языкѣ и литературѣ. Въ человѣкѣ есть врожденная наклонность къ сравниванію и аналогизированію въ словесной области: слово, попавшее въ нашъ обиходъ, стремится апперципироваться въ одну изъ группъ, которыми мы уже располагаемъ; у образованнаго человѣка слово апперципируется правильно, у полуобразованнаго, у ребенка и у неграмотнаго простолюдина неправильно: отсюда являются случаи неправильной этимологіи, или болѣе затѣйливой: напр., постъ—пустъ (пустыя щи); ὄρος—гора, или наивной, какъ напр., въ народномъ календарѣ: на *Маккавеи* святятъ *макъ*; *Мокій мок*рый; Варвара за*вари*тъ, *Са*вва за*са*литъ и т. п. Всѣмъ намъ извѣстна почти болѣзненная наклонность многихъ людей этимологизировать по слуху: сколько неудачныхъ попытокъ такого рода увлекали че-

ловѣка на цѣлые годы изученій; плоды этой затѣйливой работы и теперь украшаютъ лари букинистовъ. Въ школѣ—дѣло учителя утилизировать естественную наклонность учениковъ къ этимологизированію, къ образованію по аналогіи: при этомъ онъ долженъ направлять ее на цѣлесообразную работу. Однимъ изъ естественныхъ видовъ такой работы является сравненіе внутренней словесной формы (innere Sprachform), напр., при-быть—arriver (ad-ripare) *).

Но сравненіе примѣняется въ учебномъ курсѣ какого-нибудь языка и въ еще болѣе элементарной формѣ. Слово встрѣчается въ одномъ смыслѣ, а черезъ 10 строкъ попадается уже въ другомъ—сравниваемъ *схемы*: скопляется нѣсколько синонимовъ, образуя тавтологію или градацію—опять сравненіе, такъ сказать разцѣнка; нѣсколько эпитетовъ относится къ одному лицу или предмету (*добрый, удалый молодецъ*)—они напрашиваются на сравненіе; одинъ эпитетъ къ нѣсколькимъ словамъ (*чисто* поле, *чисто* серебро)—снова возникаетъ сравненіе; подобно этому и въ грамматикѣ, и въ поэзіи. Во всѣхъ упражненіяхъ, вродѣ помянутыхъ, гдѣ умъ ученика побуждается къ сравниванію, является, по моему, двоякая цѣнность—развивается одинъ изъ существеннѣйшихъ пріемовъ мышленія и подготовляется почва для научнаго изслѣдованія языка.

Но въ чемъ-же заключается идеальная цѣль изученія языка? Языкъ заключаетъ въ себѣ два момента—активный и пассивный. Съ одной стороны, языкъ производится, творится нами: низшій видъ творчества въ его сферѣ есть разговоръ, высшій—поэзія. Съ другой стороны, языкъ воспринимается, анализируется, входитъ въ сознаніе въ видѣ извѣстной системы или міросозерцанія. Отсюда и двоякая цѣль въ изученіи языка: 1) развитіе способности къ творчеству въ сферѣ данной рѣчи и 2) пріобрѣтеніе новой системы или новаго міросозерцанія. Разсмотримъ и сравнимъ обѣ цѣли примѣнительно къ школѣ. Учиться *хорошо* говорить, развивать не только точную, но изящную рѣчь *необходимо на родномъ языкѣ*; школа должна заботиться объ этомъ: родной языкъ тѣсно связанъ съ нашей мыслью и нашимъ чувствомъ, а черезъ нихъ и съ народнымъ міросозерцаніемъ;

---

*) Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ:
παρεληλυθὼς χρόνος — perfectum — прошедшее время;
Augenblick — clin d'oeil — мигъ, мгновеніе — **ОКОМИГЪ**;
небо — coelum — οὐρανός;
впечатлѣніе — Eindruck — impression;
выраженіе — Ausdruck — expression;
столъ — table — Tisch — mensa — τράπεζα

на родномъ языкѣ я могу быть и ораторомъ. и поэтомъ. Затѣмъ идутъ языки живые. Но прежде надо указать, что подъ умѣньемъ говорить на извѣстномъ языкѣ здѣсь разумѣется способность къ нѣкоторому творчеству, а не тотъ неуклюжій переводъ съ своего языка на чужой, къ какому прибѣгаетъ человѣкъ, чтобы скрыть свою мысль отъ извозчиковъ и лакеевъ. Умѣнью говорить на иностранномъ языкѣ чаще всего полагается фундаментъ въ нѣжномъ возрастѣ; его даетъ среда, семья, оно лежитъ корнями въ области безсознательнаго усвоенія. Въ школѣ, съ ея пестрымъ составомъ, грамматической методой, съ экстемпораліями, зубреніемъ вокабулъ, обыкновенно нѣтъ мѣста для рѣчи, и она забывается; да и цѣлью школы является собственно не владѣніе рѣчью, а пониманіе ея, *сознательное* ея усвоеніе. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что для *пониманія* рѣчи умѣнье владѣть ею оказывается весьма важнымъ. Прежде всего, практическое знаніе языка даетъ языку въ умѣ учащагося цѣльность, *конкретную форму*, гораздо болѣе опредѣленную и прочную, чѣмъ самый подробный курсъ грамматики. Эта *форма* дается, во-первыхъ, правильнымъ произношеніемъ (на самомъ дѣлѣ внѣшняя сторона рѣчи гораздо глубже связана съ внутренней, духовной, чѣмъ кажется это намъ при грубомъ наблюденіи); во-вторыхъ, *цѣльность* создается такъ называемымъ чувствомъ рѣчи или языковымъ чутьемъ (Sprachgefühl). Чувство рѣчи проявляется въ свободномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ гармоничномъ аналогизированіи, на основаніи ряда безсознательно и прочно усвоенныхъ языковыхъ формулъ, сочетаній, схемъ: мнѣ не надо заучивать правилъ о прямомъ и обратномъ порядкѣ словъ въ нѣмецкомъ предложеніи, я скажу *je ne risque rien*, а не *je ne risque pas*, не потому, чтобы я думалъ о разницѣ въ оттѣнкахъ pas (passus) и rien (rem), а потому что привыкъ соединять эти два слова *risquer* и *rien* (погов. qui ne risque rien ne gagne jamais); я скажу *mon frère et moi*, а не на оборотъ не изъ вѣжливости, а на основаніи привычныхъ мнѣ схемъ.

Нити аналогій переплетаются, и вотъ именно *чувство рѣчи* вноситъ гармоничность въ ихъ подборъ: я скажу *vieillot* и *seulette* (старичекъ и одна-одинешенька), но не скажу ни *grandot*, ни *petitette*: скажу *grandissime*, но не скажу *vieillissime*. Далѣе, умѣнье говорить на языкѣ помогаетъ просто матеріально, предоставляя въ распоряженіе учащагося много словъ и выраженій, не считая уже возможности по аналогіи образовывать и понимать новыя; такимъ образомъ, оно, съ одной стороны, даетъ богатый матеріалъ для анализа, независимо отъ текстовъ, съ другой стороны — облегчаетъ пониманіе и анализъ текстовъ.

Итакъ, умѣнье говорить на иностранномъ языкѣ помогаетъ его пониманію, т.-е. сознательному отношенію къ строю рѣчи и міросозерцанію народа, по скольку оно выразилось въ языкѣ. Но большія усилія, которыя должны быть затрачены на его пріобрѣтеніе (если оно возможно въ школѣ), не вознаграждаются результатомъ, тѣмъ болѣе, что этотъ результатъ долженъ быть, при серьезномъ занятіи языками, только средствомъ.

Разговоръ на языкахъ мертвыхъ есть средство искусственное и прямо вредное: при удаленности древняго міросозерцанія отъ современнаго, разговоръ обязательно ведетъ къ смѣшенію языковъ, создавая такимъ образомъ рѣчь неправильную, ненормальную. Порча латинскаго языка въ средніе вѣка была въ значительной мѣрѣ обусловлена тѣмъ, что это былъ языкъ школьно-разговорный.

Разсмотримъ вторую цѣль изученія языковъ,—цѣль познанія, пониманія, цѣль теоретическую. Познать языкъ (въ высшемъ, идеальномъ смыслѣ этого слова) значитъ познать духъ языка, значитъ понимать оттѣнки мыслей и чувствъ, на немъ выраженныхъ, понимать его силу, выразительность, характерныя особенности, оригинальную красоту, умѣть выдѣлить въ немъ общечеловѣческіе и частнонародные элементы; знать его исторію, его отношенія къ другимъ языкамъ и предугадывать направленіе, которое приметъ онъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи. Познаніе языка можетъ быть въ его строѣ, въ системѣ, которую языкъ представляетъ своей грамматикой, и въ его твореніяхъ, въ литературѣ, особенно въ поэзіи. Обратимся сначала къ грамматикѣ. Грамматическій курсъ есть система, которая слагается и вырабатывается въ сознаніи говорящихъ изъ многообразнаго дѣйствія аналогіи и на почвѣ звуковыхъ законовъ. Мы не имѣемъ никакого права считать языкъ системой логической: точныя выраженія логическихъ отношеній и метафизическихъ различій создались благодаря исконному существованію и взаимодѣйствію мысли и языка; нѣтъ данныхъ утверждать, что мысль создала языкъ; математика показываетъ, что мысль можетъ существовать безъ языка. Слова Эдуарда ф.-Гартманна, который предполагалъ, что логическія и метафизическія категоріи даны были въ языкѣ ранѣе, чѣмъ въ мысли, надо, конечно, счесть красивымъ парадоксомъ. Неустойчивость и подвижность грамматической системы можетъ сказаться при самомъ бѣгломъ взглядѣ на исторію живыхъ языковъ; такъ, въ нашемъ русскомъ былъ locativus безъ предлога, были простыя прошедшія времена; въ древнемъ французскомъ были остатки склоненія, падежныя различія

субъекта и *объекта*. *Li* seus Agamemnon n'i ot *le* cuer enclin (Littré. Hist. de la langue française. I, 355).

Степени сравненія составляли раньше принадлежность отнюдь не однихъ прилагательныхъ. Въ средневерхненѣмецкомъ такія существительныя какъ nôt (Noth) zorn, angst встрѣчаются въ сравнительной степени *).

Изученіе, удаленное отъ сравненія и исторіи, должно было создавать ложныя точки зрѣнія на языкъ. Грамматика до начала нынѣшняго столѣтія разсматривалась какъ болѣе или менѣе полное отраженіе логико-грамматической системы, идеалъ которой складывался частью на основаніи апріорныхъ логическихъ требованій, частью на основаніи схоластической латинской грамматики. Образовалась особая наука—всеобщая или философская грамматика, которая втискивала въ искусственно-сложенныя схемы явленія живой рѣчи, создавая для языковъ своего рода Прокрустово ложе. Вспомнимъ la Grammaire du Port-Royal, а еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія—такихъ упорныхъ логиковъ языка, какъ аббатъ Сикаръ, Бернгарди, Беккеръ. Время измѣнило взгляды на языкъ—грамматика стала наукой индуктивной, гдѣ исходятъ изъ данныхъ языка къ заключенію о его законахъ и системѣ, а не отъ общей системы къ объясненію и классификаціи явленій. Можно указать четыре главныхъ причины этого измѣненія взглядовъ на языкъ: 1) Санскритъ былъ примѣненъ къ объясненію и регулированію грамматическихъ явленій въ аріоевропейскихъ языкахъ и такимъ образомъ положено начало сравнительному языковѣдѣнію (Боппъ, Поттъ, позже Курціусъ, Шлейхеръ); 2) міръ народной словесности завоевалъ уваженіе просторѣчію и діалектамъ (братья Гриммы); 3) началось изученіе языковъ некультурныхъ народовъ и было выяснено значеніе этой новой области знанія (В. Гумбольдтъ, Поттъ); наконецъ, 4) труды лингвистовъ - психологовъ освѣтили языкъ съ новой стороны, какъ результатъ психологической дѣятельности говорящихъ (Штейнталь, Лазарусъ, Пауль, Бругманнъ). Въ школу научный методъ проникаетъ медленно. До сихъ поръ грамматику изучали въ школахъ: 1) съ цѣлью практической, чтобы научить правильно писать и говорить на языкѣ. На это можно замѣтить, что несомнѣнно грамматика даетъ правила хорошей литературной рѣчи

*) Ср. также у Плавта superl. отъ patruus, oculus (Paul, Princip. d. Sprachg. 2 Aufl. 1886, 304 въ примѣч.); можно сравнить еще наше *бережье* (ближе къ берегу, говор. въ Арханг. губ. См. Слов. Подвысоцк.) и такія древне-индійскія формы, какъ purvâhnetave (раньше утромъ), pakâtitara; печетъ болѣе другого, гдѣ суфф. сравнительной степени прилагается къ существительному и глаголу.

тому, кто уже владѣетъ хотя нѣсколько языкомъ практически, она, такъ сказать, исправитъ рѣчь, но едва ли кого-нибудь она научила *владѣть* рѣчью. 2) Грамматику изучали какъ *систему*, при чемъ ученикъ шагъ за шагомъ, на примѣрахъ и самостоятельной работѣ, пріучался эту систему прилагать къ фактамъ. Для этого педагогамъ представлялся латинскій языкъ, какъ своего рода unicum. Одинъ изъ извѣстныхъ ученыхъ нѣмецкихъ педагоговъ, Латтманъ, хорошо обрисовываетъ съ этой точки зрѣнія въ слѣдующихъ словахъ роль древнихъ языковъ въ начальномъ преподаваніи:

Если четвероклассникъ въ греческомъ, а шестиклассникъ въ латинскомъ языкѣ схватываютъ сущность *системы* и пріучаются ею владѣть, если они понимаютъ принципъ классификаціи, если они отдѣльныя явленія подчиняютъ извѣстнымъ категоріямъ и носятъ въ умѣ свои знанія расположенными въ сознательномъ порядкѣ, то въ нихъ уже положена элементарная основа чисто научнаго мышленія. Другой педагогъ, фонъ-Груберъ, замѣчаетъ, что ученикъ въ латинскомъ языкѣ знакомится съ строеніемъ языка, какъ правильнымъ и гармоническимъ цѣлымъ (Цитирую по сочиненію Пертеса Zur Reform des Lateinunterrichts, III Art. Zweite Aufl. Berl. 1886. S. 8, c. 9).

Разсмотримъ эту точку зрѣнія на грамматическій курсъ. Очевидно, тутъ выпускается изъ виду, что *система* и *гармоническое цѣлое* могутъ быть познаны отнюдь не схематическимъ ихъ изложеніемъ, а ознакомленіемъ съ фактами рѣчи въ непосредственномъ ея наблюденіи: система должна закрѣплять анализъ и изученіе живой рѣчи, ученикъ долженъ убѣдиться не на грамматическихъ примѣрахъ, а, такъ сказать, на собственномъ лингвистическомъ опытѣ въ томъ, что система не выдумана учебникомъ или учителемъ, а есть дѣйствительная принадлежность языка. Представленіе о какомъ-нибудь языкѣ, какъ о гармоническомъ цѣломъ, также весьма условно: гармоническое цѣлое можетъ представлять изъ себя не *языкъ*, а *слогъ*, искусственная литературная рѣчь; притомъ, система научно-установленная является для языка часто столь трудной и сложной, что даже ученые *) признаютъ примѣненіе ея въ извѣстныхъ случаяхъ къ педагогическимъ требованіямъ невозможнымъ и предпочитаютъ ей механическое усвоеніе риѳмованныхъ правилъ. Мнѣ кажется, что курсъ грамматики долженъ проходиться въ началѣ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Послѣ того, какъ ребенокъ на знакомомъ и близкомъ ему матеріалѣ родного языка

*) Напримѣръ, Швейцеръ-Зидлеръ въ журналѣ Куна за 1874 г., стр. 349, по поводу правилъ о родѣ именъ существ. въ латинскомъ языкѣ.

понялъ, что такое падежъ, лицо, родъ, согласованіе, управленіе, склоненіе, спряженіе, при изученіи другихъ языковъ онъ долженъ индуктивнымъ путемъ, чрезъ чтеніе и анализъ текста, запасаться грамматическимъ матеріаломъ: цѣль—умѣнье понять и разобрать написанное на данномъ языкѣ, для этого вовсе нѣтъ надобности заучивать таблицы склоненій и спряженій, тѣмъ паче исключеній. Я долженъ оговориться: я нисколько не стою при этомъ за полусознательное усвоеніе строя рѣчи, я предполагаю, что учитель, который руководитъ занятіями, владѣетъ не только педагогически обработанной, но и научно выработанной системой рѣчи. Какъ-бы ни велось начальное индуктивное обученіе, по системѣ-ли Пертеса (предлагается искусственно подобранный матеріалъ, изъ котораго ученикъ выводитъ грамматическія правила), или по старой Робертсоновской (учащійся анализируетъ басни, разсказы, анекдоты), но обязательна самостоятельная работа ученика надъ выводами, обобщеніями: только этимъ закрѣпится въ сознаніи закономѣрность языковыхъ явленій. Абстрагирующая работа должна идти непремѣнно въ неразрывной связи съ накопленіемъ матеріала, съ обогащеніемъ ума учащагося живыми фактами рѣчи.

Основаніемъ для такого требованія служитъ не только цѣль обученія языку—пониманіе текстовъ, но и та несомнѣнная истина, которая выработалась въ современной психологіи (а оттуда перешла уже и въ педагогику, и въ дидактику), что новый фактъ, входящій въ душу человѣка, а особенно такой важный, какъ *правило*, долженъ *апперципироваться* болѣе или менѣе властной группой представленій: надо поставить его въ такую обстановку, чтобы его *легко* можно было вызвать; апперцепція укрѣпляется *интересомъ* или *значеніемъ*, которое имѣетъ для учащагося *апперципирующій* матеріалъ, т.-е. въ данномъ случаѣ тѣми связными текстами или искусственно подобранными и составленными фразами, изъ которыхъ ученики должны выводить правила. Они должны быть осмысленны и интересны.

Маленькія грамматики, составляемыя учениками во время классной работы и при помощи учителя изъ разбираемыхъ и изучаемыхъ текстовъ, должны исправляться и пополняться дальнѣйшей работой,—чтеніемъ, анализомъ и т. д. Если учитель съумѣетъ дать имъ систематичность, то *система* будетъ такимъ образомъ естественно и крѣпко укоренена въ умѣ учащихся. Мнѣ кажется, что чрезвычайно полезно также, чтобы ученикъ въ старшихъ классахъ постоянно имѣлъ передъ собой на урокахъ и во время приготовленія къ урокамъ болѣе или менѣе подробные грамматическіе своды (у нѣмцевъ таковы труды Matthia, Krüger, Ausf. gr. Raph. Kühner, Dräger. Mätzner, Becker и т. п.).

Подробная грамматика *для справокъ* необходима не менѣе хорошаго словаря: какъ таблица логариѳмовъ для математики, требникъ для служителя церкви, судебные уставы для законовѣда, грамматика является такимъ образомъ пособникомъ, другомъ; въ педагогическомъ отношеніи она теряетъ тогда свой грозно-карательный характеръ, и притомъ, въ силу практики, изъ нея усваивается лучше то, что часто встрѣчается, что необходимо для сознательнаго отношенія къ тексту. Такъ, для греческаго языка съ особенной подробностью запомнятся изъ справокъ статьи о предлогахъ, союзахъ, participium, значеніе временъ.

Такъ какъ съ первыхъ-же шаговъ обученіе языку должно быть связано съ чтеніемъ текста, то вниманіе ученика естественно останавливается не только на формальной, но и на лексической, смысловой сторонѣ рѣчи: lupus не только примѣръ для склоненія—us, -i, -o, -um, но и слово, слагающееся изъ двухъ элементовъ, *lup* и *us*, причемъ *lup* есть главная, коренная часть, носительница главнаго смысла; сопоставляются не только окончанія, грамматическіе признаки, но и корни: *am*icus сопоставляются не только съ hor*tus*, lu*pus*, fil*ius*, но и съ *amo*, *ama*bilis и т. д. Учителю очень скоро въ курсѣ приходится натолкнуться на вопросъ объ этимологической связи между однокоренными словами, звуковомъ видоизмѣненіи корня (у насъ, въ гимназіяхъ, при курсѣ церковно-славянскаго языка это неизбѣжно) и обратить такимъ образомъ наблюденія учащихся на вопросы фонетическіе. Апперципирующимъ элементомъ здѣсь является именно интересъ, заключающійся въ вопросѣ о происхожденіи даннаго слова, связи его съ другими по корню, смысловомъ измѣненіи и т. д. Звуковые законы ученикомъ средней школы, конечно, не могутъ постигаться, какъ таковые, но учитель просто подчеркиваетъ извѣстное единообразіе и, пользуясь естественной аналогизирующей способностью всякаго человѣка, распространяетъ его на рядъ явленій, черезъ это получающихъ должное освѣщеніе и новый апперципирующій элементъ. Предположимъ, что ученику на урокѣ церковно-славянскаго языка указывалось на связь между *горѣть*, *заря*, *золото*, на сосѣднемъ латинскомъ—устанавливается связь между ur-ere, aur-um, aur-or-a; далѣе, черезъ сравненіе *mus* съ μῦς, *мысль* ученика убѣждается что *s* принадлежитъ корню; въ родительномъ падежѣ оно перешло въ *mus* — *muris* (ср. mos—moris и др.), потомъ къ вышеупомянутой параллели привлекается *ur*ere—com*bus*tum, A*us*ter, возникаетъ вопросъ, отчего-же слова mo*s*, mu*s*, Au*s*ter, com*bus*tus и com*bur*ere, Au*r*ora, au*r*um представляютъ нѣчто общее? Классньмъ припоминаніемъ накопляются еще данныя. Въ результатѣ

работы 1) устанавливается параллель *s* и *r;* 2) выясняется обстановка, при которой является то и другое; 3) указывается на первичность *s;* 4) констатируются колебанія между *s* и *r* въ Auslaut'ѣ. Цѣлый рядъ явленій для ученика такимъ образомъ получаетъ новое освѣщеніе: онъ понимаетъ, что въ es-*se* и ama*re* въ сущности одно и то-же окончаніе; понимаетъ, почему односложныя на *us* имѣютъ въ родительномъ *uris*, понимаетъ, какое отношеніе имѣетъ *lavo* къ lavo-r (изъ *lavo se) и что это отношеніе то-же, что между *мою* и моюся *). Было-бы лишней и ненужной спеціализаціей идти съ учениками къ разслѣдованію явленій Auslaut'а: почему mos и при этомъ amor? ученики познакомились просто съ извѣстнымъ единообразіемъ, совсѣмъ не имѣющимъ для нихъ значенія математическаго закона, чего-то безусловно, логически обязательнаго, а лишь *обобщающее* значеніе индуктивнаго закона или *метода* явленій. Такія работы должны укрѣплять въ сознаніи, во-1-хъ, что изученіе значеній безъ изученія звуковъ не можетъ быть правильно и основательно, во-2-хъ, что непохожія по звуку слова могутъ быть одного происхожденія, въ-3-хъ, что единообразія наблюдаются какъ въ предѣлахъ одной, такъ и въ предѣлахъ нѣсколькихъ родственныхъ рѣчей, въ-4-хъ, что въ двухъ языкахъ при разныхъ корняхъ бываютъ смысловыя параллели. Кромѣ того, это усиливаетъ аналитическій пріемъ мышленія, развиваетъ наблюдательность и поддерживаетъ интересъ къ изученію.

Обратимся теперь къ чтенію, переводамъ и упражненіямъ, которыя должны служить для намѣченной нами выше идеальной цѣли преподаванія. Переводъ бываетъ прямой и обратный; прямой, естественный переводъ это переводъ на свой языкъ; обратный—это переводъ съ своего языка на чужой, искусственное педагогическое средство.

Обратный переводъ употребляется, съ одной стороны, какъ нормальное упражненіе, съ другой—какъ способъ провѣрки; какъ нормальное упражненіе, онъ игралъ, особенно прежде, весьма значительную роль въ курсѣ. Переводить на французскій, нѣмецкій, греческій начинали съ первыхъ-же шаговъ обученія. Это вполнѣ понятно, когда надо закрѣпить грамматическое правило. Но цѣль, нами намѣченная, состоитъ не въ усвоеніи правилъ, лежащихъ гдѣ-то внѣ языка; отсюда измѣняется и отношеніе къ обратному переводу. Этотъ переводъ

*) Работа можетъ идти дальше: выясняется корень *us* aus-ôs-a сравнивается съ ἠFως; можно возстановить и древнѣйшую форму корня *vas* (въ древнеиндійскомъ означающую *горѣть, блестѣть*); отсюда наша вес-на, отсюда и греческое ἄρ-ιστ-ον *завтракъ, ѣда рано утромъ.*

можетъ быть вреденъ, ибо, во-первыхъ, ученикъ устремляетъ вниманіе на плохой русскій текстъ—обыкновенно даютъ для обратнаго перевода фразы или разсказы, нарочно переведенные для этого на русскій языкъ, и часто они бываютъ составлены совсѣмъ не на русскомъ, а на какомъ-то *интерлингвальномъ* нарѣчіи, на школьномъ волапюкѣ; во-вторыхъ, сколько-нибудь трудными обратными переводами ученикъ осуждается на дѣланіе многихъ ошибокъ. Ошибка въ переводѣ—это не то, что ошибка въ задачѣ: связанная съ словомъ (особенно написаннымъ), она легко входитъ въ привычку и невѣрная форма или оборотъ, повторяясь, могутъ вытѣснить изъ памяти даже и правильную форму, хорошій оборотъ; какъ средство провѣрки, я оставляю обратный переводъ въ покоѣ. Укажу только, что способъ изученія грамматики, который я указывалъ, не можетъ вызывать провѣрку этого рода: она обусловливается лишь механическимъ усвоеніемъ той или другой части грамматики, какъ внѣшней, особо усвоиваемой системы.

Переводъ прямой является въ трехъ видахъ: 1) ученіе или переводъ мысленный, 2) устный переводъ, 3) письменный переводъ. При чтеніи человѣкъ сохраняетъ наиболѣе связи съ текстомъ, онъ какъ-бы переводитъ не на языкъ, а прямо въ мысль и въ чувство, текстъ сохраняетъ для него больше цѣльности, отъ того въ чтеніи произведеніе больше нравится. Чтеніе, какъ мысленный переводъ, можетъ быть нормальнымъ школьнымъ упражненіемъ; его провѣркой служитъ передача на родномъ языкѣ или на языкѣ произведенія.

Учиться *читать* въ смыслѣ перевода, конечно, необходимо. Только чтеніе можетъ, въ сущности, обусловить познаніе произведенія въ цѣломъ и изученіе литературы на данномъ языкѣ. Нѣсколько ниже я скажу о томъ, какъ надо поставить упражненія, связанныя съ чтеніемъ.

Вторая форма перевода есть переводъ устный,—это есть самый распространенный видъ перевода. Начинается онъ подстановкой своихъ словъ подъ слова или словосочетанія текста (acc. c. inf., abl. abs.) и кончается болѣе или менѣе литературной передачей текста. Переводъ долженъ показать мнѣ, что ученикъ понимаетъ не только мысли, но и оттѣнки мыслей въ томъ, что онъ переводитъ: первое условіе хорошаго перевода есть точность. Мнѣ кажется, что въ устномъ переводѣ только точности и можно добиваться, а хорошее изложеніе по русски едва-ли можетъ быть достигнуто безъ ущерба для точности. Затѣмъ, я думаю, что вслѣдъ за переводомъ должно идти непремѣнно *устное изложеніе по-русски* того, что перевели. Переводъ всегда держится на частностяхъ и разбиваетъ мысль, которая не можетъ такимъ образомъ слѣдить за содержаніемъ. Пересказъ при-

ходитъ на помощь и на пополненіе этой односторонней работы. Далѣе, такъ какъ пересказъ совершается безъ книги, то иноязычный текстъ уже не навязываетъ ученику чуждаго строя рѣчи, не тѣснитъ русскую рѣчь, и отъ нея можно требовать достоинствъ, основанныхъ на ея свойствахъ; требовать уже, чтобы ученикъ сглаживалъ устный переводъ, дѣлая его болѣе «литературнымъ», едва-ли правильно: это сглаживаніе часто будетъ происходить на счетъ точности и близости къ тексту. Не могу не замѣтить при этомъ, что система *вокабулъ*, на которой держится у насъ устный переводъ, представляетъ большія неудобства и часто приноситъ вредъ. Выписываніе и заучиваніе словъ составляетъ работу, совершенно отличную отъ перевода, а между тѣмъ вліяетъ на его характеръ, закрѣпляя за нимъ тотъ нежелательный *подстановочный* характеръ, который имѣетъ обыкновенно переводъ въ началѣ изученія языка. Мнѣ кажется, что въ сознаніи учениковъ съ самаго ранняго возраста должна укрѣпляться мысль, что переводъ словъ есть лишь вспомогательная работа, что настоящій переводъ есть *передача мыслей*, а мысль заключается въ контекстѣ, въ стройномъ сочетаніи словъ. Мнѣ скажутъ, что выписывать слова и заучивать ихъ необходимо, потому что это есть надежный способъ убѣдиться, была-ли самостоятельная работа ученика. Я думаю, что способы есть и безъ этого: анализомъ можно отлично убѣдиться, работалъ-ли ученикъ по готовому переводу, или со словаремъ и грамматикой.

Впрочемъ, ученикамъ старшихъ классовъ, мнѣ кажется, можно вообще предоставлять нѣсколько болѣе самостоятельности въ работѣ каждый можетъ готовить переводъ какъ ему легче: при сложномъ текстѣ, да еще заданномъ въ большомъ объемѣ, едва-ли практично строго регламентировать способъ подготовки. Довольно того, чтобы былъ сдѣланъ сознательный, т.-е. основанный на анализѣ, переводъ. Устный *пересказъ* переведеннаго можетъ примѣняться къ читаемому и помимо устнаго перевода. Дѣло можетъ вестись такъ. Учитель громко и *выразительно* читаетъ извѣстный отрывокъ, ученики слѣдятъ. Затѣмъ онъ предлагаетъ ученикамъ сосредоточить на немъ свое вниманіе (они могутъ справляться при этомъ и съ словаремъ, но бѣгло), и затѣмъ одному ученику предлагается громко прочесть данный отрывокъ, а далѣе другой передаетъ прочитанное по-русски, какъ запомнилъ; товарищи, глядя въ книги, поправляютъ и дополняютъ его. Потомъ третій ученикъ читаетъ отрывокъ уже *выразительнѣе*, сознательнѣе, и еще одинъ подробнѣе и изящнѣе передаетъ его порусски (все это указываю я приблизительно, лишь въ схемѣ, конечно).

На слѣдующемъ урокѣ работа надъ тѣмъ-же отрывкомъ можетъ повториться, при чемъ и чтеніе, и передача будутъ, конечно, лучше. Я придаю значеніе такому *мысленному* переводу съ слѣдующей за устной передачей по-русски большое значеніе: она не заставляетъ ученика прибѣгать къ *интерлингвальной* рѣчи, позволяетъ больше вниманія сосредоточивать на цѣломъ, на содержаніи, и пріучаетъ читать и громко-выразительно, и про-себя сознательно.

Письменный прямой переводъ есть вещь очень трудная и сложная: чтобы вести ее правильно, надо много вниманія и педагогическаго искусства. Переводъ, положимъ, дѣлается съ латинскаго, и въ цѣляхъ изученія этого языка, а работа оказывается упражненіемъ въ русской стилистикѣ. Повинуясь духу русскаго языка, я половину даннаго текста косвенной рѣчи выражу въ прямой формѣ, или передамъ ее той *смѣшанной формой* рѣчи, которая такъ свойственна русскому и греческому языку (онъ говоритъ, что я, молъ, самъ не пойду...). Хорошо-ли это? для точности перевода—дурно; для гладкости и красоты его—хорошо.

Во всякомъ случаѣ, какъ въ устномъ переводѣ центръ тяжести лежитъ въ точности передачи текста, т.-е. въ чужомъ языкѣ, такъ въ письменномъ, который, по самому характеру своему, имѣетъ болѣе опредѣленную форму, приходится переносить его въ русскій языкъ. Допущеніе *интерлингвальной* формы на письмѣ въ ученической работѣ есть прямо грѣхъ. Необходимое-же *перечитываніе* и *сглаживаніе* перевода незамѣтно лишаетъ его языкъ слѣдовъ образности, свойственной тексту, а самый переводъ—точности. При нормировкѣ прямыхъ письменныхъ переводовъ, мнѣ кажется, слѣдовало-бы принять во вниманіе слѣдующія четыре desiderata: 1) Необходимо установить строгую градацію упражненій: начинать съ перевода изреченій, выбранныхъ учителемъ сравненій, маленькихъ миѳологическихъ разсказцевъ, басенъ въ прозаической формѣ, и не идти въ болѣе или менѣе значительныхъ отрывкахъ далѣе реторической части въ твореніяхъ историковъ (у ораторовъ, философовъ и особенно поэтовъ—слова получаютъ особую художественную силу, терминологическую цѣнность, что дѣлаетъ переводъ для ученика прямо недоступнымъ). 2) Полезно знакомить учениковъ съ хорошими переводами, напр., переводами Мищенка (Геродотъ и Ѳукидидъ), Румовскаго (Тацитъ), Модестова (Тацитъ); изъ поэтическихъ: Водовозова (Сат. Горація), Шестакова (Эдипъ-царь) и т. д. (Я говорю здѣсь, конечно, только о древнихъ языкахъ, потому что переводы съ новыхъ, живыхъ языковъ гораздо легче, по культурной *сближенности* міросозерцаній). Отрывки изъ этихъ пере-

водовъ, конечно, заранѣе подысканные и разобранные учителемъ, ему надо разбирать съ учениками, свѣрять съ текстомъ, упражнять учениковъ въ подысканіи варіантовъ, въ объясненіяхъ того или другого изъ замѣченныхъ уклоненій отъ текста. 3) Желательно, чтобы работа надъ прямымъ письменнымъ переводомъ была внѣклассная, медленная, чтобы ученикъ могъ для нея порыться въ книгахъ, чтобы онъ понималъ серьезный и сложный характеръ этой работы. 4) При экстемпоральномъ характерѣ работы она можетъ сдѣлаться прямо вредной для обоихъ языковъ, и текста, и перевода.

Важно-бы было, чтобы ученики при данномъ письменномъ переводѣ понимали, что нормальный письменный переводъ долженъ передать не только мысли подлинника, но и его тонъ, что, напримѣръ, эпическій тонъ Геродота (близкій порой къ нашему лѣтописному) долженъ въ переводѣ звучать иначе, чѣмъ искусственно реторическій стиль Тита-Ливія. Слѣдуетъ помнить еще, что, помимо переводовъ, существуетъ форма *письменныхъ изложеній*, не зависящая уже въ такой мѣрѣ, какъ переводъ, отъ строя рѣчи подлинника, и потому легче укладывающаяся въ рамки хорошей русской рѣчи. Могутъ быть и еще полезныя ученическія работы (особенно письменныя); работы эти являются результатомъ анализа, сравненія, изученія текстовъ по языку и содержанію. О нихъ я и хочу вамъ теперь сказать. Онѣ уже не ограничиваются повѣствовательнымъ характеромъ текстовъ и, съ другой стороны, въ нихъ, какъ мнѣ кажется, устанавливается *нормальное отношеніе между изученіемъ содержанія и изученіемъ языка*. Таковы: а) работы надъ *синонимами*. Учитель диктуетъ или пишетъ на доскѣ нѣсколько фразъ, переводитъ ихъ съ учениками письменно-же, излагаетъ разницу между синонимами (письменная форма предлагается здѣсь, какъ болѣе удобная для выработки опредѣленности и точности въ выраженіяхъ) *). Или 2) на основаніи примѣровъ изъ какого-нибудь подробнаго словаря (полезно, чтобы словари вродѣ Freund, Georges, Passow циркулировали въ старшихъ классахъ; я не хочу себѣ представить, чтобы къ 7-му классу ученикъ не могъ научиться французскому или нѣмецкому настолько, чтобы воспособлять себѣ при занятіяхъ древними языками) выяснить разницу между magnus, amplus, vastus съ одной стороны и grandis, immanis, ingens—съ другой. 3) Объяснить французскую фразу l'aveugle *conduit* le chien qui *le mène*; подыскать

*) Напримѣръ, берется три нѣмецкихъ фразы Less. Nath. I. 2; III, 9; Goethe W. M. Lehrj. IV, 9 и на основаніи ихъ предлагается провести разницу между *Dank* и *Erkenntlichkeit*, сравнивъ ихъ съ русскими *благодарность* и *признательность*.

примѣры и опредѣлить разницу между *conduire*, *mener*, *guider*, обращаясь къ этимологіи словъ (словарь Brachet), 4) объяснить этимологически гомеровскія слова, означающія берегъ.

б) *Работы въ связи съ эпитетами.* Характеристика Феба, Зевса, Одиссея по эпитетамъ.

2. Эпитеты моря у Гомера (γλαυκή, πολιή, ἀθέσφατος, ἠχήεσσα и др.)— переводъ и характеристика моря на ихъ основаніи.

в) *Работы по сравненіямъ.*

1) Учитель подбираетъ и даетъ ученикамъ нѣсколько гомеровскихъ или виргиліевыхъ сравненій, близкихъ по содержанію, заставляетъ перевести ихъ и отвѣтить на ихъ основаніи, напримѣръ, на такой вопросъ: какое значеніе для грека (resp. римлянина) имѣло сравненіе человѣка съ богомъ? или: зачѣмъ въ данныхъ сравненія является левъ, волкъ, голубь и т. д.?

2) Можетъ быть сравнено гомеровское сравненіе и заимствованное у Гомера виргиліево: по степени ихъ выразительности, умѣстности и т. п.

г) *Работы по анализу формъ изложенія.* Отмѣтить въ прочитанномъ отрывкѣ Антигоны всѣ сентенціи, перевести ихъ и классифицировать.

д) *Работы по сопоставленію содержанія.* Учитель даетъ для перевода и сравненія по содержанію нѣсколько сентенцій на одинъ и тотъ-же предметъ изъ Софокла и Еврипида, или изъ трагика и эпика (матеріалъ можно почерпнуть въ прекрасномъ сборникѣ «Weisheit der Tragiker» v. H. Köhler). Ученикъ сравниваетъ палаты Алкиноя съ дворцомъ Солнца (въ Овидіевомъ «Фаэтонѣ»).

е) *Работы по анализу содержанія.* Ученики прочитали по Геродоту о приготовленіяхъ къ походу у персовъ (нач. VII кн.); предлагается изложить pro expeditione и contra expeditionem въ совѣщаніяхъ персовъ, выдѣлить и классифицировать аргументы; привести доводы въ ихъ защиту и опроверженія; выдѣлить отношенія самого Геродота къ мнѣніямъ и т. п. Работы эти могутъ разнообразиться, а всякій педагогъ знаетъ, какъ цѣнно разнообразіе въ преподаваніи.

Позвольте сказать еще о роли реальнаго комментарія въ переводѣ, какъ мнѣ онъ представляется. При томъ дедуктивно-формальномъ строѣ обученія языкамъ, который господствовалъ до сихъ поръ, вполнѣ понятно особое значеніе, которое придавали внѣшнимъ вещественнымъ объясненіямъ при чтеніи текстовъ. Эти экскурсы въ область миѳологіи, древностей военныхъ, религіозныхъ, сценическихъ были противовѣсомъ грамматическому элементу. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣлается нѣсколько страшно за языкъ и тотъ міръ мыслей, образовъ, понятій, который

*

въ немъ открывается, при накопленіи этихъ чисто внѣшнихъ историческихъ элементовъ. Нельзя понимать словъ, не зная вещей—это правда, но исходной точкой при изученіи языка и миѳологіи и поэзіи является все-таки самый языкъ: самимъ историкамъ, этнологамъ, миѳологамъ весьма часто приходится начинать свой трудъ съ словеснаго анализа и этимологіи. Въ педагогическомъ отношеніи, центръ тяжести въ среднеучебныхъ филологическихъ курсахъ долженъ лежать именно въ занятіяхъ языкомъ: лексическій анализъ, связывающій содержаніе съ текстомъ, по моему, является именно той центральной областью преподаванія, которую надо установить въ школьномъ изученіи языка. Въ сознаніи учащихся и подростающихъ поколѣній надо укрѣплять мысль, что, обучаясь языку, они пріобрѣтаютъ живой, вѣчно юный міръ образовъ, мыслей, цѣлое новое міросозерцаніе, цѣнное и интересное само по себѣ. Вотъ, отчего я боюсь, чтобы центръ тяжести переходилъ во внѣшнюю, чуждую языку историческую область.

Миѳологія и поэзія—вотъ двѣ области, въ которыхъ лексическій анализъ, образъ, представляемый *словомъ*, долженъ быть особенно центромъ, опредѣляющимъ пунктомъ для всѣхъ работъ, объясненій, иллюстрацій. Положимъ, попалось въ переводѣ слово Γοργώ; прежде чѣмъ уходить въ область миѳическихъ разсказовъ, показывать изображенія, говорить о поэтическихъ образахъ, связанныхъ съ именемъ Горгоны, я беру ближайшее—имя, слово, обогащаю его однокоренными, разъясняю лежащую въ основаніи его идею *). Усвоенная такимъ образомъ основная идея создаетъ почву для всей дальнѣйшей работы. Словесно-миѳологическому комментарію я придаю, по крайней мѣрѣ, для греческаго языка, особенное значеніе на основаніи слѣдующихъ соображеній: 1) Въ миѳологической области всего естественнѣе и неизбѣжнѣе является сравненіе; здѣсь сравнительный методъ даетъ учащемуся, такъ сказать, самые наглядные результаты. 2) Миѳологія связана съ поэзіей и своими образами, и сюжетами. Это—та первоначальная область смѣшанныхъ представленій, изъ которой выдѣлились наука и поэзія **). 3) Миѳологія часто освѣщаетъ міръ мѣстной природы и быта (киклоны—огнедышащія горы; Аполлонъ—солнечные удары, болѣзни; Гермесъ—богъ мореплавателей и т. п.).

Позвольте, въ видѣ послѣдней статьи моего, Богъ знаетъ какъ растянувшагося, письма указать на связь поэзіи и языка.

---

*) Γοργών, Γοργόνη, Γοργάς, Gorgo, Gorgona, γοργός страшный, γοργόομαι, γοργότης; др. инд. garg кричать, угрожать; др.-слав. **гроза**.

**) Какъ интересенъ анализъ и исторія смысла словъ, какъ ἥλιος, νοῦς, ἁρμονία, κόσμος, связанныхъ и съ миѳологическими, и съ научными представленіями!

Поэзія есть высшее проявленіе творческой силы рѣчи. Нельзя знать языка, не изучая его поэзіи, и нельзя понять поэзіи народа, не зная его языка. Поэзія въ языкѣ проявляется на трехъ ступеняхъ: 1) это сама рѣчь, полная метафоръ и проекцій; 2) міръ народной словесности; 3) поэзія индивидуальная. Съ одной стороны, въ языкахъ съ точки зрѣнія поэзіи, т.-е. изобразительности, является замѣчательное совпаденіе, съ другой—они отражаютъ разнообразіе народныхъ характеровъ, культуръ, міросозерцаній, исторій. Возьмемъ для характеристики бытъ земледѣльческій и охотничій, какъ они отразились въ различныхъ болѣе близкихъ намъ языкахъ *). На метафорахъ изъ охотничьяго быта можно, наоборотъ, показать разницу языковъ, напр., французскаго и русскаго **).

Характеръ языка оказываетъ могущественное вліяніе на свойства и весь строй поэзіи. Нѣкоторые примѣры изъ разныхъ лингвистическихъ областей, можетъ быть, будутъ небезъинтересны.

Кто не знаетъ наклонности къ олицетворенію, персонифицированію, которая лежала въ языкѣ грековъ и римлянъ? Вспомнимъ эти *крылатыя слова*, *сонъ*, *страхъ*, *смертъ*, *гнѣвъ*, *местъ* въ человѣческой формѣ.

Національно-культурные наслѣдники классическаго міра, французы и итальянцы, до сихъ поръ въ поэзіи сохраняютъ эту силу, эту тенденцію къ персонификаціи: la Mort, la Conscience, la Menace, la Liberté—это человѣческіе образы у В. Гюго и Барбье, а не реториче-

---

*) Тогда *сѣяшеться усобицами*, *костьми посѣяно*, *сѣять доброе*; semer la discorde; Streut ihm ins Herz des Argwohns Samen. Sch., seminer, spargere una voce, spargere rime, versi, Ὡς ὁ πλεῖστος ἔσπαρται λόγος; бороздить воду; arare aquas; sulcare vada carina undas rate. Silloner la mer. Такихъ параллелей даже въ области 5—6 языковъ можно подыскать множество.

**) Вотъ нѣсколько словъ и выраженій русскихъ, заимствованныхъ изъ охотничьяго быта, а частью унаслѣдованныхъ отъ стараго «звѣринскаго» образа жизни: *хитрый* и *ловкій* обознач. прежде *искусный въ ловлѣ*, *быстрый*, вспомнимъ значенія *ловъ*, *по горячимъ слѣдамъ*, *слѣдъ простылъ*, птица *высокаго полета* (Ср. фр. de haute volée), видно сокола *по полету* и *звѣрю слава*,

голъ, *какъ соколъ*,

собакъ гонять.

Французскія выраженія изъ міра охотничьяго совершенно иныя:

acharné—бѣшеный, необузданный, отъ *acharner*—пустить сокола на мясо,

l'amorce—приманка, либало; *l'amorce des plaisirs*,

dresser un domestique (наше вымуштровать, вышколить).

(Примѣры взяты изъ книжки Darmesteter, La vie des mots, 97—99).

скія фигуры *). *Зевсъ*, какъ *небо*—это олицетвореніе проникло даже въ германскій міръ:

lacht der unbewölkte *Zeus*. Sch.

and *Jove* descends in Showers of kindly rain (Dryden).

Но здѣсь олицетвореніе является уже почти реторической фигурой.

Русскому языку мало свойственны эти персонификаціи, особенно въ сферѣ отвлеченныхъ понятій, оттого ложный классицизмъ—выраженіе, совершенно непонятное для француза и итальянца, у насъ бросается въ глаза школьнику пятаго класса. Еще примѣръ: греческій языкъ въ гомеровскихъ поэмахъ проявилъ большую способность къ поэтическимъ сравненіямъ: ихъ масса въ Иліадѣ. Виргилій, поэтъ значительнаго дарованія, чуть-ли не половину (46 изъ 113) своихъ сравненій заимствовалъ изъ Гомера—это показываетъ, я думаю, только на меньшую способность латинской рѣчи къ формировкѣ сравненій.

Въ пѣснѣ о Нибелунгахъ почти вовсе нѣтъ сравненій (ихъ всего 5), а Гете, оставаясь вѣренъ характеру нѣмецкой эпической рѣчи, въ «Германнѣ и Доротеѣ» допустилъ только одно сравненіе. Въ классическомъ санскритѣ, какъ извѣстно еще изъ древности (Словарь Гемачандры), было отмѣчено чрезмѣрное богатство синонимовъ (напримѣръ, 23 обозначенія для слона, 34—воды, 21—моря и т. д.). Не отразилось ли это явленіе въ поэзіи тяжелымъ накопленіемъ эпитетовъ, часто синонимичныхъ, и вообще нѣсколько громоздкимъ характеромъ древнеиндійскаго эпоса?

Вспомнимъ еще блистательную характеристику, данную Ренаномъ семитическимъ языкамъ и ихъ вліянію на народное творчество: «Грубо чувственное изображеніе предмета въ языкахъ, почти совсѣмъ лишенныхъ синтактической стройности,—въ языкахъ, гдѣ нѣтъ этихъ разнообразныхъ частицъ, тонко и изящно оттѣняющихъ отношенія между различными частями мысли, этотъ характеръ языковъ дѣлалъ ихъ пригодными для энергическихъ воззваній духовидцевъ (des voyants) или для обрисовки мимолетныхъ впечатлѣній, но рѣшительно вооружая противъ выраженія философскихъ умозрѣній» (De l'orig. du lang., p. 190, ср. также Hist. des l. sém., p. 18). Ренанъ указалъ на поразительную бѣдность литературныхъ формъ у арабовъ и евреевъ: поэзія иносказательная и узко лирическая—вотъ все, что они имѣли. Но за то развитіе творческихъ силъ народнаго духа, уклонившихся въ одну

*) Возьмите для примѣра стихотвореніе Barbier le choléra-morbus (Jambes et poêmes, 47) и Giosuè Carducci—Mors (nell' epidemia diphterica) Odi barb., 61; Sol, Amor, Natura, Aurora—итальянскіе поэты всѣ эти слова пишутъ съ большой буквы.

сторону, дало замѣчательные образцы въ области искусства рѣчи (лирическія сравненія, символы).

Итакъ, повторю: одно *изученіе языка* открываетъ человѣку міръ данной поэзіи. Знакомиться съ поэзіей по переводамъ—это то-же, что знакомиться съ перлами искусства по иллюстраціямъ дешевыхъ журналовъ.

Наша школа открываетъ ученику область нѣсколькихъ «міровыхъ поэзій»—въ этомъ ея сила. Но я не буду сегодня говорить объ эстетическомъ и нравственномъ значеніи изученія «поэзій». Какъ-нибудь, въ одномъ изъ слѣдующихъ моихъ писемъ, попытаюсь изложить вамъ мой взглядъ на разнообразіе въ области поэтическихъ образовъ и доказать необходимость нѣсколькихъ «поэзій» для многосторонняго развитія ученика.

А покуда жму вашу руку.

Вашъ И. Анненскій.

Къ вопросу объ упрощеніи французской орѳографіи.

(Циркуляръ французскаго министра народнаго просвѣщенія).

Вопросъ о томъ—насколько знаніе различныхъ тонкостей орѳографіи можетъ и должно сдѣлаться достояніемъ учениковъ за время прохожденія ими курса начальнаго и средняго образованія — неизбѣжно возникаетъ самъ собой во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о преподаваніи языка, грамматика котораго еще не приняла строго законченныхъ формъ и подвергается очень часто различнымъ толкованіямъ со стороны авторитетныхъ спеціалистовъ. Относительно русскаго языка вопросъ этотъ давно уже стоитъ на очереди и ждетъ своего разрѣшенія, особенно важнаго въ видахъ правильной оцѣнки знаній обучающихся въ начальныхъ училищахъ, въ которыхъ нѣтъ времени углубляться въ изученіе научныхъ основъ того или другого взгляда, дающаго право избрать тотъ или иной способъ правописанія отдѣльныхъ словъ. Трудность преподаванія въ этихъ училищахъ грамматики русскаго языка въ томъ видѣ, въ какомъ она находится въ настоящее время, хорошо сознается учителями и учительницами, часто жалующимися на ту сбивчивость и спутанность понятій, которая является у учениковъ результатомъ сложности и недостаточной категоричности разъясняемыхъ имъ грамматическихъ требованій. Любопытно въ этомъ отношеніи весьма наивное замѣчаніе одного взрослаго ученика, посѣщавшаго одну изъ школъ техническаго общества, который, слушая разъясненіе какого-то грамматическаго правила, обратился къ учительницѣ съ слѣдующими словами: «Зачѣмъ намъ все это знать? Нельзя-ли сдѣлать такъ, чтобы одна грамматика была дворянская, а другая крестьянская?»

Циркуляръ французскаго министра народнаго просвѣщенія Буржуа если и не вполнѣ отвѣчаетъ указаннымъ желаніямъ, то, во всякомъ случаѣ, разумно трактуетъ о серьезномъ вопросѣ, составляющемъ одно

изъ больныхъ мѣстъ не только въ дѣлѣ начальнаго образованія, но отчасти также и образованія средняго.

Разумѣется, циркуляръ касается преподаванія французскаго языка; но для русскихъ читателей онъ можетъ быть интересенъ не только по той аналогіи, которая существуетъ между условіями обученія отечественному языку во Франціи и въ Россіи, но также и по отношенію къ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются при преподаваніи французскаго языка въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ различныхъ наименованій.

Ужъ если въ самой Франціи, какъ это увидятъ читатели ниже, заботятся о томъ, чтобы сократить требованія по орѳографіи и не придавать всѣмъ тонкостямъ ея такой рѣшающей важности, какая признавалась за ними до сихъ поръ, то ещебольшее значеніе такой взглядъ можетъ имѣть въ примѣненіи къ изученію иностраннаго языка въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, а также и того интереса, который можетъ представить собой для читателей «Русской Школы» циркуляръ французскаго министра, вникающій въ подробности чисто педагогическаго вопроса, мы рѣшаемся привести здѣсь содержаніе этого циркуляра отъ 2-го мая 1891 г., помѣщеннаго въ журналѣ французскаго министерства народнаго просвѣщенія. Цѣль министерскаго циркуляра характеризуется намѣреніемъ «воспрепятствовать злоупотребленію грамматическими требованіями при оцѣнкѣ ученическихъ диктовокъ на экзаменахъ». Но изъ этого еще не слѣдуетъ выводить заключенія, что французскій министръ не признаетъ важнаго значенія за хорошимъ знаніемъ отечественнаго языка,—напротивъ, онъ ставитъ такое знаніе очень высоко, и вотъ что̀ говоритъ онъ по этому поводу въ одномъ мѣстѣ циркуляра: «Что знаніе французскаго языка должно быть одной изъ главныхъ цѣлей какъ начальнаго, такъ и средняго образованія—этого нечего и доказывать: скорѣе слѣдуетъ возвышать, чѣмъ понижать уровень тѣхъ экзаменныхъ требованій, которыя даютъ возможность судить, хорошо-ли ребенокъ владѣетъ отечественнымъ языкомъ, въ достаточной-ли мѣрѣ соблюдаетъ его правила и понимаетъ его духъ. Но полное знаніе языка не заключается въ знаніи одной только грамматики его, а знаніе этой послѣдней не состоитъ въ знаніи исключительно одной лишь орѳографіи. А между тѣмъ, если что и волнуетъ общественное мнѣніе по этому вопросу, такъ это именно то преувеличенное значеніе, которое придается иногда на экзаменахъ грамматическимъ тонкостямъ и особенностямъ». Съ этимъ «фетишизмомъ орѳографіи», какъ сказано въ циркулярѣ, давно уже ведетъ борьбу Со-

вѣтъ министерства (Conseil supérieur), высказывая требованіе не рѣшать вопроса объ отмѣткахъ и о допущеніи къ продолженію начатыхъ экзаменовъ въ зависимости только отъ числа ошибокъ въ экзаменаціонныхъ диктовкахъ. Указывая на всеобщее сочувствіе такому направленію дѣятельности Совѣта министерства, циркуляръ говоритъ, что, по единодушному мнѣнію всѣхъ педагоговъ, «ошибки должно скорѣе *взвѣшивать*, нежели *сосчитывать*», для того, чтобы затѣмъ по этому судить о достоинствахъ того или иного письменнаго упражненія. Далѣе въ циркулярѣ слѣдующимъ образомъ характеризуется отношеніе педагоговъ къ этому дѣлу: «Всѣ они обращаются къ коммиссіямъ, завѣдующимъ какъ назначеніемъ экзаменаціонныхъ работъ, такъ и исправленіемъ ихъ, съ просьбами о томъ, чтобы коммиссіи эти придавали-бы значеніе не столько правописанію рѣдко употребляемыхъ словъ, лингвистическимъ курьезамъ, сложнымъ или спорнымъ правиламъ, сколько слѣдили-бы за тѣмъ, насколько въ подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію письменныхъ работахъ выражается степень пониманія учащимися духа языка и умѣнья правильно владѣть послѣднимъ. Предстоящая коммиссіямъ задача, по мнѣнію г. министра, заключается въ томъ, чтобы убѣдить членовъ экзаменаціонныхъ коммиссій отказаться отъ слишкомъ узкаго взгляда на требованія орѳографіи и такимъ образомъ дать учителямъ начальныхъ школъ возможность вести преподаваніе отечественнаго языка на болѣе широкихъ и разумныхъ основаніяхъ. «Во многихъ школахъ,—говорится по этому поводу въ циркулярѣ,—удѣляется невѣроятное число учебныхъ часовъ, посвященныхъ исключительно самымъ кропотливымъ занятіямъ по грамматикѣ, и единственной причиной этого служитъ страхъ—быть можетъ, даже не всегда основательный — передъ той строгостью, съ которой экзаменаторы отнесутся къ оцѣнкѣ экзаменаціонной диктовки. Поэтому, прежде всего слѣдуетъ выработать тѣ правила, которыя должны лечь въ основу этой оцѣнки; тогда учителя будутъ знать, чѣмъ должны они руководствоваться, приготовляя дѣтей къ экзаменамъ. Составленіе этихъ правилъ не можетъ быть принято на себя ни министромъ, ни какимъ-либо другимъ лицомъ, непричастнымъ непосредственно къ самой техникѣ экзаменаціоннаго дѣла, такъ какъ правила эти должны сообразоваться и съ характеромъ испытаній, и съ возрастомъ учениковъ, и со многими другими условіями, хорошо извѣстными только экзаменаціоннымъ коммиссіямъ, которымъ вслѣдствіе сего и надлежитъ заняться этимъ дѣломъ. Но при этомъ имъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что всѣ подобные экзамены производятся по различнымъ программамъ только одного элементарнаго курса и

санкціонируютъ только одно элементарное преподаваніе, а потому и не должны имѣть иной цѣли, какъ только доказать, что ребенокъ пишетъ бѣгло и правильно на родномъ ему языкѣ, оставляя въ сторонѣ всѣ болѣе высокія требованія, непригодныя для данныхъ условій и вполнѣ умѣстныя только при испытаніяхъ на соисканіи научныхъ степеней».

Желая выяснить на примѣрахъ основу той реформы, которая должна быть произведена въ экзаменаціонныхъ требованіяхъ, министръ выставляетъ въ своемъ циркулярѣ слѣдующіе три рода случаевъ, заслуживающихъ снисходительнаго отношенія экзаменаторовъ къ несовершенствамъ письменныхъ работъ.

«I. Прежде всего, не слѣдуетъ предъявлять слишкомъ строгой требовательности во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ есть сомнѣніе или разногласіе, гдѣ правило еще не укрѣпилось обычаемъ, или вошло въ употребленіе въ еще очень недавнее время, а также и въ тѣхъ случаяхъ, относительно которыхъ взгляды различныхъ авторовъ не согласуются между собой и сама академія признаетъ неустойчивость мнѣній, существующихъ по данному вопросу. До 1878 года требовалось, напр., писать *consonnance*, теперь академія вводитъ правописаніе *consonance*, по аналогіи съ *dissonance*. До 1878 г. писали *phthisie* и *rhythme*, а затѣмъ академія уничтожила въ первомъ словѣ второе *h* и первое въ словѣ *rhythme*».

«До 1878 г. считалось грубой ошибкой писать *collège* и правильнымъ признавалось начертаніе *collége*, теперь-же наоборотъ. Точно также слово excédants прежде писалось excédens; сложныя слова, какъ tout-à-fait прежде писались съ тирэ, теперь безъ него. Въ двухъ сборникахъ, пользующихся авторитетомъ во Франціи, принято писать les enfans и les momens, вмѣсто les enfants и les moments *). Множественное число нѣкоторыхъ иностранныхъ словъ различными авторами передается различно: одни пишутъ *des solos* и *des solo*, другіе *des soli*. Академія признаетъ начертаніе словъ *agendas* и *alinéas* и, кажется, не допускаетъ *duplicatas*; рекомендуя писать *des accessit*, она не изгоняетъ и другое начертаніе *accessits*. Относительно правописанія очень многихъ общеупотребительныхъ словъ, никто, не рискуя впасть въ педантизмъ, не можетъ считать себя непогрѣшимымъ. Сама академія признаетъ, что можно писать *clef* и *clé*, *sofa* и *sopha*, *des entre-sol* и *des entre-sols*, dévouement и devôument, *gaieté* и *gaîté*, *la ciguë* и *la cigüe*, *il paye* и *il paie*, *payement* и *paiement*, или даже

*) Этой орѳографіи придерживается журналъ: «Revue des deux mondes».

paiment и т. д. Въ всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ случаяхъ, каковы-бы ни были личные взгляды лица, исправляющаго ошибки въ ученическихъ работахъ, оно не можетъ требовать отъ учениковъ, чтобы они въ этомъ отношеніи были увѣрены въ себѣ болѣе, чѣмъ сами учителя».

«II. Не меньшая снисходительность по отношенію къ правописанію нужна и въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ, съ точки зрѣнія логики, какъ-бы имѣетъ право нарушать обычай, и когда дѣлаемая имъ ошибка доказываетъ, что онъ вполнѣ правильно пользуется законами аналогіи въ языкѣ, но только распространяетъ ихъ и на тѣ случаи, которые не подчиняются общимъ правиламъ. Одинъ изъ знатоковъ по филологіи по этому поводу дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Въ самомъ началѣ преподаванія дѣтей заставляютъ выучивать семь именъ существительныхъ, кончающихся на *ou*—genou, bijou и т. д., которыя представляютъ собой исключеніе и во множественномъ числѣ: вмѣсто *s* принимаютъ окончаніе *x*. Но, спрашивается, по какой скрытой причинѣ слова эти не подчиняются общему правилу? Никто, никогда не могъ этого разгадать. Итакъ, не будемъ-же слишкомъ строги къ тѣмъ ученикамъ, которые напишутъ: *contreindre*, по примѣру *étreindre* и *restreindre*; cantonier по примѣру *timonier* и *cantonal*; dans *l'entretemps*, заимствуя эту форму отъ *sur les entrefaites*, или *contrecoup* по примѣру *contretemps*».

«Справедливо-ли считать за ошибки тѣ именно отступленія отъ правилъ орѳографіи, которыя служатъ доказательствомъ вниманія ученика? Такъ, напримѣръ, совсѣмъ не разсѣянность или тупость, а, наоборотъ, размышленіе можетъ побудить ученика писать *dizième*, какъ *dizaine*, или *dixaine*, какъ *dixiéme*; или, принимая во вниманіе начертаніе словъ *charrette, charrier*, *charroi*, писать *charriot*, не уничтожая втораго *r*, хотя оно и не слышно въ произношеніи; или сохранять тирэ въ словахъ *chemin-de-fer* и *porte-manteau* для того, чтобы имѣть основаніе употреблять его въ такихъ словахъ, какъ *arc-en-ciel* и *porte-monaie*. Логика не позволитъ ребенку писать *imbecile* (черезъ одно l), рядомъ *imbecillité* (черезъ два); siffler (черезъ два f), рядомъ съ persifler (черезъ одно f). Точно также ученикъ будетъ писать *assoir* безъ *e*, не смотря на то, что въ *séance* оно есть, потому что онъ знаетъ, что *déchoir* пишется безъ e, хотя въ déchéance оно несомнѣнно есть».

«Развѣ во всѣхъ этихъ случаяхъ ребенокъ виноватъ въ неувѣренности своего правописанія, когда сами правила языка, повидимому, противорѣчатъ другъ другу? Такъ, напр., на ряду съ *prétention, contention*,

attention, *intention*, *obtention* требуется писать extension черезъ s? На какомъ основаніи можно остановить ученика, когда онъ станетъ писать *deciller* по аналогіи съ *sils; une demie lieue* какъ une lieue et demie; forsené, а не forcené—въ виду того соображенія, что слово это обозначаетъ *hor de sens* и не имѣетъ ничего общаго съ словомъ *force?* Какой учитель можетъ дать разумное объясненіе разнописанію словъ: *apercevoir* и *apparaître*, *alourdir* и *allonger*, *abatage* и *abatteur*, *abatis* и *abattair*, *agrégation* и *agglomération*?»

«Вмѣсто того, чтобы въ подобныхъ случаяхъ вдалбливать ученикамъ представленіе о существованіи какихъ-то ненарушимыхъ и непреложныхъ правилахъ, не лучше-ли показать имъ, что многое въ языкѣ еще только образовывается и складывается? Развѣ нѣтъ основанія съ большой вѣроятностью предполагать, что черезъ поколѣніе или два большинство этихъ странностей исчезнетъ изъ языка и замѣнится упрощеніями, подобными тѣмъ, которыя произведены на нашихъ глазахъ менѣе чѣмъ въ одно столѣтіе послѣдовательными изданіями академическаго словаря?»

«III. Наконецъ, въ орѳографію французскаго языка, съ начала настоящаго столѣтія, вошло нѣсколько правилъ, основанныхъ на разграниченіяхъ, выставляемыхъ составителями грамматикъ за незыблемыя основы, но которыя современной филологіей принимаются лишь съ большимъ выборомъ, такъ какъ она гораздо бережнѣе обходится съ исторіей языка и ни въ какомъ случаѣ не питаетъ къ этимъ условнымъ разграниченіямъ того суевѣрнаго уваженія, которое стараются къ нимъ внушить въ школахъ. По отношенію къ этимъ правиламъ учителя и экзаменаторы не должны проявлять большой требовательности и должны быть, по возможности, и снисходительны къ ихъ нарушеніямъ. Сколько часовъ потрачено, даже въ начальной школѣ, совершенно безполезно для развитія ума на усвоеніе правилъ, касающихся словъ: *tout* и *même*, *vingt* и *cent*, *nu* и *demi*, а также на разсужденія о такихъ исключеніяхъ и подъисключеніяхъ изъ мнимыхъ правилъ орѳографіи, которыя на самомъ дѣлѣ не представляютъ собою ничего постояннаго и подвергаются непрестаннымъ измѣненіямъ!»

«Что касается синтаксиса, то въ печати уже не разъ указывалось на безплодность нескончаемыхъ споровъ, возникающихъ по поводу нѣкоторыхъ оборотовъ, какъ-то: *des habits d'homme* или *d'hommes, la gelée de groseille*, или *groseilles*, *de pomme*, или *de pommes*, *des moines en bonnet carré*, или *en bonnets carrés*».

«Предположивъ даже, что можно найти основательные доводы для оправданія тѣхъ или другихъ орѳографическихъ тонкостей, не бро-

сается-ли въ глаза то обстоятельство, что огромное большинство дѣтей могло-бы съ гораздо большей пользой затрачивать свое время на другія занятія, нежели на изученіе этихъ тонкостей? Не выходя даже изъ области французскаго языка, не гораздо-ли важнѣе для основательнаго его изученія, если-бы ученикамъ читали, или ихъ самихъ заставляли читать въ классѣ и внѣ класса, лучшія страницы изъ нашихъ классическихъ произведеній, нежели вынуждать ихъ тратить свои силы на разборъ едва уловимыхъ или-же прямо условныхъ грамматическихъ тонкостей. Эта чрезмѣрная забота о правописаніи не пробуждаетъ въ ученикахъ ни чувства прекраснаго, ни любви къ чтенію, ни даже истиннаго критическаго чутья. Подобный способъ обученія можетъ развить въ ученикахъ лишь склонность къ резонерству. Привыкнувъ копаться только въ словахъ, они рискуютъ потерять изъ виду самую мысль; они никогда не будутъ въ состояніи хорошо писать, если не научатся прежде всего отыскивать подъ оболочкою словъ смыслъ рѣчи, который и составляетъ ея суть».

Этотъ министерскій циркуляръ вызвалъ не мало толковъ какъ въ педагогическомъ мірѣ, такъ и въ періодической прессѣ. Не безъинтереснымъ образчикомъ этихъ мнѣній является статья о циркулярѣ, помѣщенная въ «Manuel Général de l'instruction primaire», въ номерѣ отъ 20-го іюня 1891 г. Статья эта, въ высшей степени сочувственная циркуляру, посвящена разъясненію его настоящаго смысла, въ противовѣсъ тѣмъ нападкамъ и упрекамъ, которымъ онъ подвергся со стороны нѣкоторыхъ педагоговъ. Въ виду того интереса, который представляетъ собой эта небольшая, но дѣльная статья, мы позволяемъ себѣ закончить нашу замѣтку краткимъ изложеніемъ ея содержанія.

По полученіи министерскаго циркуляра многіе члены экзаменаціонныхъ коммиссій отнеслись враждебно къ изложеннымъ въ немъ требованіямъ, во-первыхъ, за то, что они, по ихъ мнѣнію, посягали на пересозданіе орѳографіи языка, и вслѣдствіе этого министръ нар. просв. будто-бы выходитъ изъ рамокъ своихъ административныхъ обязанностей и принимаетъ на себя дѣло, вѣдать которое надлежитъ совсѣмъ не ему, а академіи; во-вторыхъ, многіе педагоги видѣли въ требованіяхъ циркуляра относительно послабленія въ примѣненіи орѳографическихъ правилъ опасность укорененія, черезъ учениковъ начальныхъ школъ, ошибокъ въ языкѣ; наконецъ, въ-третьихъ, нѣкоторые учителя начальныхъ школъ, даже сочувствуя сущности предложенія министра, какъ облегчающаго возможность успѣха ихъ учениковъ на экзаменахъ, все-таки выражали нѣкоторое безпокойство при видѣ слишкомъ рѣзкаго пониженія тѣхъ требованій, которыя до послѣдняго вре-

мени составляли основу ихъ преподаванія; въ недоумѣніи, они спрашивали, въ какихъ-же предѣлахъ имъ надлежитъ теперь знакомить учениковъ съ правилами грамматики и правописанія и выражали опасенія по поводу того, что различными экзаменаціонными коммиссіями министерскій циркуляръ и истолкованъ можетъ быть различно, и тогда одинаково приготовленные ученики будутъ подвергаться различнымъ требованіямъ на экзаменахъ, смотря по тому, въ какую именно коммиссію они попадутъ.

По поводу всѣхъ подобнаго рода возраженій «Manuel Général» прежде всего указываетъ на тѣ мѣста въ циркулярѣ, которыя ясно доказываютъ, что министръ отнюдь не стремится къ пересозданію грамматики и нисколько не претендуетъ на уничтоженіе какихъ-бы то ни было правилъ правописанія; онъ не требуетъ, чтобы нарушеніе этихъ правилъ не считалось ошибками,—напротивъ, онъ признаетъ эти нарушенія именно ошибками, но только при этомъ считаетъ необходимымъ обратить вниманіе педагоговъ на то, что каждая изъ ошибокъ должна быть оцѣниваема въ зависимости отъ указанныхъ въ циркулярѣ общихъ соображеній, руководствуясь которыми можно будетъ опредѣлить степень важности данной ошибки, а затѣмъ и степень вліянія послѣдней на постановку той или иной отмѣтки. Въ связи съ вопросомъ объ отмѣткахъ, «Manuel Général» разсматриваетъ возможность двухъ способовъ примѣненія требованій министерскаго циркуляра. Первый способъ можетъ состоять въ томъ, чтобы, сохраняя прежній счетъ ошибокъ, за каждую изъ нихъ сбавлять не двѣ отмѣтки, какъ это дѣлалось раньше, а только одну. Способъ этотъ не можетъ считаться вполнѣ удовлетворяющимъ требованіямъ циркуляра, потому что онъ уменьшаетъ строгость оцѣнки по отношенію ко всѣмъ ошибкамъ, безъ различія ихъ качествъ, а потому «Manuel Général» рекомендуетъ другой способъ, при которомъ число ошибокъ опредѣляется совершенно такъ-же, какъ это дѣлалось и до обнародованія циркуляра, и баллы выставляются въ той-же зависимости отъ этого числа, но только каждая ошибка должна считаться или за цѣлую, или-же за дробную, если правило, нарушенное ошибкой послѣдняго рода, представляетъ собой сомнительный случай. Нельзя не признать, что способъ, предложенный «Manuel Général», вполнѣ отвѣчаетъ духу министерскаго циркуляра.

Какъ-бы въ отвѣтъ на опасенія, что вслѣдствіе циркуляра французскому языку можетъ грозить опасность искаженія отъ сокращенія степени требовательности учителей начальныхъ школъ относительно правописанія и отъ рекомендуемаго министромъ упрощенія въ заня-

тіяхъ грамматикой, «Manuel Général» заканчиваетъ свою статью такъ: «Учителя нашихъ школъ впредь, какъ и доселѣ, будутъ выучивать дѣтей употреблять слова въ томъ именно видѣ, въ какомъ они встрѣчаются въ произведеніяхъ нашихъ лучшихъ авторовъ, и точно такъ-же, какъ прежде, будутъ объяснять имъ всѣ правила, принятыя существующей грамматикой; но только отнынѣ они не будутъ считать своею обязанностью упражнять дѣтей, главнымъ образомъ, на тѣхъ трудностяхъ и сомнительныхъ грамматическихъ правилахъ, которыя обыкновенно служатъ камнемъ преткновенія для учениковъ; теперь учителя уже не станутъ придавать диктовкамъ того рѣшающаго значенія, какое придавали они имъ до послѣдняго времени; теперь учителямъ не будетъ надобности увеличивать число письменныхъ работъ, дабы подсчитывать въ нихъ ошибки; отселѣ всѣ усилія преподавателей будутъ направлены на изученіе самаго языка... Они научатъ дѣтей выражать свои мысли какъ въ устномъ, такъ въ письменномъ изложеніи ясно и съ тою правильностью, какая только окажется возможной... Они познакомятъ учениковъ съ лучшими образцами нашихъ классическихъ произведеній, пріучатъ цѣнить ихъ, и такимъ путемъ разовьютъ въ нихъ литературный вкусъ, умѣнье по возможности пользоваться изящными формами родного языка». Столь-же сочувственное отношеніе изложенный нами циркуляръ встрѣтилъ и въ другомъ педагогическомъ журналѣ—«Revue Pédagogique»; кромѣ того, ему было посвящено не мало газетныхъ статей, изъ которыхъ большинство отнеслось къ нему то-же сочувственно: изъ пятнадцати газетныхъ отзывовъ о немъ, только въ двухъ, а именно помѣщенныхъ въ газетахъ «Matin» и «Liberté», было высказано неодобреніе этому распоряженію французскаго министра народнаго просвѣщенія.

О. К.

О желательной постановкѣ преподаванія пѣнія въ городскихъ училищахъ.

Говорить о пѣніи въ городскихъ училищахъ при тѣхъ условіяхъ, въ какія оно поставлено теперь, значитъ говорить о томъ, о чемъ всякій въ правѣ имѣть собственное мнѣніе, такъ какъ Высочайше утвержденное въ 1872 г. Положеніе о городскихъ училищахъ и ихъ учебные планы заключаютъ въ себѣ только самыя общія указанія, подробной-же программы по этому предмету со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія до сихъ поръ не обнародовано. Но, быть можетъ, пѣніе въ городскихъ училищахъ, дѣйствительно, не заслуживаетъ особеннаго вниманія, принимая въ соображеніе то сословіе, дѣти котораго преобладаютъ въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ?

Получающіе образованіе въ городскихъ училищахъ поступаютъ впослѣдствіи въ наборщики, писаря, конторщики, артельщики, рабочими на фабрики и заводы, а болѣе зажиточные становятся содержателями мелкихъ торговыхъ заведеній, артелей и т. п.; лишь самый незначительный процентъ изъ окончившихъ курсъ идетъ въ учительскіе институты и семинаріи и др. заведенія. Нужно-ли, въ самомъ дѣлѣ, вносить искусство въ эту среду? Зачѣмъ оно ремесленнику, фабричному, конторщику и вообще труженику, погруженному въ заботу о своемъ пропитаніи? Найдется-ли въ будущей жизни большинства учениковъ городскихъ училищъ досугъ, который они могли-бы отдавать занятіямъ искусствомъ, не дающимъ очевидной, матеріальной прибыли? Не полезнѣе-ли, если эта школа дастъ своимъ питомцамъ другія, болѣе практическія, знанія?

Такъ могутъ разсуждать иные, съ точки зрѣнія современнаго утилитарно-матеріалистическаго направленія, но въ педагогическомъ мірѣ такой взглядъ если и имѣетъ своихъ послѣдователей, то, къ счастью, весьма немногочисленныхъ. Въ общемъ, нельзя, однако не признать того факта, что до сихъ поръ еще наше общество не имѣетъ

надлежащаго взгляда на воспитательное значеніе пѣнія и что до настоящего времени было сдѣлано очень мало серьезныхъ попытокъ къ разъясненію этого вопроса какъ со стороны литературы, такъ и со стороны школы. Наши учителя не могли доказать практически полезность обученія пѣнію, потому что музыкальная подготовка учителей нашихъ начальныхъ училищъ бываетъ обыкновенно болѣе чѣмъ скромною, а историческая и, главнымъ образомъ, практическая сторона методики остается имъ совершенно неизвѣстною уже потому, что на русскомъ языкѣ литература этой области очень скудная *). Неудовлетворительная постановка обученія пѣнію въ школахъ, зависящая отъ недостатка подготовленныхъ учителей и осложняющаяся еще отсутствіемъ программъ и удобнаго для уроковъ пѣнія времени (эти уроки почти вездѣ назначаются въ часы послѣ окончанія всѣхъ уроковъ), конечно, не можетъ обращать на себя серьезнаго вниманія ни общества, ни тѣмъ болѣе самихъ учениковъ. Эти послѣдніе, утомленные учебными занятіями, собираются на уроки пѣнія обыкновенно неохотно, отчасти еще и потому, что чувствуютъ пустоту урока, на которомъ обыкновенно ихъ заставляютъ пѣть, какъ поется, не сообщая никакихъ полезныхъ указаній, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ, и не прилагая особенныхъ заботъ къ тому, чтобы заинтересовать учащихся. Въ результатѣ и выходитъ, что ученики, обучаясь пѣнію впродолженіи цѣлаго ряда лѣтъ, по выходѣ изъ школы остаются все-таки чуждыми ему и, не умѣя продолжать заниматься имъ самостоятельно, не находятъ въ немъ удовольствія.

Но въ то время какъ у насъ постановка пѣнія отличается, за немногими исключеніями, такой первобытностью, на Западѣ воспитательное значеніе этого предмета не только ясно сознается, но существуетъ даже цѣлая литература, посвященная какъ этому вопросу, такъ и методикѣ пѣнія, дѣлающей послѣднее доступнымъ ученикамъ различныхъ степеней дарованія и дающей имъ полезныя и практическія знанія. Вотъ почему тамъ ученики, по выходѣ изъ школы, умѣютъ заниматься пѣніемъ и находятъ въ этомъ удовольствіе.

Имѣя въ виду сообщить въ настоящей замѣткѣ краткія, но под-

*) Плохая музыкальная подготовка учителей изъ воспитанниковъ учительскихъ семинарій еще въ 1879 г. обратила на себя вниманіе г. Министра Народнаго Просвѣщенія (предложеніе отъ 3-го февраля за № 1400), результатомъ чего въ Петербургскомъ округѣ послѣдовалъ циркуляръ г. попечителя (№ 11 1879 г.), въ которомъ, между прочими мѣрами, предлагается одинъ изъ двухъ уроковъ по пѣнію въ III классѣ семинарій сдѣлать практическимъ въ училищахъ при семинаріяхъ.

твержденныя практикой методическія указанія касательно наиболѣе подходящаго для городскихъ училищъ способа преподаванія пѣнія, принимая также въ соображеніе существующія неудобства и недостатокъ времени, мы считаемъ неизлишнимъ посвятить предварительно нѣсколько словъ выясненію воспитательнаго значенія пѣнія для большинства учащихся въ городскихъ училищахъ, такъ какъ отъ того или другаго взгляда на это значеніе зависитъ вопросъ о самомъ методѣ преподаванія и о пѣвческомъ матеріалѣ для класснаго употребленія.

Школьное пѣніе, правильно поставленное и хорошо веденное, важно для школы въ различныхъ отношеніяхъ: и въ *религіозномъ*, и въ *эстетическомъ*, и въ *нравственномъ*, и въ *педагогическомъ*, и въ *физіологическомъ*.

Религіозное значеніе церковнаго пѣнія для школы, и особенно для городскихъ училищъ, едва-ли можетъ представлять спорный вопросъ. Въ среднемъ классѣ общества, дѣти котораго являются преобладающимъ элементомъ въ городскихъ училищахъ, любятъ посѣщать церковныя службы, любятъ и церковное пѣніе, какъ вызывающее религіозное настроеніе. Въ правѣ-ли школа не поддерживать и не подкрѣплять этого путемъ обученія дѣтей церковному пѣнію, если только она сознаетъ, что развитіе и укрѣпленіе религіознаго чувства играетъ первенствующую роль въ дѣлѣ воспитанія? Наконецъ, въ послѣднее время часто организуются хоры изъ фабричныхъ, ремесленниковъ, писарей и пр., въ составъ которыхъ и входятъ нерѣдко бывшіе ученики городскихъ училищъ. Слѣдовательно, эти послѣднія, вводя въ курсъ церковное пѣніе, тѣмъ самымъ даютъ своимъ ученикамъ еще одно средство войти впослѣдствіи въ болѣе тѣсное общеніе съ той средой, въ какую ихъ именно чаще всего и направляетъ судьба.

Эстетическое вліяніе пѣнія, какъ и всякаго искусства, облагораживающаго душевныя проявленія, вырабатывающаго гибкость чувства, словомъ—гуманизирующаго человѣка, также играетъ не послѣднюю роль въ воспитаніи. Хотя школа можетъ найти и другія средства для такого вліянія, но пѣніе является однимъ изъ самыхъ сильныхъ, ибо вліяніе его прямо отражается на душевномъ настроеніи: оно, предпочтительно предъ прочими искусствами, отвлекаетъ мысли отъ житейскихъ невзгодъ, заставляетъ на время забыть ихъ, и такимъ образомъ, внося нѣчто новое, необычное, не то, что наполняетъ ежедневную жизнь труженика, освѣжаетъ чувства, содѣйствуетъ пріобрѣтенію новой энергіи и силы къ продолженію труда. Это ободряющее вліяніе пѣнія имѣетъ большую цѣну и въ самой школьной жизни, особенно если уроки пѣнія расположены между учебными часами, за-

нятыми научными предметами, требующими преобладанія умственнаго труда. Дѣйствительно, стоитъ только самый скучный, утомительный урокъ закончить пѣніемъ для того, чтобы получить яркій примѣръ подъема бодрости духа, появленія у учащихся жизнерадостнаго настроенія *). Въ этомъ отношеніи на западѣ, и особенно въ Германіи, пользуются большимъ значеніемъ военныя и гимнастическія пѣсни (Turnlieder), кстати сказать, совершенно неизвѣстныя нашимъ русскимъ учителямъ, а между тѣмъ подобнаго рода пѣсни особенно пригодны при устраиваемыхъ въ послѣднее время лѣтнихъ ученическихъ экскурсіяхъ.

Нравственное значеніе хороваго пѣнія или, вѣрнѣе сказать, извѣстная хоровая эрудиція, умѣнье пѣть въ хорѣ, достижимая въ школѣ при правильной постановкѣ пѣнія, заключается въ томъ, что дѣлаетъ занятіе пѣніемъ доступнымъ, доставляющимъ удовольствіе и такимъ образомъ отвлекающимъ отъ безпутнаго препровожденія времени. Нечего и доказывать, насколько это важно для учениковъ городскаго училища, которые, по выходѣ изъ школы, по своему общественному положенію особенно часто становятся близкими свидѣтелями безобразнаго разгула. Въ педагогическомъ словарѣ Бюиссона (Dict. de la Pédagogie. Paris. Vol. I, p. 356) находимъ по этому поводу, въ статьѣ подъ словомъ chant, слѣдующія слова А. Дюпеня: «deux mots qui ne peuvent pas rimer ensemble, quelques efforts que fasse l'industrie contemporaine pour les joindre: ce sont les mots *musique* et *cabaret*. Le cabaret est l'ennemi de la musique et ne peuts pas lui servir d'asile». Это вліяніе музыки въ смыслѣ отвлеченія населенія отъ разгула подтверждается блестящимъ примѣромъ Англіи,—одного изъ наименѣе музыкальныхъ государствъ Европы. Тамъ музыка и пѣніе, случайно проникнувъ на фабрики и заводы, оказали быстрое и сильное вліяніе на подъемъ нравственности, сдержанности и порядочности рабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на ихъ здоровье. Это тотчасъ обратило на себя вниманіе хозяевъ фабрикъ, и въ настоящее время музыка поощряется не только ими, но пользуется покровительствомъ и поддержкой также и со стороны правительства. Одинъ изъ корреспондентовъ англійскихъ газетъ, посѣщавшій заводы и слышавшій хоры и оркестры рабочихъ, пишетъ: «Музыка много смягчила и улучшила нравы англійскихъ рабочихъ, она сдѣлала ихъ простыми, мирными людьми и, наполнивъ ихъ досугъ изящнымъ содержаніемъ, привязала ихъ къ дому, къ семьѣ,

---

*) Во французскихъ школахъ, кромѣ отдѣльныхъ уроковъ, ученики поютъ еще и во время перемѣнъ, а также при входѣ въ классъ и по окончаніи уроковъ.

отъучила отъ тавернъ и кабаковъ: вотъ прямая выгода и рабочаго, и фабриканта» *).

Въ послѣднее время гигіенисты и вообще врачи начинаютъ подавать голосъ за отведеніе пѣнію почетнаго мѣста въ школѣ, находя *физіологическое* вліяніе его настолько значительнымъ, что пренебрегать имъ школа не въ правѣ. Вліяніе музыки на живой организмъ не составляетъ въ наукѣ новости; уже въ весьма отдаленныя времена встрѣчаются намеки на это, есть также и многія научныя изслѣдованія, посвященныя этому вопросу **), но въ самое послѣднее время можно назвать уже цѣлый рядъ именъ, посвятившихъ свои труды изслѣдованію этой стороны пѣнія и музыки. Изъ русскихъ, современныхъ намъ, ученыхъ профессора Догель и Тархановъ читали публичныя лекціи (первый въ Казани въ 1888 г., а второй въ Петербургѣ, въ мартѣ 1892 г.) о вліяніи музыки на организмъ человѣка. Оба профессора приходятъ къ заключенію, что музыка, кромѣ давно уже извѣстнаго ея вліянія на нервную систему чрезъ посредство органа слуха, прямо содѣйствуетъ подъему энергіи мышечной дѣятельности. Проф. Тархановъ дѣлалъ опыты, доказавшіе ему, что звукъ дѣйствуетъ, подобно теплороду, на внѣшнюю поверхность тѣла. Въ сущности-же физіологическое вліяніе пѣнія важно для педагога потому, что «*принципъ гармоническаго образованія*, какъ высказалъ еще Дистервегъ, *требуетъ полнаго развитія тѣла и души*, а это достигается, если науки и искусства пользуются одинаковымъ вниманіемъ воспитателя, и именно потому, что науки, вызывая умственную работу, служатъ совершенствованію дѣятельности центральной нервной системы, а искусства, чрезъ посредство внѣшнихъ органовъ чувствъ, развиваютъ периферическую нервную систему, управляющую ими и находящуюся въ тѣснѣйшей связи съ центральной. Слѣдовательно, развитіе той и другой нервной системы одинаково важно, а отсюда слѣдуетъ, что и занятія, содѣйствующія какъ развитію умственному (науки), такъ и развитію внѣшнихъ чувствъ (искусства), должны быть при воспитаніи вполнѣ равноправными, а при воспитаніи начальномъ вторыя пользуются даже преимуществами предъ первыми и предваряютъ ихъ. Присовокупивъ къ наукамъ и искусствамъ еще физическія упражненія, содѣйствующія мышечному развитію, мы получимъ все необходимое для *гармоническаго* образованія. Насколько, однако, науки

*) См. *Миропольскій.* О музыкальномъ образованіи народа въ Россіи и въ западной Европѣ.

**) Изъ старинныхъ сочиненій, довольно интересныхъ, назовемъ изслѣдованіе Рожера (Roger): Traité des effets de la musique sur le corps humain. Paris. 1802.

служатъ исключительно умственному развитію, а тѣлесныя упражненія—физическому, настолько искусства въ школѣ, и особенно пѣніе, занимаютъ средину между первыми и вторыми: они содѣйствуютъ развитію внѣшнихъ органовъ (слуха, голоса, дыханія, зрѣнія), а какъ искусства, основанныя на теоретическихъ знаніяхъ, вызываютъ извѣстную, хотя и не напряженную, умственную дѣятельность. Что-же касается воздѣйствія пѣнія на душевную сторону и его непосредственной связи съ религіозно-нравственнымъ ученіемъ, то это составляетъ исключительную черту только одного его,—черту, которую сознавалъ еще Лютеръ, говоря, что «*музыка на половину воспитательница и укротительница, дѣлающая людей мягче и кротче, благонравнѣе и радушнѣе*», поэтому онъ и находитъ, что «*музыку необходимо поддерживать въ школахъ*».

Наконецъ, въ *педагогическомъ отношеніи* совмѣстное пѣніе имѣетъ еще одно важно значеніе: оно *дисциплинируетъ* въ извѣстномъ направленіи волю учениковъ. Во-первыхъ, учитель, имѣя дѣло со звукомъ, требующимъ полнаго вниманія слуха, по необходимости долженъ стараться поддерживать спокойствіе, порядокъ и вниманіе учениковъ во время урока. Во-вторыхъ, присутствіе метрическаго, ритмическаго элементовъ и, такъ называемаго, темпа (извѣстной степени быстроты или медленности движенія), дѣйствующихъ непосредственно на темпераментъ, заставляетъ и самихъ учениковъ сдерживаться или-же подгонять себя подъ степень общаго движенія. Такимъ образомъ, эти элементы музыки умѣряютъ или-же возбуждаютъ пульсацію (активность), присущую данному ученику. Для того, чтобы убѣдиться въ такомъ вліяніи музыки, стоитъ только наблюдать при разучиваніи новой пьесы за учениками различныхъ темпераментовъ, или, вѣрнѣе сказать, различной степени оживленнаго характера, т.-е. подвижности: живыя натуры съ трудомъ подчиняются медленному темпу и безпрестанно забѣгаютъ впередъ; напротивъ, субъектамъ медлительнымъ, неповоротливымъ всегда стоитъ извѣстныхъ усилій, чтобы подогнать себя подъ быстрое движеніе. Такое дисциплинированіе воли имѣетъ еще болѣе тонкіе оттѣнки: въ хоровомъ пѣніи каждая группа поющихъ, исполняющая ту или другую партію хороваго сочиненія, должна умѣть слѣдить за общимъ исполненіемъ и, сообразно указаніямъ понимающаго свое дѣло регента, во-время вступать, во-время стушевываться или выдѣляться въ хорѣ; словомъ, хоровое пѣніе требуетъ вниманія, терпѣнія и умѣнья владѣть собою.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о постановкѣ пѣнія на западѣ, такъ какъ это можетъ до нѣкоторой степени послужить примѣромъ

и для нашихъ городскихъ училищъ, хотя условія для правильной постановки пѣнія въ нихъ гораздо меньше благопріятныя, чѣмъ въ Германіи и Франціи, ибо тамъ отводится пѣнію больше времени, а главное—есть учительскія семинаріи, въ которыхъ курсъ по пѣнію и музыкѣ имѣетъ весьма обширную программу.

Въ Германіи на уроки пѣнія полагается, напр., въ одноклассныхъ школахъ съ тремя отдѣленіями 5 часовъ въ недѣлю: для низшаго—1 часъ, для средняго и высшаго—по 2 часа. Отъ учениковъ, кончающихъ курсъ училищъ, соотвѣтствующихъ нашимъ городскимъ, требуютъ, *чтобы каждый умѣлъ не только въ хорѣ, но и отдѣльно пѣть правильно и отчетливо и чтобы ко времени окончанія курса онъ твердо усвоилъ себѣ достаточное число церковныхъ и народныхъ пѣсенъ* (см. Общія положенія отъ 15 окт. 1872 г.). Въ школѣ пѣніе проходится не только практически, но и теоретически, т.-е. ученики знакомятся съ музыкальной грамотой, которую умѣютъ читать.

Во Франціи, въ *высшихъ начальныхъ школахъ* (écoles primaires superieures), по положенію 27 іюля 1885 г., программа по пѣнію заключаетъ довольно обстоятельный курсъ элементарной теоріи, а въ числѣ практическихъ занятій серьезное вниманіе обращено на музыкальную диктовку. Въ учительскія семинаріи (*нормальныя школы*) съ 1881 г. введено методическое преподаваніе пѣнія и установленъ вступительный экзаменъ въ объемѣ курса начальныхъ училищъ. Эта мѣра объясняется въ декретѣ, во-первыхъ, какъ *средство поднять пѣніе въ начальныхъ училищахъ*, откуда рекрутируется большинство поступающихъ въ учительскія семинаріи, а *во-вторыхъ*, въ виду культивирующаго значенія пѣнія, которое, такъ сказать, *округляетъ* общее образованіе. Въ этихъ школахъ отведено пѣнію по 2 часа въ недѣлю для каждаго класса. Съ 1889 г. программа еще болѣе расширена внесеніемъ въ нее теоретическихъ свѣдѣній и устной и письменной музыкальной диктовки, а въ послѣднемъ классѣ ученики знакомятся съ основаніями гармоніи и общими свѣдѣніями изъ исторіи музыки. Кромѣ этого, введено преподаваніе инструментальной музыки и общее пѣніе.

Изъ приведенныхъ данныхъ можно заключить, что въ Германіи и Франціи, *во-первыхъ*, пѣніе считается предметомъ *общеобязательнымъ*, т.-е. преподается всѣмъ ученикамъ, за исключеніемъ развѣ физически неспособныхъ, для которыхъ есть извѣстныя ограниченія и вообще при пріемѣ ихъ въ общеобразовательную школу, существующую, конечно, для нормальныхъ учениковъ, а не для калѣкъ; *во-вторыхъ*, тамъ всегда заботятся о томъ, чтобы сообщить ученикамъ необходи-

мыя теоретическія свѣдѣнія, которыя давали-бы имъ возможность продолжать занятія пѣніемъ и по выходѣ изъ школы.

При этихъ условіяхъ пѣніе, дѣйствительно, становится предметомъ учебнымъ, требующимъ къ себѣ такого-же серьезнаго отношенія учителя и учениковъ, какъ и по отношенію ко всѣмъ прочимъ предметамъ учебнаго курса.

Итакъ, если разностороннее воспитательное значеніе пѣнія важно для западно-европейской школы и если тамъ возможна его правильная постановка, то русская школа не имѣетъ рѣшительно никакихъ основаній дѣлать для себя исключеніе. Особенно это слѣдуетъ признать по отношенію къ начальнымъ, сельскимъ и городскимъ училищамъ, воспитывающимъ дѣтей, гораздо болѣе удаленныхъ отъ вліянія музыки, чѣмъ, напр., учащіеся въ среднеучебныхъ заведеніяхъ и принадлежащіе къ привиллегированному сословію, въ домашней жизни котораго облагораживающее вліяніе искусства и особенно музыки можетъ считаться явленіемъ болѣе обычнымъ. Но въ то время, какъ вопросъ о раціональной постановкѣ пѣнія и музыки коснулся этихъ послѣднихъ довольно серьезно, низшія школы все еще остаются безъ программъ, безъ достаточнаго времени для уроковъ пѣнія, словомъ, предоставляются случайному усмотрѣнію учителя, который если и пожелаетъ повести свое дѣло сколько-нибудь съ пользою, то встрѣтитъ много стѣснительныхъ и неблагопріятныхъ условій. Въ такомъ положеніи находятся и городскія училища, въ которыхъ, при настоящихъ условіяхъ, благообразная постановка пѣнія хотя и возможна, но сравнительно въ весьма скромныхъ размѣрахъ.

Въ Высочайше утвержденномъ положеніи о городскихъ училищахъ, какъ мы имѣли уже выше случай замѣтить, о пѣніи сказано очень мало. Въ ст. 13 (пунктъ *и*), между прочими предметами курса, поставлено и *пѣніе*. Изъ ст. 17 видно, что каждому штатному учителю поручается преподаваніе всѣхъ предметовъ, «*кромѣ Закона Божія, гимнастики и пѣнія*»; ст. 18 дополняетъ предъидущую такъ: «*обученіе пѣнію и гимнастикѣ возлагается за особое вознагражденіе, положенное по штату* *), *на тѣхъ изъ штатныхъ учителей, которые могутъ обучать этимъ предметамъ. Если-же между ними такихъ лицъ не окажется, то инспекторомъ народныхъ училищъ приглашаются особые учителя по найму*». Изъ *приложеній* къ таблицамъ числа недѣльныхъ уроковъ видно, что пѣніе отнесено къ занятіямъ внѣкласснаго

---

*) Въ *штатахъ городскихъ училищъ* это вознагражденіе полагается въ 75 р. въ годъ за 3 часовыхъ урока въ недѣлю, т.-е. по 25 р. за годовой часъ.

времени и что ему удѣляется еженедѣльно на все училище *три часовыхъ урока.* Больше о пѣніи не сказано ничего.

По положенію 1872 г., городскія училища могутъ быть одноклассныя, двухклассныя, трехъ и четырехклассныя, съ подраздѣленіемъ классовъ на отдѣленія такъ, что въ каждомъ изъ этихъ видовъ курсъ городскихъ училищъ продолжается шесть лѣтъ. Нельзя, конечно, допустить, что три часовыхъ урока въ недѣлю, опредѣленные на пѣніе, должны назначаться для *всѣхъ* классовъ и отдѣленій училища, такъ какъ при этомъ, съ одной стороны, на каждаго ученика приходилось-бы по три часа въ недѣлю, съ другой стороны, при такомъ условіи не было-бы возможности ввести сколько-нибудь систематическаго курса: можно было-бы—или только изъ года въ годъ повторять одинъ и тотъ-же и, конечно, весьма необширный курсъ, при чемъ каждому ученику пришлось-бы повторить его во время пребыванія въ училищѣ шесть разъ, что, разумѣется, на второмъ или третьемъ году отбило-бы у него всякую охоту къ пѣнію, или-же заниматься на урокахъ только однимъ пѣніемъ въ узкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. пѣть, пѣть и пѣть, безъ усвоенія какихъ-бы то ни было музыкальныхъ знаній, не вызывая въ ученикахъ осмысленнаго отношенія къ дѣлу. Такое веденіе пѣнія нерѣдко встрѣчается и до сихъ поръ, но, въ сущности, это будетъ не болѣе, какъ одна только горловая и легочная гимнастика, которая можетъ быть замѣнена крикомъ, громкимъ разговоромъ, упражненіями въ дыханіи и т. п.,—вообще, такого рода постановка ни въ какомъ смыслѣ не можетъ претендовать на воспитательное значеніе.

Гораздо основательнѣе думать, что положенные три часа должны распредѣляться между тремя группами учащихся, съ однимъ часовымъ недѣльнымъ урокомъ на каждую. При подраздѣленіи на группы должно, конечно, сообразоваться съ дѣленіемъ учениковъ на классы или отдѣленія, которые приходится соединять на урокахъ пѣнія по два такимъ образомъ: въ *одноклассныхъ* училищахъ, состоящихъ изъ трехъ отдѣленій съ двухгодовымъ курсомъ въ каждомъ, приходится по одному уроку въ недѣлю на отдѣленіе; въ *двухклассныхъ* училищахъ 1-е и 2-е отдѣленія (съ двухлѣтнимъ курсомъ въ каждомъ)—по одному уроку и второй классъ—одинъ урокъ; въ *трехклассныхъ*—на каждый классъ (съ двухгодовымъ курсомъ)—по одному уроку; въ *четырехклассныхъ* —въ 1-мъ и 2-мъ классахъ (съ двухлѣтними курсами въ каждомъ) — по одному уроку въ недѣлю; въ 3-мъ и 4-мъ классахъ — одинъ сводный урокъ. Другое распредѣленіе врядъ-ли возможно. Но и при указанномъ распредѣленіи, вслѣдствіе совмѣще-

нія отдѣленій или классовъ, встрѣчаются неудобства, а именно: приходится заниматься или по получасу то съ тѣмъ, то съ другимъ отдѣленіемъ, какъ это дѣлается на урокахъ по другимъ предметамъ, или давать одинъ общій урокъ для обоихъ отдѣленій вмѣстѣ. Первое неудобно, такъ какъ получаса въ недѣлю слишкомъ мало и, кромѣ того, очень трудно придумать какія-нибудь полезныя работы свободному отдѣленію въ то время, когда учитель будетъ заниматься съ другимъ. При совмѣщеніи-же двухъ отдѣленій или классовъ на одномъ общемъ урокѣ каждому ученику приходится проходить одинъ и тотъ-же курсъ по два года сряду. Но во всякомъ случаѣ на практикѣ легко убѣдиться, что второе зло — меньшее и что съ нимъ можно еще примириться, особенно, если учитель можетъ разнообразить курсъ, избѣгаетъ буквальнаго повторенія его изъ года въ годъ и умѣетъ пользоваться знаніемъ тѣхъ учениковъ, которые уже проходили курсъ въ предыдущемъ году. Такая старшая группа подготовленныхъ уже учениковъ является весьма полезной опорой для младшей, что особенно важно при начальныхъ занятіяхъ, когда вновь поступившіе или перешедшіе изъ низшаго класса ученики еще не освоились съ пѣніемъ: для слабаго ученика сосѣдъ, который вѣрно поетъ и твердо держитъ свою партію, очень полезенъ для развитія слуха и той смѣлости въ пѣніи, которой у многихъ начинающихъ часто не бываетъ, а отсутствіе этой смѣлости нерѣдко ошибочно принимается за неспособность; между тѣмъ безпрестанно приходится наблюдать, что чѣмъ выше общая даровитость класса, т. е. чѣмъ больше хорошо поющихъ учениковъ, тѣмъ слабѣйшіе, менѣе одаренные и несмѣлые ученики развиваются быстрѣе.

Но, конечно, такіе вопросы, какъ болѣе удобное распредѣленіе времени, пользованіе знающими учениками и пр., возникаютъ только для того учителя, который убѣжденъ въ воспитательномъ значеніи пѣнія, считаетъ его общеобязательнымъ и интересуется вопросомъ о его общедоступности, — вопросомъ, который, на ряду съ нѣкоторыми соображеніями о возможности сколько-нибудь раціональной постановки пѣнія въ городскихъ училищахъ при настоящихъ условіяхъ, и составитъ главную задачу настоящей статьи.

Отрицаніе общедоступности школьнаго пѣнія коренится очень глубоко и имѣетъ многихъ сторонниковъ. Это происходитъ отъ того, что сама школа не доказала несправедливости такого убѣжденія, сами учителя часто или не сознаютъ этого, или не хотятъ согласиться съ возможностью дать извѣстныя полезныя знанія каждому, кто не лишенъ нормальнаго слуха и голоса на столько, что можетъ чисто го-

ворить. Пѣніе въ школѣ мы привыкли обыкновенно представлять себѣ въ видѣ хора изъ выборныхъ учениковъ, поющаго болѣе или менѣе хорошо и притомъ красивыя вещи. Словомъ, мы ищемъ въ школьномъ искусствѣ прежде эстетическаго, а затѣмъ уже педагогическаго; но и это эстетическое оцѣнивается не столько по отношенію къ ученикамъ, сколько по отношенію къ той публикѣ, которая случайно можетъ услышать хоръ учениковъ. А это—ложный взглядъ: школьное искусство не можетъ разсматриваться какъ искусство чистое уже потому, что значеніе постороннихъ слушателей или зрителей не должно имѣть для школы никакого существеннаго значенія, такъ какъ она является не мѣстомъ публичныхъ развлеченій, а учрежденіемъ, созданнымъ для воспитанія юношества, и въ ней можетъ имѣть цѣну только то, что содѣйствуетъ этому воспитанію, независимо отъ того, будетъ-ли это красиво или некрасиво для постороннихъ свидѣтелей. Что-же касается учениковъ, то безкорыстное, словомъ, истинное наслажденіе прекраснымъ (эстетическимъ) въ искусствѣ еще недоступно ихъ незрѣлому умственному развитію и низкой степени культурности. Но даже, если-бы искусство въ строгомъ смыслѣ и было-бы имъ доступно, то, вѣроятно, педагоги отстраняли-бы его вліяніе, вызывающее слишкомъ напряженную дѣятельность чувства и могущее такимъ образомъ нарушить гармонію ихъ психическаго и физическаго развитія.

Вообще, если школьное искусство не должно пренебрегать изящнымъ, оно не въ правѣ отвергать и полезнаго: если пѣсня, не представляющая особеннаго интереса съ точки зрѣнія строго-музыкальной, производитъ впечатлѣніе на учениковъ, содѣйствуетъ подъему энергіи, подходитъ къ хорошему тексту, подложенному подъ нее, который вслѣдствіе этого легче запоминается, ассоціируетъ полезныя для ученика воспоминанія, представленія, событія и пр., то ей безусловно отдается предпочтеніе предъ всякой другой, болѣе художественной пѣсней, но не дѣйствующей на дѣтей съ этихъ сторонъ. Словомъ, насколько всякая тенденціозность въ чистомъ искусствѣ, стѣсняющая свободу эстетическаго наслажденія въ слушателѣ или зрителѣ, должна быть порицаема, настолько ея присутствіе въ школьномъ искусствѣ до нѣкоторой степени необходимо: если, напр., въ пѣніи учитель какими-нибудь предварительными средствами преднамѣтитъ въ ученикѣ извѣстное душевное настроеніе, а затѣмъ усилитъ это настроеніе пѣніемъ, соотвѣтствующимъ ему по характеру, то получитъ примѣръ болѣе сильнаго вліянія школьнаго искусства на ребенка, хотя-бы выбранный для пѣнія образецъ былъ и не изъ самыхъ художественныхъ. Такой взглядъ на школьное искусство, относящійся и къ пѣнію, значительно упро-

щаетъ заботы о томъ, насколько оно будетъ интересно постороннимъ свидѣтелямъ, а въ соучастіи съ раціональнымъ, систематичнымъ методомъ преподаванія допускаетъ общедоступность пѣнія и служитъ учителю руководствомъ при выборѣ матеріала для изученія *).

Если учитель созналъ значеніе и возможность общедоступности пѣнія, то для него возникаетъ серьезный вопросъ о болѣе подходящемъ для городскихъ училищъ матеріалѣ и такомъ его объемѣ, который былъ-бы выполнимъ въ *три послѣдовательныхъ курса*, считая отъ 25 — 32 уроковъ въ годъ на курсъ и при условіи, что ученики всѣ три курса будутъ проходить дважды, т.-е. въ одинъ годъ вновь, а въ слѣдующій, переходя въ высшее отдѣленіе или классъ, вторично **).

Распредѣленіе учебнаго матеріала на три курса, конечно, будетъ зависѣть отъ учителя, отъ даровитости класса и отъ другихъ случайныхъ причинъ, но удобнѣе всего, въ общихъ чертахъ, методически распредѣлить матеріалъ слѣдующимъ образомъ:

Первый курсъ (1-е и 2-е отдѣленіе). *Церковное пѣніе.* Въ этомъ курсѣ ученикъ знакомится съ постановкой голоса, но не въ томъ смыслѣ,

---

*) Въ началѣ своей статьи, авторъ, говоря о значеніи пѣнія въ школѣ, между прочимъ, справедливо выясняетъ также значеніе *эстетическаго вліянія* пѣнія вообще и въ дѣлѣ воспитанія въ частности, а также значеніе пѣнія въ отношеніи развитія религіозности. Въ видахъ наибольшаго удовлетворенія такой потребности какъ по отношенію къ обществу, такъ и по отношенію къ самимъ учащимся, было-бы желательно, чтобы школа заботилась не только о равномѣрномъ обученіи пѣнію всѣхъ, по возможности, учащихся, но также и о болѣе усиленномъ и обособленномъ обученіи тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся наиболѣе способными къ музыкѣ и обладающими притомъ хорошими голосами. Хоръ, составленный изъ болѣе или менѣе выдающихся по своимъ голосовымъ средствамъ и музыкальнымъ способностямъ учениковъ, съ присоединеніемъ къ нему, можетъ быть, нѣсколькихъ человѣкъ взрослыхъ, изъ бывшихъ учениковъ того-же училища, которое вообще всячески должно поддерживать связь со своими питомцами, — такой хоръ, какъ своимъ участіемъ при богослуженіи, такъ и устрояемыми въ училищѣ отъ времени до времени вокальными вечерами, можетъ доставить истинное эстетическое наслажденіе и родителямъ и близкимъ лицамъ учащихся, и самимъ послѣднимъ. Для нашихъ провинціальныхъ городовъ, обыкновенно столь бѣдныхъ облагораживающими удовольствіями, образованіе при училищѣ болѣе или менѣе порядочнаго хора было-бы истиннымъ благодѣяніемъ и много содѣйствовало-бы развитію и укрѣпленію нравственной связи между школою и обществомъ, — связи, столь важной для обѣихъ сторонъ. Въ прежнее время школа заботилась (насколько удовлетворительно или не удовлетворительно—это другой вопросъ) объ обученіи пѣнію только *избранныхъ* учениковъ, и это, безъ сомнѣнія, была крайность, но не слѣдуетъ впадать въ крайность и противуположную. *Ред.*

**) О причинахъ см. выше, при распредѣленіи часовъ на классы и отдѣленія.

какъ это понимается относительно пѣвцовъ-спеціалистовъ, а вѣрнѣе сказать—въ смыслѣ умѣнья брать музыкальные звуки чисто, вѣрно, съ желаемой силой и при правильномъ дыханіи, которое играетъ въ высшей степени важную роль не только при пѣніи, но и при продолжительномъ разговорѣ, сохраняя силу голоса и избавляя грудь отъ утомленія, а горло отъ пересыханія. Кромѣ того, изъ изучаемыхъ образцовъ ученики твердо знакомятся съ основной мажорной гаммой (do-мажоръ), основными интервалами, равномѣрнымъ счетомъ рукою, простѣйшими видами ритма и главнѣйшими принципами нотописанія, а также отчасти подготовляются къ многоголосному пѣнію.

Для того, чтобы выполненіе такой задачи было наиболѣе общедоступнымъ, курсъ въ методическомъ отношеніи нужно систематизировать такъ, чтобы ученики знакомились съ пѣснопѣніями въ порядкѣ постепеннаго появленія въ нихъ все новыхъ и новыхъ ступеней діатонической гаммы (удобнѣе do-мажоръ), начиная съ первой; то-есть, сначала учитель выбираетъ образцы, заключающіе въ своемъ напѣвѣ только одинъ звукъ, повторяющійся подъ слогами текста, какъ, напр., «*Аминь*», «*Господи, помилуй*» и т. п.; затѣмъ — двѣ ступени, наконецъ, три, четыре и т. д., упражняя учениковъ на каждомъ урокѣ въ пѣніи подъ-рядъ вверхъ и внизъ всѣхъ пройденныхъ ступеней. Матеріалъ для выбора такихъ пѣснопѣній можно найти въ слѣдующихъ пособіяхъ: 1) *Божественная литургія св. Іоанна Златоустаго*, для пѣнія на одинъ голосъ. Сост. С. Миропольскій. 2) *Краткое руководство къ изученію церковнаго пѣнія по квадратной нотѣ* и, наконецъ, 3) *Уроки пѣнія*. Вып. I и II. Карасева. Это послѣднее руководство хотя и далеко небезукоризненно уже потому, что не снабжено объяснительнымъ текстомъ, но все-таки можетъ оказать нѣкоторую пользу учителю, который пожелалъ-бы провести курсъ по рекомендованному здѣсь методу.

Знакомя такимъ образомъ учениковъ съ пѣвческимъ матеріаломъ и прежде всего съ необходимымъ для практическаго примѣненія въ самой школѣ, а потомъ употребляемаго и при богослуженіяхъ, цѣлесообразнѣе пользоваться такими пріемами: всякій образецъ, въ которомъ является вновь изучаемая ступень (удобнѣе выбирать примѣры общеизвѣстные), заучивается сначала по слуху, если онъ еще мало извѣстенъ, затѣмъ разлагается на составляющіе его звуки, если можно, то сравнивается съ прежними примѣрами и т. п., словомъ, учитель разными наводящими вопросами стремится къ тому, чтобы ученики во всѣхъ подробностяхъ уяснили себѣ образецъ, который поютъ уже болѣе или менѣе твердо, и по возможности сами нашли-бы новую сту-

пень. Послѣ такихъ упражненій весьма полезно диктовать и заставлять читать съ доски новые, но совершенно однородные съ выученнымъ примѣры, также предварительно объясняя ихъ.

Рядомъ съ такимъ послѣдовательнымъ изученіемъ гаммы, такъ сказать — по пѣснопѣніямъ, ученики знакомятся и съ интервалами, составляющимися между вновь выучиваемой ступенью и прежними. Интервалы также берутся сначала, на сколько возможно, изъ пѣснопѣній (напр., большая терція вверхъ—изъ «*Богородице, Дѣво, радуйся*»..., внизъ—изъ «*Спаси, Господи*», и т. п.) и проходятся сначала какъ скачки голоса, а затѣмъ нѣкоторыя, какъ двухголосныя созвучія (главнымъ образомъ, большія и малыя терціи).

Весьма удобно дѣлить курсъ на два полугодія, проходя въ первомъ только четыре ступени гаммы (до-ре-ми-фа), т.-е. такъ-наз. *тетрахордъ*, и вотъ почему:

Гаммы имѣютъ одно изъ самыхъ важныхъ значеній въ пѣніи, такъ какъ онѣ составляютъ основаніе мелодіи, которыя есть ни что иное, какъ перестановка ступеней гаммы и гармоніи, составляющей свои аккорды изъ тѣхъ-же ступеней; наконецъ, гаммы служатъ превосходнѣйшимъ средствомъ для первоначальнаго развитія слуха и голоса. Слѣдовательно, отчетливое знаніе гаммъ безусловно необходимо. Но основная изъ діатоническихъ гаммъ—мажорная—состоитъ изъ двухъ совершенно одинаковыхъ тетрахордовъ точно такой-же конструкціи, какъ и тетрахордъ до-ре-ми-фа, и ученикамъ, знающимъ твердо напѣвъ такого тетрахорда, будетъ недоставать только немногихъ указаній со стороны учителя, о которыхъ и упомянуто при изложеніи второго курса, для того, чтобы совершенно легко освоиться съ построеніемъ гаммъ.

Остановиться нѣкоторое время на тетрахордѣ очень удобно, такъ какъ въ его объемѣ учитель найдетъ достаточно церковнаго матеріала; но, кромѣ того, изъ четырехъ ступеней можно писать уже цѣлыя пѣсенки въ формѣ мелодическихъ предложеній и на любой текстъ, при посредствѣ которыхъ является возможность познакомить учениковъ съ простѣйшими видами размѣра и ритма.

Во второмъ полугодіи проходится верхній тетрахордъ гаммы (соль-ля-си-до), но каждая изъ его ступеней прибавляется какъ продолженіе звукоряда, считая отъ первой ступени. Такимъ образомъ, вслѣдъ за тетрахордомъ ученики поютъ пятиступенный звукорядъ (до-соль), за нимъ—шестиступенный (до-ля) и т. д.

Что касается интерваловъ, число которыхъ увеличивается по мѣрѣ прибавленія ступеней гаммы, то достаточно, если въ первомъ курсѣ ученики смѣло будутъ пѣть и читать въ гаммѣ до-мажоръ всѣ большія и

малыя терціи, чистыя квинты, чистую октаву, чистую кварту (преимущественно отъ V ст. къ I, отъ I къ IV и отъ II къ V); изъ секстъ достаточно знать большую (отъ I въ VI ст.), и малую (отъ VII въ V). Изъ аккордовъ достаточно освоиться съ трехголоснымъ трезвучіемъ I-й ст. (до-ми-соль), съ четырехголоснымъ трезвучіемъ той-же ступени (до-ми-соль-до), съ секстаккордомъ V ст. (си-ре-соль) и квартсекстаккордомъ IV (до-фа-ля и до-фа-ля-до). Остальные интервалы и аккорды проходятся въ двухъ слѣдующихъ затѣмъ курсахъ.

Второй курсъ полезно посвятить изученію простѣйшихъ видовъ размѣра, а также мажорныхъ и минорныхъ гаммъ, хотя бы съ двумятремя хроматическими знаками, выводя эти теоретическія знанія также изъ практически выучиваемыхъ примѣровъ.

Начинать курсъ слѣдуетъ съ усвоенія отличія цѣлаго тона отъ полутона. Учитель беретъ какой нибудь изъ прежнихъ примѣровъ, въ которомъ есть цѣлый тонъ и полутонъ, показываетъ на опытѣ, что между ступенями, составляющими цѣлый тонъ, можно пропѣть промежуточный (переливный) звукъ, котораго нѣтъ въ полутонѣ, затѣмъ объясняетъ, что названіе и обозначеніе такого переливнаго звука представляетъ или пониженіе верхней ступени цѣлаго тона, или повышеніе нижней, и такимъ образомъ знакомитъ съ употребленіемъ хроматическихъ знаковъ. Послѣ этого поютъ упражненія, въ которыхъ цѣлый тонъ и полутонъ являются рядомъ, т. е. отъ одной и той же ступени вверхъ или внизъ, напримѣръ: до-ре, до-ре бэмоль или: до-си, до-си бэмоль; далѣе можно пѣть два полутона, слѣдующихъ одинъ за другимъ, напримѣръ: до-до, діэзъ-ре или ми-ми, бэмоль-ре и т. п., и, наконецъ, хроматическую гамму по частямъ и цѣликомъ, отъ тоники до октавы. Когда разница между цѣлымъ тономъ и полутономъ твердо усвоена и ученики легко поютъ тотъ и другой отъ каждой заданной ступени вверхъ и внизъ, то учитель показываетъ имъ, какимъ образомъ при помощи хроматическихъ знаковъ изъ послѣдованія всякихъ четырехъ звуковъ можно составить точно такой-же (по напѣву) тетрахордъ, какъ до-ре-ми-фа, т.-е. съ двуми цѣлыми тонами и полутономъ, а вслѣдъ за этимъ упражняетъ учениковъ въ построеніи такихъ тетраходовъ, въ перенесеніи въ нихъ выученныхъ въ первомъ курсѣ примѣровъ, т.-е. въ такъ-называемой транспонировкѣ. Для такихъ упражненій очень удобно, напримѣръ, взять «Достойно есть»..., «Спаси, Господи»..., «Царю небесный»... и т. п. и заставить учениковъ написать ихъ въ различныхъ тонахъ. Образцы свѣтскаго пѣнія, не выходящіе изъ объема тетрахорда, найти гораздо труднѣе, а потому здѣсь и рекомендуются церковные.

Умѣя свободно пѣть и записывать тетрахорды съ разныхъ ступеней, ученики безъ труда усвоятъ мажорныя гаммы съ хроматическими знаками, особенно если учитель будетъ проходить ихъ послѣдовательно, напримѣръ, хотя-бы такъ: выбравъ пьесу съ однимъ хроматическимъ знакомъ (въ тонѣ фа или соль мажоръ), заставитъ учениковъ построить соотвѣтствующую гамму, нѣсколько разъ споетъ ее въ классѣ, а затѣмъ перейдетъ къ разбору и разучиванію пьесы. Для этого лучше выбрать общеизвѣстную пѣсню, которую большинство учениковъ умѣетъ пѣть.

Молитвы и пѣсни, разучиваемыя въ этомъ курсѣ, учитель систематизируетъ такимъ образомъ, чтобы дальнѣйшее ученіе о размѣрѣ (не болѣе, впрочемъ, какъ до четырехдольнаго), и ритмическія трудности протекали послѣдовательно и постепенно. Нужно, однако, при выборѣ пьесъ отдавать предпочтеніе такимъ, которыя могутъ считаться обязательными или особенно полезными для школы, какъ, напримѣръ, гимны, пѣсни, пригодныя при мѣстныхъ прогулкахъ, гимнастикѣ и т. п.

Диктовка и двухголосное пѣніе получаютъ въ этомъ курсѣ болѣе широкое примѣненіе.

Третій курсъ можетъ быть посвященъ почти исключительно практическому изученію двухъ и особенно трехголосныхъ образцовъ изъ церковнаго пѣнія и дѣтскихъ сборниковъ. Теорія потребуетъ самыхъ незначительныхъ дополненій, за-то учитель можетъ обратить особенное вниманіе на усовершенствованіе учениковъ въ чтеніи нотъ съ листа. Эти послѣднія упражненія, не требующія, въ сущности, настоящаго пѣнія въ смыслѣ красоты и силы голоса, могутъ оказать въ старшихъ двухъ классахъ большую услугу въ виду того, что къ этому времени ученики достигаютъ уже 15—17-лѣтняго возраста, т.-е. когда у нѣкоторыхъ бываетъ, такъ называемый, переломъ голоса. Хотя предположеніе, что пѣть въ этотъ періодъ вредно, и не можетъ считаться безусловно справедливымъ, такъ какъ это вредно только тѣмъ, у кого проявляются какія-нибудь болѣзненныя состоянія горла, хриплость, сипота и т. п., но во всякомъ случаѣ продолжительнаго и громкаго пѣнія, а особенно слишкомъ высокихъ и низкихъ нотъ, при этихъ условіяхъ нужно избѣгать.

Пособіями для двухъ означенныхъ курсовъ могутъ служить сборники двухъ и трехголосныхъ пѣсенъ, напримѣръ, *Альбрехтъ*—Дѣтскія пѣсни (преимущественно двухголосныя), *Фаминцинъ и Дольдъ*—«Баянъ». Вып. I и II (Сборникъ 2-хъ и 3-хъ-голосныхъ пѣсенъ разныхъ народовъ), *Мареничъ*—Пѣсни для школы. Вып. I и II (съ аккомпаниментомъ), *Рубецъ, А.*—Сборникъ школьныхъ пѣсенъ. Вып. I (двух-

голосныя), *Абтъ*—Молодые пѣвцы. Вып. I—III (очень музыкальные и легкіе дѣтскіе хорики для трехъ голосовъ), *Рожновъ* — Анталогія и др. *).

Для учителя можно рекомендовать, какъ пособія по теоріи, учебники *Рубца* (Музыкальная азбука), *Брянскаго* (Музыкальная азбука), *Кашкина, Галлера* (Учебникъ хороваго пѣнія) и др. По гармоніи краткихъ учебниковъ не существуетъ, если не считать труда *Чайковскаго* (Учебникъ гармоніи примѣнительно къ чтенію духовно-музыкальныхъ сочиненій въ Россіи), но лучшимъ руководствомъ въ русской литературѣ является превосходная гармонія Н. А. Римскаго-Корсакова, хотя она нѣсколько обширна.

Закончимъ нашу замѣтку тѣми-же словами, которыми она начата, а именно, что *говорить о пѣніи въ городскихъ училищахъ, значитъ говорить о томъ, о чемъ всякій воленъ имѣть свое собственное мнѣніе.* По крайнему нашему убѣжденію, наиболѣе раціональной и полезной можетъ считаться такая постановка: въ самомъ началѣ ученики знакомятся съ матеріаломъ изъ церковнаго пѣнія, который прямо необходимъ въ школѣ, если только въ ней заведено пѣніе молитвъ предъ началомъ и по окончаніи уроковъ; правильная систематизація этого матеріала даетъ возможность, какъ указала практика, сдѣлать курсъ на столько послѣдовательнымъ, что онъ становится вполнѣ общедоступнымъ **), а при этихъ условіяхъ пѣніе только и можетъ быть *общеобязательнымъ.* Стремленія обучить учениковъ чтенію нотъ хотя-бы, если можно такъ выразиться, по складамъ, но правильно, также не можетъ считаться желаніемъ излишнимъ, да къ тому-же, оно и вполнѣ достижимо, если только учитель не задается слишкомъ обширными требованіями, напр., такимъ, чтобы ко времени окончанія курса въ училищѣ ученики должны были-бы умѣть читать всякую мелодію, какъ-бы трудна она ни была, и если распредѣлитъ занятія именно такъ, что въ одинъ годъ ученики проходятъ каждый изъ трехъ курсовъ вновь, а въ слѣдующемъ году повторяютъ его. Наконецъ, ознакомленіе дѣтей съ гим-

*) По церковному пѣнію болѣе или менѣе подходящихъ сборниковъ трехъ и четырехголосныхъ переложеній для однородныхъ и особенно женскихъ (дѣтскихъ) голосовъ почти не существуетъ. Можно-бы указать на *Рожнова* и особенно *Львова—Собраніе церковно-музыкальныхъ сочиненій разныхъ авторовъ, переложенныхъ для женскихъ голосовъ* (кажется, впрочемъ, этого собранія въ продажѣ нѣтъ), но они не заключаютъ въ себѣ ничего необходимаго для школьнаго употребленія и могутъ понадобиться, если хоръ учениковъ поетъ въ церкви. Но вопросъ о репертуарѣ для этой цѣли не относится къ школьному пѣнію.

**) Въ классѣ окажется навѣрное не больше 2—3% такихъ учениковъ, которые совершенно не будутъ успѣвать.

нами, народными и дѣтскими пѣснями въ многоголосномъ изложенiи должно также входить въ курсъ обученiя, и при рекомендуемой нами постановкѣ его это ознакомленiе будетъ болѣе осмысленнымъ, ибо тутъ дѣти поютъ, постоянно знакомясь съ основами музыкальной грамоты и получаютъ такiя знанiя, которыя они съумѣютъ впослѣдствiи приложить на практикѣ самостоятельно.

Если учитель достигнетъ очерченныхъ результатовъ, то онъ, не рискуя получить неблагопрiятнаго отвѣта, смѣло можетъ спросить: чего-же еще можно требовать отъ возможно рацiональной постановки пѣнiя въ городскихъ училищахъ?

А. Пузыревскiй.

Въ чемъ нуждаются городскія училища и начальныя школы.

Появившіяся въ газетахъ, еще въ концѣ 1890 года, извѣстія о пересмотрѣ программъ городскихъ училищъ, безъ сомнѣнія, вызвали много надеждъ не только въ педагогическомъ персоналѣ этихъ училищъ, но и въ многочисленномъ городскомъ населеніи. Для громаднаго большинства недостаточныхъ городскихъ обывателей, не имѣющихъ средствъ для воспитанія дѣтей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, городскія училища являются единственными учебными заведеніями, дающими вполнѣ достаточное для горожанина и, что̀ особенно важно, законченное образованіе. Но, на нашъ взглядъ, если городскія училища сохранятъ тѣ-же особенности, которыя присущи имъ нынѣ, и если постановка въ нихъ учебнаго дѣла останется прежняя, то какая-бы ни была создана для нихъ программа, дѣло мало улучшится. Поэтому, необходимо прежде всего поставить городскія училища въ другія условія, и уже только послѣ этого приступить къ пересмотру ихъ программъ.

Одною изъ первыхъ особенностей городскихъ училищъ является матеріальная зависимость вновь открывающихся городскихъ училищъ отъ мѣстныхъ городскихъ обществъ. Какъ создается эта зависимость, всего лучше можно видѣть изъ того, какимъ порядкомъ открываются городскія училища. Бывшія уѣздныя училища помѣщались въ своихъ домахъ; положеніе-же о городскихъ училищахъ требуетъ училищныхъ помѣщеній отъ городовъ, хотя казна принимаетъ самый существенный расходъ по содержанію зданій, а именно, ремонтъ ихъ, на свой счетъ. Поэтому-то, по мѣрѣ того, какъ производятся выпуски оканчивающихъ курсъ въ учительскихъ институтахъ, учебное начальство, чрезъ директоровъ народныхъ училищъ, обращаясь къ городскимъ управамъ съ предложеніемъ преобразовать существующее уѣздное училище въ городское, ставитъ непремѣннымъ условіемъ дать подъ училище и подъ квартиру начальника заведенія «удобное помѣщеніе». Между тѣмъ нормальнаго плана училищнаго дома министерствомъ не издано. Вслѣд-

*

ствіе этого заинтересованные въ дальнѣйшемъ существованіи уѣздныхъ училищъ штатные смотрители оныхъ, мало или совсѣмъ не понимающіе организаціи городскихъ училищъ, съ одной стороны, а съ другой—городскія думы, составляющіяся въ особенности въ уѣздныхъ городахъ большею частью изъ неразвитыхъ мѣщанъ, проникнутыхъ одною мыслью—не давать изъ городской кассы ни гроша, если только можно это сдѣлать, крайне печально для городскихъ училищъ понимаютъ весьма растяжимое понятіе «удобное» помѣщеніе. Управа передаетъ дѣло о преобразованіи уѣзднаго училища въ городскую думу. Всякому понятно, что при малограмотности, а нерѣдко даже и безграмотности нѣкоторыхъ гласныхъ, засѣдающихъ въ думахъ уѣздныхъ городовъ, вопросъ о томъ, что̀ лучше: уѣздное-ли училище, или городское, является совершенно второстепеннымъ. Дѣло сводится на вопросъ о домѣ. Обыкновенно дума категорически отказываетъ въ пожертвованіи дома, ссылаясь на то, что нѣтъ денегъ. И чѣмъ беднѣе городъ, тѣмъ упорнѣе отказывается дума дать свое согласіе на преобразованіе уѣзднаго училища въ городское. Тогда со стороны подлежащаго вѣдомства дѣлаются настоянія, мало-по-малу достигающія высокой степени давленія. Сначала соглашаются губернскіе города, потомъ богатые уѣздные, а наконецъ, и бѣдные. Не видя никакой надобности въ преобразованіи уѣзднаго училища въ городское, но принимая въ соображеніе, что въ преобразованіи этомъ всего болѣе заинтересовано само учебное вѣдомство, являющееся ходатаемъ, управы всячески стараются довести расходы на это навязываемое имъ дѣло до минимальной величины. Въ этихъ видахъ они большею частью чрезъ своихъ писцовъ, составляютъ и планы училищныхъ помѣщеній, наблюдая лишь, чтобы классы не были проходными, да поменьше пошло денегъ на приспособленіе дома. Потомъ оказывается, что онъ тѣсенъ, вонючъ, теменъ, сыръ, холоденъ, съ потолка каплетъ на тетради и книги, а въ квартирѣ начальника заведенія жить нельзя, тѣмъ не менѣе помѣщеніе признается удобнымъ, лишь-бы ускорить дѣло преобразованія уѣздныхъ училищъ въ городскія. Училище преобразовано, и только тогда, когда уже дѣло сдѣлано, являются городскіе учителя, т.-е. именно тѣ люди, которые понимаютъ, какъ слѣдовало-бы устроить помѣщеніе. Всѣ недостатки помѣщенія выступаютъ очень скоро. Начальникъ училища идетъ въ управу, которой и указываетъ на нихъ, а ему въ глаза смѣются: «чего-же, говорятъ, смотрѣло ваше начальство?» Въ исправленіи дома городскіе дѣятели рѣшительно отказываютъ, ссылаясь на то, что въ смѣтѣ городскихъ училищъ есть статья, по которой отпускается казной сумма и на ремонтъ дома, и вовсе не хотятъ брать въ раз-

счетъ, что въ этомъ случаѣ ремонтъ равнялся-бы передѣлкѣ всего зданія. Да и странно какъ-то ремонтировать на казенный счетъ городское зданіе, въ которомъ безъ хозяина (а кто хозяинъ?) никто не рѣшится топоромъ тяпнуть, чтобы прорубить, напр., дверь, или окно. Напр., въ виду желанія избавить классныя комнаты отъ вони, которую распространяетъ сортиръ, выстроенный въ сѣняхъ при самомъ входѣ въ училище, нельзя его построить гдѣ-нибудь въ сторонѣ даже и на казенный счетъ, потому что неизвѣстно, чья земля въ двухъ шагахъ отъ училищнаго дома? Иногда училищный домъ окнами выходитъ въ городской общественный садъ, сданный городомъ въ аренду подъ трактиры, гулянья и увеселенія, а училище не имѣетъ и вершка земли въ этомъ саду, хотя и осуждено быть свидѣтелемъ всевозможныхъ пьяныхъ безобразій. Бываетъ и такъ, что снимаютъ подъ городское училище квартиру лѣтъ на двѣнадцать, обыкновенно у своего-же брата кабатчика, съ виннымъ подваломъ внизу, отъ котораго несетъ сивухой на весь домъ, и съ кабакомъ въ томъ-же домѣ. Бываетъ и хуже этого.

Какъ ни унизительно встрѣчать одни отказы въ исправленіи недостатковъ училищнаго помѣщенія, но унизительнѣе всего то нравственное насиліе, къ которому прибѣгаютъ иногда люди, считающіе себя хозяевами этого помѣщенія: приходится противъ совѣсти принимать въ училище, переводить изъ класса въ классъ, награждать и выпускать со свидѣтельствами дѣтей и родственниковъ городскихъ воротилъ. Такимъ образомъ, насилуется совѣсть учащихъ, ученики деморализуются, видя неправильности со стороны наставниковъ...

У уѣздныхъ училищъ были свои дома. Слѣдовало-бы и слѣдуетъ учебному вѣдомству самому приспособить ихъ для городскихъ училищъ—это затрата единовременная. Ремонтъ помѣщенія, да притомъ еще и чужого — расходъ постоянный, а между тѣмъ, казна принимаетъ-же его на свой счетъ. Вообще, по нашему мнѣнію, слѣдовало-бы сдѣлать городскія училища вполнѣ независимыми отъ городовъ въ матеріальномъ отношеніи, какъ это было принято относительно уѣздныхъ училищъ. Это тѣмъ болѣе возможно, что у городскихъ училищъ есть свои спеціальныя средства, которыя тратятся-же непроизводительно на предметы, совершенно для нихъ посторонніе, какъ, напр., на пособія директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ, и безъ того обезпеченнымъ.

Мы уже говорили, что губернскіе города, какъ болѣе богатые, скорѣе изъявили согласіе на преобразованіе уѣздныхъ училищъ въ городскія, т.-е. на приспособленіе помѣщеній, и при томъ болѣе про-

сторныхъ, и получили поэтому отъ казны бо́льшія суммы, а именно: имъ отпускается на содержаніе *четырехклассныхъ* училищъ по 4.175 рублей въ годъ на каждое; за губернскими городами слѣдовали богатые уѣздные города, получившіе штаты или тоже четырехклассныхъ училищъ, или-же трехклассныхъ, т.-е. по 3.250 р. въ годъ. Бѣднымъ-же уѣзднымъ городамъ, изъявившимъ согласіе на приспособленіе училищныхъ помѣщеній, по недостаточности городскихъ средствъ, только для двухклассныхъ училищъ, и притомъ послѣ другихъ городовъ, отпускается лишь по 2.190 руб., вслѣдствіе чего въ этихъ бѣдныхъ городахъ были открываемы и открываются лишь двухклассныя училища, въ которыхъ удовлетворительное веденіе обученія еще болѣе затруднительно, нежели въ трехъ и четырехклассныхъ училищахъ. Въ случаѣ-же желанія этихъ бѣдныхъ городовъ расширить помѣщеніе своего двухкласснаго училища, имъ предлагается принять содержаніе третьяго класса (въ размѣрѣ 1.060 руб. въ годъ) на свой счетъ. Но такой расходъ непосиленъ, напр., для какого-нибудь города Лукоянова; въ ассигнованіи-же означенной суммы отъ казны отказывается тому-же самому городу; если-бы онъ при преобразованіи своего уѣзднаго училища сразу приспособилъ помѣщеніе его для трехкласснаго городскаго училища, казна стала-бы отпускать сумму на всѣ три класса, т.-е. по 3.250 рублей въ годъ. Какъ будто не все равно: сразу-ли городъ приспособитъ помѣщеніе для трехкласснаго училища, или-же добавитъ помѣщеніе впослѣдствіи, собравшись со своими скудными матеріальными средствами!..

Можно подумать, что для такихъ бѣдныхъ и небольшихъ городовъ достаточно и двухклассныхъ училищъ, которыя въ подобнаго рода городахъ не могутъ быть многолюдными. Но мы должны напомнить, что какъ-бы ни было малолюдно городское училище, учащіеся въ немъ все-таки неизбѣжно должны распадаться на такое-же число группъ (а именно, на шесть группъ—по числу шести лѣтъ обученія), какъ и въ училищахъ многолюдныхъ четырехклассныхъ, или трехклассныхъ, и такъ какъ программы какъ въ двухклассныхъ, такъ и въ прочихъ училищахъ одинаковы, то учащіе преподаютъ тѣ-же самые предметы въ училищахъ двухклассныхъ, какіе преподаются и въ прочихъ училищахъ; только въ двухклассныхъ училищахъ приходится на *одного* преподавателя перваго класса четыре группы, въ четырехклассныхъ-же училищахъ шесть группъ распредѣляются между четырьмя учителями. Принявъ во вниманіе, что во всѣхъ городскихъ училищахъ одинъ учитель преподаетъ всѣ девять учебныхъ предметовъ (кромѣ Закона Божія), что до нѣкоторой степени выносимо еще

въ училищахъ четырехклассныхъ, въ двухклассныхъ, при четырехъ группахъ на одного учителя, эти девять предметовъ представляютъ такой ежедневный трудъ, что веденіе дѣла для большинства такихъ многообремененныхъ преподавателей совершенно невозможно, потому что въ различныхъ группахъ учатся дѣти различныхъ возрастовъ, которымъ всѣмъ преподается не одно и то-же. Такимъ образомъ, правильное веденіе дѣла обученія тормазится вслѣдствіе, главнымъ образомъ, числа группъ, а не вслѣдствіе числа учениковъ въ каждой изъ этихъ четырехъ группъ, которое имѣетъ сравнительно очень малое значеніе. Слѣдовательно, если желаютъ, чтобы дѣло шло хорошо, то должно и въ малолюдныхъ училищахъ имѣть столько-же преподавателей, сколько ихъ и въ училищахъ многолюдныхъ, такъ какъ и въ тѣхъ, и въ другихъ, повторяемъ, одинаковое число отдѣленій и тѣ-же учебные предметы. Увеличить штатъ преподавателей въ двухклассныхъ училищахъ еще хотя-бы однимъ преподавателемъ, такъ чтобы на каждаго преподавателя приходилось не болѣе двухъ отдѣленій, возможно только путемъ преобразованія двухклассныхъ училищъ въ трехклассныя, съ отнесеніемъ, согласно установившемуся обычаю, вслѣдствіе отказа казны, ежегоднаго на содержаніе третьяго класса расхода въ 1.060 руб. на городскія средства. Такая участь, какъ мы уже сказали, выпала на долю именно бѣднѣйшихъ городовъ, которые не могутъ жертвовать на это дѣло такой суммы, а потому и обречены навсегда имѣть лишь двухклассныя городскія училища; большіе-же и богатые города, имѣющіе достаточно средствъ содержать на свой счетъ цѣлое даже училище, какъ мы говорили, получили отъ казны штаты четырехклассныхъ училищъ.

Если-бы казна не настаивала на томъ, чтобы училищныя помѣщенія приспособлялись городами, а сама приспособляла ихъ, какъ это было ранѣе и какъ это дѣлается, напр., въ духовномъ вѣдомствѣ, по нашему мнѣнію, цѣлесообразнѣе было-бы поступать такимъ образомъ, что чѣмъ бѣднѣе городъ, тѣмъ большую сумму отпускать ему на содержаніе городского училища, губернскимъ-же и вообще богатымъ городамъ давать изъ казны средства на содержаніе лишь двухклассныхъ училищъ, ибо остальные два класса могли-бы содержаться этими богатыми городами на свой счетъ. Можно съ большою вѣроятностью полагать, что при такомъ образѣ дѣйствій со стороны казны всѣ городскія училища были-бы открыты въ четырехклассномъ составѣ, т.-е. былъ-бы установленъ наилучшій ихъ типъ, отчего дѣло много выиграло-бы; денегъ-же при этомъ не было-бы израсходовано изъ государственнаго казначейства ни на копейку болѣе того, сколько ихъ

расходуется въ настоящее время, только расходовались-бы онѣ съ большею, нежели нынѣ, цѣлесообразностью.

Въ настоящее время имѣется 97 двухклассныхъ городскихъ училищъ, которыя, по нашему мнѣнію, въ интересахъ успѣшности обученія, слѣдовало-бы немедленно преобразовать сначала въ трехклассныя, на что потребуется, полагая на каждое училище еще по 1.060 руб., увеличить ежегодный отпускъ суммъ изъ казны на сто тысячъ рублей. Это было-бы истиннымъ благодѣяніемъ для населенія бѣдныхъ городовъ и мѣстечекъ. Затѣмъ можно было-бы обратить всѣ городскія училища въ четырехклассныя, нисколько не увеличивая для этого отпускъ казенныхъ суммъ, а лишь регулируя ассигнуемыя въ настоящее время на городскія училища изъ казны суммы такъ, чтобы большая помощь со стороны казны приходилась на долю именно бѣднѣйшихъ городовъ. Приспособленіе помѣщеній для этихъ училищъ, какъ мы уже говорили, должны быть дѣломъ казны, и только тамъ, гдѣ позволяютъ мѣстныя средства и будетъ выражено согласіе, такое приспособленіе помѣщенія можетъ быть возлагаемо на городскія общества, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ не иначе, какъ по данному, утвержденному Министерствомъ Нар. Просв., плану, подобно тому, напр., какъ это дѣлается большинствомъ земствъ по отношенію къ начальнымъ училищамъ, открываемымъ при пособіи отъ земства. Такъ какъ указанная затрата была-бы единовременною, то она была-бы болѣе или менѣе посильна даже и для бѣдныхъ городовъ, въ особенности если-бы казна не отказывала имъ въ своей помощи по дальнѣйшему содержанію четырехкласснаго училища. Вообще изъ затрудненій по приспособленію зданій, какъ сопряженныхъ съ единовременными затратами, легче выйти, чѣмъ добиться въ бѣдныхъ городахъ ежегоднаго расхода на содержаніе добавочныхъ классовъ въ городскихъ училищахъ. Всего-же лучше было-бы избавить городскія училища отъ всякой матеріальной зависимости отъ мѣстныхъ городскихъ обществъ, подобно тому, какъ были независимы училища уѣздныя.

Вторымъ весьма значительнымъ, на нашъ взглядъ, недостаткомъ при преобразованіи уѣздныхъ училищъ въ городскія слѣдуетъ признать оторванность, если можно такъ выразиться, этихъ послѣднихъ отъ прочихъ училищъ, какъ высшихъ по отношенію къ намъ, такъ и низшихъ. Уѣздныя училища были органически связаны съ приходскими училищами, такъ какъ комплектовали свой первый классъ изъ учениковъ, окончившихъ курсъ въ этихъ послѣднихъ училищахъ, которыя такимъ образомъ служили приготовительными классами для нихъ; положеніе-же о городскихъ училищахъ указываетъ имъ ком-

плектовать свой первый классъ изъ дѣтей не ниже семилѣтняго возраста, съ которыми ученье начинается съ азбуки, чѣмъ порвана связь начальныхъ училищъ съ городскими. Вслѣдствіе этого, въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ имѣется не одно, а нѣсколько начальныхъ училищъ, окончившіе въ нихъ курсъ, за немногими развѣ только исключеніями, совсѣмъ лишаются возможности поступить въ городское училище, благодаря тому, что свои ученики перваго класса, при ежегодныхъ переводахъ, занимаютъ мѣста въ первомъ отдѣленіи второго класса (третій годъ обученія), куда ученики начальныхъ училищъ должны-бы поступать какъ по возрасту, такъ и по подготовкѣ. Само собою разумѣется, что такое лишеніе возможности поступать въ городское училище ученикамъ, окончившимъ курсъ въ училищѣ начальномъ, создаетъ множество непріятностей начальникамъ городскихъ училищъ отъ лицъ, недовольныхъ отказомъ въ пріемѣ ихъ дѣтей въ городское училище. Съ другой стороны, такъ какъ многіе предусмотрительные родители, предвидя указанное положеніе дѣтей, по окончаніи ими курса въ начальномъ училищѣ, не желаютъ помѣщать ихъ туда, а сразу помѣщаютъ ихъ въ первое отдѣленіе городскаго училища, то вслѣдствіе этого послѣднему не представляется возможности удовлетворить всѣхъ просителей. И вотъ, для начальниковъ городскихъ училищъ возникаетъ новая серія непріятностей и отъ этихъ лицъ. Прибавимъ еще къ этому, что вслѣдствіе открытія при городскихъ училищахъ азбучнаго класса (перваго), котораго нѣтъ въ уѣздныхъ училищахъ (потому что: «для принятія въ уѣздное училище, представляющійся долженъ умѣть читать и писать, и знать первыя четыре правила ариѳметики» ст. 69 уст. 8-го декабря 1828 г.), у учениковъ, прошедшихъ курсъ начальнаго училища и желающихъ продолжать образованіе въ городскомъ, если только имъ по счастливой случайности удастся попасть въ оное, при поступленіи въ него пропадаетъ, сравнительно съ учениками перваго класса городскаго училища, цѣлый годъ, такъ какъ ученики приходскихъ или начальныхъ училищъ, послѣ трехлѣтняго обученія въ нихъ, поступаютъ только въ третье отдѣленіе городскихъ училищъ, наравнѣ съ учениками послѣднихъ, проучившимися лишь только два года. Въ четвертое отдѣленіе гор. училища, какъ это слѣдовало-бы послѣ трехъ лѣтъ обученія въ начальномъ училищѣ, ученики этого училища поступать не могутъ, потому что уже на третьемъ году обученія въ городскихъ училищахъ проходится геометрія, исторія, географія, естествовѣдѣніе, черченіе, рисованіе, т.-е. такіе предметы, которыхъ въ начальныхъ училищахъ не изучаютъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ объемѣ, въ какомъ полагается проходить

ихъ въ училищахъ городскихъ. Такъ какъ обыватели не понимаютъ этого различія въ программахъ, то и относятъ указанныя обстоятельства къ произволу начальниковъ училищъ, что и является новымъ источникомъ недовольства противъ послѣднихъ. Время пріема въ городскія училища—тяжелое время для ихъ преподавателей. Родители осаждаютъ ихъ просьбами и претензіями, которыя возможно было-бы удовлетворить не иначе, какъ уничтоживъ первое отдѣленіе училища, тогда какъ начальство требуетъ сохраненія перваго азбучнаго класса, такъ какъ въ положеніи-де о городскихъ училищахъ говорится о шести послѣдовательныхъ отдѣленіяхъ, изъ которыхъ въ первое должны приниматься дѣти совсѣмъ неграмотныя. Въ результатѣ — враждебное отношеніе населенія къ городскимъ училищамъ, инсинуаціи на ихъ преподавателей, жалобы на нихъ по начальству со стороны думъ, а затѣмъ и выговоры высшаго начальства неповиннымъ ни въ чемъ начальникамъ училищъ, не могущимъ, конечно, уничтожить причинъ, порождающихъ недовольство, т.-е. измѣнить тѣ неблагопріятныя условія существованія городскихъ училищъ, которыя созданы самимъ положеніемъ о нихъ.

Кромѣ создаваемой азбучнымъ классомъ обособленности городскихъ училищъ и того вреда, о которомъ говорилось выше, классъ этотъ дѣлаетъ городскія училища, *особенно двухклассныя и одноклассныя*, прямо невозможными, такъ какъ увеличиваетъ число группъ у учителя перваго класса до четырехъ, вслѣдствіе чего, конечно, уровень знаній учениковъ весьма сильно понижается. А между тѣмъ съ такими-то учениками этого азбучнаго класса, пробывшими въ немъ два года, при неблагопріятномъ раздѣленіи сего класса на четыре группы, и притомъ въ возрастѣ *девяти* лѣтъ (пріемъ отъ семи лѣтъ), программа городскихъ училищъ рекомендуетъ въ третій годъ обученія въ нихъ проходить, кромѣ систематическаго курса грамматики и ариѳметики и Закона Божія, еще геометрію, исторію, географію, естественную исторію, черченіе и рисованіе, тогда какъ масса хорошихъ учениковъ, окончившихъ курсъ въ начальныхъ и приходскихъ училищахъ, обыкновенно не моложе *одиннадцати* лѣтъ, не можетъ быть принята въ городское училище только потому, что при немъ существуетъ *свой* азбучный классъ! Казалось-бы, самое лучшее упразднить эти два ненужныя азбучныя отдѣленія, какъ это дѣлается въ С.-Петербургѣ *), и принимать въ городскія училища только окон-

*) См. «Русскій Начальный Учитель». Октябрь 1888. Примѣч. редак. къ ст. «Объ отношеніи приходскихъ училищъ къ городскимъ».

чившихъ курсъ въ приходскихъ училищахъ, и притомъ въ третій классъ нынѣшнихъ городскихъ училищъ. Такимъ образомъ, послѣднія получили-бы характеръ учебныхъ заведеній съ четырехгодичнымъ курсомъ, т.-е. преобразовались-бы въ четырехклассныя. Но стоитъ заглянуть въ циркуляры по учебнымъ округамъ, чтобы убѣдиться въ настояніяхъ сохранить неприкосновенными два первыхъ отдѣленія городскихъ училищъ. Мало того, нѣкоторые директоры народныхъ училищъ требуютъ, чтобы въ первый классъ принимались непремѣнно только безграмотныя дѣти...

По нашему мнѣнію, азбучный классъ городскихъ училищъ долженъ быть немедленно уничтоженъ, и городскія училища должны принимать учениковъ съ знаніемъ курса приходскихъ училищъ, которыя сами собою, какъ это было и при уѣздныхъ училищахъ, обратятся въ приготовительные классы училищъ городскихъ, сохраняя въ то-же время свой законченный характеръ. Въ тѣхъ-же городахъ, гдѣ закрыты приходскія училища, они должны быть вновь открыты.

Какъ извѣстно, въ настоящее время учащіеся въ городскихъ училищахъ распадаются на шесть, съ годовымъ курсомъ, группъ или отдѣленій; группы эти, въ видахъ экономіи въ содержаніи учителей, по положенію о городскихъ училищахъ, соединяются, по двѣ и по четыре, въ одинъ классъ, на который полагается только одинъ учитель, преподающій ученикамъ этихъ различно-возрастныхъ группъ всѣ предметы учебнаго курса. Первыя двѣ группы составляютъ, какъ мы уже высказались, ненужный азбучный классъ городскихъ училищъ, напрасно отвлекающій одну преподавательную силу, а потому подлежащій закрытію. Тогда училища эти явятся учебными заведеніями съ четырехлѣтнимъ курсомъ *). Въ такихъ училищахъ окажется большая возможность избѣжать соединенія двухъ или нѣсколькихъ различно-возрастныхъ группъ въ одной комнатѣ, подъ названіемъ одного класса,—соединенія, умѣстнаго въ приходскихъ и начальныхъ училищахъ, гдѣ проходится только чтеніе, письмо и ариѳметика. Въ городскихъ-же училищахъ, гдѣ проходится систематически около десятка учебныхъ предметовъ, никакого соединенія нѣсколькихъ группъ въ одинъ классъ, чего требуетъ въ настоящее время положеніе, ни въ какомъ случаѣ не должно быть допускаемо. Какъ учебный матеріалъ въ этихъ училищахъ долженъ быть распредѣленъ на четыре года, такъ естественно и учащіеся должны быть распредѣлены на четыре класса и помѣ-

---

*) Въ уѣздныхъ училищахъ курсъ былъ трехлѣтній, но въ нихъ не преподавались ни естественная исторія, ни физика, введенныя въ программу училищъ городскихъ.

щены въ четырехъ отдѣльныхъ комнатахъ. Самая сущность дѣла, такимъ образомъ, требуетъ, чтобы всѣ городскія училища были не иначе, какъ четырехклассныя.

Въ четырехклассныхъ училищахъ, когда классъ не будетъ подраздѣляться на группы, но будетъ имѣть особаго преподавателя, всегда больше возможности основательно пройти курсъ, который, при указанной постановкѣ, будетъ не столь обременителенъ, какъ въ настоящее время. Слѣдовательно, урѣзывать этотъ курсъ, въ видахъ облегченія преподавателей и учащихся, вовсе нѣтъ надобности. При наличности отдѣльнаго преподавателя на каждый недѣлимый на группы классъ, въ такихъ четырехклассныхъ училищахъ возможно будетъ болѣе основательно пройти положенный курсъ даже и при теперешней, введенной дѣйствующимъ положеніемъ о городскихъ училищахъ, *классной* системѣ, т.-е. такой, при которой одинъ учитель преподаетъ всѣ предметы въ своемъ классѣ; но, на нашъ взглядъ, еще лучше было-бы вернуться къ предметной системѣ преподаванія, практикуемой во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ начальныхъ училищъ *). О превосходствѣ *предметной* системы предъ существующей въ настоящее время въ городскихъ училищахъ классной системой такъ много писалось, что говорить объ этомъ нѣтъ никакой надобности. Достаточно того, что защитники существующей теперь въ городскихъ училищахъ классной системы не могутъ привести ни одного довода въ защиту своей системы, который не былъ-бы опровергнутъ. Да это и само собою очевидно. Одно развѣ не подлежитъ сомнѣнію, что такъ дешевле. Но едва-ли умѣстна экономія тамъ, гдѣ она лишаетъ возможности удовлетворять самыя насущныя потребности весьма важныхъ для городскаго населенія училищъ — имѣть въ нихъ нужное число преподавателей. Имѣть въ городскихъ училищахъ по два учителя, вмѣсто четырехъ, взваливъ на этихъ двоихъ непосильную работу, половину которой они несутъ даромъ—экономія, по меньшей мѣрѣ, несправедливая и мало полезная. Да едва-ли есть и надобность въ такой экономіи, лишающей вознагражденія истинныхъ тружениковъ. Достаточно обратить вниманіе на слѣдующее сопоставленіе. На двухклассное городское училище, въ которомъ получаютъ содержаніе: законоучитель,

---

*) Считаемъ неизлишнимъ напомнить, что по существу своему городское училище есть именно всесословное *начальное* училище, лишь съ болѣе полнымъ законченнымъ элементарнымъ курсомъ. Такой взглядъ на городское училище, выработанный исторіею учебнаго дѣла, устраняетъ много недоразумѣній, встрѣчающихся въ большинствѣ статей, написанныхъ гг. преподавателями городскихъ училищъ, въ томъ числѣ и авторомъ настоящей статьи. *Ред.*

два преподавателя, работающіе за четверыхъ, учитель пѣнія, учитель гимнастики и прислуга, вмѣстѣ съ суммами на библіотеки, на учебныя пособія и на хозяйственныя надобности, отпускается всего 2.227 руб. въ годъ, изъ которыхъ собственно въ вознагражденіе за труды всѣмъ перечисленнымъ служащимъ назначается 1.596 руб. 90 коп.; годовой-же окладъ одного инспектора народныхъ училищъ, съ причисленіемъ 250 руб. на канцелярскіе расходы по училищному совѣту, который въ теченіе года выпускаетъ лишь нѣсколько бумагъ, равняется 2.250 руб., т.-е. на 23 руб. болѣе, чѣмъ стоитъ содержаніе цѣлаго учебнаго заведенія, а если инспекторъ завѣдуетъ тремя уѣздами, то содержаніе его возростаетъ до 2.750 рублей. Уничтожьте однѣ только эти должности, которыхъ раньше и не было *) и уничтоженіе которыхъ никто навѣрное не замѣтитъ, кромѣ самихъ упраздняемыхъ, и тогда окажется достаточно средствъ для того, чтобы образцово поставить полезныя для населенія городскія училища. Однимъ словомъ, вопроса о недостаточности денежныхъ средствъ для преобразованія всѣхъ городскихъ училищъ въ четырехклассныя съ предметной системой, намъ кажется, и быть не можетъ. Гораздо существеннѣе вопросъ: возможно-ли распредѣлить всѣ учебные предметы между четырьмя преподавателями? Вполнѣ возможно. Не дѣлая выкладокъ, мы обратили-бы вниманіе на то, что въ настоящее время въ четырехклассныхъ городскихъ училищахъ учебные предметы (кромѣ Закона Божія) проходятся при 65 часовыхъ урокахъ въ недѣлю, которые легко и могутъ быть раздѣлены между четырьмя преподавателями, что и сдѣлано въ четырехклассныхъ городскихъ училищахъ Самарскомъ и Царицынскомъ, въ которыхъ введена предметная система преподаванія. Вотъ какой громадный выигрышъ относительно времени могло-бы дать уничтоженіе азбучнаго класса, освобождая отъ непроизводительнаго (?) труда одну рабочую силу—преподавателя перваго класса, и преобразовывая остающіяся высшія четыре отдѣленія въ самостоятельные классы! При раздѣленіи указаннаго числа уроковъ даже на троихъ только учителей, число учебныхъ часовъ у каждаго изъ нихъ не будетъ больше того, какое они имѣютъ теперь, только уроки при предметной системѣ, благодаря многимъ, облегчающимъ при ней дѣло, условіямъ, будутъ несравненно легче какъ для дѣтей, такъ и для преподавателей.

Итакъ, мы полагаемъ, что слѣдуетъ, уничтоживъ два первыя младшія отдѣленія городскихъ училищъ, принимать въ эти училища,

---

*) Вслѣдствіе незначительности числа начальныхъ училищъ, въ должностяхъ инспекторовъ начальныхъ училищъ, прежде, дѣйствительно, не было надобности. *Ред.*

какъ въ уѣздныя, только окончившихъ курсъ въ приходскихъ училищахъ, которыя вездѣ должны существовать, или дѣтей, имѣющихъ равныя съ ними познанія; остающіяся затѣмъ теперешнія высшія четыре отдѣленія городскихъ училищъ преобразовать въ самостоятельные классы, т.-е. преобразовать всѣ городскія училища въ четырехклассныя; въ четырехклассныхъ училищахъ ввести предметную систему, которая ранѣе практиковалась въ уѣздныхъ училищахъ.

Въ то время, когда уѣздныя училища преобразовывались въ городскія, начальныя училища городовъ и уѣздовъ были изъяты изъ вѣдѣнія штатныхъ смотрителей, которые были начальниками и руководителями всѣхъ низшихъ школъ въ уѣздѣ и вели дѣло безъ какого-либо особаго за это вознагражденія *). «Штатный смотритель,—говорится въ ст. 92 Устава 8-го декабря 1828 г.,—есть непосредственный начальникъ уѣзднаго училища, и имѣетъ надзоръ какъ за всѣми училищами приходскими, такъ и за частными учебными заведеніями, въ томъ уѣздѣ находящимися». Съ устраненіемъ штатныхъ смотрителей отъ завѣдыванія начальными училищами въ уѣздѣ, пришлось создать для этого должности директоровъ, по одному на губернію, т.-е. минимумъ на 450 школъ, и инспекторовъ народныхъ училищъ, по три на губернію, или по одному на три-четыре уѣзда, т.-е., по меньшей мѣрѣ, по одному на 150 школъ **). Штатные смотрители уѣздныхъ училищъ вѣдали каждый школы одного только уѣзда и, какъ люди, свободные отъ занятій въ уѣздномъ училищѣ (?), могли посѣщать начальныя школы въ уѣздѣ довольно часто, а потому, конечно, знали ихъ несравненно лучше, чѣмъ теперешнее дорого стоющее начальство ихъ.

Десять лѣтъ тому назадъ много говорилось объ уничтоженіи должностей директоровъ народныхъ училищъ. Въ основаніе этого предположенія бралось то соображеніе, что чиновники эти, при многочисленности ввѣренныхъ имъ школъ, не могутъ принести никакой пользы, поглощая непроизводительно огромныя суммы. Совершенно то-же соображеніе можно-бы принять за основаніе и для уничтоженія должностей инспекторовъ народныхъ училищъ. Какъ мы выше сказали, ка-

---

*) Сколько извѣстно, въ большинствѣ случаевъ вели они его очень неудовлетворительно—отчасти уже потому, что для нихъ, равно какъ и для директоровъ гимназій, бывшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и начальниками учебныхъ дирекцій, дѣло начальнаго образованія, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, было дѣломъ побочнымъ, постороннимъ, да и начальныхъ училищъ было весьма мало. *Ред.*

**) Большинство уѣздовъ, по крайней мѣрѣ, въ губерніяхъ, имѣющихъ земскія учрежденія, располагаетъ большимъ количествомъ начальныхъ училищъ. *Ред.*

земныхъ инспекторовъ полагается три на губернію, которая дѣлится на три района, по 3—4 уѣзда въ каждомъ, т.-е., по меньшей мѣрѣ, приходится по 150 школъ на инспектора при громадной территоріи трехъ уѣздовъ. Очевидно, никакой руководящей роли инспекторъ имѣть не можетъ, а слѣдовательно, не можетъ и приносить никакой пользы. Это, кажется, всѣми и сознается, о чемъ лучше всего свидѣтельствуетъ личный составъ инспекторовъ. Въ числѣ ихъ вы встрѣтите и бывшихъ чиновниковъ различныхъ вѣдомствъ, и разстроившихъ здоровье учителей древнихъ языковъ въ гимназіяхъ, и преподавателей гомилетики духовныхъ семинарій, вообще лицъ, стремящихся къ двухтысячному окладу, полученіе котораго не сопряжено ни съ какимъ (?) трудомъ и къ девятисотъ-рублевой пенсіи. Вторымъ доказательствомъ безполезности этого института служитъ то обстоятельство, что мѣстныя земства, близко заинтересованныя въ дѣлѣ народнаго образованія, сознаютъ всю безполезность казенной инспекціи, иначе они не учреждали-бы должностей инспекторовъ съ содержаніемъ отъ земства *). Давая средства на содержаніе своего инспектора, земство утѣшается мыслью, что въ этомъ случаѣ у инспектора будетъ одинъ только уѣздъ, т.-е. школъ 40—60, и потому-де школы будутъ хоть не совсѣмъ безъ надзора и руководительства, какъ при однихъ лишь казенныхъ инспекторахъ. Само собою разумѣется, что такой земскій инспекторъ, всегда и неизмѣнно рапортуетъ земству, что школы подъ его руководствомъ улучшаются годъ отъ году, а ужъ какъ тамъ идетъ дѣло въ дѣйствительности—одному Богу извѣстно **). Учреждая должность земскаго инспектора, земство всегда выговариваетъ себѣ право выбирать кандидата на эту должность. Не удивительно-ли, что земское собраніе, болѣе чѣмъ на половину состоящее изъ людей, не получившихъ никакого образованія, признано компетентнымъ въ выборѣ лица, которому поручается дѣло образованія въ уѣздѣ? Приговоръ этихъ людей ставитъ кого-либо изъ своихъ въ рангъ чиновника VI класса и отдаетъ подъ его руководство работниковъ дѣла народнаго образованія, для которыхъ несвѣдущій амбиціонный начальникъ служитъ только помѣхой и вредитъ какъ дѣлу, такъ и трудящимся на учительскомъ поприщѣ. Благодаря участію земства въ выборѣ кандидатовъ, къ серіи разнообразнѣйшаго личнаго состава инспекторовъ

---

*) Земства учреждаютъ должности инспекторовъ именно потому, что инспекторовъ казенныхъ слишкомъ недостаточно для имѣющагося въ наличности числа народныхъ училищъ. *Ред.*

**) Извѣстно и членамъ земскихъ управъ, также посѣщающимъ училища. *Ред.*

министерскихъ прибавляется не менѣе пестрая фаланга инспекторовъ по выбору земства: тутъ вы болѣе всего встрѣтите отслужившихся штатныхъ смотрителей, желающихъ замѣнить свою незначительную смотрительскую пенсію девятисотъ-рублевою инспекторскою, и многихъ ловкихъ людей, никогда не знавшихъ учительской профессіи, но снискавшихъ милость земцевъ способами, съ учебнымъ дѣломъ ничего общаго не имѣющими.

Но намъ могутъ замѣтить, что у инспекторовъ есть еще и обязанности полицейскія. Постоянный надзоръ предводителей дворянства, стоящихъ на стражѣ начальной школы, членовъ училищнаго совѣта, которые могутъ съ личною отвѣтственностью разбить съ этою цѣлью уѣздъ на участки, и мѣстнаго духовенства много дѣйствительнѣе надзора лица, разъ въ годъ бывающаго въ училищахъ на нѣсколько минутъ (?), да еще и не каждый годъ. Со введеніемъ-же земскихъ начальниковъ, у которыхъ въ вѣдѣніи будетъ находиться всего по 3—4 волости и которымъ поэтому будетъ все извѣстно въ подвѣдомственныхъ имъ селеніяхъ, полицейскій надзоръ инспектора сдѣлается совершенно излишнимъ. Да и не доказали-ли начальныя школы, въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ своего существованія безъ всякаго фактическаго надзора инспекторовъ, что съ этой стороны о нихъ особенно безпокоиться нечего? Остается надзоръ за учебнымъ дѣломъ. Обязанность эта съ большею для дѣла пользою легко могла-бы быть поручена инспекторамъ городскихъ училищъ, замѣнившимъ штатныхъ смотрителей, вѣдавшихъ ранѣе, какъ мы уже говорили, школьное дѣло въ уѣздахъ *), но передавшихъ это право въ періодъ реформы, преобразованія уѣздныхъ училищъ въ городскія вновь учрежденнымъ инспекторамъ городскихъ училищъ.

Громадная экономія вслѣдствіе упраздненія должностей инспекторовъ народныхъ училищъ дала-бы возможность нетолько открыть во всѣхъ городскихъ училищахъ четвертый классъ, но и сдѣлать начальниковъ этихъ училищъ совсѣмъ свободными отъ занятій въ подвѣдомственныхъ имъ городскихъ училищахъ, какъ были свободны отъ нихъ штатные смотрители уѣздныхъ училищъ. Это необходимо какъ на случай болѣзни кого-либо изъ учителей городскаго училища, такъ и ихъ отсутствія. Теперь-же въ городскихъ училищахъ лица, завѣдывающія ими, сами имѣютъ классъ, а потому нѣтъ особаго лица, которое могло-бы замѣнить отсутствующаго или больного учителя, что, въ случаѣ продолжительной болѣзни или отсутствія, весьма

*) Дѣла этого, какъ мы уже замѣтили выше, почти не было вовсе. *Ред.*

вредно отзывается какъ на ходѣ учебныхъ занятій, такъ и на дисциплинѣ.

Мы высказали наши пожеланія, чтобы городскія училища въ матеріальномъ отношеніи были такъ-же независимы отъ городовъ, какъ независимы были училища уѣздныя; чтобы городскія училища принимали въ свой первый классъ мальчиковъ не иначе, какъ съ знаніями курса приходскаго училища, какъ это дѣлали уѣздныя училища; чтобы въ городскихъ училищахъ была введена предметная система преподаванія, которая практиковалась въ уѣздныхъ училищахъ; наконецъ, чтобы надзоръ за начальными училищами былъ порученъ инспекторамъ городскихъ училищъ, какъ ранѣе онъ былъ порученъ штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ. Принимая все это во вниманіе, намъ могутъ замѣтить, что мы желаемъ вернуться къ тѣмъ порядкамъ, которые существовали до преобразованія уѣздныхъ училищъ въ городскія. Откровенно сознаемся въ этомъ. По нашему глубокому убѣжденію, ни ломки уѣздныхъ училищъ, ни ломки существовавшаго ранѣе порядка завѣдыванія сельскими училищами производить не слѣдовало. Тѣмъ, кто не согласенъ съ нами, мы скажемъ, что теперешнія городскія училища при тогдашнемъ педагогическомъ персоналѣ и теперешніе инспектора народныхъ училищъ при тогдашнихъ средствахъ, отпускавшихся на содержаніе сельскихъ училищъ, не сдѣлали-бы того, что въ то время дѣлали тогдашнія уѣздныя училища, благодаря правильной своей организаціи, а штатные смотрители—благодаря своему положенію. Средства сельскихъ школъ въ то время были такъ скудны, что нынѣшніе инспектора, получая двухтысячные оклады, не рѣшились-бы заглянуть во «ввѣренныя имъ» учебныя заведенія, а штатные смотрители обязательно бывали въ нихъ въ теченіе года, развивали дѣло, и все это тогда, когда еще не было земствъ, отпускающихъ теперь громадныя, сравнительно, суммы на начальное образованіе. Учительскій персоналъ уѣздныхъ училищъ, по неимѣнію въ то время учебныхъ заведеній для подготовки учителей, былъ совершенно случаенъ и пестръ до невозможности, какъ случаенъ и пестръ теперь персоналъ инспекторовъ народныхъ училищъ *).

*) Отмѣтимъ курьезъ. Нѣкоторые изъ инспекторовъ народныхъ училищъ не изучали тѣхъ предметовъ, которые проходятся въ городскихъ училищахъ, т.-е. просто не знаютъ курса городскихъ училищъ, но, тѣмъ не менѣе, спѣшатъ, по вступленіи въ должность, прежде всего именно въ этихъ училищахъ явиться ревизорами, такъ сказать, первымъ имъ оказать честь. Штатные смотрители, напр., упраздненные потому, что не имѣютъ свидѣтельства на званіе городскихъ учителей, добившись инспекторства, ревизуютъ городскія училища и, не

Покойный казанскій попечитель П. Д. Шестаковъ, въ рѣчи, сказанной при открытіи учительскаго института, констатировалъ тотъ фактъ, что уѣздныя училища страдали отъ недостатка учителей и что затѣмъ комплектъ ихъ сталъ пополняться и учительскія силы стали выше въ качественномъ отношеніи въ уѣздныхъ училищахъ только въ послѣднее время, предъ преобразованіемъ ихъ въ городскія, что, конечно, зависѣло отъ большаго прилива интеллигентныхъ силъ вслѣдствіе развитія образованія въ нашемъ отечествѣ послѣ реформъ шестидесятыхъ годовъ. Значитъ, закрытіе уѣздныхъ училищъ застало ихъ въ то самое время, когда они только что стали было становиться на ноги. Въ виду такого благопріятнаго явленія, слѣдовало, вмѣсто ломки, только расширить курсъ уѣздныхъ училищъ новыми предметами — естественной исторіей и физикой, введенными въ городскія училища, и преобразовать эти уѣздныя училища изъ трехклассныхъ въ четырехклассныя; вмѣсто случайныхъ учителей посылать въ нихъ окончившихъ курсъ въ учительскихъ институтахъ и, отбросивъ неумѣстную погоню за экономіей, измѣнить штаты, повысивъ службу и оклады до тѣхъ размѣровъ, какіе теперь присвоены учителямъ городскихъ училищъ. Все это можно было сдѣлать такъ-же тихо, какъ сдѣлало духовное вѣдомство, замѣнивъ въ духовныхъ училищахъ преподавателей изъ семинаристовъ таковыми-же изъ окончившихъ курсъ въ академіяхъ, предоставляя послѣднимъ учителямъ новые оклады и права службы, высшіе сравнительно съ прежними, постепенно, по мѣрѣ открывающихся вакансій, не производя никакой ломки. Затѣмъ, имѣя въ виду, съ одной стороны, что инспекторы городскихъ училищъ получили спеціальную подготовку, а съ другой—что дѣло завѣдыванія сельскими училищами съ улучшеніемъ, благодаря открывшимся земствамъ, матеріальной ихъ стороны, только облегчается, слѣдовало управленіе этими училищами оставить въ вѣдѣніи именно этихъ спеціально подготовленныхъ лицъ.

Этого порядка слѣдовало-бы держаться въ настоящее время при размѣщеніи окончившихъ курсъ въ учительскихъ институтахъ въ оставшіяся еще уѣздныя училища, и затѣмъ, какъ только весь составъ прежнихъ уѣздныхъ учителей въ данномъ уѣздномъ училищѣ будетъ смѣненъ учителями съ институтскимъ образованіемъ, открывать при немъ четвертый классъ и такимъ образомъ постепенно преобразовать всѣ эти училища въ четырехклассныя уѣздныя. На хозяйственныя надоб-

---

понимая дѣла, строчатъ донесенія, чѣмъ приносятъ не мало вреда дѣлу и трудящимся лицамъ.

ности четырехклассныхъ уѣздныхъ училищъ достаточно и тѣхъ суммъ, которыя отпускаются теперешнимъ уѣзднымъ училищамъ; незначительная-же недостача въ суммахъ на хозяйственныя надобности всегда можетъ быть покрыта изъ спеціальныхъ средствъ тѣхъ-же училищъ, по мѣрѣ надобности. Вообще-же на 4.000, или-же на 4.200 руб., можно прекрасно содержать четырехклассное уѣздное училище, распредѣливъ эту сумму, примѣрно, такимъ образомъ: инспектору, при казенной квартирѣ, 1.000 руб., тремъ учителямъ по 600 руб., младшему учителю, преподающему искусства, 400 руб., законоучителю 200 руб., на уроки пѣнія и гимнастики по 75 руб. и на библіотеки и проч. хозяйственныя надобности отъ 450 до 650 рублей.

Если инспектора городскихъ училищъ, по нашему предположенію, должны быть свободны отъ занятій въ городскихъ училищахъ, чтобы имѣть возможность завѣдывать начальными училищами въ уѣздѣ, то, скажутъ намъ, не лучше-ли поручить это дѣло людямъ, совершенно свободнымъ отъ всякихъ постороннихъ занятій, каковы и есть инспектора народныхъ училищъ, однимъ словомъ оставить дѣло такъ, какъ оно теперь? Приводимъ нѣсколько соображеній, съ цѣлью доказать, что преимущество на сторонѣ рекомендуемой нами системы, т.-е. что слѣдуетъ передать завѣдываніе начальными народными училищами инспекторамъ городскихъ училищъ.

Во-первыхъ, инспектора городскихъ училищъ назначаются изъ лучшихъ учителей оныхъ, а въ учителя они опредѣляются по окончаніи курса въ учительскомъ институтѣ. Значитъ, получивъ спеціальную подготовку, они практикуютъ нѣсколько лѣтъ въ качествѣ учителей, и только тогда, когда зарекомендуютъ себя съ хорошей стороны, назначаются на должности инспекторовъ городскихъ училищъ. На этихъ должностяхъ имъ снова открывается широкое поле для педагогической дѣятельности — наблюденій за преподаваніемъ, сравненій и всесторонняго изученія учебнаго дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и административной части. Такія спеціальная подготовка и практика дали-бы этимъ лицамъ возможность, въ случаѣ передачи въ ихъ вѣдѣніе сельскихъ начальныхъ училищъ, быть дѣльными и опытными ихъ руководителями. Всѣ улучшенія въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, съ которыми и учительскіе институты знакомятъ своихъ питомцевъ, своевременно проводились-бы въ среду сельскихъ учителей чрезъ этихъ ихъ руководителей. Удовлетворяетъ-ли нынѣ такому требованію большинство инспекторовъ народныхъ училищъ, назначаемыхъ изъ различныхъ вѣдомствъ и преподавателей гомилетики, хотя-бы они и имѣли честь гордиться окончаніемъ курса въ духовныхъ академіяхъ?..

*

Въ настоящее время начальныя школы и городскія училища такъ разъединены, что не имѣютъ ничего общаго другъ съ другомъ. Нормально-ли это? Если-бы инспектора городскихъ училищъ управляли начальными школами, то какой богатый матеріалъ представился-бы ихъ наблюденію! Матеріалъ этотъ могъ-бы обсуждаться ими совмѣстно съ сотоварищами по городскому училищу въ ежедневныхъ бесѣдахъ, а въ случаѣ надобности и коллегіально. Все это лицамъ, завѣдывающимъ училищами, облегчало-бы дѣло завѣдыванія ими, а сельскимъ учителямъ давало-бы возможность познакомиться съ лучшей практикой. Такой роли не можетъ играть инспекторъ народныхъ училищъ, если-бы онъ даже былъ избираемъ, въ лучшемъ случаѣ, изъ инспекторовъ городскихъ училищъ, чего, впрочемъ, почти никогда не бываетъ, кромѣ утвержденія лицъ, избранныхъ на эту должность земствомъ. Съ назначеніемъ такого лица на должность инспектора народныхъ училищъ, оно становится ревизоромъ, т.-е. болѣе нежели чужимъ для городскихъ училищъ, и если-бы оно вздумало повести дѣло такъ, какъ мы изобразили, то это никогда не удалось-бы ему. Инспекторъ-же городскаго училища, завѣдывая училищемъ городскимъ и въ то-же время начальными школами, могъ-бы внести единство въ методы преподаванія и сдѣлаться связующимъ звономъ между тѣми и другими. При этомъ городскія училища сдѣлались-бы для сельскихъ образцовыми во всѣхъ отношеніяхъ, открывъ имъ для ознакомленія свои библіотеки учебныхъ руководствъ и кабинеты учебныхъ пособій, которые въ этомъ случаѣ играли-бы въ уѣздахъ роль даровыхъ учебныхъ музеевъ *).

Наконецъ, въ настоящее время многіе инспектора городскихъ училищъ, будучи вполнѣ подготовленными къ руководительству сельскими школами, зарекомендовавшіе себя на службѣ съ прекрасной стороны, какъ знатоки учебнаго дѣла, въ виду изъятія изъ ихъ вѣдѣнія сельскихъ школъ, являются по отношенію къ нимъ силами недѣйствующими, а потому знаніе ими учебнаго дѣла и многолѣтній опытъ остаются, ко вреду для этого дѣла, безъ приложенія. На должности-же инспекторовъ народныхъ училищъ они не назначаются, потому что всегда есть множество кандидатовъ на эти хорошо оплачиваемыя должности изъ лицъ, служившихъ или въ другихъ вѣдомствахъ, или-же изъ учебнаго вѣдомства, но проходившихъ совсѣмъ другой родъ службы, имѣющихъ высшее образованіе и, что самое важное, сильную протекцію,

*) Авторъ, повидимому, забываетъ, что выше онъ предлагалъ закрыть первые два класса городскихъ училищъ, т.-е. изгнать изъ нихъ начальное обученіе въ тѣсномъ смыслѣ этого понятія. *Ред.*

тогда какъ у инспекторовъ городскихъ училищъ, людей труда, ничего такого, кромѣ пригодности къ дѣлу, нѣтъ.

Государственный Совѣтъ, мнѣніе котораго впослѣдствіи получило силу закона, при разсмотрѣніи статьи 21 положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, въ которой установленъ образовательный цензъ для директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, высказался за высшее образованіе для первыхъ, но рѣшительно отвергъ это требованіе для вторыхъ, признавъ за необходимое дать возможность къ замѣщенію должностей инспекторовъ народныхъ училищъ лицами, хотя и не получившими высшаго образованія, но потрудившимися на учительскомъ поприщѣ и зарекомендовавшими себя практическимъ знаніемъ дѣла. Для ясности мы приводимъ слѣдующія двѣ выписки.

Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ. (Изъ тома VI «Сборника постановленій по Мин. Нар. Просвѣщенія» за 1874 г., стр. 223—227):

Ст. 21. Директоръ народныхъ училищъ избирается попечителемъ учебнаго округа изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе, и утверждается въ должности Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Инспекторы народныхъ училищъ избираются изъ лицъ, извѣстныхъ педагогическою опытностію, и утверждаются въ должности попечителемъ учебнаго округа.

Выписка изъ журнала общаго собранія Государственнаго Совѣта 6-го мая 1874 г. о преобразованіи управленія низшими училищами вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

(См. тотъ-же томъ «Сборника», стр. 234 и 236).

6. По смыслу ст. 21-й, на должности инспекторовъ народныхъ училищъ могутъ быть избираемы лица, и неполучившія высшаго образованія.

«Требованіе, чтобы должности инспекторовъ народныхъ училищъ замѣщались исключительно лицами, окончившими курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣло-бы то неудобство, что лишало-бы возможности воспользоваться услугами многихъ способныхъ именно для этого рода дѣятельности лицъ, каковыя нерѣдко встрѣчаются между окончившими курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ *) и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, въ видахъ болѣе строгаго выбора дѣятелей, предназначенныхъ быть непосредственными руководителями народныхъ училищъ, слѣдуетъ, однако, постановить правиломъ, чтобы инспекторы сихъ училищъ избирались изъ лицъ, извѣстныхъ своею педагогическою опытностію, сообразно чему и дополнить ст. 21-ю разсматриваемаго проекта». См. стр. 236.

Нынѣ, при замѣщеніи должностей инспекторовъ народныхъ училищъ это мудрое соображеніе высшаго законодательнаго государственнаго учрежденія, одобренное верховною властію, почему-то никогда почти не принимается въ руководство, въ интересахъ лицъ, неимѣющихъ надлежащей подготовки къ веденію дѣла народнаго образова-

*) Въ то время учительскіе институты еще не дѣлали выпусковъ.

Прим. автора.

нія и въ ущербъ этому дѣлу. По нашему мнѣнію, единственный способъ въ корнѣ пресѣченія наплыва въ среду лицъ, которымъ поручается руководительство начальною школою, такихъ постороннихъ элементовъ, которые, будучи совершенно чужды ей, парализуютъ дѣло начальнаго образованія, заключается именно въ передачѣ завѣдыванія начальными школами инспекторамъ городскихъ училищъ. Компетенція этихъ лицъ въ дѣлѣ народнаго образованія не подлежитъ сомнѣнію, тогда какъ «педагогическая опытность» теперешнихъ руководителей начальной школы, неимѣющихъ образовательнаго педагогическаго ценза, болѣе чѣмъ сомнительно. Впрочемъ, желаемаго нами улучшенія можно ожидать въ томъ лишь случаѣ, если на должности инспекторовъ городскихъ училищъ, въ случаѣ порученія симъ послѣднимъ завѣдыванія начальными училищами, запрещено будетъ закономъ допускать исправляющими должность такихъ лицъ, которыя не будутъ имѣть свидѣтельствъ на званіе городскаго учителя, а въ противномъ случаѣ немедленно появятся пожизненные исправляющіе должность безъ образовательно-педагогическаго ценза, чѣмъ и подорвется желательное мѣропріятіе.

Въ заключеніе позволимъ себѣ перечислить рядъ тѣхъ мѣропріятій, касающихся городскихъ училищъ и завѣдыванія начальными народными училищами, которыя поставили-бы дѣло образованія городскаго и сельскаго населенія на болѣе правильный, по нашему мнѣнію, путь.

1) Необходимо поставить городскія училища въ независимое положеніе отъ городовъ относительно училищныхъ помѣщеній, а для этого слѣдуетъ отнести устройство этихъ помѣщеній на средства казны, тѣмъ болѣе, что ремонтъ этихъ помѣщеній производится и въ настоящее время на казенный счетъ.

2) Обученіе въ городскихъ училищахъ начинать не съ азбуки, какъ теперь, а съ элементарныхъ систематическихъ курсовъ тѣхъ предметовъ, изученіе которыхъ въ настоящее время начинается съ третьяго года ученія въ городскихъ училищахъ, почему теперешній первый классъ (первое и второе отдѣленіе) этихъ училищъ закрыть, а остающіяся затѣмъ четыре отдѣленіи обратить въ самостоятельные классы, и въ первый изъ нихъ принимать окончившихъ курсъ въ приходскихъ училищахъ и другихъ дѣтей, имѣющихъ равныя съ этими кандидатами познанія.

3) Уравнять во всѣхъ городскихъ училищахъ число классовъ, сдѣлавъ всѣ городскія и оставшіяся еще непреобразованными уѣздныя

училища четырехклассными уѣздными училищами, при четырехъ предметныхъ преподавателяхъ и инспекторѣ, для чего достаточно ежегодно отпускать на каждое четырехклассное уѣздное училище отъ 4.000 до 4.200 рублей изъ суммъ, могущихъ остаться свободными отъ уничтоженія административныхъ должностныхъ лицъ, завѣдывающихъ въ настоящее время начальными народными училищами.

4) Завѣдываніе начальными народными училищами въ уѣздѣ возложить на инспекторовъ городскихъ училищъ, которыхъ освободить отъ учебныхъ занятій въ четырехклассныхъ училищахъ, какъ на лицъ, подготовленныхъ къ руководительству начальными училищами спеціальнымъ педагогическимъ образованіемъ и учительской практикой.

А. Г...инъ.

ШКОЛА И ГРАМОТНОСТЬ ВЪ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(По даннымъ мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованій).

(Окончаніе).

Грамотность.

I.

По принятому земскими статистиками правилу, грамотнымъ считается обыкновенно тотъ, кто обладаетъ умѣньемъ читать и писать, или даже хотя-бы только читать. Сибирскіе статистики, трудами которыхъ мы пользуемся въ настоящей работѣ, оказываются въ этомъ случаѣ еще менѣе требовательными. Они къ числу грамотныхъ относятъ и такихъ лицъ, которыя въ моментъ переписи оказывались могущими тольки подписать свое имя, т.-е. такихъ, которыхъ и въ группу полуграмотныхъ можно отнести лишь съ большою натяжкой.

Какъ мы уже показали въ предыдущей части нашей статьи, въ дѣлѣ распространенія грамотности среди сельскаго населенія Иркутской губ. едва-ли не первенствующая роль принадлежитъ домашнимъ или частнымъ школамъ, т.-е. школамъ, которыя не могутъ дать своимъ ученикамъ бо̀льшаго, какъ только умѣнье читать да писать, а равно и то, что и результаты дѣятельности оффиціальныхъ школъ сводятся почти къ тому-же; припомнивъ также, что, благодаря крайнему недостатку въ библіотекахъ, грамотность, выносимая изъ школы, не имѣетъ возможности въ дальнѣйшемъ самостоятельно развиваться и совершенствоваться,—мы смѣло можемъ сказать, что, въ общемъ, грамотность стоитъ здѣсь на чрезвычайно низкомъ уровнѣ своего качественнаго развитія. Посмотримъ теперь, на сколько она развита численно.

Зачисляя въ группу грамотныхъ учащееся и полуграмотное населеніе, получимъ, что такая группа, равная 13.005 душамъ, по отно-

шенію ко всей массѣ населенія трехъ округовъ (Иркутскаго, Балаганскаго и Нижнеудинскаго) составитъ 5,6%. Слѣдовательно, на 1.000 душъ населенія грамотныхъ приходится только 56 человѣкъ. Но и изъ этихъ 56 человѣкъ, какъ сейчасъ увидимъ, далеко не всѣ обладаютъ грамотностью, какъ силой, могущей быть полезной въ духовной и практической жизни. Для многихъ ея значеніе сводится почти къ нулю. Въ самомъ дѣлѣ, какое серьезное значеніе можетъ имѣть для человѣка его умѣнье подписать свое имя подъ бумагой, прочитать которую онъ не въ состояніи, или умѣнье кое-какъ разобрать печатный текстъ?.. Между тѣмъ такіе грамотеи въ значительномъ количествѣ зачислены въ группу грамотныхъ... Поэтому, чтобъ представленіе о грамотности составилось у насъ въ данномъ случаѣ возможно точное, необходимо данную группу грамотныхъ разбить на ея составныя части, условно соединенныя въ одно цѣлое, и разсмотрѣть ихъ отдѣльно. Въ результатѣ такой операціи получимъ, что въ моментъ изслѣдованія было:

	Абсолютныя числа	% отношеніе къ условной группѣ грамотныхъ.
Уже обладающихъ умѣньемъ minimum читать и писать, т.-е. вполнѣ грамотныхъ	6.176 чел.	47 чел.
Учащихся читать и писать	2.712 »	21 »
Умѣющихъ только читать или только написать свое имя, т.-е. полуграмотныхъ	4.117 »	32 »

Отсюда видно, что для доброй половины лицъ, вошедшихъ въ группу грамотныхъ, грамотность являлась въ моментъ изслѣдованія не существующимъ уже фактомъ дѣйствительности, а лишь какъ нѣчто, болѣе или менѣе вѣроятное, да и то, разумѣется, далеко не для всѣхъ. Такимъ образомъ, изслѣдованіе сибирской грамотности со стороны ея количества и качества приводитъ насъ къ тому общему заключенію, что, ничтожная по числу своихъ представителей, слабая по своему качеству, она не представляетъ еще серьезной общественной силы. Такая роль ея—въ будущемъ, если только она сдѣлается предметомъ искреннихъ серьезныхъ заботъ правительства и общества.

Но, какъ-бы то ни было, грамотность все-же представляетъ здѣсь общественное благо. Поэтому вопросъ о распредѣленіи ея между отдѣльными частями населенія имѣетъ существенное значеніе. Представляемая таблица даетъ матеріалы для освѣщенія этого вопроса *),

*) Здѣсь въ группу грамотныхъ мы заносимъ всѣхъ, кто обладаетъ умѣньемъ хотя-бы только читать или подписать свое имя.

НАЗВАНІЕ НАРОДНОСТЕЙ И ОКРУГОВЪ.	Общее число населенія.			Общее число грамотныхъ.			°/o отношеніе числа грамотныхъ.		
	Мужч.	Женщ.	Всѣхъ.	Мужч.	Женщ.	Всѣхъ.	Муж. къ мужск. населен.	Жен. къ женск. населен.	Обоего пола ко всему насел.
Русскіе.									
Иркутскій окр. .	26.247	25.148	51.395	3.336	256	3.592	12,7	1,2	6,9
Балаганскій окр. .	31.259	30.581	61.840	3.882	270	4.152	12,4	0,9	6,7
Н.-Удинскій окр.	18.571	18.175	36.746	1.970	190	2.160	10,6	1,0	5,8
Итого. .	76.077	73.904	149.981	9.188	716	9.904	12,1	1,0	6,6
Буряты.									
Иркутскій окр. .	14.050	13.021	27.071	517	27	544	3,7	0 2	2,1
Балаганскій окр. .	27.576	25.154	52.730	2.483	51	2.534	9,0	0,2	4,8
Н.-Удинскій окр.	585	536	1.121	23	—	23	3,9	—	2,1
Итого. .	42.211	38.711	80.922	3.023	78	3.101	7,2	0,2	3,8
Обѣ народности.									
Иркутскій окр. .	40.297	38.169	78.466	3.853	283	4.136	9,6	0,7	5,2
Балаганскій окр. .	58.835	55.735	114.570	6.365	321	6.686	10,8	0,6	5,8
Н.-Удинскій окр.	19.156	18.711	37.867	1.993	190	2.183	10,4	1,0	5,7
Итого. .	118.288	112.615	230.903	12.211	794	13.005	10,3	0,7	5,6

Таблица показываетъ, что °/o грамотныхъ, слабо колеблясь по отдѣльнымъ округамъ (отъ 52 до 57—58), претерпѣваетъ рѣзкое колебаніе въ зависимости какъ отъ народности (въ предѣлахъ отъ 38 до 66), такъ и отъ пола (въ предѣлахъ отъ 7 до 103). Отсюда видно, что грамотные распредѣляются между округами болѣе или менѣе равномѣрно, по народностямъ-же и особенно по поламъ — крайне неравномѣрно. То-же самое обнаруживается сопоставленіемъ слѣдующихъ данныхъ.

			Разность.
I. На 1.000 душъ населенія приходится:			
Въ Иркутскомъ округѣ	52	чел.	—
» Балаганскомъ округѣ.	58	»	+ 6
» Н.-Удинскомъ округѣ	57	»	+ 5 и + 1
II. У русскихъ	66	»	—
» бурятъ	38	»	— 28
III. На 1.000 душъ мужск. насел. грам. мужч. приходится .	103	»	—
» 1.000 » женск. » » женщ. » .	7	»	— 96

Чтобъ нагляднѣе показать дѣйствительное значеніе приведенныхъ цыфровыхъ данныхъ, сопоставимъ ихъ съ чѣмъ-либо общеизвѣстнымъ, напримѣръ, съ состояніемъ грамотности въ Москвѣ и Петербургѣ.

Въ первомъ изъ этихъ городовъ грамотные, какъ извѣстно, составляютъ 46,8°/o всего населенія, во второмъ—59,2°/o.

Слѣдовательно, сравнительно съ Москвой, грамотность развита слабѣе: въ 9 разъ въ Иркутскомъ округѣ и слишкомъ въ 8 разъ въ Балаганскомъ и Нижнеудинскомъ округахъ. Сравнительно-же съ Петербургомъ она стоитъ ниже: въ Иркутскомъ округѣ почти въ $11^1/_2$ разъ, а въ остальныхъ двухъ округахъ почти въ $11^1/_4$ разъ.

Интересно, въ тѣхъ-же видахъ, сопоставить данныя о грамотности въ округахъ съ таковыми-же въ уѣздахъ Европейской Россіи.

Возьмемъ 110 уѣздовъ, о грамотности которыхъ у насъ имѣются цыфровыя данныя *), и 3 округа Иркутской губерніи, и расположимъ ихъ въ рядъ, по проценту грамотныхъ, въ нисходящемъ порядкѣ. Первое мѣсто въ этомъ ряду займетъ Петербургскій уѣздъ, гдѣ грамотные составляютъ 38,3%, послѣднее-же—Бугульминскій уѣздъ, въ которомъ % грамотности ниспадаетъ до 2,1. Балаганскій округъ станетъ рядомъ (на 71 мѣстѣ) съ 5 уѣздами: Бузулукскимъ, Корочанскимъ, Курскимъ, Зеньковскимъ и Золотоношскимъ. Нижнеудинскій округъ получитъ 73 мѣсто, рядомъ съ Кременчугскимъ и Кролевецкимъ уѣздами, а Иркутскій, ставъ на 83 мѣсто, будетъ сосѣдомъ съ Грайворонскимъ уѣздомъ.

Знакомясь далѣе съ распредѣленіемъ грамотныхъ по отдѣльнымъ волостямъ и вѣдомствамъ, еще болѣе поражаешься царящей здѣсь безграмотностью, такъ какъ наблюдаемая на меньшемъ пространствѣ, она выступаетъ съ наибольшею рельефностью. Въ самомъ дѣлѣ, мы иногда попадаемъ здѣсь въ такіе поистинѣ «медвѣжьи углы» (напр., Новоудинская волость, Балаганскаго округа), гдѣ, пройдя почти тысячу дворовъ, опросивъ около пяти тысячъ человѣкъ, лишь въ девятидесяти дворахъ найдешь грамотнаго человѣка. Въ остальныхъ-же дворахъ царитъ поголовная безграмотность. И, что особенно прискорбно, этой безграмотности не предвидится конца, такъ какъ учащихся здѣсь почти нѣтъ: на всю волость ихъ только шесть человѣкъ. Правда, приведенный фактъ имѣетъ значеніе отдѣльнаго строя, и притомъ такого, когда безграмотность достигаетъ своей кульминаціонной точки. Однако, и факты, имѣющіе широкое распространеніе и выражающіе среднюю степень безграмотности, по своему значенію близки къ только что приведенному. Самымъ счастливымъ случаемъ здѣсь приходится считать тотъ, когда тысячи на полторы дворовъ съ поголовно безграмотнымъ людомъ придется до пятисотъ дворовъ, обладающихъ грамотнымъ человѣкомъ. Но такія мѣстности встрѣчаются только два

*) Эти данныя мы заимствуемъ изъ статьи г. Бычкова: «Грамотность сельскаго населенія», Юридическій Вѣстникъ 1890 г., Томъ V.

раза, не смотря на всю громадность пространства Иркутской губерніи, занимаемаго русскимъ населеніемъ. Такъ обстоитъ дѣло у русскихъ. У бурятъ грамотность стоитъ еще ниже, а потому помощь со стороны правительства здѣсь нужна еще настоятельнѣе.

Сопоставимъ степень безграмотности даннаго района (степень эту выразимъ числомъ безграмотныхъ на каждую тысячу душъ населенія района) съ степенью силы, съ которой совершается въ немъ развитіе грамотности (эту степень выразимъ числомъ учащихся на 1.000 душъ школьнаго возраста), и расположимъ районы въ нисходящемъ порядкѣ по той и другой степени. Получится такая таблица:

	I.		II.	
	На 1.000 душъ населенія неграмотныхъ.	На 1.000 душъ школьн. возр. учащихся.	Мѣсто, занимаемое по % грамотныхъ.	Мѣсто, занимаемое по % учащихся.
Волости.				
1 Малышинская	899	271	1	2
2 Малышевская	906	241	2	5
3 Тельминская	907	295	3	1
4 Кимильтейская	910	192	4	13
5 Зиминская	912	221	5	7
6 Черемховская	914	202	6	11
7 Суховская	914	234	7	6
8 Идинская	918	181	8	15
9 Усть-Балейская	920	252	9	4
10 Заларинская	923	217	10	8
11 Куйтунская	927	197	11	12
12 Уриковская	933	204	12	10
13 Осинская	933	259	13	3
14 Евсеевская	934	187	14	14
15 Смоленская	935	96	15	24
16 Бѣльская	939	105	16	22
17 Тункинская	941	148	17	16
18 Тулунская	945	137	18	19
19 Оекская	946	120	19	22
20 Алзамайская	946	121	20	21
21 Тугутуйская	953	144	21	18
22 Братская	953	147	22	17
23 Хомутовская	954	215	23	9
24 Усть-Удинская	961	79	24	26
25 Б. Мамырская	964	100	25	24
26 Яндинская	966	127	26	20
27 Новоудинская	981	14	27	27
Вѣдомства.				
1 Боханское	919	257	1	1
2 Укырское	949	175	2	2

3 Балаганское	951	116	3	10
4 Капсальское	953	105	4	4
5 Бильчирское	953	90	5	5
6 Молькинское	955	89	6	7
7 Улейское.	957	88	7	8
8 Аларское.	969	45	8	11
9 Кудинское	977	116	9	3
10 Нижнеудинская Землица.	979	79	10	6
11 Китойское	986	70	11	9
12 Тункинское	987	28	12	12

Значительно большое число случаевъ (изъ 39-ти 26) почти полнаго совпаденія мѣстъ, занимаемыхъ райономъ (волостью и вѣдомствомъ) по высотѣ той и другой степени, даетъ намъ основаніе утверждать, что районъ, наиболѣе безграмотный въ настоящее время, останется, по всей вѣроятности, таковымъ и на будущее время, и такъ-какъ число наиболѣе безграмотныхъ районовъ *) далеко превосходитъ число противоположныхъ, то мы, кромѣ того, говоримъ, что безграмотность засѣла здѣсь прочно и что конца ей не предвидится, разъ условія школьнаго образованія не измѣнятся къ лучшему... Переходимъ къ разсмотрѣнію зависимости грамотности отъ факторовъ, вліяніе которыхъ обнаруживается наиболѣе замѣтно.

II.

Цѣлесообразно организованная школа представляетъ собою, безъ сомнѣнія, могущественнѣйшій факторъ въ дѣлѣ развитія народной грамотности. Правда, грамотность, какъ и всякое другое соціальное явленіе, есть продуктъ совокупной дѣятельности цѣлой массы причинъ, часто совершенно неуловимыхъ. На ея развитіе оказываютъ вліяніе и такіе факторы, какъ географическое положеніе мѣстности (близость къ центрамъ умственной и промысловой дѣятельности дѣйствуетъ положительно, обратныя условія—отрицательно) и обезпеченность населенія въ матеріальномъ отношеніи, такъ равно и такіе, какъ особенности бытовой и религіозной жизни.

Значеніе-же рѣшающаго момента все-таки должно признать за школой. Чѣмъ больше въ данномъ районѣ школъ, чѣмъ глубже въ старину уходитъ начало ихъ дѣятельности, тѣмъ выше въ немъ процентъ

*) Степень безграмотности губерніи (въ среднемъ) выражается числомъ 944, т.-е. на 1.000 душъ населенія безграмотныхъ, въ среднемъ, приходится 944 человѣка. Районы, безграмотность которыхъ превосходитъ таковую погубернскую, мы считаемъ наиболѣе безграмотными, районы наименѣе безграмотные будутъ тѣ, степень безграмотности которыхъ ниже таковой погубернской.

грамотныхъ. Какъ-бы неблагопріятно ни сложились прочія условія жизни, наличность достаточнаго числа хорошихъ школъ, если не совсѣмъ, то въ весьма значительной степени ослабитъ вредное вліяніе этихъ условій на грамотность. За экономическими факторами слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, признать весьма существенную роль въ дѣлѣ грамотности. Но эти факторы имѣютъ ту выгодную особенность, что при наличности школъ они въ томъ и другомъ случаѣ побуждаютъ населеніе учиться. Т.-е., населеніе наиболѣе матеріально обезпеченное и населеніе наименѣе матеріально обезпеченное почти въ одинаковой степени стремятся въ школу. У перваго стремленіе въ школу, желаніе быть образованнымъ является результатомъ досуга и достатка, часто дѣломъ моды; для второго, т.-е. для населенія, матеріально не обезпеченнаго, грамотность представляется какъ новое средство для борьбы за существованіе. Поэтому и оно стремится въ школу. Сверхъ того, и въ томъ, и другомъ случаѣ школѣ приходится имѣть дѣло съ народомъ, стоящимъ уже на той ступени умственнаго роста, когда потребность въ знаніи дѣлается весьма интенсивной. И эта интенсивность въ стремленіи къ знанію, вмѣстѣ съ наличностью достаточнаго числа благоустроенныхъ школъ, представляютъ собою полный противовѣсъ прочимъ факторамъ, задерживающимъ развитіе народной грамотности. Поэтому задача школьной политики заключается прежде всего въ томъ, чтобы улучшить существующія школы и создать новыя, недостающія. И такъ какъ невѣжество народныхъ массъ, какъ свидѣтельствуетъ исторія, всегда и вездѣ являлось и является зломъ общегосударственнымъ, ибо грозитъ опасностью самой жизни—государству, то забота о народномъ образованіи, о школахъ для народа, есть прежде всего дѣло государства, особенно у насъ, въ Россіи, гдѣ общественная самодѣятельность, которая могла-бы раздѣлить съ государствомъ заботу объ образованіи народа, слабо воспитана исторіей прошлаго. Возвращаемся къ вопросу о достаточности числа школъ, какъ къ главному условію, обезпечивающему развитіе грамотности.

Если Иркутскую губернію, въ отношеніи грамотности, раздѣлить на четыре района, гдѣ грамотность послѣдовательно выражается 4, 4—6, 6—8 и свыше 8%, и подсчитать число школъ въ каждомъ изъ этихъ районовъ, то получится блестящее подтвержденіе сказаннаго нами о преобладающемъ значеніи достаточности числа школъ. Въ самомъ дѣлѣ, оказывается, что въ первомъ районѣ одна школа приходится на 4.698 душъ, во второмъ—на 3.406, въ третьемъ—на 3.260 и въ четвертомъ—на 2.555. Разумѣется, въ каждомъ изъ этихъ районовъ имѣютъ мѣсто всевозможные факторы, дѣйствующіе въ раз-

ныхъ направленіяхъ на грамотность; однако, на степень ея развитія самымъ рѣшительнымъ образомъ повліяло число школъ. Чѣмъ населеніе наиболѣе обезпечено школами, тѣмъ оно оказалось и наиболѣе грамотно, хотя прочія условія были, конечно, неодинаковы.

Наиболѣе вѣрнымъ показателемъ матеріальной зажиточности сельскаго населенія является размѣръ запашки. Наблюденія надъ 11 волостями пріангарскаго района, гдѣ жизнь населенія, въ общемъ, довольно одинакова, также подтверждаютъ высказанное нами выше положеніе объ экономическихъ факторахъ въ области народнаго образованія. Въ самомъ дѣлѣ, совершенно безземельные и наименѣе обезпеченные землей, съ одной стороны, и наиболѣе обезпеченные ею—съ другой, даютъ наивысшіе проценты грамотности.

Вотъ относящіяся сюда цыфры:

Десятинъ пашни.	Процентъ грамотныхъ.	Процентъ учащихся.
0	10,6	2,2
до 5	5,8	1,7
5—10	5,8	1,7
10—20	7,2	2,4
20—40	10,8	2,7
бол. 40	19,6	4,1

Замѣтное и вполнѣ понятное вліяніе на относительную распространенность грамотности оказываетъ географическое положеніе мѣстности. Такъ, волости притрактоваго района даютъ 7,9% грамотныхъ и учащихся, волости, удаленныя отъ трактовъ—только 5,7%.

Мы разсмотрѣли вліяніе главнѣйшихъ факторовъ, которые обнаруживаются съ полной очевидностью. Вліяніе остальныхъ мы опускаемъ: оно и незначительно само по себѣ, и, за неимѣніемъ въ нашемъ распоряженіи необходимыхъ данныхъ, не можетъ быть показано съ достаточной ясностью. Скажемъ въ заключеніе нашей статьи, «что не худо-бы было такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ безграмотнаго человѣка», потому что «не малая пакость крестьянамъ чинится и оттого, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ» *).

П. Шестаковъ.

---

*) И. Т. Посошковъ, ч. 1, стр. 176.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

«Токологія или наука о рожденіи дѣтей». Книга для женщинъ д-ра медицины Алисы Стокгэмъ. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого, съ портретомъ автора, примѣчаніями его къ русскому изданію и рисунками. Переводъ съ англійскаго С. Долгова. Цѣна книги въ первомъ изданіи 3 р., во второмъ, удешевленномъ, 2 р. 1892 г.

Имя нашего великаго писателя, графа Л. Н. Толстого, столь популярно, что стоитъ только появиться сочиненію, на которомъ оно вставлено, какъ тысячи глазъ жадно впиваются въ каждую его строку, ища въ немъ чего-то оригинальнаго, смѣло высказаннаго, новаго. Въ настоящее время у насъ едва-ли произведенія какого-либо другого автора читаются съ такимъ-же вниманіемъ и даже жадностью, которыя вызываютъ столько-же толковъ и споровъ, какъ именно произведенія Л. Толстого. У насъ очень дорожатъ мнѣніемъ Льва Николаевича; для очень многихъ всѣ высказанныя имъ сужденія безусловно авторитетны и непогрѣшимы. Этимъ, вѣроятно, и можно себѣ объяснить успѣхъ новой книги американскаго женщины-врача Алисы Стокгэмъ, преподнесенной въ переводѣ русскимъ женщинамъ,— книги, къ которой Левъ Николаевичъ очень тепло отнесся, написавъ столь хорошо ее рекомендующее предисловіе. «Оригиналъ этой книги,— пишетъ переводчикъ въ своемъ предисловіи,— былъ, года два тому назадъ, присланъ авторомъ Л. Н. Толстому. Найдя книгу достойною вниманія нашего общества, онъ посовѣтовалъ мнѣ, испросивъ предварительно согласіе автора, перевести ее на русскій языкъ. Осенью 1889 г., г-жа Стокгэмъ пріѣзжала въ Россію, пробыла, между прочимъ, нѣсколько недѣль въ Москвѣ, гдѣ старалась ознакомиться съ нѣкоторыми особенностями русской жизни, имѣющими отношеніе къ предмету ея книги, съ цѣлью, по возможности, примѣнить русское изданіе ея къ потребностямъ и условіямъ нашего быта; главнымъ-же

образомъ ей приходилось сообразоваться съ тѣмъ, что у насъ имѣется по части плодовъ, овощей и зерновыхъ хлѣбовъ, столь рекомендуемыхъ ею въ своей книгѣ. Эти соображенія вызвали нѣкоторыя измѣненія первоначальнаго текста и довольно многочисленныя примѣчанія автора къ русскому изданію». Изъ этихъ словъ переводчика можно сдѣлать то заключеніе, что Л. Н. Толстой придавалъ очень большое значеніе «Токологіи»; и что авторъ оригинала затратилъ не мало силъ и времени, чтобы приспособить свое сочиненіе къ потребностямъ русской читающей публики; такъ поступить онъ могъ только при сильнй поддержкѣ русскаго великаго писателя и надѣясь на успѣхъ.

Посмотримъ-же, что именно самъ графъ Л. Н. Толстой въ книгѣ находитъ хорошаго? Онъ пишетъ: «Предлагаемая книга... одна изъ тѣхъ рѣдкихъ книгъ, которыя трактуютъ не о томъ, о чемъ всѣ говорятъ и что никому ненужно, а о томъ, о чемъ никто не говоритъ, и что всѣмъ важно и нужно. Важно родителямъ знать, какъ вести себя, чтобы безъ излишнихъ страданій производить неиспорченныхъ и здоровыхъ дѣтей, и еще важнѣе самимъ дѣтямъ будущимъ рождаться въ наилучшихъ условіяхъ, какъ и сказано въ одномъ изъ эпиграфовъ этой книги «to be well born is the right of every child» (быть хорошо рожденнымъ — право каждаго ребенка)». Далѣе: «Книга эта изъ тѣхъ, чтеніе которыхъ оставляетъ слѣды, заставляя измѣнить жизнь, исправлять то, что въ ней неправильно, или, по крайней мѣрѣ, думать объ этомъ». «Книга эта имѣла огромный успѣхъ въ Америкѣ и имѣла важное и большое вліяніе на американскихъ матерей и отцовъ. Въ Россіи она должна-бы оказать еще большее вліяніе. Вопросы о воздержаніи отъ табака и всякихъ возбудительныхъ напитковъ, начиная отъ алкоголя и кончая чаемъ, вопросы о питаніи безъ убійства живыхъ веществъ, вегетаріанство, вопросы о половомъ воздержаніи въ семейной жизни и мн. др. отчасти уже рѣшенные, отчасти разрабатываемые и имѣющіе огромную литературу въ Европѣ и Америкѣ, у насъ еще и не затрогиваются, а потому книга Стокгэмъ особенно важна для насъ: она сразу переноситъ читателя въ новый для него міръ человѣческаго движенія». Въ заключеніе Левъ Николаевичъ, рекомендуя книгу мыслящей читательницѣ, говоритъ, что «она найдетъ въ ней много драгоцѣнныхъ совѣтовъ и указаній, которые облегчатъ жизнь ей, ея мужу и дѣтямъ».

Увертюра къ оперѣ, какъ видитъ читатель, самая блестящая. Всякій, кто возьметъ названную книгу первый разъ въ руки и прочтетъ одно только предисловіе, едва-ли устоитъ отъ искушенія прочесть ее всю—настолько она, судя по предисловію, покажется ему интересной.

Всякому хочется узнать, что это такое «то, о чемъ никто не говоритъ и что всѣмъ важно и нужно»? Что̀ это за вопросы, «которые у насъ еще и не затрагиваются». Заглавіе книги также въ высшей степени заманчивое, предметъ въ высокой степени важный и интересный, изданіе, можно сказать, изящное. Но важнѣе всего обаяніе, производимое одобрительнымъ отзывомъ Л. Н. Толстого, популярнѣйшаго изъ живущихъ русскихъ писателей. Несомнѣнно, что такая книга должна имѣть успѣхъ и будетъ имѣть широкое распространеніе.

Но если все это такъ, то книга заслуживаетъ серьезнаго вниманія критики, объ ней стоитъ говорить серьезно, какова-бы она ни была по существу.

Судя по заглавію, книга носитъ довольно спеціальный характеръ: «Токологія»—есть наука о рожденіи дѣтей, слѣдовательно, сочиненіе по токологіи должно обладать тѣми качествами, которыя вообще свойственны всякому научному труду, т.-е. оно должно представлять собою довольно стройное и систематичное изложеніе истинъ, добытыхъ путемъ безпристрастнаго, объективнаго изслѣдованія. Книга можетъ быть очень популярна, т.-е. доступна пониманію многихъ по изложенію, но вслѣдствіе этого характерныя черты научнаго сочиненія въ ней не должны исчезать,—тѣмъ болѣе, что она трактуетъ о чемъ-то новомъ, что естественно требуетъ солидныхъ доказательствъ и безпристрастной провѣрки фактовъ. Примѣняя эту точку зрѣнія къ новому труду, посмотримъ, насколько онъ отвѣчаетъ этимъ задачамъ. Прежде всего—о содержаніи книги. Но мы должны, впрочемъ, оговориться, что авторъ ея очень часто перескакиваетъ съ одного сюжета на другой, часто возвращается къ извѣстной, высказанной имъ, мысли, подыскивая ей при случаѣ тѣ или другія доказательства, а потому передать содержаніе книги по главамъ или частямъ ея—очень затруднительно. Наиболѣе оригинальными главами во всемъ сочиненіи являются: I глава, трактующая о безболѣзненномъ дѣторожденіи; глава XI, въ которой авторъ требуетъ цѣломудрія въ супружескихъ отношеніяхъ, и, наконецъ, главы IV, V и IX, въ которыхъ встрѣчаются особенно оригинальные взгляды автора на діэтетику беременности. Съ обзора этихъ главъ мы и начнемъ, такъ какъ на нихъ въ сущности и сосредоточивается главный интересъ къ книгѣ; эти главы, повидимому, и послужили для Л. Толстого причиной, заставившей его написать такое лестное для автора предисловіе, такъ какъ именно въ нихъ онъ нашелъ подтвержденіе многимъ изъ своихъ излюбленныхъ идей.

Алиса Стокгэмъ въ I-й главѣ своей «Токологіи», «Безболѣзненное

дѣторожденіе», сопоставляетъ между собою слѣдующаго рода факты: во-первыхъ, путешественники и многія компетентныя, по ея мнѣнію, лица признаютъ, что нѣтъ ни одной страны, ни одного племени, ни одного народа, гдѣ-бы рожденіе сопровождалось-бы такими мученіями и трудностями, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, и, главнымъ образомъ, среди образованныхъ классовъ; во-вторыхъ, миссіонеры, путешественники и т. д. указываютъ на то, что женщины дикихъ краснокожихъ племенъ той-же части свѣта не испытываютъ почти никакихъ болей при родахъ,—этотъ актъ совершается у нихъ такъ спокойно и просто, что почти не нарушаетъ обычнаго теченія жизни. Останавливаясь на этихъ фактахъ, А. Стокгэмъ спрашиваетъ себя (стр. 3): «Если тягости и мученія при родахъ естественные спутники физіологическихъ отправленій (какъ принято думать), если это проклятіе, лежащее на женщинахъ, то почему-же богатыя, просвѣщенныя и вообще находящіяся въ лучшихъ условіяхъ женщины больше страдаютъ, чѣмъ крестьянки или жены дикарей?» Американскія женщины, по мнѣнію автора, по воспитанію и по образованію, а также по свободѣ и прогрессу, стоятъ выше другихъ женщинъ,—почему-же онѣ больше другихъ страдаютъ отъ родовъ? Роды и плоды просвѣщенія и цивилизаціи, очевидно, находятся между собою въ разладѣ. Высокообразованная женщина въ отношеніи дѣторожденія гораздо несчастнѣе грубой дикарки. Нельзя не согласиться съ нѣкоторыми объясненіями этого явленія, даваемыми авторомъ: «Въ женщинахъ съ высшимъ образованіемъ и выдающихся умственныхъ способностей,—говоритъ онъ,—встрѣчается чрезмѣрное развитіе духовной стороны и соотвѣтственный недостатокъ физическихъ силъ. Слабость, тщедушность и болѣзненность составляютъ общій удѣлъ большинства ихъ. Изъ цѣлой сотни не найдется ни одной, у которой хватило-бы здоровья и силы для серьезнаго занятія какою-либо избранной наукой или какимъ-бы то ни было производительнымъ трудомъ, и, что еще хуже, большинство ихъ неспособны выполнять обязанности материнства и переносить связанныя съ ними опасности». Ссылаясь на слова д-ра Гайллара Томаса, авторъ прибавляетъ: «Среди современныхъ намъ женщинъ изысканнаго круга почти не цѣнится физическое совершенство, и никто къ нему не стремится. У нашихъ молодыхъ женщинъ слишкомъ замѣтно желаніе быть нѣжными, хрупкими, лишенными всякой выносливости. Болѣе всего боятся онѣ здороваго румянца, округлости и красоты мускулатуры,—вообще, того красиваго образа, который воплощенъ великими художниками въ статуяхъ Венеры Медицейской и Венеры Милосской. Всѣ эти аттрибуты считаются гру-

быми, неприличными для женщины хорошаго тона. Завидуютъ той, цвѣтъ лица которой носитъ болѣзненный оттѣнокъ, мускульное развитіе не допускаетъ мысли объ интересномъ положеніи, а талія можетъ быть охвачена собственными руками».

Неудивительно, конечно, что при такомъ состояніи физическихъ силъ, актъ родовъ совершается съ большими затрудненіями и со страшными мученіями. Считая главной причиной этого явленія антигигіеническій образъ жизни образованныхъ женщинъ, авторъ горячо нападаетъ на многія стороны этой жизни: на постоянное нарушеніе законовъ питанія, на нецѣлесообразность и вредъ ихъ одежды, на недостатокъ въ движеніяхъ и т. д.

Глава XI, подъ названіемъ «Цѣломудріе въ супружескихъ отношеніяхъ», не столько интересна по новизнѣ своей основной идеи, сколько по смѣлости и энергіи, съ которою авторъ трактуетъ, по выраженію Л. Н. Толстого, о томъ, «о чемъ никто не говоритъ и что всѣмъ важно и нужно». Вотъ эта-то иниціатива въ рѣшеніи столь важныхъ вопросовъ семейной жизни и заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, особой признательности по отношенію къ автору.

А. Стокгэмъ полагаетъ, что одна изъ главныхъ причинъ всѣхъ аномалій дѣторожденія есть нецѣломудренная жизнь, которую ведутъ супруги до рожденія дѣтей, во время беременности матери и послѣ родовъ—въ періодъ кормленія ребенка грудью.

«Раздирающіе вопли надорванныхъ страждущихъ женъ, — говоритъ онъ на стр. 141,—высокій процентъ смертности маленькихъ дѣтей доказали, что въ брачныхъ отношеніяхъ господствуетъ такое извращеніе природы, совершаются такія беззаконія, что только огненнымъ перомъ можно выразить весь жгучій смыслъ этого явленія и вселить убѣжденіе правды въ самую глубь души обоихъ половъ. Нужно какое-нибудь чудо свыше, потому что краснорѣчіе тысячи вдохновенныхъ перьевъ не въ силахъ остановить того потока зла и несправедливости, который обуреваетъ женъ и дѣтей подъ маскою брачнаго закона». Указывая на то, что въ мірѣ животныхъ и у дикихъ племенъ человѣчества половыя отношенія существуютъ только для воспроизведенія рода, авторъ недоумѣваетъ, почему «цивилизованные народы (стр. 141), гордящіеся своими религіозными и нравственными правилами, проповѣдуютъ другимъ и сами держатся на практикѣ того взгляда, что нельзя человѣку ограничивать удовлетвореніе своихъ половыхъ потребностей опредѣленнымъ временемъ, увѣряя, что таковъ будто-бы законъ природы».

Авторъ справедливо указываетъ на большой произволъ въ толко-

ваніи того, что естественно и неестественно, допускаемый среди мужчинъ и женщинъ всего цивилизованнаго міра. «Когда только женщинѣ внушаютъ, что добродѣтель есть самый драгоцѣнный камень въ ея коронѣ; когда голосъ народа считаетъ женственность и скромность синонимами воздержанія; когда женщина живетъ въ страхѣ передъ возможностью стать матерью и думаетъ, что воздержаніемъ съ своей стороны можетъ воспрепятствовать возрожденію новой жизни, когда, въ добавокъ, превратные обычаи извращаютъ всѣ отправленія—какъ можемъ мы сказать, что̀ для нея естественно? Затѣмъ, когда, съ другой стороны, внушаютъ мужчинѣ, что добродѣтель не принадлежитъ къ числу его совершенствъ, когда страсти возбуждаются неестественнымъ образомъ жизни, соблазнительными разговорами, мыслями, книгами и дѣлами—имѣемъ-ли мы основаніе сказать, что эта сила страсти вполнѣ естественна и здорова» (стр. 142).

И дѣйствительно, многіе люди, сдѣлавшіеся очень рано развращенными въ извѣстномъ смыслѣ, теряютъ нерѣдко способность судить о томъ, что̀ естественно и противоестественно, они склонны оправдывать свои слабости потребностями организма, благо имъ потворствуютъ общеустановленные обычаи и традиціи. Критика при этихъ условіяхъ не легка, такъ какъ за аксіому принимается нѣчто такое, что еще требуетъ доказательствъ. Совершенно справедлива мысль автора, что если дѣвушка будетъ учиться подавлять свои чувства, а юноша ихъ изъявлять, то никакого равновѣсія въ отношеніяхъ между полами быть не можетъ и они будутъ представлять ту печальную картину, которую теперь представляютъ. На страницахъ книги довольно рельефно очерчены эти аномаліи въ отношеніяхъ половъ. Ими полна жизнь супруговъ до брака, но и сама брачная жизнь представляетъ, по мнѣнію автора, рядъ отступленій отъ законовъ природы. Во имя сохраненія здоровья матери и ребенка, въ видахъ сбереженія расы отъ неминуемаго вырожденія, она требуетъ полнаго воздержанія со стороны супруговъ во время беременности и всего періода кормленія грудью. «Ради преуспѣянія человѣчества желательно, чтобы каждый отецъ и каждая мать, забывая интересы своей личности, всячески стремились къ достиженію такихъ условій, которыя обезпечили-бы потомству его высшее благо, такъ какъ быть хорошо рожденнымъ—право каждаго ребенка».

Такими словами заканчиваетъ свою книгу Алиса Стокгэмъ; въ нихъ выражается сущность ея profession de foi. Она убѣждена, что рожденія лучшихъ и высшихъ поколѣній можно достигнуть только воздержанною жизнью. «По крайней мѣрѣ, это такой предметъ,—говоритъ она (стр. 149), — который требуетъ серьезнаго вниманія со стороны

людей науки, философовъ и филантроповъ». Это-то и есть тотъ предметъ, о которомъ, по словамъ автора «Крейцеровой сонаты», никто не говоритъ, а между тѣмъ о немъ говорить важно и нужно.

Нецѣломудренныя отношенія супруговъ во время беременности и періода кормленія грудью одинаково опасны, по мнѣнію автора «Токологіи», какъ для матери, такъ и для ребенка. Они оказываютъ вліяніе на питаніе и на отправленія нервной системы грудныхъ дѣтей, и на развитіе плода, для матери они служатъ одной изъ главныхъ причинъ различныхъ заболѣваній и, между прочимъ, мукъ при родахъ.

Эта сторона вопроса, по нашему мнѣнію, самая важная, такъ какъ этика и гигіена—очень близки; во многихъ этическихъ вопросахъ гигіенѣ принадлежитъ едва-ли не рѣшающій голосъ. Относительно вопроса о цѣломудріи, по крайней мѣрѣ, можно сказать, что все, оказывающее вредное вліяніе на тѣло, не можетъ быть безвреднымъ и для души. На этомъ основаніи всѣ факты, относящіеся къ гигіенѣ цѣломудрія, положительные и отрицательные, въ разсматриваемомъ вопросѣ имѣютъ особенно важное значеніе. Такихъ именно фактовъ и ждетъ читатель отъ научнаго сочиненія, написаннаго медикомъ,—человѣкомъ, близко знакомымъ съ гигіеной; ему, читателю, нужна не нравственная проповѣдь, которую онъ услышитъ въ другомъ мѣстѣ, а именно факты, убѣждающіе его въ пагубномъ вліяніи на здоровье того, что моралисты считаютъ безнравственнымъ.

Къ сожалѣнію, большинство научно-популярныхъ сочиненій, касающихся вопросовъ цѣломудрія или половаго воздержанія, имѣютъ тотъ крупный недостатокъ, что они не держатся на почвѣ фактовъ и ударяются или въ нравственную проповѣдь, или до того преувеличиваютъ опасности для здоровья, что перестаютъ возбуждать довѣріе къ приводимымъ фактамъ. Читатель тщетно ищетъ въ этихъ сочиненіяхъ научнаго объективизма, онъ чутьемъ узнаетъ, когда книга написана слишкомъ страстно и пристрастно, когда въ каждой строкѣ ея видна тенденція и желаніе устранить отъ пороковъ запугиваніемъ и преувеличеніями. Такихъ книгъ много, и не одна изъ нихъ сначала напугала и взволновала читателя, а потомъ привела его къ заключенію, что нельзя всецѣло довѣрять тому, что говорится въ подобныхъ сочиненіяхъ съ слишкомъ замѣтной склонностью къ преувеличеніямъ и запугиваніямъ.

Посмотримъ теперь, приводитъ-ли авторъ какія-нибудь вѣскія доказательства въ пользу защищаемыхъ имъ идей о воздержаніи въ половой жизни и въ особенности во время беременности?

Высказавъ нѣсколько общихъ разсужденій объ аномаліяхъ въ отношеніяхъ половъ,—разсужденій совершенно правильныхъ и заслужи-

вающихъ вниманія, онъ старается убѣдить читателя, что невоздержаніе въ супружескихъ отношеніяхъ, особенно во время беременности, вредно какъ для матери, такъ и для ребенка. Но чѣмъ-же авторъ подкрѣпляетъ это свое общее положеніе? Онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ или личныхъ наблюденій надъ супружеской жизнью, гдѣ, по его мнѣнію, довольно рельефно сказывается вліяніе невоздержанности на общее здоровье женщины и вскармливаемаго ею или еще только утробнаго младенца. Воздержанныя матери рождали дѣтей, испытывая при этомъ гораздо меньшія боли, дѣти ихъ были крѣпче и здоровѣе, беременность ихъ протекала гораздо правильнѣе и не замѣчалось послѣродовыхъ болѣзней. Придавая значеніе подобнымъ наблюденіямъ, мы не можемъ, однако, не признавать того, что они подвержены цѣлому ряду ошибокъ, и вотъ на какомъ основаніи. Никто не станетъ оспаривать, конечно, того факта, что жизнь цивилизованной женщины нашего времени обставлена въ гигіеническомъ отношеніи большими опасностями. Она затягивается въ корсетъ, носитъ во всѣхъ отношеніяхъ нецѣлесообразный костюмъ, ведетъ неправильный образъ жизни, питается несогласно съ законами діэтетики и, наконецъ, она окружена такими условіями, что половая ея дѣятельность проявляется самымъ неправильнымъ образомъ: половое чувство, благодаря разнымъ обстоятельствамъ, пробуждается преждевременно, постоянно возбуждается все новыми и новыми раздраженіями, а потому нерѣдко проявляется въ видѣ различныхъ аномалій и излишествъ. Все это общеизвѣстные факты, которые нельзя оспаривать. Всѣ эти условія не могутъ, конечно, не отражаться на здоровьи матерей и нарождающагося отъ нихъ потомства, а всѣ въ совокупности составляютъ безусловно громадное зло. Но какъ-же опредѣлить гигіеническое значеніе каждаго изъ этихъ факторовъ въ отдѣльности? Какъ можно разграничить вліяніе одного изъ нихъ отъ другаго? Сдѣлать это можно только развѣ путемъ самаго безпристрастнаго и всесторонняго изслѣдованія.

Радикальное измѣненіе всѣхъ условій жизни цивилизованной женщины въ благопріятную сторону излечило-бы скорѣе всего ее самое и ея потомство отъ тѣхъ недуговъ, которые теперь такъ замѣтно распространяются.

Устраненіе того или другого изъ вредныхъ условій влечетъ за собою, конечно, улучшеніе здоровья; но большею частью трудно бываетъ на основаніи этого улучшенія судить о значеніи причины, производящей тѣ или другія разстройства. Приведемъ такой примѣръ: женщина все время носила корсетъ—и вдругъ, по настоянію врачей, перестала его носить; здоровье женщины возстановилось, и не трудно

приписать возстановленіе ея здоровья устраненію корсета; но, чтобы не сдѣлать слишкомъ поспѣшнаго заключенія, слѣдуетъ провѣрить, не улучшились-ли одновременно и всѣ другія условія жизни женщины и не приписываемъ-ли мы корсету большее вліяніе, чѣмъ онъ могъ имѣть въ дѣйствительности? Какъ часто паціенты восхваляютъ дѣйствіе какого-нибудь лекарства, какихъ-нибудь цѣлебныхъ водъ, забывая, что въ значительной степени въ улучшеніи здоровья играли роль не только лекарства и цѣлебныя воды, но и урегулированіе діэты, перемѣна образа жизни, пребываніе въ прекрасномъ климатѣ и т. д. Выхваляя какую-нибудь гигіеническую мѣру, какъ панацею, мы забываемъ про другія, не менѣе благопріятныя, которыя также принимаемъ въ видахъ сохраненія здоровья, и потому весьма легко и постоянно преувеличиваемъ значеніе данной мѣры. Вслѣдствіе этого, способъ доказательствъ, основанный на наблюденіяхъ, подобныхъ тѣмъ, какія дѣлалъ авторъ книги, нельзя назвать удачнымъ, такъ какъ онъ допускаетъ много источниковъ для ошибокъ: можетъ быть, женщины, по совѣту автора, сдѣлавшіяся воздержанными въ половомъ отношеніи, выздоравливали сами по себѣ и производили на свѣтъ здоровыхъ дѣтей не только въ силу одного этого воздержанія, но также и въ силу другихъ условій, о которыхъ авторъ не упоминаетъ,—напр., въ силу улучшенія питанія, урегулированія образа жизни и т. д. Авторъ, какъ врачъ, вѣроятно, обратилъ вниманіе своихъ паціентокъ не на одно только цѣломудріе, и получившіеся хорошіе результаты нужно приписать также многому другому, что одновременно оказывало благопріятное вліяніе на здоровье. При совокупномъ дѣйствіи многихъ благопріятныхъ моментовъ, значеніе каждаго изъ нихъ ослабляется, и потому необходимо выдѣлить отдѣльные гигіеническіе факторы, чтобы убѣдиться въ настоящемъ ихъ значеніи, иначе ихъ можно истолковывать какъ въ ту, такъ и иную сторону. Именно этого-то авторъ и не сдѣлалъ, а потому его защита цѣломудрія, несмотря на убѣжденную и горячую рѣчь, въ фактическомъ отношеніи оказалась слабою.

Не бо́льшее значеніе имѣютъ также и тѣ разсужденія автора, которыми онъ старается доказать вредъ для потомства отъ нецѣломудренныхъ отношеній во время беременности и кормленія грудью. «Половое совокупленіе въ это время,—говоритъ онъ (стр. 150),—истощаетъ мать и вредитъ жизни утробнаго младенца, сообщая его организму преждевременное половое развитіе (sic!)». Заинтересованные подобнымъ утвержденіемъ автора, вы хотите знать, гдѣ доказательства тому, что между указанными явленіями существуетъ такая связь? На этотъ вопросъ авторъ даетъ такого рода объясненіе:

«Однимъ словомъ, существуетъ, повидимому, такой законъ, что, въ силу тѣснѣйшей связи между матерью и утробнымъ плодомъ, упражненіе любой способности ея ума или души, или какого-бы то ни было органа ея мозга или тѣла, возбуждаетъ и развиваетъ въ пропорціональной степени соотвѣтствующую способность или органъ въ утробномъ младенцѣ» (стр. 150). И отсюда заключеніе: «Какая польза въ обученіи дѣтей правиламъ чистоты и доброй нравственности, когда въ періодъ утробнаго воспитанія привиты къ ихъ самой жизни уроки проституціи?» Сильно сказано; но изъ этихъ и подобныхъ словъ читатель все-таки не можетъ вынести убѣжденія, что невоздержаніе въ супружескихъ отношеніяхъ во время беременности имѣетъ пагубное вліяніе на потомство. Что «преждевременное половое развитіе ребенка» есть слѣдствіе такой невоздержанности — легко сказать, но трудно доказать, такъ какъ вся послѣдующая жизнь большинства дѣтей цивилизованнаго общества богата такими условіями, которыя ускоряютъ это развитіе. Такимъ образомъ, не смотря на то, что авторъ «Токологіи» является горячимъ поборникомъ строгаго воздержанія въ супружескихъ отношеніяхъ, онъ не приводитъ на страницахъ книги точныхъ указаній и доказательствъ: почему-же невоздержаніе вредно для здоровья матери и ребенка? За-то нравственная порча, вытекающая изъ нецѣломудренныхъ отношеній обоихъ супруговъ въ извѣстные періоды ихъ совмѣстной жизни очерчена авторомъ довольно рельефно, и въ этомъ направленіи его идеи заслуживаютъ вниманія. Г-жа Стокгэмъ требуетъ отъ мужа, прежде всего, уваженія къ своей женѣ, какъ къ женщинѣ и матери; и во имя этого уваженія мужъ долженъ сдерживать свои страстные порывы, боясь осквернить тѣ чувства, которыя лелѣетъ женщина въ своей груди съ того момента, когда ей сдѣлалось извѣстно, что она стала матерью. «Мужъ,—говоритъ авторъ (стр. 151),—будучи преданнымъ любовникомъ и, въ этомъ качествѣ, оказывая женѣ деликатное, неутомительное для нея вниманіе, можетъ достигнуть такого-же самообладанія, какого онъ держался во время сватовства. Жена вѣрнѣе сохранитъ свое здоровье и свѣжесть, производя на свѣтъ желанныхъ и ожидаемыхъ, а не случайныхъ дѣтей. Женщины будутъ находить радость въ исполненіи своего материнскаго долга и высшее, благороднѣйшее и болѣе богоподобное потомство населитъ землю».

Такова главная идея А. Стокгэмъ о цѣломудріи въ супружескихъ отношеніяхъ, въ основѣ которой лежитъ скорѣе нравственное, чѣмъ гигіеническое ученіе. Идеи эти, по словамъ автора, имѣли огромный успѣхъ въ Америкѣ и нашли себѣ, какъ видно изъ предисловія, боль-

шое сочувствіе и у насъ, въ лицѣ графа Л. Н. Толстого, который давно уже проповѣдуетъ почти то-же самое.

Если эти идеи и не новы сами по себѣ, то новое появленіе ихъ указываетъ только на ихъ жизненную правду, а сочувствіе къ нимъ указываетъ на созрѣвшую потребность въ обществѣ подвергнуть анализу и строгой критикѣ всѣ ненормальныя проявленія половаго чувства, господствующія въ наше время. И дѣйствительно, въ нашъ вѣкъ общей разнузданности и развинченности, въ вѣкъ преобладанія страстей, всякихъ излишествъ и нервозности надъ чувствомъ долга,—всякое отрезвленіе мысли и даже увлеченіе идеалами умѣренности и нравственной жизни есть отрадное явленіе, которое должно встрѣчать съ полнымъ сочувствіемъ. Поэтому, съ большой симпатіей нужно отнестись къ попыткамъ автора «Токологіи»—расшевелить мысль читателя и настроить ее на тѣ забытыя темы, по которымъ мысль большею частью скользитъ, какъ по поверхности, не забираясь въ нихъ глубоко. Это—предметъ для размышленія во всякомъ случаѣ важный, и справедливы слѣдующія слова автора, что «это такой предметъ, который требуетъ серьезнаго вниманія со стороны людей науки, философовъ и филантроповъ». Чѣмъ больше будетъ адептовъ симпатичныхъ идей автора, тѣмъ, конечно, лучше, и если-бы эти идеи и имъ подобныя чаще циркулировали въ современномъ намъ обществѣ, то принесли-бы громадную и несомнѣнную пользу, въ особенности потомству, тѣмъ, что подготовили-бы почву для рѣшенія тѣхъ важныхъ вопросовъ, которые почему-то всѣми замалчиваются. Но въ настоящее время по всѣмъ этимъ вопросамъ существуетъ еще громадный недостатокъ въ фактахъ, въ точныхъ и безпристрастныхъ наблюденіяхъ; поэтому, обобщенія изъ наблюденій можно дѣлать лишь съ большою осторожностью, такъ какъ, увлекаясь теоріями, чрезвычайно легко впасть въ заблужденія. Примѣръ тому, насколько увлеченія теоріями могутъ быть вредны, даетъ сама г-жа Стокгэмъ, которая, увлекшись идеею о возможности уменьшить муки при родахъ установленіемъ правильнаго режима въ жизни беременной, впадаетъ въ непростительную крайность, назначая беременнымъ діэту, будто-бы избавляющую ихъ отъ этихъ мукъ и вообще способствующую необыкновенно легкому выполненію акта родовъ.

Допускаю и охотно вѣрю въ то, что муки при родахъ, вся трудность этого акта и нерѣдко тяжелыя его послѣдствія для матери и ея ребенка составляютъ вполнѣ ненормальное явленіе, устранимое при условіи кореннаго измѣненія образа жизни, но никакъ не могу согласиться со многими средствами, предлагаемыми авторомъ для достиженія

этой цѣли. Опираясь на ту теорію, что чѣмъ меньше пища беременной женщины содержитъ костеобразующихъ веществъ, тѣмъ меньшей боли и опасности подвергается она при разрѣшеніи отъ бремени, г-жа Стокгэмъ совѣтуетъ всѣмъ беременнымъ употреблять какъ можно больше плодовъ, и особенно кислыхъ, избѣгая всякой пищи, гдѣ этихъ костеобразовательныхъ веществъ содержится много, напр., хлѣба, мяса и т. д. По ея словамъ, женщины, которыя слѣдовали этимъ совѣтамъ, рожали дѣтей необыкновенно скоро и легко, причемъ дѣти оказывались отличнаго сложенія и въ то-же время были очень мягки, такъ какъ кости ихъ были похожи на хрящи.

Несмотря на довольно многочисленные примѣры, которыми авторъ старается подкрѣпить справедливость своей теоріи, трудно повѣрить не тому, что роды проходили сравнительно благополучно при такомъ пищевомъ режимѣ и дѣти рождались, не причиняя мученій своей матери, а тому, что родившіяся дѣти были отличнаго сложенія, вполнѣ здоровы и что сама мать была здорова. Въ наукѣ давно уже, благодаря трудамъ Фохта и другихъ ученыхъ, установилось убѣжденіе, что жизнь человѣческая можетъ протекать нормально при условіи нормальнаго питанія, которое перестаетъ быть таковымъ, коль скоро въ пищѣ не хватаетъ какихъ-либо важныхъ основныхъ элементовъ: бѣлковъ, жировъ, углеводовъ или солей. Въ наукѣ существуетъ масса опытовъ и наблюденій, доказывающихъ наступленіе полнаго нарушенія равновѣсія въ тѣлѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда пища или слишкомъ богата, или слишкомъ бѣдна важнѣйшими ея составными частями, такъ-называемыми пищевыми началами. Поэтому, слѣдуетъ положительно усомниться въ справедливости показаній автора, несмотря на это очевидное, съ точки зрѣнія науки, нарушеніе естественнаго порядка вещей, чисто искусственный пищевой режимъ могъ быть полезенъ для беременной женщины и для рожденнаго ею ребенка. Думаю, что если-бы женщины не вполнѣ слѣдовали совѣту автора книги, выраженному на страницѣ 124 о томъ, что должно «выбирать такую пищу и питье, въ которыхъ отсутствовали-бы матеріалы, идущіе на образованіе костей» и употребляли-бы только пищу, бѣдную этими матеріалами, то и въ этомъ случаѣ нарушеніе законовъ питанія не могло-бы пройти ни для нихъ, ни для рождающихся отъ нихъ дѣтей безслѣдно и едва-ли измѣненіемъ режима послѣ родовъ матери могли-бы исправить тотъ вредъ, который онѣ причинили бы и себѣ, и дѣтямъ искусственнымъ режимомъ, принятымъ съ единственною цѣлью освобожденія себя отъ мукъ при рожденіи. Еще неизвѣстно, отъ чего можетъ произойти бо̀льшій вредъ: отъ родовъ-ли при тѣхъ условіяхъ,

какія существуютъ, или отъ такого режима беременной, который нарушаетъ равновѣсіе въ организмѣ женщины и ея утробнаго младенца. Во всякомъ случаѣ, прежде нежели совѣтовать подобныя вещи, автору слѣдовало-бы подвергнуть свою теорію болѣе серьезной критикѣ и воздержаться отъ совѣтовъ, которые, по до сихъ поръ принятымъ воззрѣніямъ и неопровергнутымъ авторомъ, могутъ причинить громадный вредъ. Такимъ образомъ, пища, состоящая почти исключительно изъ фруктовъ и плодовъ, слишкомъ бѣдна пищевыми началами, не содержитъ въ должномъ количествѣ элементовъ, необходимыхъ для построенія тѣла, а потому не можетъ быть рекомендована женщинамъ, питающимъ своими соками живое человѣческое существо, и теорія автора есть вредное увлеченіе. Къ сожалѣнію, этимъ увлеченіямъ отведено въ книгѣ слишкомъ много мѣста. Вообще, всѣ главы о питаніи написаны въ высшей степени странно: онѣ напоминаютъ совѣты, встрѣчающіеся въ кулинарныхъ книгахъ, и не имѣютъ никакаго научнаго значенія. Такую популяризацію научныхъ знаній я считаю недостойной сочиненія, подъ которымъ могъ-бы подписаться научно-образованный врачъ.

Указаннымъ, кажется, исчерпывается все то новое и оригинальное, что проводитъ А. Стокгэмъ въ разбираемомъ сочиненіи въ видѣ новыхъ идей, защищаемыхъ ею съ большимъ жаромъ и энергіей. Изложенію этихъ взглядовъ автора удѣлено довольно много мѣста въ различныхъ частяхъ книги; имъ, между прочимъ, посвящены вышеуказанныя главы 1, 9, 11, 4 и 5. Содержаніе прочихъ главъ слѣдующее: зачатіе и развитіе плода, беременность, болѣзни беременности, гигіена беременности (одежда, купаніе, пища, движеніе, вентиляція, отдыхъ), роды, трудные роды, послѣродовыя болѣзни, младенцы (уходъ за ними), болѣзни дѣтей, выкидышъ, менструація, женскія болѣзни, критическій возрастъ, діэтическій столъ, заключеніе (духовное леченіе). Къ книгѣ приложенъ, кромѣ того, объяснительный словарь, предметный указатель, списокъ діэтическихъ блюдъ и, наконецъ, портретъ автора и XV рисунковъ въ самомъ концѣ книги. Содержаніе этихъ главъ лишено всякой системы и послѣдовательности, почему все изложеніе носитъ скорѣе фельетонный характеръ, за-то книга читается очень легко и въ этомъ ея большое преимущество. При взглядѣ на очень подробныя оглавленія бросается въ глаза масса совѣтовъ и наставленій по части медицины и гигіены, которые, повидимому, щедрой рукой разбросаны во всемъ сочиненіи А. Стокгэмъ и придаютъ ему большой практическій интересъ. Все это не можетъ не служить

приманкою для читателя, а потому мы должны разсмотрѣть здѣсь, какова-же сущность этихъ совѣтовъ американскаго женщины-врача.

Американцы извѣстны своею практичностью, и потому отъ книги А. Стокгэмъ можно было-бы ожидать, что она наградитъ читателя массой полезныхъ и оригинальныхъ совѣтовъ. Такіе совѣты дѣйствительно можно встрѣтить въ «Токологіи». Къ числу ихъ относятся, напримѣръ, нѣкоторые изъ встрѣчающихся въ главѣ объ одеждѣ, о ваннахъ, о вентиляціи и т. д. Но во всемъ этомъ едва-ли много новаго можетъ встрѣтить русская женщина, знакомая съ гораздо болѣе полными и болѣе научно, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и популярно написанными русскими сочиненіями по гигіенѣ женщины, среди которыхъ видное мѣсто занимаютъ: общеизвѣстная книга «Мать и дитя» г. Жука, «Письма къ матерямъ» д-ра Галанина и др. Эти авторы гораздо объективнѣе относятся къ излагаемому ими предмету, а потому и не впадаютъ въ тѣ многочисленныя ошибки, въ которыя впадаетъ очень часто увлекающаяся американка. Я указывалъ уже на совѣты ея, даваемыя беременнымъ относительно питанія, и назвалъ ихъ вредными. Думаю, что и вообще къ большинству совѣтовъ А. Стокгэмъ, касающихся питанія (а ихъ не мало), нужно относиться съ большою осторожностью въ виду того, что въ этихъ вопросахъ она часто даетъ волю своему воображенію, не придерживается извѣстныхъ въ наукѣ фактовъ, придаетъ слишкомъ большое значеніе эмпиризму, и притомъ личному, вслѣдствіе чего всѣ ея совѣты, какъ мы уже замѣтили, и напоминаютъ медицинскія приложенія, встрѣчающіяся въ разныхъ кулинарныхъ книгахъ.

Внимательно прочитывая книгу страницу за страницей, къ сожалѣнію, все больше и больше убѣждаешься въ томъ, что она имѣетъ очень много общаго съ этими кулинарными произведеніями, Богъ вѣсть кѣмъ написанными и распространяемыми въ большомъ числѣ среди невзыскательныхъ читателей. Какъ тамъ, такъ и тутъ различные гигіеническіе совѣты очень слабо связаны съ анатомическими и физіологическими данными, да и самыя физіологическія основы получаютъ въ книгѣ какое-то неясное освѣщеніе, такъ что остаешься въ недоумѣніи, дѣлается-ли это по незнанію, или изъ желанія снизойти до уровня пониманія читателя, ради чего и искажается весь смыслъ физіологическихъ явленій. Такъ, напримѣръ, на страницѣ 186 авторъ совѣтуетъ при недостаткѣ молока у женщины давать ей молоко, разбавленное теплой водой, увѣряя, что «въ желудкѣ теплая вода не даетъ пепсину створаживать молоко. Если послѣднее имѣетъ температуру, одинаковую съ желудкомъ, и не свертывается, то оно

воспринимается всасывающими сосудами и проводится прямо въ кровь, не подвергаясь процессу перевариванія». Далѣе, на страницѣ 37, сказано: «поверхность кожи (во время запоровъ), вслѣдствіе засоренія поръ и волосныхъ венозныхъ сосудовъ, дѣлается то горячею, то холодною, отчего субъектъ становится чувствительнымъ къ сквозному вѣтру и перемѣнамъ температуры». Мы отказываемся понять, есть-ли это мѣсто умышленное искаженіе физіологіи, или простое ея незнаніе... И такихъ мѣстъ очень много въ книгѣ, и онѣ невольно возбуждаютъ сомнѣніе въ солидности знаній автора по физіологіи.

Было-бы совершенно неумѣстно подвергать подробной критикѣ практическую часть книги и уличать автора въ безконечныхъ ошибкахъ, неточностяхъ и въ нецѣлесообразности многихъ его совѣтовъ. Въ книгѣ есть, безспорно, много хорошаго, но едва-ли не больше еще такого, что требуетъ полнаго осужденія. При этихъ условіяхъ трудно отдѣлить плевела отъ пшеницы, предостеречь читателя отъ книги, способной вселить недоразумѣнія и побудить его къ поступкамъ, способнымъ причинить вредъ. Чтобы не быть, однако, голословнымъ, приведу, для примѣра, еще нѣсколько такихъ мѣстъ.

Что значатъ, напримѣръ, такія выраженія: «непосредственное соприкосновеніе рукъ съ землею выводитъ изъ тѣла всякій излишекъ электричества», а потому рекомендуются беременнымъ легкія работы въ саду или огородѣ (стр. 129)? Какъ можно, напримѣръ, хладнокровно отнестись къ совѣту автора книги не перевязывать пуповины у дѣтей, или къ слѣдующему его положенію, высказанному на страницѣ 168 и напечатанному курсивомъ: «поддерживаніе промежности (во время родовъ) не только положительно излишне, но можетъ еще принести сильнѣйшій вредъ»?

Если-бы большая часть содержанія токологіи отличалась вообще полнотой и обстоятельностью, тогда можно было-бы, пожалуй, простить автору его крайнія увлеченія въ сторону, такъ-называемаго, «естественнаго леченія» и безъискусственности. Нельзя-бы было усмотрѣть большаго вреда для неопытнаго читателя, напримѣръ, и въ томъ, что авторъ книги, знакомя его довольно обстоятельно съ давно установившимися въ наукѣ правилами гигіены, усомнился-бы въ ихъ пригодности и, основываясь на научныхъ данныхъ, популяризовалъ-бы свои пріемы и правила, хотя-бы и не получившіе правъ гражданства. Но для этого необходимы такія обстоятельность и полнота, на которыя не можетъ претендовать «Токологія». Она умѣщается всего на 316 страницахъ небольшаго формата, напечатана очень крупнымъ шрифтомъ, причемъ больше половины книги занимаютъ разговоры, діа-

логи, разсказы про интересные случаи изъ жизни, кулинарные рецепты (3 листа печатныхъ); тому-же, что составляетъ суть книги, отведено слишкомъ мало мѣста. Книга не только не отличается полнотою въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ былъ-бы обязанъ выказать свой научный взглядъ, какъ врачъ, говорящій съ публикой, въ ней даже, по непонятной причинѣ, выпущены цѣлые отдѣлы, имѣющіе огромное значеніе при дѣторожденіи, каковы, напр., отдѣлы, трактующіе объ антисептикѣ и асептикѣ родовъ. Весьма важный отдѣлъ всякой популярной гигіены, написанной для матерей, составляетъ питаніе младенцевъ, а между тѣмъ въ «Токологіи» онъ разработанъ весьма слабо и крайне неполонъ. Анатомическія и физіологическія данныя то-же страдаютъ недостаткомъ необходимой полноты свѣдѣній для столь важнаго предмета и, кромѣ того, нерѣдко отличаются неясностью, неточностью и даже не лишены ошибокъ. Въ высшей степени несостоятельна чисто медицинская часть книги. Здѣсь такая масса нелѣпостей, что подробныя указанія относительно ихъ становятся рѣшительно невозможны; ограничимся немногими указаніями. Заразительныя, напримѣръ, болѣзни, по мнѣнію автора, протекаютъ въ нѣсколько дней, если не мѣшать выступленію сыпи наружу. «Въ большинствѣ случаевъ опасность и страданія, сопряженныя съ этими болѣзнями, являются послѣдствіемъ насыщенія организма разными медикаментами» (стр. 228). «Ленточные глисты, по автору, имѣютъ всего около полудюйма длины; они бѣлаго цвѣта и быстро двигаются» (стр. 222). «Поносъ у дѣтей, это первый способъ, употребляемый природой для удаленія засореній и разстройствъ организма, и въ девяти случаяхъ изъ десяти не требуетъ нашего вмѣшательства» (стр. 214). «При непосредственномъ соприкосновеніи съ землею изъ тѣла выходитъ излишекъ электричества, чѣмъ ослабляется возможность воспаленій» (стр. 218) и отсюда совѣтъ: маленькихъ дѣтей какъ можно чаще выводить гулять босикомъ. И т. д. и т. д. въ этомъ-же родѣ... Словомъ, большинство медицинскихъ свѣдѣній и совѣтовъ, которыми авторъ надѣляетъ читательницъ, въ высшей степени отрывочны, случайны, могутъ вселить невѣрныя представленія, могутъ быть даже опасны, возбуждая недовѣріе ко многимъ испытаннымъ уже въ медицинѣ пріемамъ (таковъ совѣтъ не перевязывать пуповину, не поддерживать промежности въ извѣстный періодъ при родахъ, совѣтъ «въ теченіи первой недѣли жизни ребенка не раздѣвать его, не мыть всего, такъ какъ это для него слишкомъ томительно» (стр. 199 и т. д.).

Вотъ, въ общихъ чертахъ, содержаніе книги; входить въ большія подробности для того, чтобы отдѣлить, такъ сказать, плевела отъ

пшеницы, не стоитъ труда, такъ какъ тѣ и другія смѣшаны между собою до того, что ихъ и не разсортируешь.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о способѣ, какимъ авторъ пользуется для доказательства своихъ убѣжденій въ популярномъ сочиненіи. Этотъ способъ весьма оригинальный, а потому заслуживаетъ вниманія. Когда читаешь книгу, кажется, что авторъ имѣетъ дѣло не только съ очень мало подготовленными въ научномъ отношеніи читателями, но и съ мало развитыми, такъ какъ на каждомъ шагу встрѣчаешь въ ней слѣдующій пріемъ, употребляемый для убѣжденія читателя въ какой-нибудь истинѣ: авторъ не жалѣетъ красокъ и яркими штрихами набрасываетъ живую картину какого-нибудь ненормальнаго порядка вещей; онъ возмущенъ, грозитъ бѣдствіями, если этотъ порядокъ вещей не измѣнится, требуетъ коренныхъ реформъ, а когда самъ даетъ совѣты, какъ-же именно должно поступать, то оказывается, что гора мышь родила. Чуть не на каждой страницѣ говорится: не дѣлай этого, берегись того-то, и лучше всего воспользуйся вотъ такимъ совѣтомъ, его послушалась такая-то знакомая и была очень благодарна, причемъ приводится чуть не дословно эта благодарность, а вотъ, другая женщина не послушалась совѣтовъ—и съ ней случилось то-то и то-то; при этомъ передается со всѣми подробностями, совсѣмъ не относящимися къ дѣлу, разсказъ о томъ, что именно произошло. На каждомъ шагу натыкаешься на самовосхваленія, свидѣтельскія показанія (112), ссылки на слова авторитетныхъ лицъ, печатныя заявленія съ приведеніемъ именъ. Какъ все это похоже на рекламу! Авторъ какъ-бы забываетъ, что въ истинѣ есть столько плѣнительной силы, что ни въ рекламѣ, ни въ рекомендаціи публикѣ со стороны извѣстныхъ лицъ она не нуждается. Кричать громко, чтобы непремѣнно всѣ слышали, прибѣгать къ эффектамъ, къ рекламѣ — значитъ быть слишкомъ низкаго мнѣнія о читающей публикѣ, значитъ сознавать, что ея чувства слишкомъ притуплены для воспріятія обыкновенныхъ ощущеній и что для привлеченія ея вниманія нужны громъ пушекъ, трубный звукъ и т. д. Это совсѣмъ по американски! У насъ, слава Богу, не разучились еще вникать и въ болѣе спокойную рѣчь и вѣрить въ факты, освѣщенные обыкновеннымъ свѣтомъ! Скажу болѣе: мы, русскіе, чувствуемъ особую антипатію къ рекламѣ, и всякое популярное сочиненіе много теряетъ въ нашихъ глазахъ, коль скоро оно отличается рекламнымъ характеромъ.

Въ заключеніе позволимъ себѣ сдѣлать общій выводъ изъ сказаннаго. Самое важное достоинство книги заключается въ убѣжденной пропагандѣ идей, заслуживающихъ полнаго вниманія родителей и вос-

питателей. Эти идеи—о необходимости половаго воздержанія, о воспитаніи здоровыхъ поколѣній и т. д., не новы, но это маловажное обстоятельство, и не въ новизнѣ, конечно, сила: хорошее слѣдуетъ повторять и проводить въ жизнь съ энергіей и настойчивостью. Вотъ въ этой-то энергіи и заключается достоинство сочиненія. Поэтому, если-бы изъ него изъято было все то, что прямо не относится къ нѣкоторымъ изъ ея основныхъ идей, если-бы для подкрѣпленія ихъ подысканы были лучшія доказательства, но сохраненъ былъ тотъ-же энтузіазмъ, то значеніе такого труда было-бы не маловажно и онъ могъ-бы имѣть благотворное вліяніе на умы русскихъ читательницъ и читателей. Но это не была-бы уже «Токологія» А. Стокгэмъ, хотя зато и предисловіе, написанное къ подобному сочиненію Л. Н. Толстымъ, было-бы гораздо болѣе умѣстнымъ. Въ настоящемъ-же его видѣ сочиненіе А. Стокгэмъ не оправдываетъ своего назначенія—служить какъ-бы руководствомъ для женщины въ вопросахъ материнства; оно содержитъ много такихъ элементовъ, которые въ состояніи ввести въ опасныя заблужденія, а поэтому его нельзя рекомендовать нашимъ матерямъ, въ особенности тѣмъ изъ нихъ, которыя не ознакомились съ трактуемымъ въ книгѣ предметомъ по другимъ, болѣе надежнымъ сочиненіямъ. Вообще намъ кажется, что «Токологія» А. Стокгэмъ, не будь она украшена предисловіемъ Л. Н. Толстаго, не могла-бы у насъ разсчитывать на большое распространеніе среди разборчивыхъ къ чтенію матерей, которыя, по прочтеніи книги, поймутъ, что въ научномъ отношеніи она даже какъ популярное сочиненіе стоитъ низко и напоминаетъ тѣ рыночныя изданія, которыхъ у насъ и безъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ очень много. Всѣ шансы на успѣхъ этой книги заключаются въ предисловіи нашего великаго писателя, который горячо ее рекомендуетъ, очевидно, увлекшись нѣкоторыми ея идеями. Но какое-бы сочувствіе ни возбуждали эти идеи, онѣ не могутъ скрасить тѣхъ крупныхъ недостатковъ книги, которые нами указаны. **Д-ръ В. Гориневскій.**

Dr. August Heinrichs, Professor. Das Schulbücherwesen muss verstaatlicht werden. Ein Mahnruf an das deutsche Volk. Zittau 1890 *). 88 стр.

Преобладающее теченіе въ современной наукѣ о народномъ хозяйствѣ и въ экономической политикѣ, безспорно, благопріятно государ-

*) Д-ръ Августъ Гейнрихсъ. Изданіе учебныхъ книгъ должно быть сдѣлано государственной монополіей. Обращеніе къ нѣмецкому народу и т. д.

ственной монополіи вообще. Поэтому попытка Гейнрихса рѣшить въ такомъ смыслѣ больной вопросъ объ учебныхъ книгахъ не можетъ показаться особенно странной. «20 лѣтъ уже,—говоритъ авторъ въ предисловіи къ своей брошюрѣ,—въ Германіи кипитъ борьба мнѣній по вопросу о преобразованіи нѣмецкой школы. Эта борьба была-бы не нужна, если-бы прусское министерство народнаго просвѣщенія своевременно внесло въ парламентъ школьный законъ, скорое изданіе котораго обѣщано было конституціоннымъ актомъ 1850 г... Но, оставивъ въ сторонѣ вопросъ, какъ и когда будетъ изданъ прусскій или общегерманскій школьный законъ, въ бывшей до сихъ поръ полемикѣ по школьнымъ вопросамъ одинъ пунктъ былъ оставленъ совершенно безъ всякаго вниманія, а именно: то современное безотрадное положеніе дѣла изданія учебныхъ книгъ, которое страшно увеличиваетъ для учителей трудности ихъ профессіи. Изобразить это положеніе и указать единственный вѣрный выходъ изъ него—вотъ цѣль предлагаемой брошюры. *Изданіе учебныхъ книгъ должно быть сдѣлано государственной монополіей*». Девять главъ довольно живо написанной брошюры Гейнрихса имѣютъ такія заглавія: I. Законопроектъ объ обращеніи издательства учебныхъ книгъ въ государственную монополію. II. Государственная монополія учебниковъ и современное государство. III. Государственная монополія учебниковъ и современные ихъ издатели. IV. Государственная монополія учебниковъ и современные ихъ составители. V. Государственная монополія учебниковъ и родители. VI. Государственная монополія учебниковъ и ученики. VII. Государственная монополія учебниковъ и учителя. VIII. Какія книги слѣдуетъ считать учебными и подвергнуть государственной монополіи. IX. Опроверженіе нѣкоторыхъ возраженій.

Основныя черты предлагаемаго Гейнрихсомъ закона о государственной монополіи учебниковъ сводятся къ слѣдующему. Государство принимаетъ на себя заботы о составленіи, печатаніи (Druck), изданіи (Verlag) и распредѣленіи всѣхъ учебниковъ для воспитанниковъ всѣхъ школъ страны, за исключеніемъ университетовъ. Съ этою цѣлью основывается при министерствѣ народнаго просвѣщенія, или независимо отъ него (какъ, напримѣръ, имѣется генеральный штабъ на ряду съ военнымъ министерствомъ, поясняетъ авторъ), учрежденіе, спеціально вѣдающее учебно-книжное дѣло (Schulbücherbehörde). Учебныя книги составляются либо отдѣльными лицами, либо цѣлыми коммиссіями, но всегда по порученію вѣдомства учебныхъ книгъ; послѣднее одобряетъ ихъ и отвѣтствуетъ за ихъ содержаніе. Всякій учитель (или учительница) пользуется правомъ и нравственно обязанъ въ еже-

годныхъ отчетахъ своихъ сообщать означенному вѣдомству о всѣхъ замѣченныхъ въ «государственныхъ учебникахъ» недостаткахъ и желательныхъ измѣненіяхъ. Если въ такихъ отчетахъ окажется столь рѣзкое разногласіе, что учебно-книжное вѣдомство не сочтетъ возможнымъ само рѣшить вопросъ, то сомнѣнія въ общепедагогическихъ вопросахъ (измѣненіе учебныхъ цѣлей, устраненіе однихъ, введеніе другихъ учебныхъ предметовъ) разрѣшаются законодательнымъ путемъ, въ спеціальныхъ вопросахъ—коммиссіями спеціалистовъ.

Экономическіе взгляды автора подчасъ отличаются странностью. Напримѣръ, въ III главѣ онъ пытается доказать, что государственная монополія будетъ выгодна даже для издателей, такъ какъ, по его приблизительному разсчету (?), прибыль и убытокъ въ этой отрасли книжно-издательской дѣятельности уравновѣшиваютъ другъ друга. Но это—*экономическій абсурдъ*, а, кромѣ того, достаточно извѣстно, что *изданіе учебниковъ* едва-ли *не самая выгодная отрасль* книжнаго дѣла вообще (для Россіи это даже не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію). Издатели прекрасно понимаютъ свои интересы, когда они протестуютъ даже противъ самыхъ скромныхъ попытокъ нарушить въ этой области принципъ свободной конкурренціи. Такой протестъ представлялъ упоминаемый Гейнрихсомъ и разбираемый имъ въ IX главѣ брошюры memorandum противъ предполагавшагося въ 1879 г. рѣшенія берлинской городской коммиссіи по народному образованію ввести въ подвѣдомственныхъ ей школахъ *единство учебниковъ* и *учебныхъ пособій*.

Разбирая общій вопросъ о государственной монополіи учебниковъ, по отношенію къ ихъ составителямъ, Гейнрихсъ останавливается на главныхъ возраженіяхъ, которыя могутъ быть сдѣланы съ этой точки зрѣнія противъ его плана. Прежде всего авторы учебниковъ могутъ быть недовольны тѣмъ, что государственная монополія отниметъ или, по крайней мѣрѣ, урѣжетъ тотъ заработокъ, который даетъ имъ авторскій трудъ. Гейнрихсъ противъ этого возраженія дѣлаетъ рядъ болѣе или менѣе мелкихъ, частныхъ замѣчаній и какъ-то забываетъ сказать, что такой крупной реформѣ, какъ введеніе государственной монополіи учебниковъ, должна предшествовать другая реформа, безспорно, болѣе настоятельная и давно уже занимающая германскія правительства, а именно: улучшеніе матеріальнаго положенія учителей путемъ увеличенія ихъ содержанія. Вообще авторъ, къ сожалѣнію, очень часто увлекается мелочами и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, *изъ-за деревьевъ не видитъ лѣса*. Второе возраженіе, съ точки зрѣнія авторовъ противъ государственной монополіи, заключается

въ томъ, что при ней испытаніе новыхъ учебныхъ методовъ станетъ невозможнымъ. На это Гейнрихсъ, между прочимъ, довольно остроумно замѣчаетъ, что «огромное размноженіе учебниковъ, при которомъ для практической ихъ оцѣнки потребовалась-бы цѣлая вѣчность, всего яснѣе доказываетъ, что прежній способъ испытанія учебныхъ методовъ былъ недѣйствителенъ и не имѣлъ никакой цѣны». «Несмотря на всѣ новые учебники, говоритъ онъ далѣе, несмотря на всѣ министерскія распоряженія, несмотря на вѣчную смуту, господствующую въ обученіи, мы въ настоящее время у отдѣльныхъ учителей и въ цѣлыхъ учебныхъ заведеніяхъ видимъ полное оцѣпенѣніе (Erstarrung) методовъ, соединенное притомъ съ цѣлой массой другихъ золъ; при государственной монополіи, въ худшемъ случаѣ будетъ то-же окаменѣніе методовъ только безъ этой массы другихъ золъ». Третье возраженіе, съ точки зрѣнія автора, тоже сводится къ тому, что государственной монополіей будетъ уничтожена свобода научнаго изслѣдованія и стѣснено сообщеніе его результатовъ. Но на это Гейнрихсъ, на нашъ взглядъ, вполнѣ основательно замѣчаетъ, что такой свободы нѣтъ въ школѣ и при современномъ порядкѣ. Обезпечивающій эту свободу § 20 прусской конституціи имѣетъ силу только по отношенію къ внѣшкольной дѣятельности учителя; *опредѣлить-же мѣру научной свободы учителя въ предѣлахъ школы есть*, по мнѣнію автора, *задача общаго школьнаго закона* (какъ уже выше замѣчено, до сихъ поръ не осуществленнаго въ Пруссіи). Гейнрихсъ довольно подробно разсматриваетъ отношеніе родителей къ школѣ и ея требованіямъ относительно учебниковъ. Ему, какъ видно и изъ его словъ, и изъ всего тона его изложенія, приходилось въ его учительской дѣятельности часто встрѣчать самое несочувственное, до нелѣпости, отношеніе родителей къ требованіямъ учителей и школы. Онъ разсказываетъ нѣсколько случаевъ, когда плохо направленная «бережливость» родителей очень чувствительно вредила ученію, но совершенно упускаетъ изъ виду другую сторону медали: страшное размноженіе учебниковъ и пособій, частыя перемѣны ихъ и связанныя съ этимъ матеріальныя тягости, ложащіяся на родителей, и нематеріальныя неудобства, испытываемыя учениками и живо чувствуемыя тѣми-же родителями. Все это также можетъ быть съ большимъ успѣхомъ приведено въ пользу государственной монополіи учебниковъ, но Гейнрихсъ, въ своемъ гнѣвѣ на неразумныхъ родителей, не замѣчаетъ этого удобнаго оружія.

Самый значительный интересъ во всей брошюрѣ Гейнрихса имѣетъ, кромѣ I главы, глава VII, «Государственная монополія учебныхъ книгъ и учителя». Авторъ, между прочимъ, приводитъ слѣдующій

любопытный разсчетъ. «Въ настоящее время въ Германіи существуетъ, приблизительно, 200 учебниковъ французской грамматики различныхъ авторовъ. Если какой-нибудь учитель захочетъ выбрать изъ нихъ лучшую, то онъ долженъ купить эти 200 грамматикъ, заплативъ за нихъ круглымъ счетомъ 600 марокъ, и изучить ихъ. А такъ какъ у него для такого изученія имѣется только очень немного такъ-называемаго свободнаго времени, то на ознакомленіе съ каждой грамматикой ему потребуется полгода (?), а всѣхъ вмѣстѣ—100 лѣтъ. Но даже если учитель одолѣетъ эти 200 книгъ въ 10 лѣтъ, то впродолженіи этого времени появится столько новыхъ французскихъ грамматикъ или измѣненныхъ изданій прежнихъ, что несчастный искатель лучшей грамматики вѣчно останется при однихъ поискахъ и никогда ничего не найдетъ». При господствѣ современной системы для учителей невозможно исполненіе министерскаго требованія «держаться принятаго руководства и не позволять себѣ самовольныхъ уклоненій отъ него», такъ какъ и различныя изданія одного и того-же руководства и различные совмѣстно употребляемые учебники по одному и тому-же предмету расходятся между собой какъ въ расположеніи матеріала, такъ и по содержанію; кромѣ того, нерѣдко встрѣчаются противорѣчія въ одномъ и томъ-же учебникѣ. Всѣ эти условія страшно затрудняютъ учителей, и послѣдніе, по мнѣнію Гейнрихса, «при государственной монополіи будутъ чувствовать себя очень хорошо».

Въ главѣ VIII-й авторъ сильно и вполнѣ резонно ополчается противъ такъ-называемыхъ подстрочниковъ, но, къ сожалѣнію, онъ не отличаетъ подстрочниковъ sensu stricto, т.-е. безграмотныхъ и безсмысленныхъ *подстрочныхъ* переводовъ, отъ хорошихъ, литературно выполненныхъ переводовъ. А между тѣмъ разница между ними огромная, и если даже такія добросовѣстныя изданія, какъ извѣстная Preparation Фрейнда (Freund) могутъ еще, не безъ нѣкотораго основанія, считаться вредными для многихъ учениковъ и служить въ ихъ рукахъ средствомъ къ обману преподавателей, то это совершенно неприложимо ни къ классическимъ переводамъ Фосса, ни къ прекраснымъ переводамъ серіи Лангеншейдта (Langenscheidt). Отвращеніе Гейнрихса къ подстрочникамъ доходитъ до того, что онъ говоритъ: «продажа такихъ печатныхъ переводовъ должна быть обставлена такими-же мѣрами предосторожности, какъ это теперь принято по отношенію къ ядамъ въ аптекахъ» (?).

Въ заключеніе, авторъ опровергаетъ нѣсколько возможныхъ возраженій противъ его плана. Противъ высказаннаго въ упомянутомъ меморандумѣ нѣмецкихъ издателей мнѣнія, что «монополія учебныхъ

книгъ слишкомъ легко можетъ стать заманчивымъ объектомъ стремленій политическихъ и религіозныхъ партій», Гейнрихсъ говоритъ, что дѣло школьнаго закона указать тѣ принципы, которые должны лежать въ основѣ преподаванія, и учебно-книжное вѣдомство будетъ обязано слѣдовать этимъ началамъ, проведеннымъ законодательнымъ путемъ.

Въ общемъ, Гейнрихсъ не справился съ поставленнымъ имъ широкимъ вопросомъ. Вопросъ о государственной монополіи учебныхъ книгъ имѣетъ значеніе, прежде всего, для начальной школы, и тутъ онъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о безплатномъ снабженіи учащихся руководствами и учебными пособіями. Тѣ неудобства современной системы свободной конкурренціи, которыя выдвигаетъ Гейнрихсъ, совершенно исчезаютъ передъ экономическими соображеніями; а о нихъ онъ забываетъ, такъ какъ все время имѣетъ въ виду лишь среднюю школу, посѣщаемую дѣтьми достаточныхъ классовъ. Только проведеніе въ жизнь безплатнаго снабженія учениковъ учебниками и учебными пособіями можетъ послужить дѣйствительнымъ толчкомъ къ государственной монополіи въ этой области. Гейнрихсъ или не знаетъ, или-же не считаетъ нужнымъ упомянуть, что даровая раздача всѣмъ ученикамъ учебныхъ пособій уже *установлена закономъ* въ семи кантонахъ Швейцаріи *), а въ кантонѣ Цюрихѣ государство уже въ теченіе 40 лѣтъ само издаетъ учебники для своихъ школъ, и дѣятельность его въ этомъ направленіи можетъ быть названа вполнѣ успѣшной. Такимъ образомъ, планъ, предлагаемый Гейнрихсомъ, отчасти уже осуществленъ въ Цюрихѣ и выдержалъ многолѣтнее практическое испытаніе; но, разумѣется, цюрихское правительство исходило при этомъ изъ болѣе широкихъ и реальныхъ основаній, чѣмъ приводимыя авторомъ разбираемой брошюры. § 78-й цюрихскаго школьнаго закона, касающійся этого вопроса, прямо гласитъ: «Государство *заботится о наивозможной дешевизнѣ* (курсивъ нашъ) учебныхъ пособій, для каковой цѣли оно по возможности само принимаетъ на себя издательство». Къ интереснымъ швейцарскимъ опытамъ безплатнаго снабженія учениковъ учебными пособіями и принадлежностями мы надѣемся еще вернуться на страницахъ «Русской Школы».

Гейнрихсъ совершенно правъ, связывая вопросъ о государственной монополіи учебниковъ съ вопросомъ о школьномъ законѣ. Только при существованіи *законодательныхъ нормъ*, точно опредѣляющихъ общія

---

*) Гларусъ, Женева, Золотурнъ, Базель-Штадтъ, Нейшатель, Ст.-Галленъ, Ваадтъ.

цѣли и духъ народнаго образованія, государственная монополія учебниковъ можетъ быть безъ вреда проведена въ жизнь.

Крупная ошибка Гейнрихса заключается въ томъ, что онъ вообще придаетъ слишкомъ большое значеніе учебникамъ. Въ этомъ онъ, очевидно, расходится съ тенденціей времени, которая стремится на первомъ планѣ поставить свободную дѣятельность учителя. Это новое теченіе сказывается и въ стремленіи ограничить задаваніе уроковъ на домъ извѣстнымъ минимумомъ и въ попыткахъ возстановить *воспитательное* значеніе школы, примирить воспитаніе съ обученіемъ и во многихъ другихъ взглядахъ, воздвигнутыхъ современнымъ школьнымъ движеніемъ *).

П. С.

Въ помощь голодающимъ. Іоаннъ Амосъ Коменскій. Рѣчи, прочитанныя на (въ) засѣданіи Тифлисскаго Общества взаимного вспоможенія учительницъ и воспитательницъ, посвященномъ памяти І. А. Коменскаго по случаю 300-лѣтняго юбилея дня его рожденія, членами Общества В. М. Тренюхиной и О. В. Кайдановой. Тифлисъ. 1892 г. 28 стр. Ц. 20 к.

Появленіе этой брошюрки производитъ отрадное впечатлѣніе, ибо свидѣтельствуетъ о томъ, что и въ нашихъ провинціальныхъ городахъ имѣются кружки, живо интересующіеся педагогическими вопросами и посильно старающіеся знакомить съ ними мѣстное обществе. Изъ 25 страницъ текста брошюры — шесть первыхъ страницъ носятъ заглавіе: «Жизнь, дѣятельность и личность І. А. Коменскаго», а 19 остальныхъ страницъ озаглавлены: «Основныя идеи І. А. Коменскаго».

Въ первой рѣчи говорится, что: «его (К—го) сочиненія, его *школьная дѣятельность заслужили ему* уже тогда такую извѣстность, что различныя государства одно за другимъ приглашаютъ его потрудиться надъ постановкой у нихъ школьнаго дѣла на новыхъ, выработанныхъ имъ (,) началахъ» (3). Въ Англіи К—ій. «ревностно принялся за работу, но вскорѣ *вынужденъ былъ вспыхнувшимъ возстаніемъ* оставить ее (3). Сказавъ, что К—ій. скончался на 80 году отъ рожденія, авторъ по этому поводу восклицаетъ: «80 лѣтъ *вѣчно* дѣятельной жизни на пользу человѣчества!» и далѣе говоритъ, что «его (К—го) дѣятельность была *неустанной борьбой съ идеями и событіями на пользу человѣчества*» (4). К—ій называется «личностью *титанически сильною и самобытною*» (6).

---

*) См. наши рецензіи на книжки Геринга и Поссфельдта. (Р. Ш. 1890 г. № 19 и 891 г. № 2).

«Правильность и глубина педагогическихъ идей К—го объясняются, можетъ быть, и разносторонностью его развитія, его близкимъ знакомствомъ съ *цѣлымъ кругомъ* наукъ и главнымъ образомъ съ *психологіей и философіей*» (4). Вслѣдъ за симъ авторъ второй рѣчи утверждаетъ, что «К—ій не философъ и не ученый по профессіи, но выразитель величайшихъ истинъ, добытыхъ его предшественниками и современниками *въ области науки, философіи, искусства на почвѣ* педагогіи» (9).

Первая рѣчь намъ понравилась болѣе второй уже потому, что она втрое короче послѣдней. Авторъ второй рѣчи говоритъ относительно себя: «по своему незнанію исторіи, я не беру на себя смѣлости дѣлать характеристику этой эпохи» — и тѣмъ не менѣе, однакожъ, на цѣлыхъ шести страницахъ пытается именно охарактеризовать эту эпоху. Она говоритъ, что «16-й вѣкъ ниспровергъ главныя основы, устои среднихъ вѣковъ, которыя заключались въ господствѣ церкви»; реформація «*встала на защиту индивидуальныхъ* правъ *личности*»; «тамъ, гдѣ *безсмѣнно* признавались преклоненіе передъ авторитетами, передъ мнѣніями отцовъ церкви—вступили въ свои права разумъ, свободная мысль и критика; отвергнуто *безбрачіе* и аскетизмъ; бракъ пріобрѣлъ новое значеніе свободнаго договора, за женщиной признаны общечеловѣческія права»; «ореолъ непогрѣшимости папъ *исчезъ навсегда въ глазахъ народа*»; «государственная жизнь освободилась отъ гнета церкви, господство церковнаго авторитета въ дѣлахъ вѣры, въ школѣ, въ домѣ, въ воспитаніи *окончилось*»; наука пошла по новому пути; «внутренній міръ человѣка *нарисовался* въ драмахъ Шекспира; раскрывались невѣдомыя до тѣхъ поръ тайны самого человѣка и его жизни» (10—11). Но затѣмъ, на той-же 11-й страницѣ, оказывается однако, что «конецъ XVI столѣтія ознаменовался новымъ явленіемъ, въ которомъ *проявилась устойчивость* средневѣковыхъ началъ, сломить которыя окончательно оказалось не подъ силу даже реформаціи». «Измѣняя своему началу, *реформація превратилась* въ новый тормазъ прогресса. *Протестанты стали нетерпимѣе католиковъ, еще болѣе укрѣпили суевѣрія*: никто такъ не преслѣдовалъ *чорта*, колдуній, какъ протестанты». «*Грубость* и *жестокость въ XVI и XVII вѣкѣ стали безпримѣрны*» (11).

Всѣ подобнаго рода фразы, огульныя характеристики, въ которыхъ конецъ не сопрягается съ началомъ, и разсужденія о Шекспирѣ, Декартѣ, Ньютонѣ, Бэконѣ (произведеніе послѣдняго авторъ называетъ, на стр. 12-й, «novum organ*um*») и другихъ «матерьяхъ важныхъ» могли-бы быть опущены съ большою выгодою для рѣчи.

Что касается собственно жизни и идеи К—го, то относящіеся сюда главнѣйшіе факты изложены вообще вѣрно и, несмотря на нѣкоторыя погрѣшности авторовъ рѣчей противъ русскаго языка и ихъ стремленіе сыпать цвѣтами краснорѣчія, все-таки довольно удобопонятно. Купившій брошюру сдѣлаетъ доброе дѣло, такъ какъ чистую выручку отъ продажи ея обѣщано отдать въ пользу голодающихъ. **К. М.**

«Въ часы отдыха». Круглова. Разск. для дѣтей въ прозѣ и стихахъ. Спб. Изд. Губинскаго.

Книга—небольшая по формату, съ шестью прозаическими и двумя стихотворными статьями; раскрашенные рисунки далеко не могутъ похвалиться изяществомъ.

Лишенные общей руководящей идеи, разсказы эти представляютъ довольно странную смѣсь безсодержательныхъ отрывочныхъ набросковъ. Тутъ и мальчики, начитавшіеся путешествій и разъѣзжающіе вдвоемъ въ корзинкѣ на еле-живой клячѣ и побиваемые камнями деревенскихъ мальчишекъ; и два героя, ищущіе, со словъ мужика Мартына, ночью кладъ на огородѣ, но пугающіеся бѣлой кошки; и хорошенькая, но какъ будто неоконченная картинка праздника маленькаго зырянина; и «Рождественская ёлка» — блѣдное, растянутое, на 14-ти страницахъ повѣствованіе о томъ, какъ ѣхали люди лѣсомъ зимой подъ-вечеръ, только на послѣдней страничкѣ разрѣшающееся рождественской ёлкой, всею сутью разсказа!

«Трофимъ»—слабый разсказъ въ художественномъ отношеніи. Задача нелегкая — изобразить счастливаго въ прошломъ человѣка, волею судьбы разомъ лишеннаго семьи, мрачную его озлобленность и нелюдимость, и подъ конецъ раскаяніе его въ томъ, что мало добра людямъ дѣлалъ, — раскаяніе, вызванное видомъ общаго отчаянія и горя въ годину народнаго бѣдствія—голода.

Лучшій разсказъ «Скрипачъ»; онъ трогателенъ и безусловно хорошъ. Помѣщикъ набиралъ оркестръ—изъ деревенскихъ мальчиковъ, въ числѣ которыхъ попался и герой повѣсти, безспорно, даровитый скрипачъ. Запуганный строгостью нѣмца - учителя, мальчикъ прилагаетъ къ игрѣ все свое стараніе, и вдругъ, совершенно безсознательно и неожиданно для себя самого, чувствуетъ несомнѣнную удачу, успѣхъ, увлекается—и застигнутый въ такую минуту вдохновенія музыкантомъ-учителемъ—навсегда обезпечиваетъ себѣ дорогу по призванію. Совершенствуясь въ своемъ искусствѣ, разъѣзжая по разнымъ городамъ Россіи, онъ пожилымъ уже и усталымъ человѣкомъ возвращается въ род-

ное село. Но внутренній огонь его не покидаетъ; онъ глубоко дѣйствуетъ на крестьянъ своей вдохновенной игрой, и въ заключеніе открываетъ въ селѣ школу, гдѣ и занимаетъ мѣсто учителя, чтобы наукой и искусствомъ влiять на нетронутые дѣтскіе умы и вести ихъ по пути добра.

Оба стихотворенія почему-то напечатаны очень блѣднымъ и мелкимъ шрифтомъ. Не изъ скромности-ли, чтобы можно было ихъ и не замѣтить? Такую скромность въ данномъ случаѣ мы находимъ совершенно умѣстной, такъ какъ и по содержанію, и по формѣ стихотворенія значительно уступаютъ прозѣ и врядъ-ли охотно прочтутся дѣтьми.

Въ цѣломъ, разбираемая книга серьезнаго слѣда въ дѣтскихъ умахъ не оставитъ, но временное удовольствіе при чтеніи ея они несомнѣнно получатъ.

Стихотворенія для дѣтей. Ив. Вдовина. Изд. Бѣлоусова. Москва.

Въ маленькой, тоненькой книжкѣ помѣщено четырнадцать стихотвореній, назначаемыхъ почему-то для дѣтей, хотя они скорѣе написаны «про» дѣтей или «о» дѣтяхъ, но никакъ не «для» дѣтей. Слишкомъ бѣдныя по содержанію, монотонныя, блѣдныя по формѣ, они не могутъ разшевелить поэтической жилки, не пробудятъ любви къ природѣ, не затронутъ ни ума, ни души юнаго читателя. Страннымъ показался намъ страхъ автора къ школѣ, къ ученью. Въ первомъ стихотвореніи онъ говоритъ дѣтямъ: не пугайтесь ученья, безъ него не прожить; во второмъ: «будемъ съ горъ кататься, такъ авось ученье тоской не доймѣтъ»; въ третьемъ: «знать, весны-то и не будетъ, и ходи учиться!.. Онъ идетъ такой унылый по дорогѣ въ школу»...—и опять утѣшеніе лѣтнимъ весельемъ за школьную скуку!.. Встрѣчаются въ стихахъ и неправильности въ удареніи, допущенныя ради размѣра: защелкáлъ соловей; дышúтъ; жаворóнки...

Сердечное Слово. Изданіе М. М. Ледерле. 1891 г. Каждый изъ разсказовъ (изданныхъ отдѣльными книжками) съ 2 рисунками Малышева.

№ 1. Христосъ воскресе. Лебедева. Цѣна 5 коп., 28 стр. Наступила ночь передъ свѣтлымъ праздникомъ. Въ уѣздномъ городкѣ Кашинѣ, въ домѣ богатаго купца все было убрано къ празднику, всѣ ушли къ заутренѣ, только одна старушка сидѣла въ залѣ и читала евангеліе. Это была одинокая женщина, доживавшая свой вѣкъ у прію-

тившей ее пріятельницы. Много горя видѣла она въ жизни, и теперь задумалась о прошломъ: передъ нею вставали картины былаго счастья, вспоминались праздники въ семьѣ, вспоминался маленькій сынъ, радость и надежда родителей...

Вдругъ ей послышался звонъ отъ разбитаго стекла, и передъ ней очутился молодой человѣкъ, съ ножомъ въ рукѣ требовавшій указать, гдѣ хозяйскія деньги; это былъ арестантъ, только что выпущенный на свободу. Вздрогнула старушка, но не отъ испуга: злодѣй напомнилъ ей родного сына, умершаго въ тюрьмѣ, — любимаго дорогаго сына, о которомъ она не переставала молиться. Съ грустью и состраданіемъ взглянула она на несчастнаго, и ея кроткій любящій взоръ, какъ молнія, озарилъ его душу, разбудилъ забытыя воспоминанія: ему представилась умирающая мать, вспомнилась и другая добрая женщина, когда-то благословившая его, сироту, при отъѣздѣ.

Въ эту минуту въ тишинѣ ночи раздался торжественный пасхальный благовѣстъ; ножъ выпалъ изъ рукъ преступника, и онъ упалъ къ ногамъ старушки, а та кротко промолвила: «Богъ проститъ. Христосъ воскресе!» и со слезами тихой радости взглянула на звѣздное небо.

№ 2. Никто какъ Богъ. Лебедева. Ц. 10 коп., 58 стр. Сергѣй Парамоновъ былъ богатый извозчикъ, содержавшій постоялый дворъ и развозившій на своихъ тройкахъ грузъ и поклажу въ большіе города и на ярмарки. Хорошо жилось ему до того дня, когда въ этой мѣстности была проведена желѣзная дорога. Съ тѣхъ поръ все пошло подъ гору: запустѣла большая проѣзжая дорога, запустѣлъ постоялый дворъ, и хозяинъ горько раздумывалъ, какъ сохранить семью отъ разоренія, удержать за собою родной уголъ. Рѣшилъ онъ наконецъ вступить въ артель на чугунку, распродалъ своихъ коней, оставивъ только лучшаго изъ нихъ, и готовъ былъ внести требуемый залогъ. Но случился пожаръ въ селѣ; Сергѣй собралъ и уложилъ свое добро на телѣгу; во время суматохи сундукъ его былъ разграбленъ, деньги пропали. Въ первую минуту онъ обезумѣлъ отъ горя, кинулся, было, къ колодцу, и только работникъ удержалъ его отъ погибели.

Бывшій богачъ оказался безъ куска хлѣба, но не долго предавался отчаянію; онъ успокаивалъ себя мыслью, что Богъ каждому посылаетъ крестъ по силамъ. Поѣхалъ онъ въ городъ продавать последнее достояніе—своего любимаго гнѣдка. Народу на площади онъ не нашелъ—всѣ ушли на поле, гдѣ назначено было состязаніе лошадей въ возкѣ тяжестей. Сергѣй направился туда-же, просилъ позволенія

участвовать въ состязаніи. Гнѣдко выигралъ призъ—хозяину выдали 500 руб. (?)—и семья была спасена.

№ 3. Лѣсникъ. Н. Познякова. Ц. 10 к., 27 стр. Угрюмому старику, одиноко тоскующему въ лѣсной сторожкѣ, наканунѣ Рождества подбрасываютъ годовалую внучку съ запиской отъ пьяницы зятя, и старый нелюдимъ съ любовью принимаетъ къ себѣ ребенка умершей своей дочери, которой онъ не хотѣлъ простить самовольнаго замужества, не хотѣлъ помочь при жизни въ ея горькой долѣ.

№ 4. Наталья Борисовна Долгорукая. В. Острогорскаго. Ц. 10 к., 28 стр. Просто и серьезно, безъ всякихъ прикрасъ и измышленныхъ добавленій передается разсказъ о жизни знаменитой страдалицы,—разсказъ, вполнѣ понятный для читателя изъ народа.

Всѣ эти разсказы хотя и не представляютъ собою чего-либо новаго по мысли и содержанію и нѣсколько страдаютъ сентиментальностью, написаны хорошимъ языкомъ, тепло и задушевно, и вполнѣ достигаютъ цѣли—Сердечнаго Слова—пробуждать добрыя чувства въ душѣ грамотѣя крестьянина. Лучшій изъ нихъ—первый. Относительно второго позволяемъ себѣ замѣтить, что состязанія лошадей, призы и восторги зрителей на скаковомъ полѣ какъ-то не вяжутся съ жизнью русскаго провинціальнаго города; такой исходъ изъ тяжелаго положенія бывшаго извозчика является поэтому искусственнымъ.

Пособіе для первоначальнаго обученія греческому языку для третьяго и на первое полугодіе четвертаго класса. Составилъ А. Приселковъ, преподаватель Тифлисской 1-й гимназіи. Второе исправленное и значительно дополненное изданіе. Тифлисъ, 1891 г. 61 стр. Ц. 15 к.

Чтобы понять происхожденіе и характеръ этой книжки, намъ необходимо припомнить тѣ обстоятельства, которыя вызвали ея появленіе на свѣтъ и которымъ она обязана своимъ оригинальнымъ характеромъ, отличающимъ ее отъ другихъ подобныхъ книжекъ, тѣмъ болѣе, что въ «Русской Школѣ», сколько мнѣ помнится, объ этихъ обстоятельствахъ, достойныхъ вниманія всего педагогическаго міра, не было рѣчи. Я разумѣю педагогически-административныя мѣры, принятыя, лѣтъ десять тому назадъ, г. попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа, К. П. Яновскимъ, для улучшенія преподаванія разныхъ

предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназіяхъ, особенно древнихъ языковъ. Неудовлетворительность преподаванія древнихъ языковъ и недостаточность результатовъ, достигаемыхъ въ гимназіяхъ, давно обращали на себя вниманіе не только нашего общества, вообще несочувствовавшаго введенію ихъ въ курсъ гимназическаго образованія и потому склоннаго видѣть недостатки даже тамъ, гдѣ ихъ не было, но и безпокоили нашихъ педагоговъ-администраторовъ, вполнѣ понимающихъ благодѣтельное значеніе преподаванія древнихъ языковъ и желавшихъ ихъ процвѣтанія въ нашихъ гимназіяхъ. Правда, нѣкоторые сторонники древнихъ языковъ упорно отрицали неудовлетворительность преподаванія ихъ, бывшую естественнымъ результатомъ слишкомъ быстраго введенія реформы гимназій, и полагали, что со временемъ преподаваніе древнихъ языковъ само собою мало-по-малу улучшится, когда недостатки его будутъ сознаны и устранены самими преподавателями и ближайшими руководителями гимназій. Но другіе администраторы-педагоги считали болѣе цѣлесообразнымъ открыто признать обнаруженные недостатки и возможно скорѣе принять мѣры къ ихъ устраненію, чтобы тѣмъ самымъ удовлетворить требованіямъ здравой педагогики и, устранивши причины для справедливыхъ жалобъ родителей и общества вообще, поставить преподаваніе древнихъ языковъ на твердую почву, сдѣлать обученіе древнимъ языкамъ по возможности плодотворнымъ и въ то-же время не слишкомъ обременительнымъ для учащихся. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежитъ кавказскій попечитель. Какъ опытный и компетентный педагогъ, онъ хорошо понялъ причины неудовлетворительнаго преподаванія древнихъ языковъ и рѣшилъ образовать коммиссію изъ выдающихся преподавателей округа для всесторонняго разсмотрѣнія причинъ малоуспѣшности преподаванія и изысканія мѣръ къ устраненію ихъ и болѣе правильной постановки преподаванія древнихъ языковъ.

Въ руководительной бумагѣ, въ которой попечитель даетъ указанія, что̀ должна дѣлать коммиссія и къ чему стремиться, К. П. Яновскій выясняетъ свой взглядъ на дѣйствительное положеніе преподаванія древнихъ языковъ, откровенно признаетъ его недостатки и указываетъ, какими путями и средствами, по его мнѣнію, слѣдуетъ пользоваться для устраненія существующихъ недостатковъ *).

*) Предложеніе попечителя Кавказскаго учебнаго округа отъ 12 февраля 1881 года о составленіи коммиссіи для обсужденія вопроса объ улучшеніи преподаванія древнихъ языковъ на имя окружнаго инспектора, теперь покойнаго Н. А. Короваева, который назначенъ былъ предсѣдатетемъ этой коммиссіи, и напечатано въ самомъ началѣ «Отчета о занятіяхъ коммиссіи», вышедшаго въ

Согласно съ этими вполнѣ раціональными и педагогическими указаніями, коммиссія, работавшая подъ предсѣдательствомъ окружнаго инспектора, преждевременно скончавшагося года три тому назадъ, Н. А. Короваева, пришла, послѣ предварительнаго обстоятельнаго разсмотрѣнія вопроса о постановкѣ и цѣляхъ преподаванія древнихъ языковъ заграницею и у насъ, къ тому заключенію, что 1) при изученіи древнихъ языковъ въ гимназіяхъ на первомъ планѣ должно стоять чтеніе авторовъ, такъ какъ обученіе древнимъ языкамъ въ гимназіяхъ введено не ради изученія этихъ языковъ, а для того, чтобы ученики могли въ оригиналахъ познакомиться съ образцовыми произведеніями лучшихъ греческихъ прозаиковъ и поэтовъ и въ тоже время пріобрѣли ясныя и отчетливыя понятія о жизни и историческомъ развитіи древнихъ классическихъ народовъ, литература и культура которыхъ составляютъ основу историческаго развитія европейскихъ народовъ, въ томъ числѣ и насъ, русскихъ, 2) въ виду этой главной цѣли, преподаваніе должно идти такъ, чтобы ученики какъ можно скорѣе достигали умѣнья толково читать и понимать произведенія древнихъ авторовъ, а такъ какъ такое умѣніе скорѣе достигается посредствомъ практическаго преподаванія языка, чѣмъ грамматическаго, которое господствуетъ теперь, то необходимо измѣнить методъ преподаванія древнихъ языковъ съ самаго начала и замѣнить грамматическій способъ преподаванія древнихъ языковъ практическимъ *).

Характеръ и преимущества практическаго способа преподаванія древнихъ языковъ выяснены были главнымъ образомъ и вполнѣ обстоятельно въ рефератѣ г. І. Дрбоглава, въ то время инспектора и преподавателя латинскаго языка въ 1-й Тифлисской гимназіи, а теперь директора этой-же гимназіи.

Въ особой запискѣ, представленной имъ въ коммиссію **), пред-

Тифлисѣ въ 1882 году. Отчетъ этотъ представляетъ собою значительный вкладъ въ нашу педагогическую литературу и съ большею пользою можетъ быть прочтенъ преподавателями древнихъ языковъ, особенно молодыми.

*) Подъ грамматическимъ методомъ г. попечитель и тифлисская коммиссія разумѣютъ обученіе языку по систематической грамматикѣ, слѣдовательно догматическій, а подъ практическимъ, естественнымъ—методъ еврѣтическій (εὑρετικός), развивающій, элементарный. Ср. относительно этого мою статью «Объ элементарномъ методѣ обученія древнимъ языкамъ», помѣщенную въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.», февр. 1887 г., часть CCXLIX, отд. 3, стр. 33 и слѣд.

**) Записка эта въ извлеченіи напечатана въ вышеназванномъ «Отчетѣ о занятіяхъ коммиссіи», стр. 35 и слѣд. Протоколъ преній, вызванныхъ запискою г. Дрбоглава, и постановленія коммиссіи см. тамъ-же, стр. 48 и слѣд. Содержаніе этой записки и главныя положенія ея были изложены въ статьяхъ покойнаго проф. К. Я. Люгебиля, напечатанныхъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1884 г., въ ноябрской и декабрской книжкахъ.

ставивъ на разборѣ латинской грамматики Кюнера, какъ самой распространенной у насъ учебной книги для первоначальнаго обученія латинскому языку, всѣ неудобства грамматическаго метода, по которому ученикъ почти три года занимается исключительно зубреніемъ грамматическихъ правилъ и не можетъ приступить къ чтенію связныхъ и осмысленныхъ статей, г. Дрбоглавъ доказываетъ превосходство естественнаго метода обученія языка, по которому изученіе языка начинается не съ правилъ и парадигмъ, подкрѣпляемыхъ отрывочными фразами изъ всевозможныхъ писателей и отраслей знанія, а съ доступныхъ пониманію учениковъ связныхъ статей, которыя сразу вводятъ ученика въ изученіе языка и облегчаютъ, благодаря своей понятности въ цѣломъ, усвоеніе матеріала и формъ языка постепенное, но прочное и образовательно-развивающее способности ученика, а не забивающее ихъ зубреніемъ не всегда понятыхъ правилъ и многочисленныхъ парадигмъ. Вмѣсто этого безконечнаго и неплодотворнаго заучиванія систематической, отвлеченной грамматики и перевода винигрета фразъ, г. Дрбоглавъ рекомендовалъ прямо приступать къ чтенію, переводу и разбору простыхъ басенъ, вполнѣ доступныхъ по содержанію ученикамъ самаго младшаго возраста и самыхъ обыкновенныхъ способностей *). При чтеніи такихъ басенъ, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ и по возможности упрощаемыхъ въ своей конструкціи въ началѣ, ученики изъ прочитываемаго и переводимаго текста должны учиться читать, писать, склонять, спрягать и знакомиться съ особенностями синтаксиса древнихъ языковъ, словомъ, изучать его постепенно въ разныхъ его проявленіяхъ и формахъ, подобно тому, какъ мы изучаемъ въ дѣтствѣ родной языкъ.

Главныя преимущества этого естественнаго метода заключаются въ томъ, что ученики, прочитывая, переводя и разбирая прочитанную статью, *сами*, при помощи и подъ руководствомъ преподавателя, доискиваются и дѣлаютъ выводы, на основаніи тѣхъ явленій и формъ языка, которыя встрѣчаются въ прочитанной статьѣ, сами строятъ

*) Необходимость и польза возможно скорѣйшаго перехода къ чтенію и разбору простыхъ, доступныхъ пониманію учащихся, но связныхъ статей сознается и рекомендуется «Объяснительною запискою къ учебному плану древнихъ языковъ», напечатанною въ «Учебныхъ планахъ», утвержденныхъ г. Министромъ Народн. Просвѣщенія 20-го іюля 1890 года, послѣ частичной, послѣдней реформы гимназій. Хотя составители «Объяснительной записки» имѣли въ виду общераспространенные учебники, по которымъ сначала заучиваются парадигмы и правила, а потомъ дѣлаются упражненія на нихъ, тѣмъ не менѣе они совершенно справедливо настаиваютъ на возможно скорѣйшемъ переходѣ къ латинскому тексту и притомъ въ видѣ связныхъ статей (стр. 63—64).

постепенно то сложное зданіе, которое называется систематическою грамматикою, сами вырабатываютъ тѣ парадигмы и правила, которыя заучиваются на память при прохожденіи систематической грамматики. Такой методъ изученія языка съ одной стороны пріучаетъ учениковъ изъ отдѣльныхъ явленій и фактовъ строить цѣлое и разбираться въ фактахъ, подводить подъ извѣстныя категоріи и выводить правила и парадигмы, а съ другой — съ самаго начала вводить въ чтеніе и пониманіе текстовъ изучаемаго языка, сначала самыхъ простыхъ по конструкціи и содержанію, а потомъ все болѣе и болѣе усложняемыхъ. Вырабатывая общими силами парадигмы и правила, при помощи наводящихъ вопросовъ преподавателя, ученики во все время урока естественно должны работать съ полнымъ вниманіемъ, а добытыя такимъ путемъ знанія остаются навсегда въ головѣ учащагося и трудно забываются, между тѣмъ какъ вызубренныя по систематической грамматикѣ правила и парадигмы забываются легко и скоро. Кромѣ того, пріобрѣтеніе знаній, соединенное съ самодѣятельностью, занимаетъ учениковъ и не утомляетъ ихъ, между тѣмъ какъ заучиваніе всевозможныхъ правилъ и исключеній изъ нихъ по грамматикѣ, не требующее участія мысли, очень скоро утомляетъ учащихся и надоѣдаетъ до отвращенія, тѣмъ болѣе, что правила и парадигмы сопровождаются въ грамматикахъ цѣлымъ рядомъ отрывочныхъ, безсвязныхъ и большею частью непонятныхъ фразъ, надерганныхъ изъ всевозможныхъ писателей. Эти по содержанію безсвязныя примѣры-фразы, нагроможденныя въ хаотическомъ безпорядкѣ и попавшія въ одну рубрику, единственно благодаря одинаковости находящихся въ нихъ формъ и словъ, запоминаются чрезвычайно трудно, ничѣмъ въ памяти не подкрѣпляются и не поддерживаются, а потому также легко забываются, какъ и самыя правила. Мало этого! Безсвязныя фразы, благодаря единственно своимъ формамъ и словамъ попавшія въ учебникъ въ пестромъ безпорядкѣ и замѣняющія собою для ученика текстъ изучаемаго языка, пріучаютъ ученика видѣть въ текстѣ вообще только формы и слова, а не смыслъ, и отучаютъ отъ осмысленнаго отношенія къ тексту даже и тогда, когда текстъ состоитъ уже не изъ отдѣльныхъ, безпорядочныхъ фразъ, а представляетъ связный разсказъ или стройное, логически и художественно построенное разсужденіе или рѣчь. Результатомъ такого способа изученія языка бываетъ, къ сожалѣнію, очень и очень часто наблюдаемые факты неумѣнія справиться и понять самый простой текстъ, послѣ усиленнаго и часто усерднаго и добросовѣстнаго занятія языкомъ въ теченіе всего гимназическаго курса. При другомъ, естественномъ, методѣ изученія

языка, на основаніи прочитанныхъ, переведенныхъ и разобранныхъ текстовъ, эти печальныя явленія становятся почти невозможными: ученикъ съ самаго начала пріучается относиться къ тексту и его содержанію осмысленно. Смыслъ и содержаніе не только вполнѣ усвоиваются, но и являются, по своей простотѣ и доступности пониманію учащихся, по своей связности и законченности, однимъ изъ самыхъ важныхъ факторовъ мнемоники, т.-е. способствуютъ легкому и въ то-же время прочному запоминанію словъ, фразъ и цѣлыхъ періодовъ на изучаемомъ языкѣ, а слѣдовательно, безъ особаго, спеціальнаго зубренія словъ и правилъ пріучаютъ и даютъ матеріалъ для выраженія собственныхъ мыслей на изучаемомъ языкѣ. Короче, говоря педагогическимъ языкомъ, новый методъ обученія древнимъ языкамъ, одобренный кавказскою коммиссіею, способствуетъ достиженію какъ *формальныхъ*, такъ и *матеріальныхъ* цѣлей преподаванія въ гораздо большей степени, чѣмъ догматическій, грамматическій *).

Къ сожалѣнію, благодаря легкости для преподавателей этого послѣдняго, онъ гораздо больше распространенъ, нежели элементарный или, какъ выражается тифлисская коммиссія, практическій. Между тѣмъ какъ методъ грамматическій или догматическій, т.-е. послѣдовательное заучиваніе систематической грамматики требуетъ отъ преподавателя только вниманія къ тому, что говорятъ или пишутъ ученики, и урокъ, при такомъ способѣ преподаванія, не стоитъ большаго труда и можетъ идти безъ особой подготовки, методъ элементарный, практическій, при которомъ парадигмы и правила выводятся самими учениками изъ прочитываемыхъ и разбираемыхъ текстовъ, требуетъ отъ преподавателя гораздо большаго труда, подготовки и умѣнія вести урокъ такъ, чтобы ученики сами доискивались и доходили до того, что имъ долженъ дать разбираемый текстъ.

Въ виду этой трудности практическаго метода, не смотря на всѣ его преимущества и пользу для учащихся, тифлисская коммиссія не сочла возможнымъ сдѣлать этотъ способъ преподаванія древнихъ языковъ обязательнымъ для всѣхъ преподавателей округа, а только рекомендовала его, тѣмъ болѣе, что и подходящихъ и приспособленныхъ къ такому преподаванію руководствъ не было. Потому, преподавателю, который рѣшился-бы преподавать практическимъ методомъ,

---

*) О формальныхъ и матеріальныхъ цѣляхъ преподаванія того или другаго предмета см. *Diesterweg's*, Wegweiser zur Bildung für deutsche Lehrer, Band. I, S. 242 (5 Auflage, Essen, 1873. Ср. мою вышеназванную статью, Журн. Мин. Нар. Пр., февр. 1887, стр. 44.

необходимо самому предварительно дѣлать тщательный выборъ подходящихъ текстовъ и обработку для каждаго урока. Понятно, такого требованія предъявлять ко всѣмъ преподавателямъ округа коммиссія не могла и по необходимости должна ограничиться только рекомендаціею одобреннаго ею плодотворнаго, но труднаго для преподавателей метода. Для обязательнаго введенія этого метода во всѣхъ гимназіяхъ округа и для распространенія его вообще необходимо было прежде всего озаботиться изданіемъ приспособленныхъ къ такому преподаванію хрестоматій и руководствъ для преподавателей и учениковъ.

Чтобы облегчить распространеніе одобреннаго коммиссіею метода преподаванія древнихъ языковъ, тотъ членъ коммиссіи, который былъ главнымъ защитникомъ практическаго метода и плодотворность его доказалъ на дѣлѣ, именно: г. Дрбоглавъ, издалъ вскорѣ послѣ закрытія вышеназванной коммиссіи учебникъ для первоначальнаго обученія латинскому языку. Этотъ учебникъ состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ одна назначается для преподавателей и называется: «Опытъ методики первоначальнаго обученія латинскому языку. Курсъ перваго и втораго класса», а другая для учениковъ подъ заглавіемъ: «Пособіе для первоначальнаго обученія латинскому языку». Обѣ книжки вышли въ Тифлисѣ въ 1884 году въ одно время и представляютъ собою связное цѣлое: въ одной, назначенной для преподавателей, послѣ введенія, въ которомъ излагаются психологическія основанія элементарнаго или практическаго метода и педагогическіе пріемы, которыми слѣдуетъ руководствоваться, даются образцы уроковъ, веденныхъ по элементарному методу, съ примѣненіемъ тѣхъ педагогическихъ пріемовъ, о которыхъ рѣчь идетъ во введеніи; въ другой, назначенной для учениковъ, дается матеріалъ для уроковъ, т.-е. сборникъ статей, упрощенныхъ и приспособленныхъ для самаго первоначальнаго преподаванія латинскаго языка ученикамъ, незнакомымъ не только съ грамматикой латинскаго языка, но и русскаго. Эти статьи сопровождаются, каждая отдѣльно, собраніемъ примѣровъ для переводовъ съ русскаго языка на латинскій и обратно, которые ученикъ можетъ дѣлать при помощи матеріала, находящагося въ разобранныхъ и переведенныхъ статьяхъ, и тѣхъ познаній, которыя онъ пріобрѣлъ при разборѣ пройденныхъ статей.

Такъ какъ о книжкахъ г. Дрбоглава я имѣлъ случай довольно подробно говорить въ Ж. М. Н. Пр. (февраль, 1887 г.), то не считаю нужнымъ распространяться здѣсь о характерѣ и отличительныхъ чертахъ его учебниковъ, тѣмъ болѣе что книжка г. Приселкова, заглавіе которой мы выписали въ началѣ статьи, написана въ томъ-

же духѣ и на основаніи тѣхъ-же принциповъ, какъ и вышеназванныя учебныя пособія г. Дрбоглава, и, знакомясь съ книжкою г. Приселкова, мы познакомимся въ то-же время и съ существенными отличительными чертами учебнаго пособія г. Дрбоглава. Разница между ними заключается въ томъ, что пособіе г. Дрбоглава назначается для обученія латинскому языку, а г. Приселкова—для обученія греческому, да въ томъ, что г. Дрбоглавъ является у насъ иниціаторомъ этого метода, а г. Приселковъ слѣдуетъ во всемъ г. Дрбоглаву.

Г. Приселковъ, какъ и г. Дрбоглавъ, издалъ также двѣ книжки: для учениковъ вышеназванное «Пособіе», а для преподавателей, желающихъ преподавать по этому «Пособію», прибавленіе къ нему, въ которомъ авторъ излагаетъ 8 первыхъ уроковъ подробно и обстоятельно, а для слѣдующихъ въ первое полугодіе даетъ подробный планъ. «Пособіе», вышедшее 1-мъ изданіемъ въ Тифлисѣ въ 1888 году, теперь является во 2-мъ изданіи, значительно измѣненномъ и исправленномъ. «Пособіе», которое назначается для учениковъ, представляетъ хрестоматію изъ греческихъ текстовъ съ упражненіями на томъ матеріалѣ, который находится въ прочитанной и разобранной статьѣ, т.-е., совершенно такую-же книгу, какую мы имѣемъ въ «Пособіи» г. Дрбоглава для латинскаго языка. Хрестоматія начинается прямо съ басни: «Лошадь и Оселъ», упрощенной относительно конструкціи такъ, что она вся состоитъ изъ простыхъ, краткихъ предложеній, выраженныхъ весьма незначительнымъ количествомъ формъ именныхъ, исключительно 2-го склоненія, и глагольныхъ. На этой баснѣ ученики должны учиться читать, ознакомиться съ формами ед. числа, основъ 2-го склоненія, 1-го л. ед. praes. гл. на ω, 3 ед. и мн. ч. imperf и aor., 2 един. ч. imper., iota subscr., надстрочными знаками и удареніями, членами и elisio. Для упражненія учениковъ въ означенныхъ формахъ, чтеніи, письмѣ и произношеніи даются простыя предложенія, составленныя изъ словъ и формъ, находящихся въ переведенной и разобранной баснѣ, съ приложеніемъ пріобрѣтенныхъ познаній относительно формъ къ словамъ, которыя въ данной формѣ не встрѣчались. Такъ, напр., гл. βαδίζω встрѣчается въ первой баснѣ только въ 3 л. мн. ч. imperf., но другіе глаголы встрѣчаются въ 3 л. ед. того-же времени; потому въ предложеніяхъ, греческихъ и русскихъ, составленныхъ для упражненія учениковъ, гл. βαδίζω является и въ 3 л. ед. ч. imperf., а, наоборотъ, глаголы встрѣчавшіеся въ баснѣ только въ ед. ч., въ упражненіяхъ являются во множественномъ imperf. и другихъ вышеназванныхъ глагольныхъ, формахъ. Точно такія-же упражненія даются относительно именъ, над-

*

строчныхъ знаковъ и другихъ явленій языка, встрѣчавшихся въ 1-й прочитанной баснѣ.

При чтеніи, разборѣ и переводѣ 2-й басни: «Олень и охотники», проходятся множественное и двойственное число 2-го склоненія, а въ упражненіяхъ, составленныхъ на основаніи матеріала 1-й и 2-й басни, встрѣчаются всѣ формы основы 2-го склоненія на ο, и такимъ образомъ эти основы проходятся на 2-хъ басняхъ вмѣстѣ съ встрѣчающимися въ нихъ глагольными формами и правилами для чтенія и произношенія греческихъ буквъ.

Двѣ слѣдующія статьи, которыя все болѣе и болѣе становятся по своей конструкціи сложнѣе и менѣе упрощаются, служатъ, вмѣстѣ съ русскими и греческими упражненіями, для изученія перваго склоненія и новыхъ глагольныхъ формъ. Затѣмъ слѣдуютъ основы 3 склоненія, какъ именъ существительныхъ, такъ и прилагательныхъ, 7-я статья служитъ матеріаломъ для изученія личныхъ мѣстоименій, а съ 8-й начинается изученіе глаголовъ, конечно, сначала правильныхъ и простыхъ по своему образованію. Послѣ 10 статьи басни замѣняются извлеченіями изъ Похода Кира Младшаго (Анабазисъ) до смерти этого послѣдняго въ видѣ отдѣльныхъ, небольшихъ статей съ упрощенною конструкціею. Какъ отдѣльныя басни, такъ и эти статьи изъ Похода Кира сопровождаются соотвѣтствующими примѣрами для упражненій на встрѣчавшихся въ разобранныхъ текстахъ словахъ и формахъ. Книжка заканчивается греко-русскимъ словаремъ на отдѣльныя статьи, расположеннымъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они находятся въ составляющихъ хрестоматію текстахъ.

Прочитавъ и разобравъ тексты съ соотвѣтствующими фразами для упражненій, ученики должны, обучаясь греческому языку по этой книжкѣ, усвоить тѣ отдѣлы грамматики, которые полагается пройти въ первые полтора года, т.-е. въ 3-мъ классѣ и въ первомъ полугодіи 4 класса *). Обученіе греческому языку по этому пособію должно идти такимъ образомъ въ обратномъ порядкѣ сравнительно съ грамматическимъ или догматическимъ методомъ: ученики будутъ изучать и наблю-

*) Хотя въ примѣрной программѣ преподаванія греческаго языка (Учебные планы 1890 года, стр. 60) сумма познаній, которыя ученики должны пріобрѣсти изъ грамматики, выражены въ видѣ систематическаго перечня отдѣловъ грамматики, но это обстоятельство едва-ли можетъ служить препятствіемъ для обученія языку въ другомъ порядкѣ, лишь-бы достигалась цѣль и пріобрѣталась требуемая сумма познаній. Да и въ объяснительной запискѣ замѣчено, что при прохожденіи этимологіи нужно обращать вниманіе не столько на систему, сколько на методу (стр. 63).

дать явленія языка и подводить эти явленія подъ правила и парадигмы. Весьма возможно и вѣроятно, что при этомъ далеко не всѣ явленія и формы будутъ имъ встрѣчаться, и во всякомъ случаѣ ихъ непосредственное знакомство съ разными исключительными, неправильными явленіями языка будетъ далеко не такъ полно, какъ при заучиваніи правилъ и исключеній изъ нихъ по систематеческой грамматикѣ. Тѣмъ не менѣе, выгоды элементарнаго способа преподаванія, при умѣломъ веденіи его, не могутъ подлежать сомнѣнію, потому что усвоенное при практическомъ изученіи языка остается навсегда достояніемъ учащагося, а правила и парадигмы, заученныя по грамматикѣ, забываются еще скорѣе, чѣмъ заучиваются. Но еще важнѣе то, что при практическомъ методѣ преподаванія, по которому нужно вести преподаваніе по учебникамъ гг. Дрбоглава и Приселкова, ученикъ съ самаго начала пріучается разбирать и толково понимать тексты и такимъ образомъ скорѣе можетъ перейти къ осмысленному чтенію писателей, главной, какъ мы видѣли, цѣли преподаванія древнихъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Бѣда не велика, если ученикъ не будетъ знать многихъ правилъ и исключеній изъ нихъ, но будетъ практически знать употребленіе словъ и формъ, составляющихъ эти правила и исключенія. Наоборотъ, если ученикъ знаетъ твердо и можетъ прочитать наизустъ множество правилъ, но не знаетъ языка, не умѣетъ на практикѣ примѣнять эти правила и парадигмы, то толку отъ такого знанія мало, такъ какъ грамматика того или другаго языка, изучаемаго въ среднихъ школахъ, никогда не составляетъ цѣли, а служитъ только орудіемъ, средствомъ къ знанію языка и чтенія авторовъ. Наконецъ, практическій методъ не только не исключаетъ знанія систематической грамматики, но и предполагаетъ знаніе ея въ гораздо большей степени, чѣмъ грамматическій; только прохожденіе систематической грамматики должно не предшествовать изученію языка, текстовъ, а сопутствовать и слѣдовать за нимъ. Познакомившись на разобранныхъ текстахъ съ формами именъ или глаголовъ, ученики необходимо должны послѣ каждаго небольшаго отдѣла систематизировать подъ руководствомъ учителя свои познанія, подводить имъ итоги. Послѣ прохожденія нѣсколькихъ отдѣловъ, эти отдѣлы также приводятся въ систему и такимъ образомъ въ концѣ составляется такая-же полная грамматическая система, какую мы находимъ въ систематическихъ грамматикахъ, по которымъ и можетъ производиться систематическое прохожденіе пройденнаго практически по отдѣламъ; но это прохожденіе не будетъ мучительнымъ и скучнымъ зубреніемъ неизвѣстныхъ фак-

товъ и часто непонятныхъ правилъ, а легкимъ повтореніемъ и группировкою уже извѣстныхъ фактовъ и правилъ.

Въ виду этихъ преимуществъ практическаго метода обученія древнимъ языкамъ, нельзя не порадоваться, что г. Приселковъ составилъ для греческаго языка учебникъ, подобный тому, какъ г. Дрбоглавъ составилъ для латинскаго. Но необходимо замѣтить, что книжка г. Приселкова значительно уступаетъ даже и во 2-мъ исправленномъ и дополненномъ изданіи «Пособію» г. Дрбоглава *). Не говоря уже о томъ, что г. Приселковъ подражаетъ г. Дрбоглаву, книжка г. Приселкова, на мой взглядъ, составлена не такъ тщательно и обстоятельно, какъ соотвѣтствующая книжка г. Дрбоглава. Статей для чтенія въ «Пособіи» г. Приселкова гораздо меньше, чѣмъ въ «Пособіи» г. Дрбоглава, по моему мнѣнію, даже слишкомъ мало и, быть можетъ, недостаточно для усвоенія и практическаго прохожденія тѣхъ отдѣловъ грамматики, которые полагается пройти въ полтора года. Слѣдовало-бы разобрать гораздо больше басенъ и не переходить прямо къ Ксенофонту, а къ чему-нибудь попроще. Готовый сборникъ такихъ простыхъ статей, которыми могъ-бы воспользоваться г. Приселковъ для своей книжки, кромѣ другихъ подобныхъ хрестоматій, извѣстная и много разъ издававшаяся, выходившая, между прочимъ, и въ русской передѣлкѣ хрестоматія Якобса. Гораздо большее количество греческихъ статей позволило-бы ученикамъ и преподавателямъ больше изучать формы и слова на текстахъ, а не на примѣрахъ для упражненій, которыми по необходимости приходится при маломъ количествѣ статей заниматься слишкомъ много. А такъ какъ эти примѣры для упражненій взяты изъ весьма небольшаго количества греческихъ текстовъ, то въ нихъ по необходимости бываютъ весьма частыя повторенія почти одинаковыхъ фразъ, да и самыя фразы представляютъ часто почти такой-же наборъ словъ, противъ котораго справедливо ратовали въ послѣднее время противники господствовавшаго способа преподаванія языковъ. Конечно, въ самомъ началѣ, когда учениками изъ прочитанныхъ двухъ, трехъ статей извѣстно весьма мало словъ и формъ, отдѣльныя, не связанныя между собою общимъ смысламъ фразы, неизбѣжны, но по мѣрѣ того, какъ запасъ словъ и формъ увеличивается, гораздо лучше и полезнѣе составлять такіе примѣры для упражненій, въ которыхъ былъ-бы нѣкоторый общій смыслъ, т.-е.

*) Въ пособіи г. Дрбоглава за 24 баснями слѣдуетъ Epitome historiae sacrae въ 32 небольшихъ отдѣлахъ, а за нею еще Epitome historiae Romanae, которою и заканчивается хрестоматія, составляющая главное содержаніе и основаніе «Пособія».

краткіе разсказы изъ простыхъ фразъ, хотя сначала представляющіе варіаціи прочитаннаго текста. Потомъ уже, при большемъ запасѣ словъ, можно перейти къ разсказцамъ на другія темы изъ тѣхъ же словъ и формъ, для избѣжанія скучныхъ повтореній и особенно безсмысленнаго винигрета фразъ, пріучающаго учениковъ не видѣть смысла въ греческихъ текстахъ. Если-бы было больше статей простаго содержанія, то составителю учебника не пришлось-бы прибѣгнуть къ измѣненному тексту Анабазиса Ксенофонта: ученики настолько уже привыкли-бы къ греческому тексту, что могли-бы читать настоящаго Ксенофонта, безъ измѣненій его фразъ и конструкціи его рѣчи. Недостаточное количество простыхъ греческихъ текстовъ, предшествующихъ видоизмѣненнымъ отрывкамъ изъ Ксенофонта, заставило г. Приселкова дѣлать въ текстѣ этого послѣдняго большія измѣненія и сокращенія, которыя къ тому-же сдѣланы не всегда удачно и правильно, такъ что получается текстъ, иногда весьма несходный съ настоящимъ текстомъ Ксенофонта, и ученики, пожалуй, не признаютъ этого передѣланнаго Ксенофонта, въ настоящемъ, когда они будутъ читать Анабазисъ. Мнѣ кажется, было-бы гораздо лучше, если-бы г. Приселковъ и въ этомъ случаѣ послѣдовалъ г. Дрбоглаву и вмѣсто Ксенофонтова Анабазиса взялъ какой-нибудь текстъ или общеисторическаго, географическаго или миѳологическаго содержанія, доступнаго по своей конструкціи и смыслу пониманію учениковъ и не требующаго измѣненій, или требующаго измѣненій, самыхъ незначительныхъ и ненарушающихъ общаго характера и стиля взятаго текста. Послѣ бо́льшаго количества басенъ и другихъ статей, чѣмъ то, которое даетъ г. Приселковъ, въ простомъ текстѣ историческаго или географическаго содержанія въ большихъ передѣлкахъ, которыя необходимы при чтеніи самыхъ первыхъ статей, надобности уже не будетъ, и ученики такимъ образомъ пріучатся мало-по-малу къ чтенію и пониманію греческихъ текстовъ въ ихъ естественномъ видѣ.

Не смотря на эти недостатки, которые легко устранить и теперь введеніемъ большаго числа статей изъ другихъ сборниковъ, опытъ г. Приселкова и его добросовѣстное стараніе дать руководство для преподаванія греческаго языка практическимъ способомъ заслуживаетъ полнаго одобренія, тѣмъ больше, что «Пособіе» не представляетъ перевода или компиляціи съ готовыхъ нѣмецкихъ учебниковъ, какъ большая часть нашихъ греческихъ и латинскихъ грамматикъ съ ихъ многочисленными упражненіями, а плодъ собственныхъ трудовъ и преподавательской практики составителя учебника. Дай Богъ, чтобы такихъ самостоятельныхъ попытокъ было больше и наши учебники приспо-

соблялись-бы къ русскому языку и писались-бы для русскихъ учениковъ, а не брались въ готовомъ видѣ съ нѣмецкихъ со всѣми тѣми правилами и примѣрами, которые нужны для нѣмецкихъ учениковъ и безъ которыхъ могли-бы легко обойтись наши учебники, замѣнивъ ихъ нужными для русскихъ учениковъ примѣрами и правилами, имѣющими въ виду особенности русскаго языка сравнительно съ греческимъ и латинскимъ. При практическомъ преподаваніи языка эти ненужныя для насъ правила и примѣры сами собою не входятъ въ расчетъ и потому и при систематическомъ повтореніи грамматики должны естественно выпасть, какъ ненужные. А въ этомъ также нельзя не видѣть преимущества практическаго метода. Благодаря ему, скорѣе сдѣлаются замѣтными излишнія правила и упражненія нѣмецкихъ учебниковъ и, быть можетъ, скорѣе появятся и самостоятельные систематическіе учебники грамматикъ древнихъ языковъ. написанные русскими преподавателями для русскихъ учениковъ.

Д. Бѣляевъ.

М. Острогорскій. Учебникъ русской исторіи. Элементарный курсъ, Съ рисунками, картами, таблицами и вопросами для повторенія. Для III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Спб. 1891 года, стр. 110. Цѣна 50 коп.

Учебникъ г. Острогорскаго въ томъ видѣ, какъ онъ появился на свѣтъ, вызванъ вновь народившеюся потребностью нашей школы. Съ 1890—1891 учебнаго года, какъ извѣстно, началось примѣненіе новой программы преподаванія исторіи въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, пока, впрочемъ, лишь въ младшихъ ихъ классахъ. Въ этой силу программы прежній эпизодическій курсъ древней, а отчасти всеобщей и русской исторіи, проходившійся въ 3-мъ классѣ, уступилъ свое мѣсто эпизодическому-же курсу одной лишь русской исторіи, и такимъ образомъ явилась нужда въ учебникѣ, приноровленномъ къ новымъ условіямъ преподаванія. Книжка г. Острогорскаго и представляетъ изъ себя такой учебникъ, разсчитанный на требованія министерской программы, но при этомъ она далеко выходитъ за рамки шаблоннаго типа нашихъ краткихъ учебниковъ, какъ по взгляду автора на свою задачу, такъ и по способу выполненія послѣдней. Въ своемъ предисловіи авторъ такъ опредѣляетъ тѣ требованія, которымъ онъ стремился удовлетворить въ своемъ трудѣ: «Излагать факты, не вдаваясь въ сужденія и голыя обобщенія; ограничиваясь важнѣйшими событіями и лицами, очертить ихъ съ достаточною рельефностью;

избѣгая безжизненныхъ перечней, вести разсказъ возможно сжато и сосредоточенно; для того, чтобы дать учащимся болѣе полное представленіе объ историческихъ явленіяхъ, восполнить слово изображеніемъ—картиною и географическою картою; сообщая познанія, будить мысль; вызывая интересъ къ минувшимъ судьбамъ родной земли, укрѣпить любовь къ ней въ настоящемъ». Ставя такія широкія дидактическія требованія къ учебнику, авторъ съумѣлъ не оставить ихъ однимъ pium desiderium, но провелъ и осуществилъ ихъ въ значительной степени и на дѣлѣ. Соотвѣтственно этому его изложеніе, не смотря на свою краткость (на 98 страницахъ, включая сюда и занятыя рисунками, разсказывается вся исторія Россіи), представляетъ изъ себя не механическое сцѣпленіе ряда фактовъ, какъ это, къ сожалѣнію, наблюдается въ большинствѣ нашихъ учебниковъ, а ясную передачу послѣдовательнаго развитія исторіи народа въ ея главнѣйшихъ проявленіяхъ. Расплывчатости, излишней траты словъ нѣтъ въ этомъ изложеніи; напротивъ, оно отличается замѣчательной содержательностью, богатствомъ не только сообщаемыхъ фактовъ, но и мыслей. При этомъ простота и ясность разсказа, дѣлающія книгу вполнѣ понятной дѣтямъ того возраста, для котораго она предназначена, счастливымъ образомъ соединяются у г. Острогорскаго съ извѣстнаго рода одушевленіемъ въ этомъ разсказѣ, выгодно отличающимъ его отъ той мертвенности, которая такъ часто бываетъ присуща нашей учебной литературѣ. Немало способствуетъ этому нововведеніе автора, заключающееся именно въ присоединеніи къ собственному разсказу стихотворныхъ отрывковъ изъ народныхъ пѣсенъ и произведеній родныхъ писателей. Придавая бо̀льшую живость и отчетливость разсказу, эти отрывки должны способствовать одновременно и возбужденію интереса къ данному факту въ ученикахъ, и лучшему его запоминанію, и потому мысль автора нельзя, намъ кажется, не назвать удачной. Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ еще и о тѣхъ приложеніяхъ, которыя самъ авторъ тѣсно связываетъ со своимъ разсказомъ, приписывая имъ большое вспомогательное значеніе, именно о географическихъ картахъ и рисункахъ. Близкое и основательное знакомство съ картой придаетъ прочность историческимъ свѣдѣніямъ ученика, давая ему въ то-же время возможность наглядно представить себѣ такіе факты, какъ распредѣленіе населенія или измѣненіе государственной территоріи. Въ виду этого географическія карты являются очень важнымъ пособіемъ при преподаваніи исторіи, но для того, чтобы онѣ могли вполнѣ исполнять свое назначеніе, необходимо, чтобы онѣ именно удовлетворяли условіямъ наглядности, т.-е. были

составлены съ возможной простотой, не будучи отягощены черезчуръ большимъ количествомъ данныхъ. Этому условію, на нашъ взглядъ, вполнѣ удовлетворяютъ четыре карты Россіи, приложенныя г. Острогорскимъ къ своей книгѣ: на нихъ ученикъ легко можетъ какъ прослѣдить фактъ постепеннаго измѣненія территоріи государства, такъ и найти мѣстности важнѣйшихъ историческихъ событій. Что касается рисунковъ, въ большомъ количествѣ приложенныхъ къ разбираемому учебнику, то они могутъ быть раздѣлены на три разряда: портреты историческихъ дѣятелей, изображенія различныхъ сценъ изъ исторіи и воспроизведеніе различныхъ предметовъ бытовой обстановки и монументальныхъ памятниковъ. Послѣдній изъ этихъ разрядовъ представляется намъ наиболѣе важнымъ, такъ какъ онъ дѣйствительно можетъ способствовать наглядному ознакомленію съ жизнью прошлыхъ вѣковъ и сравненію ея съ современностью. Такихъ рисунковъ болѣе всего и имѣется въ книжкѣ г. Острогорскаго, здѣсь мы находимъ изображенія одежды, жилищъ, вооруженія и т. д., и мы позволимъ себѣ высказать только два замѣчанія по поводу ихъ. Всѣ изображенія бытовой обстановки доходятъ въ учебникѣ только до Петра В., и дальше ихъ уже нѣтъ. Между тѣмъ жизнь XVIII-го вѣка вовсе не такъ уже близка къ намъ, чтобы ея бытовыя формы не требовали нагляднаго уясненія, затрудненія-же въ отысканіи подходящихъ иллюстрацій тоже встрѣтиться не могло. Другое наше замѣчаніе относится къ монументальнымъ памятникамъ, которые вообще очень слабо представлены въ книжкѣ г. Острогорскаго. За весь удѣльно-вѣчевой или кіевскій періодъ, напримѣръ, имѣется только одно такое изображеніе, Софійскаго собора въ Новгородѣ, и нѣтъ рисунка ни одного изъ кіевскихъ памятниковъ удѣльной древности, которымъ-бы всего умѣстнѣе было здѣсь находиться. Снабженіе книжки бо̀льшимъ количествомъ такого рода иллюстрацій помогло-бы ученикамъ пріобрѣсти нѣкоторое знакомство съ исторіей родного искусства и могло-бы не повести за собою увеличенія цѣны книги, если-бы состоялось насчетъ второго разряда рисунковъ, т.-е. изображенія различныхъ сценъ. Дѣйствительно, такія измышленныя, сочиненныя сцены врядъ-ли много содѣйствуютъ развитію знакомства со стариной, далеко уступая въ этомъ отношеніи воспроизведенію дѣйствительныхъ памятниковъ. Но это частныя замѣчанія. Въ общемъ-же надо сказать, что подборъ рисунковъ въ книжкѣ г. Острогорскаго удаченъ, а большое ихъ количество составляетъ немалое достоинство этого учебника, давая ученикамъ возможность нагляднаго представленія различныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Такимъ образомъ, въ дидактическомъ отношеніи, въ смыслѣ способовъ передачи историческаго знанія ученику, разбираемый учебникъ стоитъ очень высоко, требуя лишь мелкихъ сравнительно, частичныхъ улучшеній. Можно-бы сдѣлать по этому поводу еще нѣкоторыя замѣчанія, но, въ виду связи ихъ съ самымъ характеромъ даваемаго авторомъ матеріала, мы предпочитаемъ отнести ихъ въ разборъ другихъ вопросовъ, къ которымъ теперь и переходимъ, именно вопросовъ о выборѣ матеріала и соотвѣтствіи его съ данными науки. Въ дѣлѣ подбора фактовъ г. Острогорскій также не держится шаблонныхъ пріемовъ составителей учебниковъ по русской исторіи: въ его книжкѣ внѣшняя исторія далеко не господствуетъ безусловно надъ внутренней; напротивъ того, послѣдней отведено больше мѣста въ его изложеніи, причемъ введены и такія ея стороны, которыя обыкновенно почти отсутствуютъ въ нашихъ учебникахъ. Такъ, у г. Острогорскаго мы находимъ и описаніе обстановки домашняго быта князей въ удѣльный періодъ и царей въ московскій, быта бояръ, описаніе городовъ, жилищъ, характеристику семейнаго быта и т. п. Такой перевѣсъ внутренней исторіи надъ внѣшней и широкое пониманіе первой составляютъ одну изъ самыхъ симпатичныхъ сторонъ учебника. Но здѣсь можно уже указать и значительные пробѣлы, проистекающіе, какъ намъ кажется, изъ того обстоятельства, что авторъ не позаботился заранѣе точно установить тѣ рубрики, которыя должно охватывать его изложеніе. Такъ, характеристика государственнаго устройства и управленія проведена имъ крайне неполно: въ одномъ періодѣ она имѣется, въ другомъ совершенно отсутствуетъ, или сдѣлана уже черезчуръ отрывочно и сбивчиво. Въ періодѣ до-княжескомъ говорится о государственномъ бытѣ, въ удѣльно-вѣчевомъ совсѣмъ не говорится и только позднѣе сдѣлана характеристика вѣча въ Новгородѣ; точно также ничего не говорится объ устройствѣ Московскаго государства за XV—XVI вв. На с. 46 говорится: «царемъ сдѣлался Годуновъ», на с. 48—«царемъ сдѣлался б. В. Шуйскій», но какъ они сдѣлались царями, не упоминается и только на с. 50—51 при разсказѣ о выборѣ и правленіи Михаила Ѳедоровича ученикъ узнаетъ о существованіи соборовъ и думы, но и то лишь мимоходомъ, а больше о нихъ нигдѣ не говорится, не сказано даже, что ихъ не существовало со времени Петра. Характеристика устройства и управленія имперіи еще короче, еще болѣе страдаетъ пробѣлами и недомолвками. При разсказѣ о преобразованіяхъ Петра просто перечислены разныя учрежденія, а о преобразованіяхъ Екатерины сказано только: «въ губерніяхъ учреждены были, для болѣе правильнаго рѣшенія дѣлъ, раз-

личныя присутственныя мѣста, одни для управленія, другія для суда и т. д.». Давая такія неполныя свѣдѣнія относительно формъ политической жизни и управленія, авторъ какъ будто мало выяснилъ и отношеніе этихъ формъ къ остальнымъ фактамъ народной жизни. Характеризуя вѣчевые порядки Новгорода, онъ рѣзко оттѣняетъ ихъ невыгодныя стороны и тутъ-же говоритъ: «жизнь въ старинномъ Новгородѣ была привольная», а дальше, разсказавъ о паденіи вѣча, прибавляетъ: «послѣ этого населеніе Новгорода стало быстро уменьшаться, нѣмецкіе купцы перестали ѣздить туда, торговля разстроилась» (с. 32, 34). Всѣ эти фразы стоятъ въ явномъ противорѣчіи съ слишкомъ мрачнымъ изображеніемъ вѣча. Благодаря этому, ученикъ можетъ узнать изъ учебника различіе между удѣльной, московской и императорской Россіей въ смыслѣ распредѣленія и объема государственной территоріи, но не узнаетъ, чѣмъ отличались другъ отъ друга различныя формы государственной жизни въ этихъ періодахъ, и это намъ кажется серьезнымъ пробѣломъ. Само собой разумѣется, мы не думаемъ предлагать вводить въ учебникъ, предназначенный для учениковъ III класса, теоретическаго изложенія характера государственныхъ учрежденій, но въ этомъ и не было нужды: стоило только нѣсколько иначе подобрать матеріалъ, а въ иныхъ случаяхъ просто расширить разсказъ. Такъ, говоря о первыхъ князьяхъ, авторъ разсказываетъ о войнахъ Олега и Святослава, строго слѣдуя лѣтописнымъ сказаніямъ, и нѣсколькими словами отдѣлывается отъ Игоря. Между тѣмъ именно княженіе послѣдняго представляетъ наиболѣе удобный матеріалъ для характеристики управленія того времени, сбора дани и т. д., и все это можно было сдѣлать въ короткихъ словахъ. Точно также авторъ говоритъ о выборѣ Мономаха кіевскимъ вѣчемъ, и здѣсь было-бы у мѣста характеризовать вѣче вообще. То-же самое примѣнимо и ко всѣмъ остальнымъ періодамъ. Другой крупный пробѣлъ, который мы позволили-бы себѣ указать, относится къ соціальной исторіи. Объ исторіи крестьянства въ нашихъ учебникахъ говорится обыкновенно лишь два раза на протяженіи всей исторіи, при разсказѣ о царствованіи Ѳедора Ивановича и при перечисленіи реформъ имп. Александра II. Г. Острогорскій ограничился упоминаніемъ объ освобожденіи крестьянъ и здѣсь-же на полустраничкѣ передалъ всю ихъ исторію. Конечно, получилось нѣчто очень неполное и неясное, нѣсколько терминовъ и намековъ, но не болѣе того. Между тѣмъ, разъ авторъ, какъ онъ самъ говоритъ (с. I), хотѣлъ дать «связное изложеніе исторіи», разъ онъ нашелъ возможность разсказывать о крестьянствѣ и казачествѣ въ Польшѣ въ XVII в., то тѣмъ болѣе

обязанъ былъ онъ ввести въ свой, хотя-бы и краткій, учебникъ факты исторіи русскихъ крестьянъ. Допущенная имъ неполнота, пропускъ всей соціальной исторіи отразились и на сдѣланной характеристикѣ Екатерины II. Не говоря уже о томъ, что вообще время ея представлено въ учебникѣ больше въ освѣщеніи ея словъ и намѣреній, чѣмъ дѣйствій, какъ объяснить себѣ слѣдующую фразу: «Екатерина дорожила способными людьми и, хотя-бы они были самаго незнатнаго рода, дѣлала ихъ первыми сановниками въ государствѣ»? Предположивъ даже, что эта фраза вызвана стремленіемъ къ популяризаціи, мы не можемъ не найти ее неумѣстной въ примѣненіи къ императрицѣ, при которой крѣпостное право достигло своего апогея, разъ эта фраза не сопровождается никакими оговорками. Если-бы авторъ далъ картину положенія крестьянъ въ это время, онъ-бы избѣжалъ одновременно и крупнаго пробѣла, и неумѣстной идеализаціи. Въ связи съ этимъ замѣчаніемъ намъ приходится сдѣлать еще одно. Выше мы говорили о томъ, что авторъ удѣляетъ много мѣста внутренней жизни страны, но, къ сожалѣнію, надо замѣтить, что такъ ведется у него изложеніе до XVIII-го вѣка. Начиная съ этого времени, исчезаютъ экскурсы въ область и умственной жизни, и матеріальнаго быта народа, отодвигается на задній планъ и вся внутренняя жизнь, а первое мѣсто занимаетъ правительственная дѣятельность и изъ нея преимущественно внѣшняя политика. Нельзя не пожалѣть о такой непослѣдовательности, тѣмъ болѣе, что, благодаря ей, въ изложеніе автора уже неизбѣжно вкрадываются или прямыя ошибки, какъ это вышло въ разсказѣ объ Екатеринѣ II, или-же значительныя недомолвки, какъ въ отдѣлѣ объ Александрѣ II. Эти три пробѣла въ книгѣ г. Острогорскаго представляются намъ существеннымъ недостаткомъ, правда, не по сравненію съ большинствомъ существующихъ учебниковъ, стоящихъ еще ниже въ этомъ случаѣ, а по отношенію къ тѣмъ общимъ требованіямъ, какія могутъ быть предъявлены къ учебнику.

Что касается третьяго вопроса, на который намъ предстоитъ отвѣтить, именно соотвѣтствія матеріала и изложенія г. Острогорскаго научнымъ даннымъ, то здѣсь мы можемъ съ удовольствіемъ отмѣтить, что и въ этомъ отношеніи данный учебникъ стоитъ сравнительно очень высоко, не содержа въ себѣ большаго числа погрѣшностей и давая въ большинствѣ случаевъ матеріалъ, согласный съ выводами исторической науки. Мы говоримъ «въ большинствѣ случаевъ», такъ какъ имѣются и такіе, въ которыхъ авторъ отступаетъ отъ истины. Укажемъ здѣсь наиболѣе важные и существенные изъ нихъ. Говоря о разселеніи племенъ русскихъ славянъ, въ IX вѣкѣ,

авторъ сообщаетъ, что кривичи жили между верховьями З. Двины и Волги (с. 3); слѣдовало прибавить также, и Днѣпра. Самое изображеніе быта славянскихъ племенъ, сдѣланное исключительно на основаніи лѣтописи и болѣе раннихъ извѣстій иностранцевъ, безъ соображенія съ археологическими данными, отзывается для IX вѣка уже архаизмомъ. Не слѣдовало также объяснять самоубійство женъ по смерти мужей любовью ихъ къ послѣднимъ (с. 6); религіозныя вѣрованія и сами по себѣ могутъ быть достаточно понятны дѣтямъ, безъ этого натянутаго объясненія. Равнымъ образомъ напрасно было объяснять отказъ Владиміра отъ казни разбойниковъ боязнью грѣха (с. 12), когда дѣло заключалось въ простомъ колебаніи между русскимъ и греческимъ правовымъ обычаемъ. Не совсѣмъ понятнымъ представляется намъ и утвержденіе автора, что отшельники первыхъ вѣковъ христіанства на Руси жили «истинно по-христіански» (с. 13). Разсказывая о битвѣ при Калкѣ, слѣдовало отнести ее не къ 1224 г., а къ 1223 г., такъ какъ эта послѣдняя дата давно уже установлена акад. Куникомъ. Далѣе, объясняя возвышеніе Москвы, г. Острогорскій относитъ его исключительно на долю «умныхъ князей». Какъ ни расходятся, однако, мнѣнія ученыхъ о причинахъ возвышенія Москвы, но никто уже не рѣшится приписывать его только заслугамъ московскихъ князей. Въ разсказѣ о соборѣ 1614 г. слишкомъ уже рѣшительно сообщается, что «соборъ постановилъ взять съ каждаго 5-ю долю его имущества» (с. 51). Хотя нѣкоторые ученые и высказывали мнѣніе, что пятая деньга была налогомъ поимущественнымъ, но оно никогда не было ни исключительнымъ, ни преобладающимъ, а въ настоящее время можно считать окончательно доказаннымъ, что это былъ подоходный налогъ (ср. Милюковъ, Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII в. и реформа Петра В., Спб. 1892, с. 59—60). Нѣсколько крупныхъ ошибокъ заключается также въ разсказѣ о юго-западной и западной Россіи. Насъ странно поразило утвержденіе автора, что «бѣлорусская и малорусская рѣчь» произошли изъ «настоящей русской или великорусской рѣчи» путемъ смѣшенія съ польскимъ языкомъ, причемъ, какъ надо понимать по смыслу разсказа, произошло это въ XVI или XVII вѣкѣ (с. 54). Г. Острогорскому трудно было-бы подъискать хоть одинъ ученый авторитетъ въ защиту такого мнѣнія. Не менѣе странно, пожалуй, звучитъ и увѣреніе автора, что «школъ у нихъ (въ юго-зап. и зап. Россіи XVI и XVII вв.) не было и въ народѣ было великое невѣжество» (с. 54). Куда-же дѣлись, однако, церковныя братства съ

ихъ школами и всѣ ученые защитники православія въ Малороссіи и Бѣлоруссіи? Авторъ просмотрѣлъ и вліяніе кіевскихъ иноковъ на Московское государство въ концѣ XVII-го вѣка. Въ описаніи быта послѣдняго передъ реформой Петра мѣстами уже очень сильно сгущены краски и допущено чрезмѣрное преувеличеніе, когда, напримѣръ, авторъ говоритъ, что въ Московскомъ государствѣ тогда «одинъ городъ отъ другого былъ на разстояніи многихъ сотенъ верстъ» (с. 58), или когда онъ сообщаетъ, будто въ московской «знатной семьѣ женщина постоянно сидѣла взаперти въ順 теремѣ и никому не показывалась» (с. 66). Наконецъ, совершенно невѣрнымъ представляется утвержденіе автора, будто «еще со временъ Петра В. государи русскіе старались ограничить власть помѣщиковъ, уменьшить число рабочихъ дней для крестьянъ и т. д.» (с. 36). Мы совершенно не можемъ себѣ представить, на чемъ основалъ г. Острогорскій такое утвержденіе, совершенно противорѣчащее фактамъ и заставляющее государей ограничивать крѣпостное право именно въ ту эпоху, когда государственное прикрѣпленіе переходило въ частную крѣпостную зависимость.

Въ заключеніе нашихъ указаній отмѣтимъ еще нѣкоторыя неровности изложенія. Приступая на первой страницѣ къ описанію древней Руси, авторъ замѣчаетъ, что въ ней «не было теперешнихъ городовъ» и нѣсколькими строками ниже называетъ Новгородъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Кіевъ. На с. 88 находимъ такую фразу: Наполеонъ «покорилъ почти всю западную Европу, изгналъ законныхъ государей, а на ихъ мѣсто посадилъ своихъ родственниковъ». Въ такой формѣ это, конечно, невѣрно, и надо было выразиться точнѣе. Не особенно удобно еще употребительное у нашего автора выраженіе: «самъ одинъ».

Мы остановились такъ подробно на книгѣ г. Острогорскаго именно въ виду ея выдающихся достоинствъ, сравнительно съ которыми указанные пробѣлы и ошибки играютъ роль лишь частныхъ недостатковъ и, являясь, быть можетъ, результатомъ простого недосмотра, легко могутъ быть исправлены. Эти достоинства даютъ ей право на почетное мѣсто въ ряду нашихъ учебниковъ и обусловливаютъ возможность быстраго ея распространенія, которое, вѣроятно, будетъ еще ускорено изящной внѣшностью и недорогой цѣной книжки. Съ своей стороны, мы, отъ души желая ей такого распространенія, позволимъ себѣ вмѣстѣ выразить и пожеланіе, чтобы при слѣдующихъ изданіяхъ, которыя, конечно, не замедлятъ появиться, авторъ подвергъ свой трудъ болѣе тщательному просмотру, восполнилъ пробѣлы,

послѣдовательнѣе проведя основной планъ свой, и исправилъ ошибки, которыя теперь непріятно рѣжутъ глазъ въ хорошемъ учебникѣ.

В. М.

Ильинъ, А. Учебный географическій атласъ. 30 таблицъ. Изданіе картогр. заведенія А. Ильина. Посвящается Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Константину Константиновичу.

Подъ этимъ названіемъ недавно вышелъ въ свѣтъ новый атласъ, представляющій изданіе старой фирмы, давно извѣстной всевозможными атласами и картами. Мы съ полнымъ правомъ можемъ назвать это изданіе *новымъ* атласомъ, а не только новымъ изданіемъ старыхъ атласовъ, такъ какъ почти всѣ карты являются вновь изготовленными. Между тѣмъ какъ прежніе атласы Ильина представляли, можно сказать, аггрегаціи картъ, весьма различно исполненныя, не представлявшія никакого единства въ рельефѣ и выборѣ картографическаго матеріала, настоящее изданіе можно назвать, подобно атласу Линберга, методическимъ школьнымъ атласомъ. Уже самый форматъ новаго атласа, несравненно болѣе удобный для употребленія его при обученіи въ классѣ, сильно отличается отъ традиціоннаго для русскихъ атласовъ неудобнаго формата и болѣе всего подходитъ по формѣ и величинѣ къ листу писчей бумаги. Не считая первыхъ двухъ листовъ, заключающихъ карты и чертежи для приготовительнаго курса географіи, атласъ заключаетъ 73 карты различныхъ размѣровъ. Самый большой размѣръ—это размѣръ открытаго листа писчей бумаги. Къ малымъ картамъ относятся такія, которыя занимаютъ углы листовъ, оставшіеся незанятыми. Существуютъ карты въ половину, въ четверть и шестую часть раскрытаго листа. На первой таблицѣ изображены слѣдующіе чертежи: 1) сѣверное полушаріе звѣзднаго неба; 2) затмѣнія; 3) солнечная система; 4) годовое движеніе земли; 5) фазы луны и 6) фаза вѣтровъ. На второй таблицѣ: 1) орогидрографическая карта полушарій съ обозначеніемъ слоевъ высотъ; 2) полушарія сѣверное и южное и 3) полушарія материковое и океаническое. За этими двумя вводными таблицами слѣдуютъ 10 картъ въ меркаторской проэкціи. Изъ нихъ 7 картъ собственно климатическихъ и 3 этнографическихъ. На нашъ взглядъ эти карты болѣе всего соотвѣтствуютъ требованіямъ повторительнаго курса или общаго обзора земнаго шара. Остальныя карты, предназначенныя для нормальнаго курса, представляютъ 14 орогидрографическихъ картъ, 28 политическихъ, 5 этнографическихъ, 2 климатическія карты Россіи и 13 ма-

лыхъ картъ. Кромѣ картъ Голландіи, Бельгіи, Швейцаріи, всей Россіи, Палестины, 8 картъ частей Россіи и карты колоній, всѣ карты двойныя, т.-е. орогидрографическія и политическія. Малыя карты, занимающія незанятыя части таблицъ, представляютъ слѣдующее содержаніе: искусственныя водныя системы Россіи, верховья Волги, Исландію, орогидр. карту материка Австраліи, восточные штаты Сѣв. Америки, Панамскій перешеекъ, Антильскіе острова и планы городовъ Петербурга, Москвы и Іерусалима. Изображеніе рельефа на орогидрографическихъ картахъ новаго атласа вполнѣ соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ школьной картографіи и представляетъ: 1) слои высотъ, означенные красками, и 2) штрихи, обозначающіе склоны горныхъ цѣпей и террасъ. Слои высотъ соотвѣтственно различной степени подробности, которая требуется отъ картъ, представляются различными. Для внѣевропейскихъ частей свѣта, приняты пять слоевъ: 1) ниже уровня моря, 2) отъ уровня моря до 750 футовъ, 3) 750—5.000 ф., 4) 5.000′—16.000′ и 5) выше 16.000′. Для частей Европы принято 7 слоевъ: 1) 0—300′, 2) 300′—750′, 3) 750′—1.000′, 4) 1.000′—2.000′, 5) 2.000′—4.000′, 6) 4.000′—8.000′ и 7) выше 8.000′. На картѣ Европ. Россіи введенъ слой ниже уровня моря, а 2-й и 3-й слои соединены въ одинъ. Краски, которыя обозначаютъ различные слои высотъ, зеленоватая, желтая, коричневая, довольно наглядно выдѣляютъ низменности, низкія и высокія плоскогорія, а гряды и горныя цѣпи хорошо обозначены штрихами. На политическихъ картахъ отдѣльныя государства и губерніи означены сплошь закрашенными полями. Краски не всегда достаточно ярки, и отдѣльныя области не всегда выдѣляются, какъ было-бы желательно. Иногда ясность картъ уменьшается вслѣдствіе нанесенія на ней слишкомъ обильнаго матеріала. Къ такимъ картамъ относятся: Европ. Россія по губерніямъ и карта центральной Европы. Обѣ эти карты относятся къ старымъ картамъ. Неудачна также карта Швейцаріи, вся окрашенная розовымъ цвѣтомъ и представляющая только штриховый рельефъ. Къ недостаткамъ картъ разбираемаго атласа относится не всегда удачное обобщеніе очерка береговъ. Особенно бросается въ глаза слишкомъ большой выступъ береговой полосы Крыма, гдѣ долженъ находиться мысъ Чабанъ Басты. Также чрезмѣрно выдвинутъ мысъ Пицунда на зап. берегу Кавказа. Попадаются неправильности въ постановкѣ городовъ; напр., г. Батумъ поставленъ у самаго устья р. Чороха. На старой картѣ Туркестанскаго края обозначенъ по-прежнему Зарявшанскій округъ, который уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ превращенъ въ Самаркандскую область. Остается еще замѣтить, что самая идея вве-

денія послойнаго рельефа въ учебныя карты атласа Ильина не оригинальна. Она давно уже съ успѣхомъ проведена и въ заграничныхъ атласахъ Дирке и Геблера и Дебеса *), а также въ русскомъ атласѣ Линберга. Орографическая карта полушарій даже вполнѣ заимствована изъ атласа Дебеса такъ же, какъ и содержаніе меркаторскихъ картъ. Впрочемъ, не смотря на послѣднее замѣчаніе, новый атласъ Ильина можетъ быть съ успѣхомъ употребляемъ въ нашихъ школахъ на ряду съ атласомъ Линберга.

А. Соколовъ.

---

*) Подробнѣе смотри: «О составѣ учебнаго географическаго атласа», Жур. Минист. Нар. Просвѣщенія. Октябрь 1889 г.

Обозрѣніе русскихъ педагогическихъ журналовъ.

Женское образованіе, педагогическій журналъ для родителей, наставницъ и наставниковъ. 1891. Шестнадцатый годъ изданія.

Изъ содержанія «Женскаго образованія» за прошлый 1891 годъ можно вывести, что рамки, опредѣлявшіяся эпитетомъ «женское», становились тѣсными для журнала, и понятно, почему: въ настоящее время на Западѣ началось сильное педагогическое движеніе; и русскимъ людямъ необходимо зорко слѣдить за этимъ движеніемъ, чтобы не отстать отъ нашихъ западныхъ «друзей», въ прямомъ и переносномъ значеніи этого слова.

Современное движеніе западно-европейской педагогики направлено въ сторону преобразованія самыхъ системъ, самой организаціи школьнаго дѣла. Желаніемъ редакціи «Женскаго образованія» ознакомить читателей съ такимъ характернымъ движеніемъ западно-европейской мысли объясняется и преобладаніе за прошлый годъ въ этомъ журналѣ статей по организаціи и учебнымъ планамъ различныхъ школъ. «Новыя педагогическія движенія на Западѣ» образовали особый отдѣлъ, въ который вошли слѣдующія статьи: *Е. Балабановой*: «Съѣздъ по вопросамъ женскаго образованія въ Гейдельбергѣ», «Испанія, Южно-Американскія республики, Мексика», «Новые планы германской школы» и «Реформы средняго образованія во Франціи»; *О. Петерсонъ*: «Новая нѣмецкая школа», «Школьныя реформы въ Швеціи» и «Реформа средняго спеціальнаго образованія во Франціи»; *Е. Страннолюбской*: «Установленіе въ Англіи дароваго и обязательнаго элементарнаго образованія».

Къ предлагаемымъ и уже совершившимся на Западѣ реформамъ журналъ относится критически. Такъ, по поводу плановъ для новой нѣмецкой школы, предложенныхъ Герингомъ, Прейеромъ и др., авторъ говоритъ, что первенствующая политическая роль обыкновенно выпадала на долю тѣхъ государствъ, подданные которыхъ не приносили

въ жертву исключительно практическимъ цѣлямъ ни широты своего кругозора, ни способности къ отвлеченному мышленію: главная роль такихъ государствъ начиналась именно съ того момента, когда они выходили изъ рамокъ узкой національности; а въ указанныхъ программахъ новой нѣмецкой школы главною цѣлью является развитіе не человѣка, а будущаго нѣмца, враждебно относящагося къ другимъ національностямъ и преслѣдующаго, главнымъ образомъ, практическія, житейскія цѣли. Къ организаціи новаго средняго образованія во Франціи, гдѣ, какъ и въ Швеціи, дѣлается попытка построить общее образованіе на фундаментѣ изученія новыхъ языковъ, авторъ относится вполнѣ сочувственно; но сожалѣетъ о томъ, что въ дѣлѣ преподаванія иностранныхъ языковъ сдѣлана во Франціи уступка въ пользу утилитарнаго направленія, чего избѣжала шведская гимназія, гдѣ основнымъ языкомъ является нѣмецкій, преподаваемый дѣйствительно научнымъ образомъ.

Къ числу статей, касающихся вопросовъ школьной организаціи, относятся еще слѣдующія: *Мижуева*: «Женскіе колледжи при Кембриджскомъ университетѣ», «Народное образованіе въ Америкѣ»; *Пушкаревой:* «Женское образованіе во Франціи» (три статьи, въ одной изъ которыхъ выясняется, между прочимъ, необходимость обученія морали во Франціи); *Семеновъ*: «Новые типы общественныхъ дѣтскихъ садовъ», «Новый типъ профессіональнаго пріюта» (Orphelinat Prévost), «Очерки начальнаго народнаго образованія въ Россіи» (четыре статьи: петербургскія, московскія и одесскія начальныя училища и воскресныя школы); *Соколовой:* «Стокгольмскія народныя школы въ сравненіи съ петербургскими начальными училищами», «Къ вопросу объ организаціи начальныхъ народныхъ школъ»; *Страннолюбскаго*: «По поводу одного плана женскаго образованія» (разборъ статей Н. Г. Дебольскаго: «О женскомъ образованіи», помѣщенныхъ въ «Русской Школѣ»), «Женское коммерческое образованіе во Франціи, Россіи, Финляндіи, Германіи, Англіи, Италіи и Америкѣ» (четыре статьи).

Такимъ образомъ (считая и статьи, подписанныя только инициалами), въ девяти книжкахъ «Женскаго образованія» за прошлый годъ помѣщено около тридцати статей, или цѣликомъ, или отчасти посвященныхъ вопросамъ организаціи школьнаго дѣла.

Изъ общихъ статей журнала мы остановимся на двухъ такихъ, которыя прямо отвѣчаютъ запросамъ жизни и школы.

Въ статьѣ: «Значеніе профессіональнаго образованія для женщинъ и его роль по отношенію къ общему образованію» авторъ ея, *Б. Н. Тицъ*, высказывается за тотъ принципъ, что прежде приготовленія

специалиста нужно воспитать *человѣка*: какъ-бы ни велико было значеніе профессіональности, она «представляетъ вторую ступень человѣческаго образованія, крышу, такъ сказать, тогда какъ фундаментъ и самое зданіе составляетъ общее образованіе. Чѣмъ сложнѣе и массивнѣе крыша, тѣмъ солиднѣе должно быть и зданіе съ фундаментомъ». Свои взгляды на значеніе профессіональнаго образованія для женщинъ авторъ формулируетъ въ слѣдующихъ шести положеніяхъ:

1. Нельзя считать единственнымъ назначеніемъ женщины быть женою и матерью, такъ какъ въ силу разныхъ причинъ большое число женщинъ остаются незамужними.

2. Въ семьяхъ недостаточныхъ дочери могутъ оказывать значительную поддержку своимъ заработкомъ, если онѣ обладаютъ какими-нибудь специальными знаніями.

3. Въ случаѣ сиротства дѣвушки она можетъ существовать трудами рукъ своихъ, получивши профессіональное образованіе.

4. Положеніе замужней женщины далеко не обезпечиваетъ ея на всю жизнь, и обстоятельства могутъ ее заставить поддерживать существованіе свое и семьи собственнымъ заработкомъ, причемъ опредѣленная профессія открываетъ дорогу для добыванія необходимыхъ средствъ къ жизни.

5. Стремленіе къ дѣятельности свойственно натурѣ человѣка, и специальныя знанія могутъ доставлять незамужней женщинѣ возможность разумно и съ пользою для себя и другихъ употреблять свои досуги и избавлять ее отъ тоски и апатіи, приводящихъ иной разъ къ сумасшествію и даже самоубійству.

6. Женщина можетъ обладать талантомъ въ какой-нибудь отрасли человѣческой дѣятельности, и въ такомъ случаѣ ея специальныя знанія могутъ не только доставлять удовлетвореніе собственнымъ стремленіямъ, но и приносить пользу обществу.

Мы считаемъ особенно полезными указанія автора на тѣ профессіи, которыя могутъ быть доступны женщинамъ.

Не разъ случалось намъ слышать отъ многихъ женщинъ горькія и непритворныя сѣтованія на то, что онѣ и хотѣли-бы работать, да не знаютъ, за какое дѣло имъ можно взяться, что большинство профессій закрыто для нихъ, что уроками да шитьемъ, при существующей конкурренціи, жить невозможно и т. д. Статья г. Тица, если и не рѣшаетъ этого вопроса, то помогаетъ его рѣшенію богатствомъ указаній на профессіи, доступныя женщинамъ.

Перечислимъ вкратцѣ его указанія.

1) Сфера педагогическая; 2) научныя изслѣдованія и литератур-

ная работа; 3) медицинская специальность, въ особенности леченіе женскихъ и дѣтскихъ болѣзней; 4) аптекарское дѣло, къ которому въ послѣднее время правительство признало возможнымъ допустить женщинъ; 5) коммерческая специальность, т.-е. веденіе всякаго рода торговыхъ, конторскихъ и бухгалтерскихъ книгъ (въ послѣднее время въ Петербургѣ открыто специально коммерческое отдѣленіе при женской профессіональной школѣ С. П. фонъ-Дервиза); 6) сфера изящныхъ искусствъ; 7) приложенія искусства къ техникѣ: фотографія, цинкографія, литографія, хромо-литографія, гальвано-пластика, различные виды гравированія; 8) стенографія, дающая въ настоящее время порядочный заработокъ многимъ женщинамъ; 9) швейное мастерство (чтобы существовать этимъ трудомъ, нужно встать выше уровня обыкновенной швеи художественнымъ вкусомъ, основательнымъ знаніемъ кройки, умѣньемъ составлять изящные рисунки, монограммы и т. д.; въ этомъ отношеніи могутъ помочь ремесленныя школы); 10) переплетное, картонажное, кожевенно-футлярное ремесла: допускаютъ работу дома и не требуютъ очень дорогого обзаведенія; 11) басонное производство: хотя и ведется фабричнымъ путемъ, но не исключаетъ возможности возникновенія женскихъ басонныхъ мастерскихъ; 12) нѣкоторыя специальности ковроваго дѣла допускаютъ домашнюю работу при очень простыхъ приспособленіяхъ: таково, напримѣръ, синелевое тканье ковровъ, демонстрированное г. Орловымъ въ Постоянной коммиссіи техническаго общества; 13) парикмахерское дѣло и прическа дамъ: въ Польшѣ занимаются этимъ дѣломъ «фризіерни»; 14) изготовленіе игрушекъ, игръ и занятій для дѣтей: можетъ совершаться на дому безъ особыхъ приготовленій, а между тѣмъ—товаръ ходкій; 15) сельское хозяйство: молочное хозяйство, садоводство, огородничество и пчеловодство.

Авторъ не претендуетъ на составленіе полнаго списка ремеслъ и производствъ, въ которыхъ могутъ принимать участіе женщины, но и приведенныя указанія могутъ облегчить для женщинъ выборъ занятій (№ 3, мартъ, стр. 235—347).

Въ статьѣ: «Учитель и учительница» *В. Д. Сиповскій* мрачными, но справедливыми и мѣткими чертами обрисовываетъ два типа учителей (учителя-чиновника и учителя-промышленника), которые по преимуществу и дѣйствуютъ въ нашихъ школахъ. Существованіе этого печальнаго явленія авторъ объясняетъ, главнымъ образомъ, матеріальною необезпеченностью учителей, трудностью, а часто и невозможностью проявленія ими личной инициативы въ обученіи, отсутствіемъ нравственной связи между обществомъ, учителемъ и школою и недо-

сткомъ спеціальной педагогической подготовки. По мнѣнію автора, учительницы стоятъ выше учителей, потому что онѣ, хотя то-же плохо и даже значительно плоше учителей обезпечены въ матеріальномъ отношеніи, но за-то на ихъ долю, въ особенности, напримѣръ, на долю учительницъ сельскихъ школъ, выпадаетъ и нѣкоторая педагогическая подготовка, и бо́льшая возможность самодѣятельности въ обученіи, и сочувствіе родителей-крестьянъ, такъ что онѣ хоть съ нравственной стороны находятъ себѣ нѣкоторое удовлетвореніе. Въ заключеніи своей статьи г. Сиповскій указываетъ на тѣ способы, которыми, по его мнѣнію, можно поднять педагогическій интересъ, оживить у насъ дѣло воспитанія и обученія и привлечь къ нему даровитыхъ работниковъ, а именно:

1) Прежде всего слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы всѣ желающіе посвятить себя педагогической дѣятельности получали, по возможности, болѣе солидную подготовку къ своей профессіи, теоретическую и практическую.

2) Необходимо учащимъ дать въ школѣ, по возможности, болѣе свободы и простора, если не въ цѣляхъ преподаванія, то въ средствахъ и способахъ его.

3) Для успѣха педагогическаго дѣла нуженъ постоянный живой интересъ къ нему, а это достигается болѣе всего живымъ обмѣномъ мыслей, взглядовъ, путемъ взаимной критики, и потому слѣдуетъ не только придать педагогическимъ конференціямъ болѣе значенія и самостоятельности, но необходимо устройство постоянныхъ педагогическихъ обществъ или собраній, а также и временныхъ съѣздовъ.

4) Необходимо, чтобы силы учащихся менѣе дробились на занятія въ нѣсколькихъ заведеніяхъ, а сосредоточивались въ одномъ заведеніи, а также, чтобы учащіе принимали больше участія въ жизни заведенія.

5) Надо школу какъ можно болѣе привести въ связь съ обществомъ, т.-е. съ родителями,—дать имъ право предъявлять свои желанія и заявленія, которыя обсуживать на педагогическихъ конференціяхъ.

6) Для успѣха педагогическаго дѣла и для привлеченія къ нему даровитыхъ людей слѣдуетъ значительно улучшить служебное и матеріальное положеніе преподавателей и особенно учительницъ и учителей сельскихъ школъ (№ 1, январь, стр. 9—28).

Остановимся на послѣднемъ тезисѣ автора. В. Д. Сиповскій думаетъ, что матеріальное положеніе учителей средней школы можетъ быть улучшено даже безъ особенныхъ затратъ.

Начинающіе учителя могли-бы прослужить года два или три въ

званіи кандидатовъ на учительскую должность, при чемъ имъ можно было-бы предоставить извѣстное число уроковъ подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей. Вознагражденія за эти уроки имъ можно положить вдвое меньше, чѣмъ за уроки штатнаго преподавателя. Достойные кандидаты черезъ три года становятся штатными учителями, получаютъ вознагражденіе въ размѣрѣ 70 рублей за урокъ, а затѣмъ черезъ каждыя пять лѣтъ эта плата увеличивается на одну пятую. Однородные предметы (въ младшихъ и среднихъ классахъ: русскій языкъ, словесность и исторія, географія и естествовѣдѣніе, а въ старшихъ: исторія и словесность, математика и физика) могутъ соединяться въ однѣхъ рукахъ. На учителей-же слѣдуетъ возлагать воспитательскія обязанности, давая за ихъ исполненіе около тысячи рублей и квартиру при заведеніи. Слѣдуетъ, чтобы учитель, прослужившій при заведеніи лѣтъ 10—15, при готовой квартирѣ, имѣлъ возможность получать всего за учительскія и воспитательскія обязанности тысячъ до трехъ. Преподавательскія пенсіи въ 750 рублей далеко недостаточны. Можно было-бы установить бо̀льшій вычетъ изъ жалованья для образованія эмеритуры, такъ чтобы учитель при выходѣ въ отставку могъ разсчитывать на полученіе 1.500 р. въ годъ.

По этому плану фактическая продолжительность учебной службы увеличивается на три года (кандидатство). Въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ кандидатъ будетъ получать 210 рублей, если ему поручатъ шесть уроковъ по 35 рублей. Черезъ пятнадцать, а считая съ кандидатурою—черезъ 18 лѣтъ, онъ, какъ штатный учитель, получитъ за 12 уроковъ по 98 руб. (т.-е. 70 съ двумя прибавочными по 14 руб.)— 1.176 рублей да за воспитательство, если онъ окажется годнымъ къ этой должности, рублей 900: въ общемъ немного болѣе двухъ тысячъ, если не считать казенной квартиры. Чтобы получить 3.000 рублей въ годъ, онъ, кромѣ воспитательскихъ дежурствъ, долженъ имѣть 21 урокъ въ недѣлю. По этому разсчету, начинающему учителю будетъ трудно существовать, а прослужившему восемнадцать лѣтъ будетъ трудно соединить воспитательство съ обученіемъ двумъ-тремъ хотя-бы и родственнымъ предметамъ...

Отечественная литература дала матеріалъ для двухъ статей: 1) статьи *В. П. Острогорскаго*: «С. Т. Аксаковъ, какъ писатель дѣтскій и народный», и 2) психолого-педагогическаго этюда о причинахъ происхожденія и развитія лѣни, *П. Ѳ. Каптерева*, подъ заглавіемъ: «Дѣтство И. И. Обломова».

В. П. Острогорскій характеризуетъ Аксакова по преимуществу въ качествѣ дѣтскаго писателя, при чемъ Сергѣй Тимофеевичъ является въ его очеркѣ, какъ свѣтлая личность; какъ человѣкъ, проникнутый

духомъ русскаго языка и здоровымъ чувствомъ природы; какъ народникъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, задолго до освобожденія крестьянъ сознавшій и прочувствовавшій гнетъ крѣпостнаго права и его печальныя послѣдствія какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ.

Разсмотрѣвши сочиненія Аксакова, какъ матеріалъ для дѣтскаго чтенія, и указавъ, на какія стороны въ этихъ сочиненіяхъ должно быть по преимуществу обращено вниманіе дѣтей, В. П. Острогорскій заканчиваетъ свою статью слѣдующими словами: «Аксаковъ писатель, по преимуществу, педагогическій, и поэтому особенно желательный для каждой семьи и школы. Подобно Пушкину, гр. Л. Толстому, Тургеневу, Григоровичу, возбуждая добрыя чувства къ человѣку вообще, С. Т. Аксаковъ непосредственный изобразитель природы, дающій художественнымъ путемъ множество разнообразныхъ знаній по различнымъ частямъ отечественнаго природовѣдѣнія, такъ что сочиненіями его можетъ пользоваться не только преподаватель родного языка и словесности, но и натуралистъ, для котораго они такъ важны и на урокахъ, и для бесѣдъ, и для экскурсій».

Въ своемъ психолого-педагогическомъ этюдѣ г. Каптеревъ, анализируя картину возникновенія и развитія лѣни, нарисованную Гончаровымъ въ его романѣ: «Обломовъ», въ дополненіе къ ней указываетъ, что не одна только среда, какъ думаетъ поэтъ, является причиною лѣни, что лѣнь коренится часто въ самой природѣ человѣка и въ унаслѣдованныхъ свойствахъ его физической организаціи.

Дополнивши своими замѣчаніями тѣ данныя, которыя представилъ Гончаровъ въ VI-й и IX-й главахъ первой части своего романа, г. Каптеревъ указываетъ слѣдующія причины возникновенія и развитія лѣни:

1) органическія свойства человѣка, заключающіяся въ преобладаніи растительныхъ процессовъ надъ другими, въ медленномъ усвоеніи впечатлѣній, въ медленной, короткой и вялой реакціи на нихъ;

2) воспитательныя семейныя вліянія, заключающіяся въ привитіи невѣжественнаго презрѣнія къ труду, въ поощреніи бездѣятельности физической и психической и въ усиленномъ, не соотвѣтствующемъ производимымъ затратамъ, питаніи;

3) школьное образованіе, дающее безсвязные мертвые факты, но не дающее любви къ знанію, стремленія къ идеалу, не создающее ни умственныхъ склонностей, ни умственныхъ интересовъ;

4) окружающая среда: а) общественная—вялая, апатичная, инертная и б) внѣшняя, физическая — спокойная, тихая, безъ сильныхъ впечатлѣній, но въ изобиліи и легко дающая пищу.

Въ статьяхъ, носящихъ общее заглавіе: «Изъ психологіи дитяти»: (а) пониманіе дѣтьми изображеній и рисунковъ, б) узнаваніе цвѣтовъ,

в) пониманіе дѣтьми длины и числа предметовъ, г) движенія дѣтей) г. Каптеревъ знакомитъ читателей съ интересными наблюденіями Прейера и въ особенности Бине *) и съ остроумными пріемами, которые употребляются при анализѣ этихъ наблюденій. Приведу одинъ примѣръ изъ области узнаванія дѣтьми цвѣтовъ. Дѣвочка 2-хъ лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, надъ которой производилъ опыты Бине, не назвала краснаго цвѣта въ одномъ случаѣ изъ 135, желтаго—въ 60 случаяхъ изъ 111, зеленаго — въ 38 случаяхъ изъ 116. При такомъ пріемѣ *называнія*, дѣвочка могла *знать* цвѣта, но путаться въ ихъ названіяхъ. Чтобы разрѣшить вопросъ о томъ, *знаетъ*-ли она цвѣта, Бине бралъ по три сходныхъ образчика шерстяныхъ мотковъ краснаго, желтаго и зеленаго цвѣта, давалъ дитяти одинъ изъ нихъ, привлекалъ его вниманіе къ образчику, потомъ смѣшивалъ его съ остальными и просилъ дитя отыскать тотъ, который оно разсматривало. Въ тотъ-же день Бине производилъ надъ тою-же дѣвочкою опыты и по способу называнія. При *узнаваніи* она не сдѣлала ни одной ошибки въ 27 случаяхъ; а безошибочно *назвала* 6 разъ только красный цвѣтъ, въ названіи желтаго она ошиблась 4 раза изъ шести, а въ называніи зеленаго 5 разъ изъ шести. Слѣдовательно, оказалось, что дитя умѣетъ *отличать* цвѣта зеленый и желтый, не умѣя еще правильно *называть* ихъ.

Въ отдѣлѣ «Критики и библіографіи» разсмотрѣно было въ прошломъ году шесть дѣтскихъ журналовъ, сорокъ восемь книгъ для дѣтскаго чтенія, сорокъ двѣ книги для чтенія народнаго и семнадцать учебниковъ и учебныхъ пособій; въ «Педагогическомъ обозрѣніи» помѣщены отзывы о четырехъ педагогическихъ журналахъ: «Русскомъ начальномъ учителѣ», «Вѣстникѣ воспитанія», «Русской Школѣ» и «Воспитаніи и обученіи».

Въ приложеніи къ №№ 6, 7 и 9 напечатано переведенное І. И. Паульсономъ извлеченіе изъ «Essais de Montaigne». Своими «Опытами» Монтень обратилъ на себя общее вниманіе не только во Франціи, но и во всей Европѣ; его вліяніе отразилось и на педагогическихъ трудахъ Локка и Руссо. Извлеченіе изъ его «Опытовъ» представляетъ не одинъ только историческій интересъ.

Въ заключеніе остается только пожелать разсмотрѣнному нами журналу дальнѣйшаго процвѣтанія подъ его новымъ названіемъ «Образованіе». В. Г.

---

*) «Perception d'enfants» Binet было помѣщено въ 1890 году въ журналѣ «Revue philosophique» и послужило главнымъ основаніемъ для статей г. Каптерева.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Гимназіи и реальныя училища Венгріи за 1889 учебный годъ.

Благодаря особымъ историческимъ условіямъ, значительная часть венгерскихъ гимназій—изъ тѣхъ, которыя основаны и содержатся на средства православнаго и различныхъ протестантскихъ вѣроисповѣданій, пользуются еще въ настоящее время почти полною внутреннею самостоятельностью и зависятъ не отъ учрежденія, въ рукахъ котораго сосредоточены управленіе и надзоръ за всѣми учебными заведеніями государства, а отъ главныхъ органовъ духовныхъ управленій содержащихъ ихъ вѣроисповѣданій. У православныхъ сербовъ такими органами являются «српски народни црквени сабор» (сербскій народный церковный соборъ) и «школни савет» (школьный совѣтъ). Оба—подъ предсѣдательствомъ патріарха. Это обстоятельство мы считаемъ настолько заслуживающимъ вниманія, что, слѣдуя примѣру венгерскихъ статистическихъ изслѣдованій, данныя, касающіяся такихъ автономно-вѣроисповѣдныхъ гимназій, приводимъ отдѣльно и будемъ называть ихъ автономными. Данныя-же относительно всѣхъ прочихъ гимназій, находящихся въ вѣдѣніи министерства, независимо отъ того, кѣмъ онѣ основаны и на какія средства содержатся, на государственныя-ли или королевскія, на общинныя или частныя, на средства-ли некатолическихъ вѣроисповѣданій, или на такъ-называемый католическій земскій училищный фондъ, мы сводимъ въ одну группу, а гимназіи называемъ министерскими. Далѣе, всѣ вообще данныя, приводимыя нами, основаны на оффиціальныхъ источникахъ, неоговоренныя относятся къ 1889 учебному году и заимствованы изъ Statistisches Jahrbuch für Ungarn за 1889 г. *), издаваемаго венгерскимъ статистическимъ комитетомъ въ Буда-Пештѣ. Работы этого комитета относятся только къ Венгріи; для Хорватіи-же, соединенной съ Венгріей, но пользующейся извѣстной долею самостоятельности, существуетъ своя особая статистика.

Нижеслѣдующія цыфры познакомятъ насъ съ числомъ гимназій и реальныхъ училищъ, съ количествомъ учащихъ и учащихся и съ распредѣленіемъ учащихся по ихъ народности и по вѣроисповѣданіямъ.

---

*) Полное заглавіе Statististisches Jahrbuch für Ungarn, verfasst und herausgegeben durch das kön. ung. statistische Bureau. 1889. IX Heft. Buda-Pest. 1891 г. Оттуда-же взяты и цыфры 1888 г. Обыкновенно будапешское бюро печатаетъ свои изданія на мадьярскомъ языкѣ, но къ нѣкоторымъ, и въ томъ числѣ къ Ежегоднику 1889 г., прилагаетъ нѣмецкій переводъ.

I. Гимназіи классическія.

Учащихся.

	Заведеній.	Учащихъ.	Учащихся въ концѣ года.	Мадьяръ.	Нѣмцевъ.	Румынъ.	Словаковъ.	Сербовъ.	Угроруссовъ.	Католиковъ.	Уніатовъ.	Православныхъ.	Протестантовъ.	Евреевъ.
Министерск.	94	?	21.653	15.657	2.515	1.557	1.170	450	84	13.652	1.433	1.013	1.562	4.013
Автономныхъ:														
1) Протестантскихъ.	52	?	11.141	8.618	1.794	374	292	44	8	1.685	208	333	7.445	1.470
2) Православныхъ.	3	36	564	3	3	326	1	228	—	9	26	521	3	5
	149	2.366	33.358	24.278	4.312	2.257	1.462	722	92	15.326	1.667	1.867	9.010	5.488

II. Реальныя училища.

	30	571	6.650	4.381	1.862	207	81	90	1	2.717	34	282	1.213	3.404

Венгерскія реальныя училища имѣютъ 8 классовъ. Это—общеобразовательныя заведенія, и ихъ назначеніе—подготовлять къ слушанію курсовъ въ высшихъ техническихъ училищахъ. Большинство ихъ (именно 19, и всѣ съ полнымъ числомъ классовъ) содержится на общегосударственныя средства и только 5—на церковныя, между тѣмъ какъ на гимназіи государству приходится тратить сравнительно немного, потому что значительная часть ихъ содержится на церковныя доходы, кромѣ того, имѣются общинныя и частныя, поэтому трудно сообщить общую цыфру издержекъ Венгріи на гимназіи и реальныя училища, точно такъ-же, какъ трудно это сдѣлать и относительно прочихъ венгерскихъ среднеучебныхъ заведеній, источники содержанія которыхъ также разнообразны.

Перейдемъ опять къ учащимся.

Гимназіи.

	Въ классахъ: I	IV	V	VIII	Выдержавшихъ испытаніе зрѣлости.	Всѣхъ перешедшихъ.
Учениковъ	7.615	4.379	3.223	2.211	1.668	25.646

Реальныя училища.

	I	IV	V	VIII	Выдержавшихъ испытаніе зрѣлости.	Всѣхъ перешедшихъ.
Учениковъ	1.799	873	445	266	225	5.104

Гимназіи и реальныя училища вмѣстѣ.

	I	IV	V	VIII	Выдержавшихъ испытаніе зрѣлости.	Всѣхъ перешедшихъ.	Стипендіатовъ.	На сумму гульд.	Всѣхъ учащ.
Учениковъ въ 1889 г.	9.414	5.252	3.668	2.477	1.893	30.750	2.465	174.336	40.008
Въ 1887 г., при 178 заведеніяхъ									42.120

Замѣчательно уменьшеніе числа учащихся въ старшихъ классахъ; въ младшихъ такое явленіе насъ не удивляетъ: оно болѣе или менѣе повсемѣстное. То-же уменьшеніе замѣчается и въ старшихъ классахъ венгерскихъ мужскихъ городскихъ училищъ. Въ V-й классъ перешло 69 съ чѣмъ-то % учениковъ IV-го, въ VIII классѣ испытаніе зрѣлости сдало около 79% учениковъ; общій-же % успѣ-

вающихъ около 76. Въ этомъ отношеніи реальныя училища стоятъ въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ гимназіи. Но за-то число учениковъ реальныхъ училищъ за послѣднее время растетъ, тогда какъ число гимназистовъ уменьшается. Вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдается уменьшеніе числа слушателей въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Что касается до языка преподаванія, то имъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ служитъ языкъ мадьярскій, и всѣ гимназіи и реальныя училища съ немадьярскимъ языкомъ въ преподаваніи содержатся не на общегосударственныя, а на вѣроисповѣдныя средства. Заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ имѣется пять, по румынски учатъ то-же въ пяти. Кромѣ того, кое-гдѣ нѣмецкій, румынскій и итальянскій употребляются при преподаваніи, какъ вспомогательные—вторые и третьи языки. Такимъ-же вторымъ или третьимъ вспомогательнымъ языкомъ является — по закону и по правительственнымъ даннымъ — словацкій въ 7 гимназіяхъ и 2 реальныхъ училищахъ, расположенныхъ въ словацкихъ округахъ, напримѣръ, въ IV-классной гимназіи въ Подолинѣ языкъ преподаванія мадьяро-нѣмецко-словацкій. Такъ по правительственнымъ даннымъ и такъ отвѣчаютъ венгерскіе министры на парламентскіе запросы, но на самомъ дѣлѣ ни словацкій, ни угрорусскій языки въ среднеучебныхъ заведеніяхъ не существуютъ, какъ языки преподаванія. Угрорусскихъ гимназій и не было, но словацкія были, а теперь ихъ нѣтъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ словаки на свои собственныя средства основали три гимназіи, но въ 1874 г. всѣ три заведенія, какъ панславистическія и опасныя мадьярскому государству, «подвергнуты слѣдствію и закрыты, хотя слѣдствіе не подтвердило обвиненій» *) и хотя это было совершенно противозаконно. Словаковъ въ Венгріи не менѣе двухъ милліоновъ, а угроруссовъ около 500.000, но по мадьярской статистикѣ въ гимназіяхъ училось:

въ 1866 г.—	286 угроруссовъ и	1.039 словаковъ
въ 1870 г.—	131 »	» 585 »
въ 1889 г.—	92 »	» 1.462 »

Такое ничтожное и постоянно падающее число угрорусскихъ и ничтожное и такъ странно колеблющееся количество словацкихъ гимназистовъ можно объяснить тѣмъ, что словаки и русскіе либо не хотятъ учиться, либо становятся мадьярами. Но первое несправедливо; что-же касается второго, то дѣйствительно цѣль мадьярскихъ патріотовъ—омадьярить прежде всего интеллигенцію. Въ этомъ, какъ и въ стремленіи выставиться своею культурностью и своими успѣхами въ просвѣщеніи, мадьярское общество идетъ рука объ руку съ правительствомъ. Оттого, не смотря на успѣхи омадьяренія и не смотря на то, что прилагается не мало заботъ о школахъ именно, какъ объ орудіяхъ омадьяренія, къ этнографическимъ и культурнымъ даннымъ мадьярской статистики слѣдуетъ относиться съ достаточною осторожностью, въ особенности если дѣло идетъ о славянахъ и о начальныхъ училищахъ. По даннымъ 1880 г., въ народныхъ школахъ Венгріи училось 12,3% населенія, т.-е. столько-же, сколько и во Франціи. Въ Австріи народное образованіе стоитъ выше, чѣмъ въ Венгріи, но тамъ училось только 12,1%. Значительную часть уніатовъ Венгріи составляютъ угроруссы и при опредѣленіи числа учащихся угроруссовъ нужно имѣть въ виду количество учащихся уніатовъ, которыхъ въ 1889 г. въ гимназіяхъ было 1.667. Во всякомъ случаѣ оно больше

*) Пыпинъ и Спасовичъ. Ист. Слав. Лит. II. 1.048.

показываемаго въ правительственныхъ изданіяхъ. То-же должно сказать о словакахъ, сербахъ и вообще о немадъярахъ, число-же послѣднихъ преувеличивается. Евреи показываютъ себя обыкновенно мадъярами, а иногда, но довольно рѣдко, нѣмцами.

Сравнительно лучше въ школьномъ и вообще національномъ отношеніи поставлено третье славянское племя, живущее подъ непосредственнымъ управленіемъ изъ Буда-Пешта. Это—часть православныхъ сербовъ, бывшихъ граничаръ, нѣкогда изъ Турціи переселившихся за Саву и Дунай. Народное образованіе поставлено у нихъ вообще хорошо. Объ училищахъ они стали заботиться тотчасъ послѣ переселенія и къ концу прошлаго столѣтія содержали 413 начальныхъ училищъ, а въ 20—30 годахъ прошлаго-же вѣка у нихъ было нѣсколько латинскихъ школъ. Исторія этихъ латинскихъ школъ любопытна по ихъ отношеніямъ къ Петру, къ Кіевской академіи, вообще къ Россіи.

Раннее и высокое, сравнительно, развитіе школьнаго дѣла, одно изъ обстоятельствъ, препятствующихъ успѣхамъ мадъяризаціи среди сербовъ. Они владѣютъ еще тремя-четырьмя среднеучебными заведеніями съ сербскимъ преподавательскимъ языкомъ, объ одномъ изъ которыхъ—сомборской учительской семинаріи—уже было упомянуто на страницахъ «Русской Школы». Всѣ эти заведенія, конечно, содержатся на собственныя средства сербовъ. Но въ единственной сербской автономной гимназіи, въ Новисадѣ, преподаваніе идетъ не на одномъ сербскомъ, но и на мадъярскомъ языкѣ, въ то время какъ венгерскіе румыны имѣютъ 4 гимназіи и 1 реальное училище съ однимъ румынскимъ языкомъ, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ румынскій служитъ вторымъ или третьимъ языкомъ преподаванія. Въ самомъ Новисадѣ есть мадъярская министерская гимназія. Усилія мадъяризаціи направлены главнымъ образомъ противъ славянъ и, благодаря замѣчательному въ этомъ отношеніи единодушію правительства и общества, вынародовленіе славянъ дѣлаетъ успѣхи, что прежде всего отражается на школахъ съ славянскимъ преподавательскимъ языкомъ.

М. Кр—ій.

Хроника народнаго образованія.

Когда еще такъ недавно въ печати впервые былъ подвергнутъ разработкѣ вопросъ о возложеніи на народную школу задачи содѣйствовать распространенію въ народной средѣ свѣдѣній о тѣхъ сторонахъ агрикультуры, которыя въ настоящее время мало извѣстны или даже совсѣмъ неизвѣстны народу, со стороны многихъ такъ-называемыхъ «солидныхъ» людей вопросъ этотъ былъ встрѣченъ лишь презрительнымъ пожиманіемъ плечъ. Предлагаемое дѣло казалось этимъ господамъ такою нелѣпостью, которая не требуетъ даже возраженія. Однако, о томъ-же предметѣ продолжали говорить въ печати все съ большею и большею настойчивостью; вмѣстѣ съ тѣмъ стали появляться и свѣдѣнія о фактическихъ попыткахъ придать народной школѣ характеръ учрежденія, заботящагося не только о внесеніи въ народную среду грамотности и начатковъ теоретическаго знанія, но также и о распространеніи практическихъ, пригодныхъ для жизни, познаній. Стали узнавать объ устройствѣ при школахъ садовъ, огородовъ, пчельниковъ, шелководень, хмельниковъ, виноградни-

ковъ, даже опытныхъ полей, и о томъ, что во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ учащіеся дѣятельно работаютъ подъ руководствомъ учащихъ. Въ виду всего этого солидные люди сочли, наконецъ, нужнымъ выступить съ своими возраженіями противъ даннаго дѣла. Возраженія эти оказались весьма нехитрыми, хотя и казались авторамъ ихъ неопровержимыми. Они сводились къ слѣдующему: во-1-хъ, учащіеся въ начальныхъ школахъ слишкомъ малолѣтни, чтобы они могли что-либо усвоить въ школьномъ саду или пчельникѣ, взрослые-же крестьяне и вниманія не обратятъ на тѣ «глупости», которыя продѣлываетъ учитель; во-2-хъ, земли подъ школьные сады и огороды взять негдѣ, и, въ-3-хъ, сами народные учителя совершенные невѣжды въ томъ дѣлѣ, учить которому народъ они приглашаются. Лучшій рѣшитель всякаго рода споровъ, жизнь, опровергла самымъ категорическимъ образомъ эти, высказывавшіяся съ самымъ побѣдоноснымъ видомъ, возраженія. Теперь уже жизненный опытъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей ясно показалъ, что не только учащіеся усваиваютъ пріемы ухода за садовыми и огородными растеніями, а также за пчелами и шелковичными червями, но и взрослое населеніе весьма внимательно присматривается къ тому, что дѣлается въ школьномъ саду, на школьномъ пчельникѣ и т. д. и многое заимствуетъ отсюда. Что касается земли, необходимой для школьныхъ садовъ, огородовъ и т. д., то рѣшительно вездѣ, гдѣ о данномъ дѣлѣ заботятся, земля находится: она уступается сельскими обществами изъ надѣла, приносится въ даръ землевладѣльцами или пріобрѣтается земствомъ. Наконецъ, недостатокъ у самихъ учителей знаній, необходимыхъ для устройства школьныхъ садовъ, огородовъ, пчельниковъ и т. п., не оказался неустранимымъ препятствіемъ для распространенія даннаго дѣла. Среди учителей оказался извѣстный процентъ лицъ, знающихъ садоводство, пчеловодство или иную отрасль хозяйства; еще большее число учителей старается теперь пріобрѣсть подобныя знанія, пользуясь каждымъ удобнымъ для того случаемъ. Разныя учрежденія прилагаютъ теперь заботы къ тому, чтобы дать возможность народнымъ учителямъ пріобрѣтать свѣдѣнія по разнымъ спеціальнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Устраиваются курсы садоводства, огородничества, пчеловодства и шелководства спеціально для народныхъ учителей. Такіе курсы устраиваются земствами, управленіями учебныхъ округовъ и наконецъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ. Послѣднее въ прошломъ году устраивало курсы садоводства и огородничества для учителей при нѣсколькихъ сельско-хозяйственныхъ училищахъ; на курсахъ этихъ было болѣе 200 слушателей. Подобные-же курсы устраиваются тѣмъже министерствомъ и въ нынѣшнемъ году. Чтобы дать понятіе о подобныхъ курсахъ, мы приведемъ здѣсь свѣдѣнія объ однихъ изъ этихъ курсовъ, которые ведутся какъ разъ въ то время, когда мы пишемъ настоящія строки. Курсы эти устроены при Маріинскомъ земледѣльческомъ училищѣ (въ Саратовской губерніи) на время съ 15 апрѣля по 1 іюня. Предметъ курсовъ—плодоводство и огородничество. На курсы допущены только учителя народныхъ школъ и лица, окончившія курсъ учительскихъ семинарій. Обученіе на курсахъ безплатное; ведется оно теоретически и практически. На практическія занятія полагается не менѣе 6 часовъ въ день, а на теоретическія объясненія—отъ 3 до 12 часовъ въ недѣлю. Рас-

ходы на поѣздки слушателей на курсы, на помѣщеніе ихъ, содержаніе и проч. производятся на счетъ самихъ слушателей или тѣхъ учрежденій, которыя командируютъ ихъ. Программа курсовъ не обширна, соотвѣтственно непродолжительности времени, назначеннаго для нихъ ($1^1/_2$ мѣсяца), но она содержитъ все существеннѣйшее относительно садоводства и огородничества. Именно, въ программу по садоводству входятъ слѣдующіе пункты: Основныя понятія о строеніи и жизни растеній. Плодовый питомникъ и его устройство. Способы размноженія плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ. Посѣвъ и воспитаніе дичковъ. Главнѣйшіе способы ихъ прививки. Отводки. Образованіе штамба и кроны полуштамбовыхъ деревьевъ. Плодовый садъ. Мѣстные и промышленные сорты яблокъ, грушъ, вишенъ, сливъ и др. Посадка деревьевъ, подрѣзка кроны и корней при посадкѣ. Уходъ за молодымъ деревомъ въ первые годы за посадкой его; дальнѣйшая подрѣзка молодой кроны. Уходъ за взрослыми деревьями, очистка и прорѣживаніе вѣтвей. Моложеніе кроны старыхъ деревъ. Борьба съ вредными насѣкомыми и леченіе болѣзней плодовыхъ растеній. По огородничеству программа состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: Устройство и веденіе сельскаго огорода. Полученіе сѣмянъ. Воздѣлываніе капусты, огурцовъ, картофеля, рѣдекъ, важнѣйшихъ корнеплодовъ,—гороха, бобовъ, лука, чеснока и др. Пряныя растенія. Разведеніе хмеля. О парникахъ. Кромѣ того, слушатели знакомятся съ культурой лѣсныхъ деревьевъ и цвѣтоводствомъ. Практическія занятія на курсахъ состоятъ въ производствѣ слушателями работъ, описываемыхъ на теоретическихъ урокахъ.

Конечно, значеніе курсовъ, подобныхъ только-что описаннымъ, не Богъ знаетъ какъ велико. Но если они послужатъ хоть въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ дѣлу распространенія въ нашихъ селахъ и деревняхъ садоводства и огородничества,—и тогда заслуга ихъ будетъ несомнѣнна. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о чрезвычайномъ однообразіи нашей крестьянской сельско-хозяйственной культуры, являющемся одною изъ капитальныхъ причинъ крайне малой выгодности этой культуры, не обращая вниманія на значительныя выгоды, которыя можетъ доставлять промышленное садоводство и огородничество, мы не можемъ не указать на двѣ важныя и очевидныя всякому стороны дѣла. Кто не знаетъ, какъ скудно и однообразно питается нашъ крестьянинъ и какія вредныя послѣдствія приноситъ такое питаніе? Овощи и фрукты во всѣхъ европейскихъ странахъ составляютъ видную часть пищи крестьянина, несмотря на то, что и помимо овощей и фруктовъ, столъ западно-европейскаго крестьянина довольно разнообразенъ. У насъ-же, гдѣ хлѣбъ — и какой хлѣбъ! — составляетъ альфу и омегу простонароднаго стола, приправа пищи овощами и фруктами необходимѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Между тѣмъ бо́льшая часть деревенской Россіи совсѣмъ не знаетъ ни овощей, ни фруктовъ. Въ губерніи, въ которой я живу, за исключеніемъ нѣсколькихъ подгородныхъ селеній, совсѣмъ нѣтъ крестьянскихъ огородовъ, а садики есть у одного домохозяина изъ нѣсколькихъ сотъ. Самые примитивные овощи и фрукты, напримѣръ, лукъ и дикая лѣсная груша, являются такою рѣдкостью для крестьянина нашей губерніи, что разсматриваются имъ, какъ утонченное лакомство. Если-бы наша школа положила начало повсемѣстному распространенію самой немудрящей огородной и садовой культуры — и тогда заслуга ея

была-бы громадна. Но есть и еще не менѣе важная сторона дѣла. Нигдѣ, какъ на огородѣ и въ саду, не проявляется съ такою наглядностью зависимость успѣха отъ приложенныхъ стараній — отъ тщательности обработки, удобренія, ухода за растеніями. Занятія въ саду и огородѣ неизбѣжно запечатлѣваютъ въ умѣ всякаго связь между заботливымъ отношеніемъ къ дѣлу и результатами. Поэтому-то садоводство и огородничество являются первымъ и дѣйствительнымъ шагомъ въ дѣлѣ распространенія интензивныхъ пріемовъ агрикультуры вообще.

Если наша народная школа окажется въ состояніи выполнить задачу распространенія сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній лишь въ скромныхъ размѣрахъ, то это обусловливается прежде и главнѣе всего самою малочисленностью народныхъ школъ. О послѣдней вопіетъ каждый новый отчетъ, касающійся положенія народнаго образованія въ любой мѣстности Россіи. Въ настоящей хроникѣ мы приведемъ новѣйшія свѣдѣнія о положеніи народнаго образованія въ двухъ-трехъ мѣстностяхъ Россіи.

Начнемъ съ Симбирской губерніи. Въ этой губерніи низшее образованіе дается слѣдующими учебными заведеніями: 8 городскими и уѣздными училищами, 5 женскими городскими, двуклассными сельскими 4, одноклассными сельскими 13, частными городскими 5, начальными городскими 38, сельскими школами (земскими) 395, церковно-приходскими 126 и школами грамотности 25. Итого низшихъ училищъ 35 и начальныхъ школъ 584. Если къ этому присоединить еще симбирскій женскій пріютъ, колонію малолѣтнихъ преступниковъ, 5 приготовительныхъ классовъ при разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, двѣ образцовыя школы при духовной и учительской семинаріяхъ, то получится 630 низшихъ школъ. Изъ нихъ 68 школъ находятся въ городахъ и 562 въ селахъ и деревняхъ. Какъ недостаточно это число школъ, выяснится изъ нижеслѣдующихъ данныхъ. Одна школа даже въ городахъ приходится на 1.558 жителей, причемъ по отдѣльнымъ городамъ эта цыфра колеблется отъ 842 (Курмышъ) до 2.752 (Буинскъ). Еще болѣе неблагопріятны цыфры, касающіяся селъ. Здѣсь одна школа приходятся на 2.528 жителей, причемъ цыфра эта падаетъ въ наиболѣе счастливомъ уѣздѣ (Корсунскомъ) до 2.051 и поднимается въ наименѣе счастливомъ (Буинскомъ) до 3.493. Вообще-же по губерніи одна школа приходится на 2.423 жителя. Что касается учащихся, то отношеніе ихъ къ числу жителей (сельскихъ и городскихъ вмѣстѣ) по уѣздамъ составляетъ отъ 1,42 до 2,37%, иначе говоря: учится 1 изъ 40—70 жителей. Если считать дѣтей школьнаго возраста только въ 10% всего населенія, и тогда окажется, что по уѣздамъ Симбирской губерніи учится всего отъ $^1/_7$ до $^1/_4$ дѣтей, которымъ слѣдовало-бы посѣщать школу, а отъ $^3/_4$ до $^6/_7$ еще лишены возможности получить даже начальное образованіе.

Въ Вятской губерніи всѣхъ школъ въ 1890—1891 году было 907. Изъ нихъ: министерскихъ 30, земскихъ 470, церковно-приходскихъ 231, школъ грамоты 119, миссіонерскаго общества—20, братства св. Николая—32, вѣдомства императрицы Маріи Ѳеодоровны и благотворительнаго общества—1. Одна школа приходится на 148,5 кв. верстъ, на 25 населенныхъ пунктовъ, на 3.123 жителя и на 466 дѣтей школьнаго возраста. Общее число учащихся въ перечисленныхъ школахъ достигаетъ 51.254; 1 учащійся при-

ходится на 53 человѣка населенія; изъ общаго числа дѣтей школьнаго возраста, которыхъ по губерніи считается 422 тыс., учится всего $^1/_7$.

Въ Симбирской губерніи за отчетный годъ число учащихся возрасло на 2.991, а въ Вятской губерніи на 1.981. Какъ ничтожно это увеличеніе, наглядно видно уже изъ того, что для Вятской губерніи это увеличеніе составляетъ всего 0,4% къ общему числу дѣтей школьнаго возраста, т.-е. въ нѣсколько разъ меньше % прироста населенія. Если ростъ числа учащихся будетъ продолжаться съ такою-же медленностью, то отношеніе между учащимися и остающимися внѣ школъ дѣтьми школьнаго возраста будетъ становиться все менѣе и менѣе благопріятнымъ.

Главная роль въ дѣлѣ народнаго образованія въ Симбирской и Вятской губерніяхъ выпадаетъ на земскія школы. Въ Симбирской губерніи ихъ 395 и въ Вятской 470, что составитъ къ общему числу школъ всѣхъ наименованій въ первой губерніи 63%, а во второй—52%. Еще выше оказывается роль земскихъ школъ при разсмотрѣніи данныхъ о числѣ учащихся въ разнаго рода школахъ. Именно въ Симбирской губерніи въ земскихъ школахъ учится 23.233 чел. и въ Вятской 42.635, что составляетъ по первой губерніи 80% и по второй—75% общаго числа учащихся въ низшихъ и начальныхъ школахъ.

Громадная роль, которую играетъ земство въ дѣлѣ народнаго образованія, дѣлаетъ понятнымъ тотъ фактъ, что, какъ ни слабо развитіе народнообразовательнаго дѣла въ земскихъ губерніяхъ, оно поставлено здѣсь много благопріятнѣе, нежели въ неземскихъ губерніяхъ. Вотъ, для примѣра, данныя по Астраханской губерніи. Здѣсь въ 1890—1891 учебномъ году было дѣтей школьнаго возраста (въ православномъ населеніи) — 29.944 мальчика и 30.856 дѣвочекъ, а всего 60.800; изъ нихъ внѣ школъ оставались 21.281 мальчикъ или 71%, 27.969 дѣвочекъ или 89%, а всего 49.250 или 81%. Такъ стоитъ дѣло среди православнаго населенія, которое поставлено по отношенію къ возможности полученія образованія въ несравненно болѣе благопріятныя условія, нежели населеніе инородческое, преобладающее въ Астраханской губерніи. Среди послѣдняго учащіеся составляютъ совершенно ничтожный, прямо незамѣтный процентъ. Такимъ образомъ, отношеніе учащихся дѣтей къ неучащимся въ Астраханской губерніи, по меньшей мѣрѣ, вдвое менѣе благопріятно, нежели, напр., въ Вятской, несмотря на то, что и въ этой губерніи инородцы составляютъ весьма крупный элементъ населенія.

Данныя, приводимыя выше, лишній разъ доказываютъ, какое громадное значеніе получаетъ въ нашемъ отечествѣ все, что ведетъ къ расширенію народнообразовательнаго дѣла. Въ странахъ, гдѣ всѣ или почти всѣ дѣти школьнаго возраста имѣютъ возможность получать начальное образованіе, не можетъ имѣть особенно важнаго значенія фактъ открытія, напр., новой школы; одною школою больше или меньше—какое это можетъ имѣть значеніе! Совсѣмъ иное дѣло у насъ, гдѣ даже въ болѣе счастливыхъ мѣстностяхъ остается внѣ школъ отъ $^4/_5$ до $^6/_7$ дѣтей школьнаго возраста, а въ менѣе счастливыхъ число учащихся падаетъ до $^1/_{10}$ и даже $^1/_{15}$ общаго числа дѣтей школьнаго возраста. Здѣсь каждая новая школа—явленіе серьезнаго значенія, цѣнное пріобрѣтеніе. Вотъ почему и всякая дѣятельность на пользу народнаго просвѣщенія получаетъ у насъ

особую цѣну, особенно если эта дѣятельность не профессіональная, а, такъ сказать, добровольческая. Люди, которые отдаются такого рода дѣятельности, должны быть цѣнимы особенно высоко именно у насъ. И, повидимому, наше общество начинаетъ понимать цѣну такихъ людей. Такъ, недавно мы были свидѣтелями торжественнаго чествованія П. И. Макушина, по случаю исполненія 25-лѣтія его многополезной дѣятельности въ области народнаго образованія. Теперь мы наблюдаемъ то громадное общее сочувствіе, которымъ встрѣчено извѣстіе о праздновании дня исполнившагося 30-лѣтія дѣятельности Х. Д. Алчевской въ той-же области народнаго образованія. Здѣсь мы также считаемъ нужнымъ выразить свое сочувствіе почтенной работницѣ на нивѣ просвѣщенія народныхъ массъ, представивъ вниманію читателя краткій обзоръ ея дѣятельности.

Дѣятельность Х. Д. Алчевской въ области народнаго образованія началась въ 1862 году, когда она поступила учительницею въ одну изъ воскресныхъ школъ, бывшихъ тогда въ такой модѣ. Какъ извѣстно, въ слѣдующемъ 1863 году всѣ воскресныя школы были закрыты. Х. Д. Алчевская не рѣшилась, однако, разорвать связи, установившейся между нею и ея ученицами, и стала учить ихъ у себя на дому. Въ этомъ, такъ сказать, нелегальномъ положеніи ея школа пробыла 8 лѣтъ—до 1871 г. За это время число учащихся съ первоначальнаго десятка возрасло до полусотни. Кромѣ самой Х. Д. Алчевской, въ школѣ занималось уже до 10 учительницъ. Х. Д. Алчевская стала усиленно хлопотать о разрѣшеніи ей устроить открытую воскресную школу; хлопоты эти, послѣ многихъ препятствій, о которыхъ теперь странно даже слышать, увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ, и въ 1871 году возникла старѣйшая изъ существующихъ въ Россіи харьковская частная женская воскресная школа. Съ этого времени школа стала быстро развиваться и скоро превратилась въ крупное образовательное учрежденіе, въ которомъ ежегодно учится отъ 350 до 400 учащихся и работаютъ, въ качествѣ учительницъ, до 70 женщинъ. За все время своего существованія харьковская частная женская воскресная школа выпустила не одну тысячу ученицъ, научивъ ихъ чтенію, письму и счету, а многихъ — и гораздо бо́льшему. Уже одной этой заслуги было-бы достаточно, чтобы окружить имя Х. Д. Алчевской заслуженнымъ уваженіемъ. Но роль харьковской частной женской воскресной школы гораздо важнѣе, нежели то можно думать на основаніи сказаннаго. Дѣло въ томъ, что харьковская частная женская воскресная школа и прежде всего, конечно, ея учредительница Х. Д. Алчевская оказали громадную услугу русскому обществу реабилитаціей дѣла воскресныхъ школъ вообще. Многолѣтняя дѣятельность созданной Х. Д. Алчевскою харьковской частной женской воскресной школы ясно показала, что учрежденія подобнаго рода въ высшей степени благодѣтельны и заслуживаютъ всяческаго поощренія. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта дѣятельность своимъ характеромъ и своими результатами заинтересовала русское общество, показавши, на что могутъ идти силы интеллигентныхъ людей, желающихъ удѣлить народной средѣ частичку пріобрѣтенныхъ ею самою знаній и не могущихъ отдаваться этому дѣлу въ ежедневной школѣ. Наконецъ, харьковская школа, подъ руководствомъ Х. Д. Алчевской, выработала пріемы веденія обученія въ воскресной школѣ, ученики которой представляютъ

такое разнообразіе по положенію, возрасту, подготовкѣ и развитію, и вообще всю организацію дѣла. Подъ вліяніемъ примѣра харьковской школы, по мѣрѣ распространенія въ обществѣ свѣдѣній о ней, начали возникать, особенно въ послѣніе четыре года, многочисленныя частныя воскресныя школы. Въ настоящее время мнѣ извѣстно существованіе 76 *частныхъ* воскресныхъ школъ въ городахъ, не считая таковыхъ-же въ селахъ, и огромнѣйшее большинство этихъ школъ возникло по примѣру и образцу харьковской частной женской воскресной школы, основанной и руководимой съ перваго дня существованія и до настоящаго времени X. Д. Алчевскою.

Еще болѣе важною, на нашъ взглядъ, заслугою X. Д. Алчевской является капитальный трудъ, выполненный ею при сотрудничествѣ кружка участниковъ въ созданной ею школѣ, и носящій столь извѣстное всѣмъ наименованіе «Что читать народу?». Два монументальныхъ тома этого труда уже вышли; третій томъ подготовляется. По первоначальному намѣренію, этотъ трудъ долженъ былъ представлять собою скромный критическій указатель народной литературы. Но при выполненіи онъ выросъ въ нѣчто грандіозное. О значеніи его, какъ критическаго руководства при выборѣ книгъ для народношкольныхъ и народныхъ библіотекъ, нѣтъ надобности говорить; значеніе это слишкомъ извѣстно и въ настоящее время формированіе народной или школьной библіотеки уже невозможно безъ пользованія указаніями книги «Что читать народу?». Но значеніе этой книги гораздо болѣе обширное. Она поставила существеннѣйшіе вопросы относительно народной литературы—вопросы о содержаніи и формѣ этой литературы и дала богатѣйшій фактическій матеріалъ для рѣшенія этихъ вопросовъ. Неожиданно для многихъ и слишкомъ многихъ, книга «Что читать народу» показала, что и по содержанію, и по формѣ изящная литература для народа должна быть такою-же, какъ и для интеллигенціи, что всѣ величайшія произведенія всемірной народной литературы столь-же доступны народу, какъ и интеллигентнымъ людямъ, и что ни въ созданіи какой-то особенной «народной» литературы, ни въ «передѣлкахъ», т.-е. въ уродованіи великихъ художественныхъ произведеній «для народа», нѣтъ ни малѣйшей надобности, ни смысла. Такимъ образомъ, книга «Что читать народу» уничтожила цѣлое направленіе въ области издательской дѣятельности для народныхъ массъ и направила эту дѣятельность съ ложнаго пути, по которому она, было, пошла, на правильный. Вліяніе книги «Что читать народу» въ этомъ отношеніи было такъ велико, что «передѣлки» теперь совершенно перестали появляться, книжонки, сочиненныя спеціально «для народа», теперь также являются лишь какъ исключеніе, а главнымъ образомъ, народно-издательская дѣятельность теперь направлена на то, чтобы сдѣлать для народа доступными произведенія крупныхъ художниковъ всѣхъ странъ и временъ. Но и сказаннымъ не исчерпывается значеніе книги «Что читать народу». Книга эта содержитъ богатѣйшій матеріалъ, характеризующій міросозерцаніе народа, его воззрѣнія по важнѣйшимъ вопросамъ морали и естественной философіи. Эта сторона книги до сихъ поръ еще не получила должной оцѣнки, хотя она является едва-ли не главною.

Реабилитація дѣла воскресныхъ школъ и составленіе книги «Что читать народу» — это такія крупныя заслуги X. Д. Алчевской, предъ ко-

торыми другія стороны ея дѣятельности совершенно блѣднѣютъ, хотя и онѣ, сами по себѣ, были-бы достаточны для того, чтобы сдѣлать имя Х. Д. заслуживающимъ общаго уваженія. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ сдѣлать даже перечня этихъ проявленій дѣятельности Х. Д. Алчевской. Упомянемъ только о томъ, что Х. Д. всегда откликалась и откликается щедрыми пожертвованіями на всякое благое дѣло. Немного найдется воскресныхъ школъ, которыя не получили-бы отъ Х. Д. цѣнныхъ подарковъ, чаще всего въ видѣ цѣлыхъ библіотекъ. Но и кромѣ воскресныхъ школъ, многія народнообразовательныя учрежденія могли стать на ноги или расширить свою дѣятельность, только благодаря помощи Х. Д. Альчевской.

На долю Х. Д. Алчевской выпала рѣдкая доля—получить заслуженную общественную оцѣнку въ самый разгаръ своей работы. И оффиціальныя лица и учрежденія, и частныя общества, работающія въ интересахъ народнаго образованія, и печать, педагогическая и общая, единодушно признали громадное значеніе дѣятельности Х. Д. Алчевской на пользу просвѣщенія народныхъ массъ, и это признаніе выразилось въ самыхъ разнообразныхъ знакахъ сочувствія и благодарности. Имя Х. Д. Алчевской пріобрѣло заслуженную извѣстность и заграницей. На послѣдней Парижской всемірной выставкѣ книга «Что читать народу» получила высшую награду; и книга, и харьковская женская воскресная школа вызвали общее вниманіе посѣтителей выставки, выразившееся, между прочимъ, въ рядѣ статей и замѣтокъ въ періодическихъ изданіяхъ, выходящихъ на самыхъ разнообразныхъ языкахъ. Послѣ выставки Х. Д. Алчевской было предложено почетное званіе вице-президента «Международной Лиги народнаго образованія», которое она и приняла съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія.

Предстоящее чествованіе исполненія 30 лѣтъ дѣятельности Х. Д. Алчевской явится новымъ выраженіемъ общественнаго вниманія къ ея заслугамъ и новымъ стимуломъ къ продолженію и расширенію этой многополезной дѣятельности. Принося съ своей стороны выраженія самаго искренняго сочувствія дѣятельности Х. Д., мы выскажемъ желаніе, чтобы эта дѣятельность продолжалась и ширилась еще многіе и многіе годы на благо русскаго народа и чтобы примѣръ безкорыстной, самоотверженной дѣятельности Х. Д. нашелъ многочисленныхъ подражателей и послѣдователей, начало чему имѣетъ мѣсто уже и теперь. **Я. Абрамовъ.**

Школьно-санитарный вопросъ на шестомъ съѣздѣ земскихъ врачей Петербургской губерніи.

Настоящій вопросъ привлекалъ и до сихъ поръ привлекаетъ вниманіе почти всѣхъ съѣздовъ земскихъ врачей; на однихъ съѣздахъ вопросъ этотъ достаточно уже разработанъ и не только съ теоретической стороны, но и съ практической; на другихъ-же только начинаетъ разрабатываться. Вообще - же нужно замѣтить, что если и достигнуты уже какіе - либо положительные результаты по отношенію къ санитарно-гигіеническимъ

условіямъ народныхъ школъ, то заслуги въ этомъ принадлежатъ съѣздамъ земскихъ врачей, въ особенности въ тѣхъ земствахъ, гдѣ представители его шли совмѣстно съ земскими врачами и помогали имъ проводить свои идеи въ жизнь, на практикѣ.

Въ Петербургской губерніи школьно-санитарному вопросу не такъ посчастливилось, какъ въ другихъ мѣстахъ. Хотя изслѣдованій о санитарно-гигіеническихъ условіяхъ народныхъ школъ въ Петербургской губерніи и достаточно сдѣлано и указаны мѣры къ устраненію существующихъ недостатковъ, но, къ сожалѣнію, большинство уѣздныхъ земствъ мало обратили вниманіе на настоящій вопросъ. Между тѣмъ вопросъ о санитарно-гигіеническихъ условіяхъ школъ въ Петербургской губерніи былъ возбужденъ еще на первомъ-же съѣздѣ земскихъ врачей — въ 1875 году. Такъ, д-ръ П. А. Илинскій находилъ необходимымъ и своевременнымъ обратить вниманіе не только на количественное увеличеніе школъ, но и на качественное ихъ улучшеніе. Докладчикъ, выяснивъ неблагопріятныя вліянія, которыя оказываетъ плохо устроенная школа, предлагалъ съѣзду ходатайствовать предъ правительствомъ о привлеченіи врачей къ участію въ училищныхъ совѣтахъ на правахъ членовъ *). Но нѣкоторые изъ членовъ съѣзда выразили сомнѣніе въ томъ, поведетъ-ли къ чему-либо подобное ходатайство и «не будетъ-ли какой-то навязчивостью со стороны врачей ихъ предложеніе». Профессоръ Полотебновъ даже замѣтилъ, что странно напрашиваться врачамъ—когда нужно будетъ, ихъ «пригласятъ». Того-же мнѣнія держался и предсѣдатель съѣзда, д-ръ Бертенсонъ. Конечно, подобный взглядъ слишкомъ узкій и съ нимъ никоимъ образомъ нельзя согласиться, что съѣздъ и сдѣлалъ. Съѣздъ, напротивъ, призналъ желательнымъ, чтобы врачи, какъ эксперты гигіены, привлечены были къ участію въ совѣтахъ по вопросамъ, относящимся къ педагогической гигіенѣ. Но, къ сожалѣнію, ходатайство это не было исполнено. На *второмъ съѣздѣ*, по вопросу о народныхъ школахъ въ санитарномъ отношеніи, было постановлено: 1) разослать программу вопросовъ всѣмъ учителямъ и полученные отъ нихъ отвѣты должны быть обработаны къ будущему съѣзду и 2) желательно, чтобы уѣздныя собранія всѣ вопросы, касающіеся постройки школъ, найма ихъ, ремонта, покупки мебели и т. п., передавали-бы сначала на обсужденіе уѣздныхъ врачебныхъ съѣздовъ, заключенія которыхъ земскія управы и должны, по возможности, приводить въ исполненіе. Въ связи съ настоящимъ вопросомъ на второмъ-же съѣздѣ, между прочимъ, было постановлено распространить гигіеническія свѣдѣнія въ народныхъ школахъ и въ народѣ путемъ популярныхъ брошюръ, для чего желательно, чтобы губернское земство учредило нѣсколько премій за составленіе подобныхъ брошюръ. На сколько этотъ вопросъ—о распространеніи гигіеническихъ свѣдѣній въ народѣ — важенъ и необходимъ, объ этомъ мы здѣсь распространяться не будемъ **) и переходимъ далѣе къ интересующему насъ вопросу. На третьемъ и

*) Въ настоящее время, какъ извѣстно, ходатайство это уважено: министерствомъ разрѣшено приглашать земскихъ врачей въ училищный совѣтъ при разсмотрѣніи вопросовъ, касающихся школьной гигіены.

**) См. нашу статью «Къ вопросу о популяризаціи медико-гигіеническихъ свѣдѣній вообще и о чтеніяхъ въ частностяхъ» («Мед. Бесѣда», 1892. № 3).

четвертымъ съѣздахъ школьный вопросъ не обсуждался, но на *пятомъ* онъ снова былъ возбужденъ; былъ представленъ весьма обстоятельный докладъ женщиной врачемъ В. М. Дмитріевой «о санитарномъ состояніи школъ въ Петербургской губерніи»—и докладъ покойнаго профессора А. П. Доброславина «о постройкѣ земскихъ школъ». Съѣздъ, по разсмотрѣніи этихъ докладовъ и свѣдѣній отъ делегатовъ-врачей по настоящему-же вопросу, постановилъ: 1) желателенъ постоянный врачебный надзоръ за школами и включеніе въ годовые отчеты земскихъ врачей данныхъ о санитарномъ состояніи школъ по опредѣленной программѣ; 2) возбудить ходатайство о приглашеніи врачей въ училищный совѣтъ; 3) при выдачѣ изъ губернскаго земства ссудъ на постройку училищъ требовать заключенія губернской санитарной коммиссіи о представленномъ при просьбѣ планѣ; 4) чтобы планы вновь строющихся школъ разсматривались предварительно въ уѣздной санитарной коммиссіи, и наемъ помѣщеній и приспособленія ихъ для школъ производились при участіи врача. Что-же касается *постройка школъ*, то съѣздъ, между прочимъ, намѣтилъ слѣдующія положенія: 1) чтобы наименьшая площадь школы для 50 чел. была не менѣе 200 кв. саженъ; 2) размѣры классной комнаты—11 мет. длины, 4 высоты и глубины съ одностороннимъ освѣщеніемъ 7 метр. и при двухстороннемъ — 8,5 метр.; 4) свѣтовая поверхность оконъ должна относиться къ площади пола, какъ 1 : 5 или 1 : 4: 4) печи вентиляціонныя, съ обновленіемъ воздуха въ классѣ два раза въ часъ. Оставляя другія положенія, азмѣтимъ, что съѣздъ выразилъ желаніе имѣть квартиру учителя при школѣ во второмъ этажѣ. Кромѣ того, съѣздъ высказался за изданіе свода санитарныхъ правилъ для существующихъ школъ съ цѣлью широкаго ихъ распространенія среди народа.

Вотъ въ какомъ положеніи находился школьно-санитарный вопросъ въ Петербургской губерніи до шестаго съѣзда, бывшаго въ мартѣ настоящаго года; мы считали необходимымъ остановиться на этой, такъ сказать, исторической сторонѣ вопроса и затѣмъ уже изложить, что сдѣлалъ шестой санитарный съѣздъ по настоящему вопросу.

Для обсужденія шестому съѣзду было представлено три доклада: враче- *Абрамовича* и *Петровской*— о санитарныхъ условіяхъ народныхъ школъ въ Петергофскомъ и Новоладожскомъ уѣздахъ и врача *Никольскаго*— объ изслѣдованіи физическаго развитія учащихся въ школахъ. По изслѣдованіямъ д-ра Абрамовича 48-ми школъ оказывается, что большинство школьныхъ зданій помѣщаются на краю деревни; при 14 школахъ имѣются удобныя для игръ въ рекреаціонное время площадки или лужайки. Явленіе отрадное и указывающее на заботу строителей школъ дать дѣтямъ мѣсто, гдѣ-бы они могли заняться больше играми, чѣмъ пресловутой школьной гимнастикой подъ управленіемъ какого-нибудь солдата. Далѣе преобладающимъ типомъ школьныхъ зданій служитъ односторонній деревянный домъ на каменномъ фундаментѣ, съ деревяннымъ-же поломъ съ накатомъ. Къ числу крупныхъ недостатковъ большинства школьныхъ помѣщеній нужно отнести отсутствіе теплыхъ переднихъ для верхняго платья; только въ 21 школѣ имѣются теплыя переднія. Ночлежный пріютъ устроенъ только при одной школѣ. На каждаго ученика въ среднемъ приходится по *8,8 куб. аршинъ воздуха* и 2,3 кв. ар. пола. Въ большинствѣ слу-

чаевъ (27 школъ) объемъ воздуха на 1 ученика колеблется отъ 7 — 9 куб. аршинъ, въ 14 школахъ—отъ 6 до 4 куб. ар. и доходя въ 2 до 3,9 и даже 3,5 куб. ар. Въ общемъ почти всѣ школы переполнены учащимися, и едва только въ 12 школахъ объемъ воздуха, приходящійся на одного ученика, въ среднемъ почти удовлетворяетъ минимальнымъ требованіямъ гигіены; по даннымъ врача Дмитріевой—преобладаютъ (70%) классы съ 1,0—0,3 куб. сажени воздуха на ученика; отъ 0,3 до 0,5 куб. саж. въ 23% и болѣе одной сажени приходится всего въ двухъ классахъ. Отношеніе свѣтовой поверхности пола равняется 1 : 8, колеблясь отъ 1 : 3 до 1 : 26. Большинство комнатъ освѣщается плохо (по г-жѣ Дмитріевой—1 : 7,1; среднее количество оконъ на классъ равняется 5,5)—въ среднемъ на школу 5,2 окна. Свѣтъ на учениковъ падаетъ почти вездѣ съ 2 сторонъ, въ 7 школахъ—только съ одной стороны. Вентиляція недостаточна—такъ, въ 7 классныхъ комнатахъ не имѣется ни вентилятора, ни форточки, въ 18—ни одной форточки. Отхожихъ мѣстъ вовсе нѣтъ въ 6 школахъ, въ 36 ретирады устроены по выгребной системѣ; помѣщаются отхожія мѣста или въ холодномъ корридорѣ, или сараѣ, или на дворѣ. Всѣ отхожія мѣста холодны, за исключеніемъ одного. Вообще-же авторъ, на основаніи своихъ изслѣдованій, приходитъ къ тому заключенію, что санитарно-гигіеническая обстановка школъ Петергофскаго уѣзда заставляетъ желать еще очень многаго, чтобы удовлетворить минимальнымъ требованіямъ гигіены. По мнѣнію докладчика, недостаетъ больше правильнаго надзора за постройкой, приспособленіемъ и исправнымъ содержаніемъ школьныхъ зданій, чѣмъ матеріальныхъ средствъ. Данныя г-жи Петровской о школахъ Новоладожскаго уѣзда, также весьма интересныя, мы не приводимъ, такъ какъ онѣ почти одинаковы съ свѣдѣніями д-ра Абрамовича. Съѣздъ, соглашаясь съ нѣкоторыми положеніями докладчика, постановилъ признать, что школы Петербургской губерніи (были приняты во вниманіе и сообщенія делегатовъ о санитарномъ состояніи школъ) въ большинствѣ случаевъ неудовлетворительны въ санитарно - гигіеническомъ отношеніи; въ виду того, что разрѣшеніе Комитета Министровъ, послѣдовавшее на ходатайство предъидущаго съѣзда—приглашать врачей въ училищные совѣты, не исполнялось ни однимъ уѣзднымъ земствомъ, кромѣ Петербургскаго, то съѣздъ выражаетъ желаніе, чтобы врачи приглашались въ засѣданія училищныхъ совѣтовъ и получили-бы право быть дѣйствительными и непремѣнными членами совѣта. Въ собраніи съѣзда возникли пренія—приглашать-ли врачей въ училичные совѣты только въ тѣхъ случаяхъ, когда обсуждается какой-либо вопросъ по школьной гигіенѣ, или вообще на всѣ засѣданія совѣта—большинство рѣшило, чтобы врачи приглашались всегда. Выборъ врача, для участія въ училищномъ совѣтѣ, предоставляется уѣздной санитарной коммиссіи. Далѣе найдено необходимымъ, чтобы всѣ планы школъ разсматривались уѣздной санитарной коммиссіей; о замѣченныхъ недостаткахъ въ школахъ врачъ немедленно сообщаетъ управѣ. Предложеніе д-ра Абрамовича, чтобы земскія собранія ежегодно ассигновывали опредѣленныя суммы для ремонта зданій недостаточнымъ сельскимъ обществамъ—съѣздъ отклонилъ. Равно также не было принято съѣздомъ и предложеніе о приглашеніи въ каждомъ уѣздѣ санитарнаго врача, въ число обязанностей котораго долженъ

входить и надзоръ за школами. Далѣе съѣздъ по возбужденному врачемъ Никольскимъ вопросу — возможно-ли и удобно-ли устраивать при каждой школѣ квартиры учителя—призналъ возможнымъ допустить при школѣ устройство квартиры, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы она не составляла съ классомъ одного цѣлаго, а была-бы отдалена. Продолжительныя пренія были вызваны предложеніемъ г. Никольскаго установить предѣльный возрастъ пріема учащихся въ школу (при поступленіи), во избѣжаніе переполненія школъ и недостаточнаго развитія учащихся малолѣтнихъ. Секція признала, чтобы дѣти принимались не моложе 8 лѣтъ; дѣти-же моложе этого возраста принимались-бы только въ томъ случаѣ, когда, по своему развитію, они подходятъ къ общему уровню другихъ учащихся, и если въ школѣ есть свободныя мѣста. Нѣкоторые изъ членовъ съѣзда находили, что даже и этотъ восьмилѣтній возрастъ малъ и предлагали установить 9-тилѣтній. Но съѣздъ высказался за 8-милѣтній, отклонивъ вторую половину предложенія секціи о принятіи въ школу 7-лѣтнихъ учениковъ. Предложеніе г. Никольскаго—*объ изслѣдованіи физическаго развитія учащихся въ народныхъ школахъ и самая программа*, по которой должны производиться подобныя изслѣдованія, приняты съѣздомъ какъ желательныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ добавлено (какъ предлагалось и секціей) слѣдующее: чтобы судить о вліяніи школы на учащихся, необходимо производить подобныя-же паралелльныя изслѣдованія надъ дѣтьми, не посѣщающими школу. Съ послѣднимъ дополненіемъ нельзя не согласиться, но въ то же время, въ большинствѣ случаевъ, такое правило будетъ почти невыполнимо. Иногда можно совсѣмъ не встрѣтить не учащихся, такъ какъ, начиная съ извѣстнаго возраста, всѣ дѣти уже посѣщаютъ школу. Слѣдовательно, какъ ни желательны такія параллельныя изслѣдованія, но они едва-ли будутъ исполнимы, а между тѣмъ для нѣкоторыхъ изслѣдователей могутъ послужить до нѣкоторой степени тормазомъ для изслѣдованія учащихся.

Кромѣ того, инспекторомъ народныхъ училищъ, г. Александровымъ, былъ представленъ проектъ инструкціи и санитарныхъ правилъ для сельскихъ школъ. Съѣздъ постановилъ передать этотъ проектъ въ губернскую санитарную коммиссію съ просьбой составить смѣшанную коммиссію вмѣстѣ съ IV секціей общества охраненія народнаго здравія для окончательной обработки этихъ правилъ и представить ихъ будущему съѣзду.

Въ заключеніе нужно упомянуть о докладѣ графа Сюзора—*объ устройствѣ сельскихъ школъ.* По мнѣнію докладчика, при постройкѣ школы главное значеніе долженъ имѣть классъ, въ которомъ дѣти проводятъ больше времени, и потому онъ долженъ отвѣчать требованіямъ школьной гигіены. Докладчикъ представилъ цѣлый рядъ типовъ школъ въ Англіи, Франціи, Германіи, Бельгіи и др. странахъ. По разсмотрѣніи доклада, было принято, чтобы объемъ воздуха на ученика былъ не менѣе 0,60 кв. сажени, площади пола 0,40 кв. саж., свѣтовая площадь къ площади пола должна составлять не менѣе 1 : 7; окна должны быть подведены къ самому потолку, а подоконникъ на $1^1/_2$ ф. отъ пола; освѣщеніе одностороннее съ лѣвой стороны. Остальныя требованія по устройству школъ мы не выписываемъ; скажемъ лишь одно, что подобныя правила вырабатываются не разъ и не въ одной Петербургской губерніи, а и въ другихъ то-же самое было, но всѣ они большею частью остаются неисполнимыми, ибо слишкомъ обременительны для бюджета земства. Если наши среднія

учебныя заведенія—казенныя—во многихъ случаяхъ не слѣдуютъ требованіямъ гигіены и не исполняютъ минимальныхъ ея правилъ, то что-же сказать про земскія школы? А послѣднія иногда все-же и дѣлаютъ то, что указывается врачами.

Этимъ мы оканчиваемъ нашъ очеркъ по санитарному вопросу народныхъ училищъ въ Петербургской губерніи. Какъ оказывается, иниціаторами, выдвинувшими этотъ вопросъ на сцену, были съѣзды земскихъ врачей, которые почти на каждомъ съѣздѣ обсуждали его и постепенно производили изслѣдованія санитарно-гигіеническихъ условій этихъ школъ. Въ настоящее время имѣется настолько уже богатый матеріалъ по этому вопросу, что можно судить, каковы народныя школы въ Петербургской губерніи въ санитарномъ отношеніи, въ чемъ ихъ недостатки, устранимы они или нѣтъ, и т. д.; въ заключеніе указаны правила постройки школъ. Но что будетъ особенно важно для школъ и должно оказать немаловажную услугу для нихъ—это организація постояннаго надзора врачей за школами и участіе ихъ въ училищныхъ совѣтахъ съ правомъ рѣшающаго голоса. Такимъ преимуществомъ не пользуется ни одинъ училищный врачъ при нашихъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Шестой съѣздъ сдѣлалъ еще новый шагъ въ дѣлѣ дальнѣйшаго изученія народной школы. Желая выяснить вліяніе народной школы на физическое развитіе учащихся, съѣздъ высказался за желательность производить изслѣдованія физическаго развитія учениковъ въ народныхъ школахъ. Мы надѣемся, что и между врачами найдутся такіе, которые займутся настоящимъ вопросомъ, какъ нашлись и для изслѣдованія санитарныхъ условій школъ.

Д. Никольскій.

---

*) Докладчикъ не настаивалъ на настоящемъ предложеніи, какъ обязательномъ, а высказывалъ его въ формѣ пожеланія и санкціонированія этого вопроса самимъ съѣздомъ. Для однообразія изслѣдованія учащихся и облегченія самаго способа, какъ собирать подобныя свѣдѣнія, докладчикъ предложилъ программу, по которой производились такія изслѣдованія какъ самимъ докладчикомъ (въ 17 школахъ съ 1.087 учащихся), такъ и другими. При единствѣ однообразія вопросовъ программы, удобнѣе будетъ дѣлать сравненія съ имѣющимися уже данными по этому вопросу изъ другихъ мѣстъ. Предварительно необходимо дать хотя краткое описаніе санитарныхъ условій каждой школы, въ которой будетъ производиться изслѣдованіе учащихся.

Самая-же программа для изслѣдованія учениковъ заключаетъ слѣдующіе вопросы: 1) имя, отчество и фамилія ученика; 2) мѣстожительство и мѣсторожденіе; 3) національность и вѣроисповѣданіе; 4) сословіе; 5) занятіе родителей, ихъ образованіе; 6) возрастъ учащихся (если можно опредѣлить годъ и мѣсяцъ рожденія); 7) который годъ учится въ школѣ; 8) не болѣлъ-ли чѣмъ до поступленія въ школу; 9) общій видъ тѣлосложенія, развитія и питанія (цвѣтъ кожи, развитіе подкожной клѣтчатки, мускулатуры и железъ); 10) привита-ли оспа, сколько знаковъ, давно-ли; 11) не привита, натуральная и давно-ли была; 12) цвѣтъ волосъ (5 дѣленій); 13) цвѣтъ глазъ (6 дѣленій); 14) число зубовъ, форма, цвѣтъ, расположеніе, качество ихъ (съ указаніемъ на каріозные и отсутствующіе) на ниж. и верх. челюсти, правой, лѣвой стороны; 15) ростъ; 16) состояніе позвоночника — не имѣется-ли кривизны его, какой формы, въ какую сторону; 17) состояніе плечъ и лопатокъ; 18) вѣсъ (указать, въ какое время взвѣшивались ученики — до обѣда или послѣ); 19) периметръ груди; 20) жизненная емкость легкихъ; 21) болѣзненныя явленія, замѣченныя у ученика во время изслѣдованія.

Желательно, при изслѣдованіи, обратить вниманіе на органы слуха, зрѣнія, рѣчи и обонянія.

Отвѣты на вопросы съ 1 по 7-й можно получать отъ учителей или родителей учащихся.

Библіотека въ Сосницѣ (Черниговской губерніи) и ея читатели.

Библіотека открыта въ Сосницѣ въ 1872 году, благодаря иниціативѣ и матеріальнымъ пожертвованіямъ одного изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей того времени, и въ томъ-же году перешла въ вѣдѣніе земства. Состоя изъ нѣсколькихъ десятковъ сочиненій избранныхъ авторовъ, библіотека имѣла весьма скромный видъ и умѣщалась всего въ одномъ шкафу. Два года спустя, именно въ 1874 году, земское собраніе сдѣлало ассигновку, въ размѣрѣ 300 р., на выписку журналовъ и пополненіе библіотеки новыми сочиненіями. Къ чести земства, ассигновка эта вотъ уже около 18 лѣтъ продолжается, не измѣняя своей цыфры. Въ настоящее время библіотека состоитъ изъ 1.151 тома сочиненій и 1.101 тома періодическихъ изданій.

Въ библіотекѣ имѣется систематическій каталогъ, къ слову сказать, составленный небрежно, съ массой типографскихъ опечатокъ—органическій недостатокъ громаднаго большинства провинціальныхъ изданій. Книги раздѣлены на 13 отдѣловъ. Къ первому отдѣлу принадлежитъ исторія, ко 2-му—географія и статистика, къ 3-му—философія и соціологія, къ 4-му—педагогика, дѣтскія книги и книги для народнаго чтенія, къ 5-му—правовѣдѣніе, политическія, финансовыя и торговыя науки, къ 6-му—естествовѣдѣніе, къ 7-му—сельское хозяйство, къ 8-му—популярная медицина, физіологія и гигіена, къ 9-му — математика, строительное искусство и техническія производства, къ 10-му—отечественная словесность, къ 11-му—иностранная словесность (въ переводахъ на русскій языкъ), 12-й отдѣлъ посвященъ разнымъ справочнымъ книгамъ и, наконецъ, къ 13-му отдѣлу отнесены періодическія изданія.

Болѣе другихъ отдѣловъ развитъ отдѣлъ, конечно, беллетристики. По отечественной беллетристикѣ имѣется 233 названія книгъ и по иностранной—150. Не говоря уже о корифеяхъ литературы русской и иностранной, въ библіотекѣ имѣются почти всѣ сочиненія лучшихъ новѣйшихъ авторовъ. Менѣе другихъ богаты отдѣлы сельско - хозяйственный, политическихъ наукъ, естествовѣдѣнія, а также философіи и соціологіи. Но въ этихъ отдѣлахъ все-таки можно указать на присутствіе сочиненій такихъ авторовъ, какъ Васильчиковъ (о самоуправленіи), Бокль, Молешотъ, Леббокъ, Дарвинъ, Гартвигъ и др. Изъ капитальныхъ сочиненій имѣются: Шлоссеръ—Всемірная исторія, Данте—Божественная комедія, изд. Вольфа, съ рисунками Густава Дорэ, Брэмъ—Жизнь животныхъ. Это одно уже доказываетъ, что выборъ книгъ сдѣланъ не какъ нибудь, а систематически и умѣлой рукой. Правда, есть книги сомнительнаго достоинства, но такихъ книгъ весьма немного.

По сельскому хозяйству имѣется всего 24 названія книгъ. Педагогическій отдѣлъ развитъ также весьма слабо—нѣтъ сочиненій самыхъ необходимыхъ въ жизни не однихъ педагоговъ, но всякаго семейнаго, маломальски развитаго человѣка, обязаннаго, въ силу нравственнаго долга, дать ребенку разумное и правильное воспитаніе. На этотъ существенный недостатокъ нѣсколько разъ уже обращалось вниманіе земскаго собранія, однако отдѣлы эти такъ и остаются непополненными и до настоящаго

времени. По части педагогики, а также и сельскому хозяйству, съ 1880 года почти ничего не выписывалось, если не считать десятка книгъ, относящихся не столько къ педагогикѣ, сколько предназначенныхъ для дѣтскаго и народнаго чтеній. По педагогикѣ только въ послѣдніе два года выписываются журналы «Русская Школа» и «Вѣстникъ Воспитанія», по сельскому хозяйству даже журналовъ не выписывается.

Интересъ къ чтенію въ публикѣ идетъ скачками и то повышается, то вдругъ быстро падаетъ. Такъ, напримѣръ, въ 1875 году выдачъ было 2.006, въ слѣдующемъ году выдача уменьшилась болѣе чѣмъ на половину (857). Съ 1882 года выдача книгъ для чтенія начинаетъ увеличиваться и доходитъ до цыфры 1.087, но съ 1884 года снова замѣчается регрессъ, и цыфра выдачъ колеблется между 700 и 800.

Болѣе другихъ было предъявлено требованій на сочиненія Всеволода Крестовскаго (псевдонимъ) (62 требованія), затѣмъ идутъ: гр. Л. Толстой (54), Тургеневъ (49), Достоевскій (44), Гончаровъ (36), Глѣбъ Успенскій (28), Щедринъ (22), Григоровичъ (22), Печерскій-Мельниковъ (16), Бѣлинскій (критикъ) (9). Справедливость требуетъ замѣтить, что многіе изъ публики обращаются съ книгой, какъ дѣти съ игрушкой: не рѣдко возвращаютъ книги испачканными, съ оторванными листками, а иногда и просто зачитываютъ.

Изъ иностранныхъ авторовъ читаются болѣе другихъ Эмиль Золя, Бертольдъ Ауэрбахъ, Шпильгагенъ и Диккенсъ. Изъ журналовъ имѣютъ успѣхъ «Вѣстникъ Европы» (117 требованій), «Русская Мысль» (101), «Сѣверный Вѣстникъ» (89), «Наблюдатель» (48), «Книжки Недѣли» (38).

Выдача книгъ съ платой за чтеніе начала производиться съ 1888 г. Плата—отъ 10 до 30 к. въ мѣсяцъ, сообразно разрядамъ. При полученіи книгъ требуется залогъ, также сообразно разрядамъ, отъ 1 до 3 р.

Благодаря библіотекѣ, многіе изъ городскихъ и уѣздныхъ жителей получили возможность ознакомиться съ сочиненіями выдающихся авторовъ, что, конечно, при отсутствіи общественной библіотеки, для большинства было-бы невозможнымъ. Однако, и въ настоящее время нѣкоторые изъ публики не рѣдко смѣшиваютъ имена авторовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго. Такъ, напримѣръ, поэта Щедрова смѣшиваютъ съ сатирикомъ Щедринымъ, Короленка съ Коронинымъ. Такъ, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, какъ одна дама настоятельно требовала «Потерянный рай» гр. Льва Толстого и никакъ не хотѣла согласиться, что это сочиненіе не принадлежитъ Толстому. Читая то или другое сочиненіе, публика часто имѣетъ обыкновеніе не обращать вниманія на имя автора... Приведенныя мною цыфры требованія книгъ доказываютъ однако, что большинство публики относится къ выбору книгъ вполнѣ сознательно, различая пшеницу отъ плевелъ: отрадный фактъ для такого глухого городка, какъ Сосница. Н. С.

Въ Петербургскомъ Комитетѣ грамотности.

Засѣданіе 12 мая 1892 г.

Засѣданіе посвящено было исключительно текущимъ дѣламъ.

В. К. Болдыревъ прочелъ докладъ коммиссіи, избранной собраніемъ 10 марта въ составѣ трехъ членовъ: О. К. Нечаевой, В. Д. Сиповскаго и В. К. Болдырева, для разсмотрѣнія заявленія гг. Воленса, Глаголева, Панкратьева и Гамзагурди относительно неправильнаго, по ихъ мнѣнію, толкованія § 37 устава Комитета председателемъ Я. Т. Михайловскимъ *). Въ докладѣ своемъ коммиссія отвѣчаетъ на два главныхъ вопроса, поставленныхъ заявителями, а именно: имѣла-ли право «коммиссія по изысканію денежныхъ средствъ» приглашать въ свои засѣданія тѣхъ членовъ Комитета, которые могли принести, по мнѣнію коммиссіи, пользу дѣлу, и 2) если признается за коммиссіей такое право, то имѣли-ли приглашаемыя въ коммиссію лица право голоса. Первый вопросъ коммиссія рѣшаетъ, конечно, въ положительномъ смыслѣ. «Что-же касается втораго вопроса, то лица, подавшія заявленіе, настаиваютъ на рѣшеніи его въ положительномъ смыслѣ по слѣдующимъ, приводимымъ ими, главнымъ основаніямъ: уставъ Комитета не дѣлитъ членовъ его на категоріи имѣющихъ и неимѣющихъ право голоса; § 37 говоритъ объ «учрежденіи» коммиссій, не указывая способа, какимъ можно сдѣлаться членомъ ихъ, слѣдовательно, членомъ коммиссіи можно сдѣлаться либо по избранію Комитета, либо запискою въ члены, либо по приглашенію и т. п.; уставъ не лишаетъ права голоса даже постороннихъ лицъ, участвующихъ въ коммиссіи». Разсмотрѣвъ это заявленіе, коммиссія не нашла возможнымъ согласиться съ этими доводами заявителей. Коммиссія находитъ, что право голоса въ коммиссіяхъ можетъ принадлежать только членамъ ихъ, избраннымъ общимъ собраніемъ, такъ какъ только такое толкованіе согласуется съ общимъ смысломъ устава Комитета и оправдывается самымъ характеромъ и назначеніемъ коммиссій, требующими, чтобы въ составъ ихъ входили лица, извѣстныя собранію Комитета и способныя, по его мнѣнію, поставить правильное рѣшеніе по возникшему вопросу; иначе предоставленное Комитету право «учреждать» коммиссіи для рѣшенія вопросовъ, требующихъ особой разработки, утрачиваетъ всякое значеніе. Отсутствіе указанія въ уставѣ способа «учрежденій» коммиссій не разрушаетъ правильности этихъ соображеній, такъ какъ какимъ-бы способомъ коммиссіи ни были учреждаемы, но, во всякомъ случаѣ, члены ея должны войти въ составъ коммиссіи съ вѣдома и согласія собранія Комитета. Въ случаѣже избранія «коммиссіи по изысканію денежныхъ средствъ» способъ учрежденія коммиссіи былъ опредѣленъ собраніемъ уже самымъ фактомъ избранія этой коммиссіи. Всѣ эти соображенія опровергаютъ сами собой и послѣдній доводъ заявителей, тѣмъ болѣе, что въ § 37 устава о предоставленіи права голоса «даже постороннимъ лицамъ» вовсе не говорится, общепринятыми-же правилами лицамъ, призываемымъ въ роли экспертовъ,

---

*) См. въ апрѣльскомъ нумерѣ «Русской Школы».

право рѣшающаго голоса не предоставляется. Независимо отъ этого, § 35 того-же устава, допуская постороннихъ лицъ «къ обсужденію вопросовъ», рѣшаемыхъ въ собраніяхъ Комитета, не даетъ имъ правъ рѣшающаго голоса, а потому толкованіе § 37 устава въ иномъ смыслѣ явилось-бы явнымъ противорѣчіемъ этому параграфу устава, тѣмъ болѣе страннымъ, что рѣшенію коммиссій предоставляются наиболѣе сложные и существенные вопросы. Допуская право коммиссій расширять свой составъ приглашеніемъ съ правомъ рѣшающаго голоса постороннихъ коммиссіи лицъ, Комитетъ рискуетъ дать возможность проведенію безъ его вѣдома и согласія такихъ мѣръ, которыя не согласуются съ задачами Комитета и могутъ быть прямо направлены во вредъ его интересамъ, тѣмъ болѣе, что изъ практики дѣла видно, что неоднократно рѣшенія существующихъ при Комитетѣ коммиссій исполнялись безъ предварительной одобрительной санкціи собранія Комитета. По всѣмъ этимъ соображеніямъ авторы доклада находятъ, что «коммиссія по изысканію денежныхъ средствъ» не имѣла права приглашать въ свой составъ членовъ Комитета съ правомъ рѣшающаго голоса и, тѣмъ болѣе, не имѣла права избирать, какъ это видно изъ представленнаго заявленія помянутыхъ лицъ, своимъ предсѣдателемъ г. Воленса—лица, не избраннаго въ эту коммиссію собраніемъ Комитета.

Противъ такого рѣшенія коммиссіи нашелъ нужнымъ возражать г. Бурлей—членъ пресловутой «коммиссіи по изысканію денежныхъ средствъ», но, какъ оказалось, всѣ его возраженія являлись результатомъ незнакомства съ требованіями самихъ заявителей, или неправильно понятаго доклада коммиссіи и цѣлей, съ которыми она была избрана. Собраніе, какъ и надо было ожидать, вполнѣ раздѣлило столь обстоятельно мотивированное и совершенно объективно выраженное мнѣніе коммиссіи. Затѣмъ было приступлено къ избранію новаго состава «коммиссіи по изысканію денежныхъ средствъ», «библіотечной коммиссіи» и двухъ членовъ «издательской коммиссіи», взамѣнъ выбывающихъ по очереди В. П. Острогорскаго и М. М. Ледерле. По большинству голосовъ, въ первую изъ нихъ избранными оказались Я. Г. Гуревичъ, А. С. Туганъ-Барановская, М. Н. Стоюнина, С. Ц. Дехтерева и А. А. Кауфманъ. Въ библіотечную—гг. Богданова, Правосудовичъ и Книповичъ, въ издательскую — гг. Бернтшамъ и Мякотинъ. Коммиссія по присужденію золотой медали въ память Воронова осталась въ прежнемъ составѣ, равно какъ и конкурсная программа для этой медали осталась та-же.

В. А. Латышевъ внесъ предложеніе о томъ, чтобы Комитетъ Грамотности взялъ на себя иниціативу въ дѣлѣ устройства эмеритальной пенсіонной кассынародныхъ учителей.

Вопросъ объ обезпеченіи будущности народныхъ учителей не разъ возбуждался какъ въ печати, такъ и въ сферѣ административной. Далѣе, однако, платоническаго сочувствія дѣло это не подвигалось впередъ. Въ двухъ случаяхъ редакціи журнала «Русскій начальный учитель» приходилось обращаться къ народнымъ учителямъ съ предложеніемъ оказать помощь изъ своихъ скудныхъ средствъ товарищамъ. Въ обоихъ случаяхъ обращеніе редакціи увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Успѣхъ этотъ навелъ на мысль редактора журнала, В. А. Латышева, о возможности осуществленія эмеритальной кассы на началахъ взаимопомощи. Если сознаніе

необходимой поддержки существуетъ среди учащихъ, то не слѣдуетъ-ли позаботиться объ организаціи дѣла болѣе прочной, не дожидаясь даже осуществленія пенсіонной кассы. Въ виду того, что Комит. Грам. имѣетъ право принимать пожертвованія съ спеціальнымъ назначеніемъ, отъ лица этого учрежденія можетъ исходить иниціатива въ этомъ симпатичномъ дѣлѣ. «Можетъ быть, учащіе пожелаютъ, если предложить имъ черезъ посредство педагогическихъ и другихъ изданій, присылать пожертвованія, хотя небольшія, но по возможности періодическія, на имя Комит. Грам. для образованія фонда помощи учащимъ или бывшимъ учащимъ и ихъ семействамъ». Условія выдачи помощи участникамъ фонда и ихъ семействамъ могутъ быть предварительно обсуждены участниками на страницахъ журнала «Русскій нач. учитель» и др. Весь распорядокъ и завѣдываніе фондомъ могутъ быть предоставлены Совѣту Комитета при содѣйствіи редакторовъ тѣхъ журналовъ, которые примутъ участіе въ дѣлѣ, причемъ должно быть поставлено непремѣннымъ условіемъ опубликованіе мотивированныхъ постановленій о выдачѣ пособій въ тѣхъ-же журналахъ. Образованіе фонда вызоветъ несомнѣнно пожертвованія и со стороны земствъ и частныхъ лицъ.

Собраніе отнеслось къ предложенію В. А. Латышева съ полнымъ, конечно, сочувствіемъ, отложивъ обсужденіе этого крайне симпатичнаго предложенія до внесенія авторомъ его разработаннаго проекта эмеритальной кассы взаимопомощи учащимъ въ народныхъ школахъ. Вслѣдъ затѣмъ прочитано было заявленіе трехъ членовъ Комитета (гг. Д. Селиванова, Вулиха и Тютрюмова), предлагавшихъ признавать права членовъ Комитета только за лицами, внесшими свой членскій взносъ. За позднимъ временемъ и малочисленностью собранія вопросъ этотъ рѣшено обсудить на одномъ изъ первыхъ осеннихъ собраній. **В. Д.**

Засѣданіе общепедагогическаго отдѣла Педагогическаго музея.

18-го апрѣля 1892 года.

Предсѣдательствовалъ генералъ-маіоръ А. Н. Макаровъ.

Занятія состояли въ слѣдующемъ:

1) Прочтенъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія.

2) *Л. Н. Модзалевскій* сдѣлалъ предложеніе о составленіи спеціальной коммиссіи по переводу и изданію главнѣйшихъ сочиненій Коменскаго.

Прежде чѣмъ формулировать свое предложеніе, г. Модзалевскій нашелъ необходимымъ отвѣтить на два вопроса: почему именно онъ вноситъ такое предложеніе и почему вноситъ его въ общепедагогическую секцію Педагогическаго музея. «Въ педагогической литературѣ въ настоящее время дѣйствуетъ много такихъ почтенныхъ педагоговъ,—сказалъ г. докладчикъ,—которые болѣе меня въ правѣ возвысить голосъ въ пользу изданія Коменскаго; но, прослуживши болѣе трети столѣтія на педагогической почвѣ, я много переболѣлъ душою отъ колебаній русскаго воспитанія, которыя замѣчались вездѣ, отъ воскресныхъ народныхъ школъ и до сферъ дворцовыхъ. У насъ были поборники нѣмецкаго, французскаго, англійскаго воспитанія, но русскаго національнаго воспитанія у насъ не было. Въ на-

чалѣ мы сильно увлекались нѣмецкой педагогіей: можетъ быть, это былъ необходимый моментъ въ исторіи нашего педагогическаго развитія. Пироговъ всегда утверждалъ, что намъ надо поучиться у старѣйшихъ по культурѣ народовъ, и самъ былъ ученикомъ нѣмцевъ; Ушинскій держался того-же мнѣнія. Въ шестидесятыхъ годахъ увлеченіе нѣмецкими педагогическими теоріями стало у насъ преобладающимъ и доведено было до нелѣпыхъ крайностей, что и вызвало впослѣдствіи противоположную крайность въ протестѣ гр. Л. Н. Толстого и въ отрицаніи имъ всякой теоріи воспитанія. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ бойко и оживленно пошла было педагогическая жизнь! Въ министерство гр. Толстого педагогическое движеніе подверглось опалѣ, было заподозрѣно въ неблагонамѣренности; наступилъ періодъ реакціи: и теперь еще многіе утверждаютъ, что не существуетъ никакихъ педагогическихъ теорій, а существуетъ одна только «педагогика сердца». Настоящее время можно назвать періодомъ возрожденія педагогіи, такъ какъ теперь начинаютъ намѣчать и прокладывать новые пути для развитія русскаго просвѣщенія.

Я вношу свое предложеніе въ Педагогическій музей, потому что, послѣ закрытія Педагогическаго Общества, въ немъ сосредоточились интересы петербургскихъ педагоговъ. Празднованіе трехсотлѣтняго юбилея Коменскаго широко состоялось въ немъ; вся пресса сочувственно отнеслась къ этому юбилею... Такимъ благопріятнымъ моментомъ слѣдуетъ воспользоваться. За послѣднее время во всѣхъ педагогическихъ журналахъ были напечатаны статьи о Коменскомъ; но журнальныя статьи—дѣло преходящее; ихъ, кромѣ подписчиковъ, читаютъ очень немногіе, и онѣ затѣмъ забываются.

Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ статей, какъ, напримѣръ, въ статьѣ Бунакова, заявлено было широкое желаніе, чтобы живыя славянскія идеи Коменскаго какъ можно глубже проникли въ русскую школу, школу самаго могучаго изъ всѣхъ славянскихъ народовъ.

Ученіе Коменскаго лучше всѣхъ иныхъ соотвѣтствуетъ духу русской народности. Коменскій напоминаетъ Ломоносова съ его стремленіями какъ къ натурализму, такъ и къ поэзіи. У Коменскаго истинный реализмъ не противорѣчитъ идеальному міросозерцанію и поэтическому настроенію; религія примиряется у него съ наукою; философская сторона его ученія гармонируетъ съ призваніемъ русскихъ усвоить всѣ стороны западнаго образованія и вести ихъ дальше въ національномъ смыслѣ. Сочиненія Коменскаго могутъ послужить родственнымъ фундаментомъ для нашей современной педагогіи: тогда педагогическая литература, исходя изъ Коменскаго, приметъ многостороннее направленіе, будетъ противодѣйствовать крайнимъ увлеченіямъ педагогики, явится примиряющимъ началомъ, которое по своему существу не будетъ возбуждать репрессалій.

Намъ пора не только знать о *Коменскомъ*, но узнать и *самого Коменскаго*. Потребность его изученія существуетъ: молодежь часто и настойчиво спрашиваетъ, гдѣ можно достать сочиненія Коменскаго, что прочесть изъ нихъ... У насъ существуетъ въ переводѣ только его «Великая дидактика», но этотъ переводъ сдѣлался библіографическою рѣдкостью.

Въ виду всего высказаннаго я и предлагаю заняться переводомъ и изданіемъ сочиненій Коменскаго. Частная иниціатива, по моему мнѣнію, затянетъ дѣло и удорожитъ изданіе. Коммиссія, составленная при Педагогическомъ музеѣ изъ педагоговъ, извѣстныхъ своею дѣятельностью по теоріи и практикѣ воспитанія, можетъ принять на себя трудъ перевода и изданія сочиненій Коменскаго.

Я имѣю въ виду предложить на обсужденіе гг. присутствующихъ два вопроса: 1) о возможности и 2) о желательности такого труда. Сообщу свои положенія по обоимъ вопросамъ.

1) Желающіе принять участіе въ предлагаемомъ трудѣ члены образуютъ коммиссію и избираютъ изъ своей среды предсѣдателя (онъ-же и главный редакторъ) и секретаря.

2) Если въ журналахъ появятся переводы отдѣльныхъ сочиненій Коменскаго, то это не помѣшаетъ дѣлу, такъ какъ переводчики, по соглашенію съ коммиссіей, могутъ помѣстить свои труды и въ предполагаемомъ изданіи.

3) О средствахъ для изданія можно ходатайствовать передъ тѣми вѣдомствами, которыя могутъ быть заинтересованы изданіемъ сочиненій Коменскаго, т.-е. передъ духовнымъ, военнымъ вѣдомствами, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и вѣдомствомъ Императрицы Маріи.

Въ условія съ коммиссіей можетъ войти и частный издатель, но такой способъ не особенно желателенъ въ видахъ неизбѣжныхъ при немъ спекулятивныхъ цѣлей. Если капиталъ для изданія будетъ полученъ путемъ займа, то право производства расходовъ можетъ быть предоставлено администраціи музея.

4) Гонораръ за переводъ можетъ быть назначенъ въ размѣрѣ 40—50 рублей съ листа.

5) Можно разсчитывать на успѣхъ изданія, такъ какъ его будутъ пріобрѣтать всѣ библіотеки учебныхъ заведеній.

6) По покрытіи расходовъ изданія, чистая прибыль можетъ послужить для основанія спеціальной библіотеки имени Коменскаго при Педагогическомъ музеѣ».

По вопросу о томъ, нуженъ-ли переводъ сочиненій Коменскаго, г. Модзалевскій выставилъ слѣдующія три положенія:

1) Ученіе Амоса Коменскаго о воспитаніи ближе всего соотвѣтствуетъ потребностямъ нашего русскаго воспитанія.

2) Русская педагогическая наука въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи должна пользоваться главнѣйшими основоположеніями сочиненій Коменскаго, какъ своимъ первоисточникомъ.

3) Для этого намъ необходимо усвоить педагогическія сочиненія Коменскаго въ возможно точномъ ихъ переводѣ на русскій языкъ.

При обсужденіи предложенія г. Модзалевскаго, *В. А. Воскресенскій* высказалъ, что, соглашаясь во многомъ съ г. докладчикомъ, онъ находитъ выставленныя положенія не совсѣмъ ясными и, какъ личное мнѣніе г. Модзалевскаго, не вполнѣ вытекающими изъ существа дѣла. Проще было-бы прямо поставить вопросы: слѣдуетъ-ли издавать или нѣтъ? гдѣ искать средствъ для изданія? какія именно изъ сочиненій Коменскаго слѣдуетъ издать? На матеріальный успѣхъ такого изданія разсчитывать невозможно: переводъ «Великой дидактики», изданной въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, дѣйствительно сдѣлался библіографической рѣдкостью, но разошелся только въ двадцать лѣтъ. Въ Петербургѣ не найдется такого предпринимателя, какъ Солдатенковъ. Въ нашей педагогической средѣ трудно найти переводчика, который былъ-бы хорошо знакомъ съ латынью XVI вѣка, да при томъ одного только знанія языка недостаточно: переводчикъ долженъ быть знакомъ и съ исторіей педагогіи, и съ обширною литературою о Коменскомъ. Нѣкоторыя сочиненія Коменскаго написаны на нѣмецкомъ языкѣ, но и съ нѣмецкаго языка XVI вѣка переводить не легче. Можетъ быть, придется нанимать сотрудниковъ со стороны: переводить съ перевода было-бы не желательно.

Г. *Модзалевскій* высказалъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы всѣ три послѣдніе тезиса были сжаты въ одинъ вопросъ о желательности изданія. О практическихъ результатахъ трудно высказываться заранѣе, такъ какъ успѣхъ или неуспѣхъ одинаково гадательны. Вообще до образованія коммиссіи предрѣшать вопросъ о выборѣ матеріала и о пріобрѣтеніи средствъ представляется г. Модзалевскому преждевременнымъ.

Г. *Ремезовъ* нашелъ, что г. докладчикъ какъ-бы умаляетъ значеніе Коменскаго, разсматривая его труды только съ точки зрѣнія ихъ полезности для русской школы; по его мнѣнію, слѣдовало-бы внести въ тезисы, что труды Коменскаго, имѣютъ значеніе не для однихъ русскихъ, а для дѣла воспитанія вообще.

Г. *Модзалевскій* замѣтилъ, что онъ не стоитъ за ту или другую мотивировку тезисовъ и стремится только къ тому, чтобы разрѣшенъ былъ вопросъ о желательности изданія.

На вопросъ г. Ремезова: возможно-ли разсчитывать на правительственную субсидію, г. предсѣдатель отвѣтилъ, что это разрѣшится, когда мы обратимся съ ходатайствомъ къ учебнымъ вѣдомствамъ.

Г. *Каптеревъ* предложилъ, не увлекаясь разсужденіями о національномъ или общечеловѣческомъ значеніи Коменскаго, спросить присутствующихъ, кто изъ нихъ пожелаетъ принять участіе въ коммиссіи, а когда коммиссія образуется, предоставить ей разрѣшеніе остальныхъ вопросовъ.

Г. *предсѣдатель* предложилъ рѣшить вопросъ о желательности перевода избранныхъ сочиненій Коменскаго и спросилъ, кто изъ присутствующихъ пожелаетъ войти въ составъ коммиссіи, задача которой будетъ состоять въ выборѣ сочиненій и въ пріисканіи рабочихъ силъ и денежныхъ средствъ.

Изъ присутствовавшихъ членовъ въ составъ коммиссіи пожелали поступить гг. *Модзалевскій*, *Карцевъ*, *Воскресенскій*, *Гольденбергъ*, *Каптеревъ* и *Поповскій*.

Кромѣ того, опредѣлено было принять участіе въ коммиссіи г-жѣ *Воскресенской* и гг. *Гуревичу*, *Латышеву*, *Лёве*, *Миропольскому*, *Сентъ-Илеру*, *Сиповскому* и нѣкоторымъ другимъ.

Г. *предсѣдатель*, съ своей стороны, обѣщалъ коммиссіи свое содѣйствіе.

Ближайшее засѣданіе коммиссіи назначено на 28-ое апрѣля.

Послѣ десятиминутнаго перерыва, г. *Сенько-Поповскій* познакомилъ присутствующихъ съ отчетомъ Жоржа Демени (Demeny) о Стокгольмскомъ гимнастическомъ институтѣ. Основателемъ этого института былъ Лингъ, учитель фехтованія, поэтъ и историкъ, задавшійся цѣлью путемъ физическаго воспитанія улучшить породу людей, идеальнымъ представителемъ которой, по мнѣнію Линга, являлся въ свое время древній скандинавъ.

Въ настоящее время въ Стокгольмѣ существуетъ центральный институтъ для подготовки учителей гимнастики. Во главѣ его стоитъ директоръ, избираемый изъ профессоровъ института на пять лѣтъ. Полный курсъ ученія трехгодичный.

Кромѣ практическихъ занятій, учащіеся слушаютъ лекціи по анатоміи, физіологіи, гигіенѣ, по теоріи педагогической, врачебной и военной гимнастики и по механикѣ движеній.

При институтѣ имѣется библіотека, клиника и анатомическій театръ.

Поступающіе должны быть не старше 30 лѣтъ; отъ мужчины требуется аттестатъ зрѣлости, а отъ женщины — свидѣтельство о познаніяхъ, дающихъ ей право на поступленіе въ учительскую семинарію; всѣ поступающіе должны умѣть плавать.

Учащимся предоставляются различныя права въ зависимости отъ того, сколько курсовъ прошелъ каждый изъ нихъ; женщины оканчиваютъ полный курсъ въ два года, такъ какъ онѣ военной гимнастикѣ не обучаются.

Основныя положенія Линга: единство гимнастическаго плана; группировка движеній по силѣ напряженія, вызываемаго каждымъ изъ нихъ, и простота положеній тѣла.

Уроки гимнастики начинаются послѣ учебныхъ занятій и продолжаются, по 40 минутъ: первая половина урока посвящается общимъ движеніямъ туловища: затѣмъ четверть урока назначена для движеній, требующихъ бо́льшей затраты силъ (лазаніе, бѣгъ), и другая четверть—для легкихъ движеній. Гимнастическихъ турнировъ и конкурсовъ не существуетъ.

Занятія въ институтѣ начинаются въ 7 часовъ утра и продолжаются до 4 пополудни.

Въ залы института собираются учащіеся изъ всѣхъ стокгольмскихъ школъ и занимаются гимнастикою вмѣстѣ; въ свободное отъ занятій время эти залы предоставляются въ пользованіе различнымъ Обществамъ, которыя и устраиваютъ тамъ свои собранія для занятій гимнастикою.

Г. *предсѣдатель* предложилъ г. *доктору Виреніусу* высказать свои замѣчанія по предложенному докладу.

Г. *Виреніусъ* нашелъ, что по данному вопросу можно сказать очень мало, все сообщенное болѣе или менѣе извѣстно. Существуютъ разныя мнѣнія о гимнастикѣ, разныя гимнастическія системы, напримѣръ англійская и шведская; но на которой сторонѣ больше преимуществъ—вопросъ нерѣшенный. Система Линга тоже представляетъ слабую сторону: эта система основана на мышечной работѣ и въ особенности на работѣ верхнихъ конечностей. Если разсуждать отвлеченно, то, принимая во вниманіе, что въ тѣлѣ заключается 45% мышечнаго вещества, по-видимому, и слѣдуетъ обратить главное вниманіе на развитіе мышцъ. Но дѣло въ томъ, что мышцы—только рабочіе для остальныхъ органовъ, что главное заключается въ гармоніи между всѣми органами, что внутренніе органы (сердце, легкія и пр.) важнѣе для жизни: слѣдовательно, упражнять однѣ только мышцы недостаточно.

Лагранжъ говоритъ, что отъ упражненія верхнихъ конечностей легкія не расширяются: при этомъ грудь, дѣйствительно, поднимается; но вмѣстѣ съ тѣмъ поднимается и грудобрюшная преграда. Онъ стоитъ, напротивъ, за упражненіе нижнихъ конечностей путемъ бѣга, скаканія черезъ веревочку и т. д. При бѣгѣ развиваются легкія и сердце, кровообращеніе ускоряется и усиливается; движенія-же на гимнастическихъ аппаратахъ разсчитаны на развитіе верхнихъ конечностей. Извѣстно, что гимнасты, особенно отличающіеся силою рукъ, обыкновенно бываютъ сутуловаты, нѣсколько уродливы и обладаютъ хотя очень развитыми, но вялыми мускулами. Отчего-же шведы такъ довольны своею гимнастикою? не существуетъ-ли для этого посторонняго объясненія? Сила заключается не въ гимнастикѣ, а въ общемъ жизненномъ режимѣ шведовъ. Они и ѣдятъ не по нашему: русскій будетъ голоденъ послѣ гельсингфорскаго обѣда, а шведъ досыта напитается однѣми передобѣденными закусками, сексами; всякій шведъ гребецъ, а при греблѣ упражняются не только верхнія, но и нижнія конечности.

Въ настоящее время замѣчается реакція увлеченіямъ нѣмецкою и шведскою гимнастикою, которыя отличаются слишкомъ теоретическимъ характеромъ и автоматичностью. По теоріи пришли къ мысли о необходимости упражненія каждаго

мускула, и ребенка стали заставлять множество разъ выдѣлывать систематическія движенія чуть не каждымъ суставомъ. Отъ этой автоматичности пора освободить дѣтей, предоставивши имъ возможность заняться самостоятельно играми, при посредствѣ которыхъ достигалось-бы общее развитие органовъ.

Г. *Модзалевскій.* Примѣнима - ли у насъ шведская система? Можетъ - ли она противодѣйствовать переутомленію? Въ 1855 году и у насъ въ гимназіяхъ были введены военныя упражненія и игры. Упражненія съ барабаннымъ боемъ, на дворѣ, шли живо, ученики увлекались ими. Когда въ юношескіе годы мнѣ приходилось участвовать въ нѣмецкихъ Turnverein'ахъ, то я нашелъ эти занятія скучными, утомительными: гимнастика по командѣ, по моему мнѣнію, не освѣжаетъ, не противодѣйствуетъ, а содѣйствуетъ переутомленію. Строгая систематичность въ гимнастическихъ упражненіяхъ убійственна для дѣтей.

Г. *Виреніусъ.* Мнѣніе, будто - бы гимнастика сама по себѣ противодѣйствуетъ переутомленію отъ умственнаго труда, вытекаетъ изъ поверхностнаго отношенія къ дѣлу. Рядомъ со всякою умственною работою идутъ и физіологическіе процессы: повышеніе температуры и химическіе процессы въ клѣткахъ (разложеніе, отбросъ негоднаго и т. д.). Предполагаютъ, что по окончаніи урока якобы исчезаютъ прошлыя, пережитыя на урокѣ волненія, что гимнастическія упражненія немедленно отвлекаютъ кровь отъ мозга. На самомъ-же дѣлѣ усиленное кровообращеніе въ мозгу, какъ результатъ умственныхъ занятій, еще продолжается, да къ нему прибавляется еще усиленное кровообращеніе отъ тѣлесныхъ упражненій. Чтобы гимнастика, въ свою очередь, не утомляла дѣтей, нужно дать имъ основательно отдохнуть послѣ классныхъ занятій. Усиленныя занятія гимнастикой сами по себѣ могутъ привести къ чахоткѣ или разрыву сердца: доказательствомъ этого можетъ служить смерть гимнаста Аѳанасьева. **В. Г.**

Географическая выставка, устраиваемая въ Москвѣ.

По поводу имѣющихъ быть въ августѣ нынѣшняго года въ Москвѣ международныхъ научныхъ конгрессовъ, устраивается въ Историческомъ музеѣ географическая выставка, предполагаемая къ открытію въ концѣ іюля и имѣющая продолжаться весь августъ и часть сентября. Ожидаемый въ Москву пріѣздъ на конгрессъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, а равно связь, существующая между естествознаніемъ и археологіей, съ одной стороны, а географіей и этнографіей—съ другой, достаточно оправдываютъ умѣстность такой выставки, тѣмъ болѣе, что въ Россіи, и въ частности—въ Москвѣ, не было еще предпринимаемо подобной выставки, а между тѣмъ за послѣднія десятилѣтія въ Россіи сдѣлано не мало въ области землевѣдѣнія, какъ правительственными учрежденіями, такъ и учеными обществами, земствами и частными лицами.

По сообщенію газ. «Нов. Вр.» (№ 5858), на предстоящей географической выставкѣ имѣютъ быть представлены: 1) карты какъ изданныя, такъ и неизданныя, топографическія и генеральныя, общія и спеціальныя, также болѣе подробныя съемки и планы; 2) рисунки, картограммы, діаграммы, схематическіе чертежи, способные служить къ наглядному выясненію различныхъ географическихъ подробностей (напримѣръ

въ строеніи горъ, особенностяхъ морей и озеръ, теченіи рѣкъ и т. д.) или дающіе понятіе о географическихъ условіяхъ различныхъ мѣстностей Россіи и измѣненіи ихъ съ теченіемъ времени (напримѣръ, о климатическихъ особенностяхъ, о распространеніи различныхъ видовъ почвъ, о бывшихъ и нынѣшнихъ лѣсахъ, мѣстонахожденіи нѣкоторыхъ полезныхъ продуктовъ, осушеніи болотъ и т. п.); сюда-же могутъ быть отнесены этнографическія карты и статистическія картограммы и діаграммы, относящіяся до различныхъ мѣстностей имперіи, также ея столицъ и иностранныхъ государствъ; по отношенію къ послѣднимъ имѣется въ виду представить образцы топографическихъ и спеціальныхъ картъ, а также карты распространенія славянскихъ народностей; 3) сдѣланные красками, карандашемъ и особенно фотографіей виды различныхъ мѣстностей Россіи; 4) географическія и статистическія изданія (болѣе новаго времени), періодическія и неперіодическія, русскія и иностранныя; 5) учебныя пособія по географіи: глобусы, рельефы, модели, учебные атласы и карты, картины, рисунки, учебники, коллекціи и т. д.; 6) матеріалы по исторіи землевѣдѣнія: старинные атласы и карты, портреты извѣстныхъ путешественниковъ-изслѣдователей, описанія путешествій, біографическіе матеріалы и проч.; 7) коллекціи продуктовъ, характерныхъ для извѣстныхъ странъ, напримѣръ полезныхъ горныхъ породъ, почвъ, растительныхъ продуктовъ и т. д., съ приложеніемъ, по возможности, картъ, діаграммъ и картинъ, уясняющихъ ихъ добываніе и распространеніе, а равно коллекціи этнографическихъ предметовъ; 8) снаряженіе путешественниковъ-изслѣдователей: руководства, инструменты, приборы и т. д. Такимъ образомъ, выставка можетъ представлять не малый интересъ и для преподавателей географіи, а потому желательно устройство при выставкѣ педагогической секціи.

Выставка предполагается къ открытію въ концѣ іюля въ Историческомъ музеѣ, куда и имѣютъ быть доставляемы предметы, по возможности, заблаговременно. Изъявили о своей готовности участвовать въ выставкѣ уже многія вѣдомства, учрежденія и частныя лица. Отъ многихъ учрежденій и лицъ еще не получены отвѣты, и вообще составъ выставки можетъ быть въ настоящее время выясненъ только въ главныхъ чертахъ; тѣмъ не менѣе, есть основаніе надѣяться, что она будетъ достаточно полна и разнообразна. Но желательно, конечно, достиженіе возможно большей полноты. Къ открытію выставки имѣетъ быть составленъ объяснительный ея каталогъ, съ указаніемъ всѣхъ предметовъ и экспонентовъ.

Пожертвованія отъ служащихъ С.-Петербургскаго учебнаго округа въ помощь народнымъ школамъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ,—говорится въ № 5 циркуляра по С.-Петербургскому округу,—почти заканчивается существованіе особыхъ школьныхъ столовыхъ округа. Уже съ половины мая въ однѣхъ мѣстностяхъ учителя отправляются въ отпускъ, въ другихъ крестьяне выѣзжаютъ съ

дѣтьми на полевыя работы; въ іюнѣ и въ іюлѣ число закрываемыхъ столовыхъ должно увеличиться еще болѣе.

Такимъ образомъ, въ лѣтніе мѣсяцы форма оказанія пособій учащимся должна измѣниться. На средства служащихъ въ С.-Петербургскомъ округѣ предстоитъ содержать нѣсколько столовыхъ, первоначально учрежденныхъ на эти средства, и, сверхъ того, оказывать помощь другимъ столовымъ, содержимымъ на другія средства. Такъ, въ Самарской губерніи общество Краснаго Креста закрываетъ свои школьныя столовыя съ 1-го іюня. Уже въ апрѣлѣ въ Шадринскомъ уѣздѣ отчислено было изъ суммъ С.-Петербургскаго округа 50 рублей на содержаніе 27 учащихся въ столовыхъ, которыя ранѣе содержались на пожертвованія Варшавскаго учебнаго округа.

Но съ измѣненіемъ формы не измѣнится значеніе пособій. По сообщеніямъ директоровъ народныхъ училищъ, нужда въ теченіи лѣта будетъ еще велика и учащимся необходима помощь. Поэтому желательна высылка денегъ на іюнь и іюль.

При новомъ порядкѣ трудно опредѣлить количество дѣтей, продовольствуемыхъ на средства С.-Петербургскаго округа, тамъ, гдѣ кромѣ остающихся столовыхъ этого округа, пособіе оказывается въ значительномъ числѣ школъ. Но безъ преувеличенія можно сказать, что на средства округа въ апрѣлѣ мѣсяцѣ получали пищу до 1.800 дѣтей въ четырехъ губерніяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ.

Что касается Архангельской губерніи, то высланные директору народныхъ училищъ 200 р. распредѣлены имъ между девятью школами Пинежскаго, Мезенскаго и Печорскаго уѣздовъ. Къ директору-же непосредственно поступили пожертвованія служащихъ въ Архангельской гимназіи за апрѣль, въ размѣрѣ 15 р. 81 к.

Къ 1-му апрѣля оставалось	2.959 р. 05 к.
Поступило	2.598 » 56 »
Всего, съ вышеозначеннымъ остаткомъ, къ 1-му апрѣля.	4.690 р. 76 к.

Отправлено:

Апрѣля 12-го директорамъ народныхъ училищъ для школъ дирекціи:

Для Самарской	400 р. — к.
» Архангельской	200 » — »
» Казанской	400 » — »
» завѣдующей школою на Каменскомъ заводѣ, Камышловскаго уѣзда, Пермской губерніи	100 » — »
Итого. . .	1.100 р. — к
Къ 1-му мая 1892 года въ наличности	3.591 р. 76 к.
Всего поступило пожертвованій по 1-е мая.	16.757 » 67 »
Всего отправлено въ помощь школамъ по 1-е мая . .	13.165 р. 48 к.

Уставъ Общества взаимнаго вспомоществованія учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи, утвержденный г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 27-го марта 1892 г. *).

I. Цѣль Общества.

§ 1. Общество имѣетъ цѣлью: а) помогать нуждающимся учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи денежными пособіями, пріисканіемъ имъ занятій и другими видами матеріальной помощи и б) способствовать пополненію ихъ педагогическихъ знаній.

II. Составъ Общества.

§ 2. Общество состоитъ изъ: а) дѣйствительныхъ членовъ, б) почетныхъ членовъ и членовъ-соревнователей. Число членовъ не ограничено. Учащіеся не могутъ быть членами Общества.

§ 3. Дѣйствительными членами могутъ быть лица обоего пола всѣхъ сословій, занимающіяся педагогическою дѣятельностію въ народныхъ училищахъ или бывшія въ нихъ ранѣе учителями и учительницами.

§ 4. Почетными членами могутъ быть лица обоего пола, сдѣлавшія въ пользу Общества значительное пожертвованіе или оказавшія существенную услугу Обществу. Лица эти предлагаются правленіемъ и избираются общимъ собраніемъ посредствомъ закрытой баллотировки.

§ 5. Членами-соревнователями могутъ быть всѣ совершеннолѣтнія лица, сочувствующія цѣлямъ Общества.

III. Порядокъ вступленія въ Общество, права и обязанности его членовъ.

§ 6. Лица, желающія вступить въ члены Общества, заявляютъ объ этомъ правленію, лично или черезъ одного изъ членовъ Общества, словесно или письменно.

§ 7. Дѣйствительные члены и члены-соревнователи вносятъ въ кассу Общества ежегодно три руб. заразъ, или въ три срока.

§ 8. Лица, внесшія единовременно 50 руб., а также лица, пробывшія въ званіи дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-соревнователей 15 лѣтъ сряду, считаются пожизненно членами Общества и освобождаются навсегда отъ дальнѣйшихъ взносовъ.

§ 9. На членовъ Общества возлагается: участіе съ правомъ голоса въ общихъ собраніяхъ Общества, а также сообщеніе объ извѣстныхъ имъ вакантныхъ мѣстахъ, которыя могутъ быть заняты членами Общества.

§ 10. Исполненіе какихъ-либо другихъ обязанностей, какъ-то: участіе въ управленіи дѣлами Общества, или завѣдываніе какими-либо учрежде-

---

*) Циркуляръ по Спб. учебному округу № 5.

ніями Общества возлагается на членовъ Общества не иначе, какъ съ ихъ согласія.

§ 11. Правомъ на пособіе отъ Общества могутъ пользоваться только дѣйствительные его члены и притомъ тѣ изъ лицъ, которые пробыли въ этомъ званіи не менѣе двухъ лѣтъ. *Прим.* Въ исключительныхъ случаяхъ правленіе можетъ выдать пособіе и ранѣе двухъ лѣтъ.

§ 12. Почетные члены и члены-соревнователи пользуются всѣми правами дѣйствительныхъ членовъ, за исключеніемъ правъ на пособіе.

§ 13. Дѣйствительные члены и члены-соревнователи, которые въ продолженіи двухъ лѣтъ не сдѣлали взносовъ, считаются отказавшимися отъ участія въ Обществѣ. О всѣхъ такихъ членахъ правленіе ежегодно докладываетъ общему собранію, которое и постановляетъ объ исключеніи ихъ изъ числа членовъ Общества.

§ 14. Члены-соревнователи, выбывшіе изъ Общества, вступаютъ вновь въ члены Общества порядкомъ, указаннымъ въ § 6. Дѣйствительные-же члены могутъ быть приняты вновь не иначе, какъ по постановленію общаго собранія.

IV. Средства Общества.

§ 15. Средства Общества образуются изъ ежегодныхъ и единовременныхъ членскихъ взносовъ, единовременныхъ пожертвованій, случайныхъ поступленій, изъ процентовъ съ капитала и доходовъ отъ предпріятій Общества, какъ-то: публичныхъ лекцій, благотворительныхъ спектаклей, концертовъ, вечеровъ и т. п., устраиваемыхъ съ надлежащаго, каждый разъ, разрѣшенія и съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ для сего правилъ.

§ 16. Основной капиталъ образуется въ первые два года изъ 10% членскихъ вносовъ и половины всѣхъ остальныхъ поступленій, а по прошествіи двухъ лѣтъ изъ 10% всѣхъ вообще поступленій. Капиталъ этотъ, какъ неприкосновенный, по мѣрѣ накопленія обращается въ государственныя или гарантированныя правительствомъ бумаги.

Прим. 1. Всѣ процентныя бумаги, принадлежащія Обществу, хранятся въ Государственномъ Банкѣ, порядокъ-же храненія наличныхъ суммъ Общества опредѣляется общимъ собраніемъ.

Прим. 2. Отъ усмотрѣнія общаго собранія зависитъ отчисленіе въ основной капиталъ и большаго количества % съ поступающихъ въ пользу Общества денежныхъ суммъ.

V. Дѣятельность Общества.

§ 17. Денежныя пособія выдаются только лицамъ крайне нуждающимся. Возвращеніе выданныхъ пособій возлагается на нравственную обязанность тѣхъ изъ получившихъ ихъ лицъ, которыя впослѣдствіи будутъ въ состояніи возвратить оныя.

§ 18. Вспомоществованія могутъ быть единовременныя и постоянныя.

§ 19. Единовременныя пособія выдаются при крайней въ томъ нуждѣ члена, происшедшей отъ потери занятія, болѣзни и другихъ причинъ.

§ 20. Постоянныя пособія могутъ быть выдаваемы только при обстоятельствахъ, ставящихъ лицъ, имѣющихъ право на пособія, въ такое положеніе, которое преграждаетъ имъ на продолжительное время всякую возможность дальнѣйшаго существованія безъ пособія отъ Общества и при томъ не иначе, какъ съ разрѣшенія общаго собранія. Такія пособія могутъ состоять изъ ежемѣсячныхъ выдачъ, производимыхъ впредь до опредѣленнаго заранѣе срока или до благопріятной перемѣны, дѣлающей вспомоществованіе ненужнымъ.

§ 21. Какъ единовременныя, такъ и постоянныя пособія и другіе виды помощи могутъ быть оказываемы также и близкимъ родственникамъ дѣйствительнаго члена, оставшимся безъ всякихъ средствъ послѣ его смерти.

§ 22. Въ видахъ оказанія всесторонней помощи своимъ членамъ, Общество принимаетъ всѣ возможныя мѣры, клонящіяся къ улучшенію матеріальнаго ихъ благосостоянія, какъ напримѣръ: принимаетъ на себя посредничество въ прісканіи имъ мѣстъ и занятій, заботится о предоставленіи имъ удешевленной медицинской помощи, въ случаѣ болѣзни члена пріискиваетъ лицъ, желающихъ ему помочь личными услугами и т. п. Принятіе всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ мѣръ зависитъ отъ общаго собранія, которое и даетъ правленію точныя указанія о порядкѣ и способахъ примѣненія ихъ на практикѣ.

§ 23. Для увеличенія матеріальныхъ средствъ Общества правленіе, кромѣ сбора пожертвованій, устраиваетъ литературные вечера, публичныя лекціи, спектакли, концерты и т. п., каждый разъ съ надлежащаго разрѣшенія и съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ для сего правилъ, и опредѣляетъ входную плату на нихъ, при чемъ дѣйствительнымъ членамъ Общества, по усмотрѣнію правленія, можетъ быть дозволяемъ входъ безплатный или по уменьшенной цѣнѣ.

VI. Управленіе дѣлами Общества.

§ 24. Дѣлами Общества завѣдуетъ правленіе и общее собраніе.

§ 25. Правленіе Общества состоитъ изъ предсѣдателя и шести членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ на двухлѣтній срокъ; но по истеченіи каждаго года одна половина членовъ правленія выбываетъ и на мѣсто ихъ избираются общимъ собраніемъ соотвѣтствующее число новыхъ. Кромѣ сего, въ составъ правленія на правахъ члена входитъ лицо по назначенію отъ мѣстнаго учебнаго вѣдомства. Правленіе изъ своей среды выбираетъ товарища предсѣдателя, секретаря и казначея.

Прим. По окончаніи перваго года существованія Общества, очередь выхода между лицами, вступившими въ составъ правленія, опредѣляется жребіемъ, а затѣмъ выбываютъ прослужившіе два года. Выбывающіе члены могутъ быть снова избраны общимъ собраніемъ.

§ 26. На случай выбытія членовъ правленія ранѣе того срока, на который они были избраны общимъ собраніемъ, оно ежегодно избираетъ по 4 кандидата, срокомъ на одинъ годъ. Кандидатъ, вступившій въ составъ правленія, остается въ немъ до того срока, на который былъ избранъ выбывшій членъ.

§ 27. Правленіе собирается по приглашенію предсѣдателя, по его личному усмотрѣнію, или по заявленію не менѣе двухъ членовъ правленія, но во всякомъ случаѣ не рѣже одного раза въ мѣсяцъ, причемъ во всѣ засѣданія правленія могутъ быть приглашаемы и кандидаты съ правомъ совѣщательнаго голоса.

§ 28. Для дѣйствительности постановленій правленія необходимо присутствіе предсѣдателя или товарища его и не менѣе трехъ членовъ правленія.

§ 29. На правленіе возлагается: 1) распредѣленіе занятій между членами правленія; 2) разсмотрѣніе и разрѣшеніе представляемыхъ дѣйствительными членами Общества ходатайствъ о единовременныхъ пособіяхъ, въ предѣлахъ, предоставленныхъ ему общимъ собраніемъ; 3) собраніе свѣдѣній, необходимыхъ для разрѣшенія какъ упомянутыхъ въ п. 2, такъ и всѣхъ прочихъ ходатайствъ и представленіе доклада о нихъ общему собранію; 4) пріемъ взносовъ, а равно и всѣхъ суммъ, поступающихъ въ кассу Общества и выдача билетовъ на званіе членовъ Общества; 5) выдача пособій и возбужденіе ходатайствъ о назначеніи пособій отъ тѣхъ учрежденій и лицъ, на средства которыхъ содержатся учебныя заведенія; 6) завѣдываніе имуществомъ и учрежденіями Общества (библіотекою, педагогическихъ музеемъ и т. п.); 7) веденіе денежныхъ книгъ, представленіе отчетности общему собранію, составленіе протоколовъ, годичныхъ отчетовъ и печатаніе и извлеченіе изъ нихъ; 8) вносъ въ кредитныя учрежденія суммъ, принадлежащихъ Обществу, и обратное истребованіе ихъ; 9) представленіе общему собранію о лицахъ, подлежащихъ исключенію изъ списка членовъ Общества; 10) публикованіе, по возможности часто, путемъ періодической печати, краткихъ отчетовъ о приходѣ и расходѣ суммъ Общества и 11) вообще изысканіе мѣръ къ возможно полному развитію и достиженію цѣли Общества.

§ 30. Рѣшенія правленія постановляются большинствомъ голосовъ присутствующихъ въ засѣданіи членовъ онаго; въ случаѣ равенства голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

§ 31. Исполненіе рѣшеній правленія и всѣ распоряженія по нимъ возлагаются на предсѣдателя, который сносится для этого съ разными учрежденіями и лицами отъ имени правленія.

§ 32. Казначей ведетъ приходо-расходныя книги (денежныя и матеріальныя), принимаетъ денежные взносы и пожертвованія, ведетъ счетоводство и составляетъ годовую отчетность.

§ 33. Секретарь завѣдуетъ письмоводствомъ по дѣламъ Общества и скрѣпляетъ своимъ подписомъ исходящія отъ предсѣдателя бумаги.

§ 34. Правленіе можетъ, въ случаѣ надобности, приглашать въ свои засѣданія кого-либо изъ членовъ Общества съ правомъ совѣщательнаго голоса.

§ 35. Члены Общества имѣютъ право дѣлать письменныя заявленія въ правленіе, которыя обсуждаются въ засѣданіи правленія, при участіи заявившаго, не позже слѣдующаго засѣданія. При несогласіи правленія съ сущностью сдѣланнаго заявленія, заявившему предоставляется право переносить его на разсмотрѣніе общаго собранія.

§ 36. Общія собранія созываются правленіемъ въ Петербургѣ и бываютъ очередныя и экстренныя. Очередное общее собраніе созывается разъ

въ годъ, въ теченіе сентября. Экстренное собраніе, въ случаѣ надобности, созывается по усмотрѣнію правленія или по требованію 1/4 проживающихъ въ Петербургѣ членовъ Общества. Въ общихъ собраніяхъ предсѣдательствуетъ одинъ изъ членовъ Общества по выбору, за исключеніемъ предсѣдателя и членовъ правленія.

§ 37. Общія собранія членовъ Общества созываются съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ, повѣстками и объявленіями въ газетахъ. Независимо отъ сего, о днѣ, часѣ и мѣстѣ собранія, съ обозначеніемъ предметовъ, подлежащихъ обсужденію, доводится до свѣдѣнія попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа и С.-Петербургскаго Градоначальника. (Циркуляръ Мин. Вн. Дѣлъ отъ 6-го октября 1866 г. № 7762).

§ 38. Общее собраніе имѣетъ предметомъ занятій: 1) избраніе предсѣдателя, членовъ правленія и кандидатовъ къ нимъ, а также членовъ ревизіонной коммиссіи, причемъ относительно членовъ правленія и кандидатовъ къ нимъ соблюдаются правила, указанныя въ §§ 25 и 26 устава. Число членовъ ревизіонной коммиссіи, а равно срокъ и предѣлы ея полномочій опредѣляются общимъ собраніемъ; 2) избраніе почетныхъ членовъ Общества (см. § 13); 3) исключеніе членовъ Общества изъ списковъ (§ 13); 4) повѣрку дѣйствій правленія и указаніе ему образа и путей дѣйствій для успѣшнаго достиженія намѣченной уставомъ цѣли; 5) разсмотрѣніе вопросовъ объ измѣненіи и дополненіи устава Общества и о наблюденіи за исполненіемъ правилъ устава; 6) обсужденіе доклада ревизіонной коммиссіи и утвержденіе годичныхъ отчетовъ правленія; 7) утвержденіе ежегодной приходо-расходной смѣты Общества, представляемой правленіемъ; 8) опредѣленіе размѣра тѣхъ пособій, которыя правленіе имѣетъ право выдавать безъ утвержденія общаго собранія; 9) разрѣшеніе всѣхъ прочихъ ходатайствъ и вопросовъ, разсмотрѣнныхъ правленіемъ; 10) утвержденіе инструкцій для правленія и ревизіонной коммиссіи.

§ 39. Общее собраніе считается состоявшимся, если на немъ присутствуетъ не менѣе 1/4 всѣхъ членовъ, живущихъ въ Петербургѣ. Если общее собраніе не состоялось, оно созывается вторично не позже какъ черезъ 3 дня, для обсужденія тѣхъ-же вопросовъ, и собраніе это считается состоявшимся при какомъ-бы то ни было числѣ присутствующихъ членовъ.

§ 40. Въ общемъ собраніи каждый присутствующій членъ, кромѣ своего голоса, можетъ располагать однимъ голосомъ по довѣренности члена, не живущаго въ Петербургѣ.

§ 41. Рѣшенія общаго собранія постановляются простымъ большинствомъ голосовъ, за исключеніемъ вопросовъ объ измѣненіи и дополненіи устава, для рѣшенія которыхъ требуется согласіе не менѣе 2/3 голосовъ наличныхъ членовъ общаго собранія.

§ 42. Одобренныя общимъ собраніемъ, по большинству 2/3 голосовъ наличныхъ членовъ, предположенія объ измѣненіи и дополненіи настоящаго устава представляются на утвержденіе правительства установленнымъ порядкомъ.

§ 43. Утвержденный общимъ собраніемъ годовой отчетъ Общества представляется попечителю округа и вмѣстѣ съ докладомъ ревизіонной коммиссіи печатается, если дозволятъ средства, отдѣльною брошюрою и раз-

сылается всѣмъ членамъ Общества; извлеченіе-же изъ отчета помѣщается въ одной изъ мѣстныхъ газетъ.

§ 44. Ревизія наличныхъ суммъ, а также книгъ и документовъ и имущества Общества производится, въ присутствіи членовъ правленія, ревизіонной коммиссіей, которая провѣряетъ и годовой отчетъ правленія. О результатахъ произведенной ревизіи дѣлается ревизіонная надпись въ кассовой книгѣ, за подписью всѣхъ присутствующихъ при ревизіи членовъ Общества, и докладывается общему собранію.

VII. Закрытіе Общества.

§ 45. Если по какимъ-либо обстоятельствамъ признано будетъ необходимымъ приступить къ закрытію Общества, то, по постановленію о томъ общаго собранія въ составѣ не менѣе $^2/_3$ членовъ, живущихъ въ Петербургѣ, и по большинству $^2/_3$ голосовъ наличныхъ членовъ собранія, дѣйствія Общества прекращаются. Имущество и капиталы Общества обращаются, по опредѣленію общаго собранія, утверждаемому попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, на употребленіе, соотвѣтствующее цѣли Общества. О закрытіи Общества доводится до свѣдѣнія Министра Народнаго Просвѣщенія черезъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа.

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ.**

